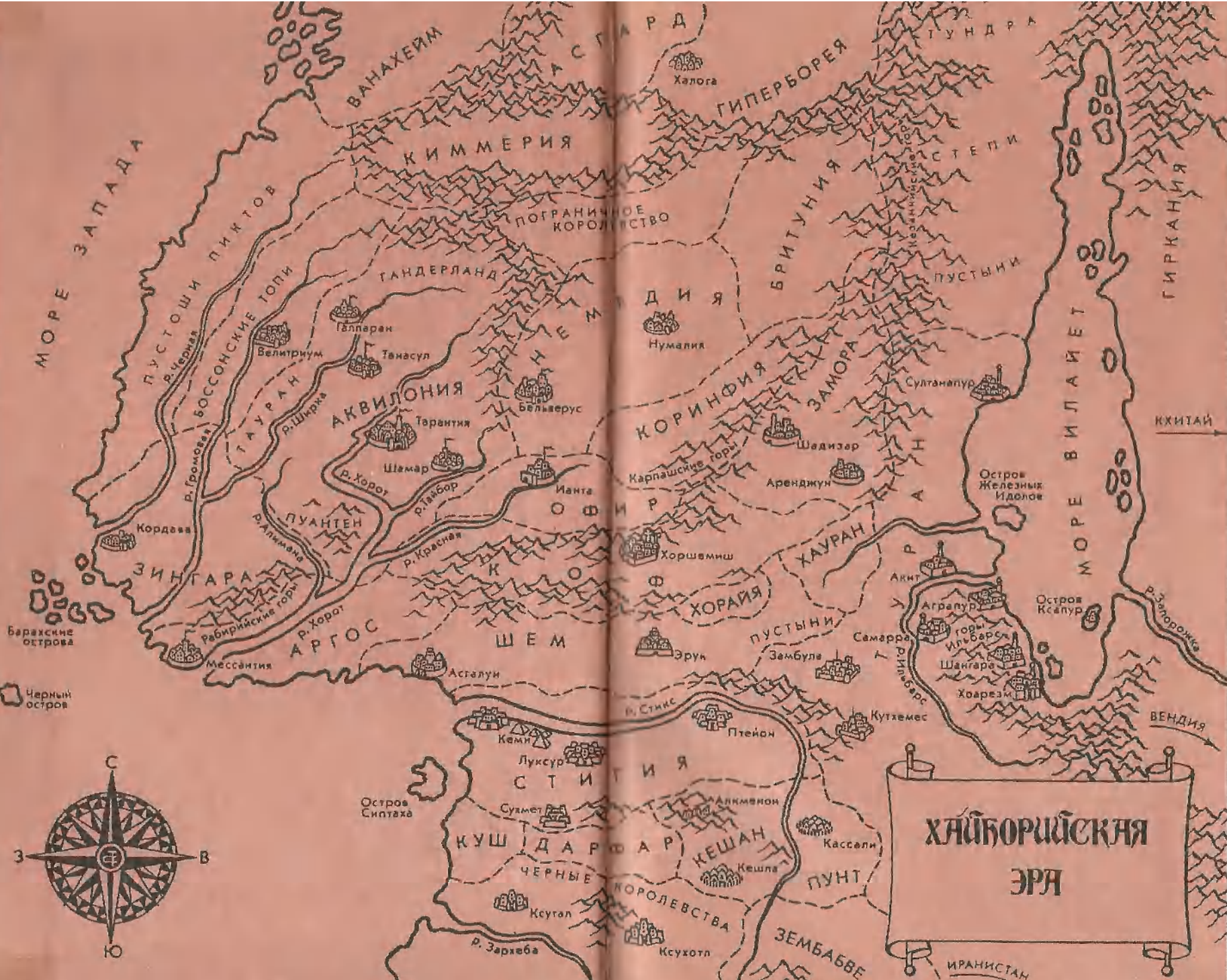

ВАНИКЪНЪН™

КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ

Северо-Зонаг®

УДК 820 (73)
ББК 84 (7 США)
К 64

*В оформлении обложки использована работа Кен Келли.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.

К 64 **Конан и оковы безмолвия: Роман и повесть.** —
СПб., «Северо-Запад», 1997. — 464 с.
ISBN 5-7906-0034-4.

В сборник вошли роман М. Делез «Время полной луны»
и повесть Т. Доннел «Оковы безмолвия».

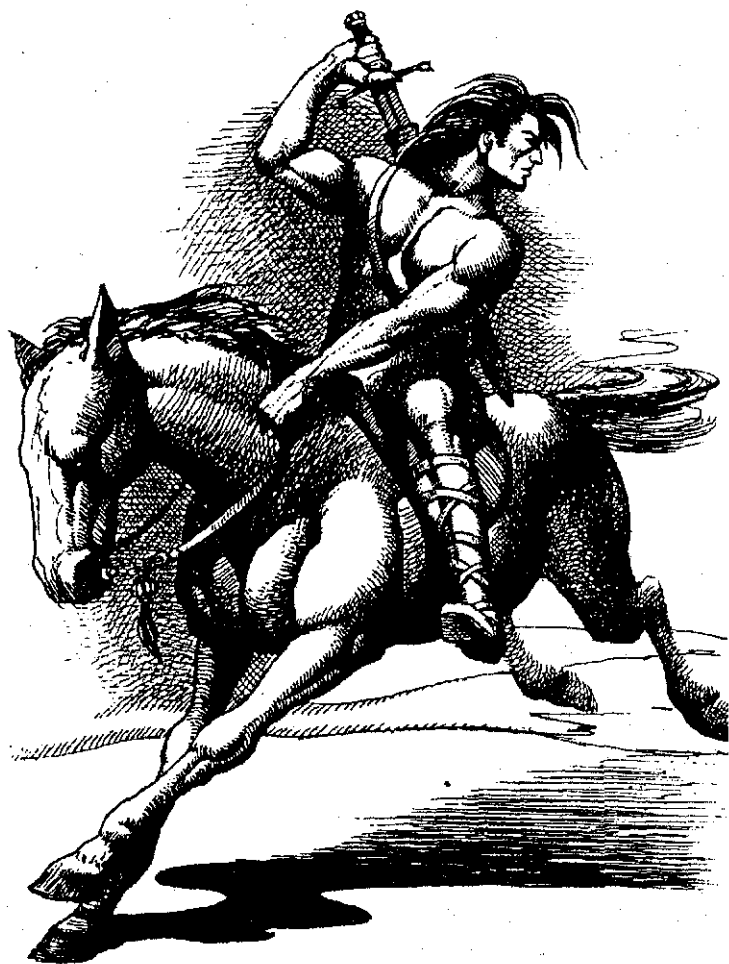
К 8200000000

ББК 84 (7 США)

© Обложка. К. Kelly, 1993
© Составление и подготовка текста,
серийное оформление обложки и форзаца.
«Северо-Запад», 1997

ISBN 5-7906-0034-4

Глава первая

Б лагородное животное мелко дрожало, истекая кровью, и вместе с ней из вороного быстро уходила жизнь.

Конан попытался освободить придавленные ноги, но не смог этого сделать. Слишком тяжелым оказался конь, и слишком мало времени оставалось в распоряжении киммерийца: куда ни глянь, отовсюду сбегались люди, сзади — солдаты Бруна, а справа и слева, закинув за спину разряженные арбалеты и на бегу выхватывая из ножен клинки, мчались враги, явно намереваясь добить киммерийца. К сожалению, бегали арбалетчики гораздо лучше, чем стреляли.

Где-то высоко над головой парила в небе одинокая птица, равнодушно взирающая на людскую возню, но Конан лишь скользнул по ней взглядом и потянулся к поясу за кинжалом. Когда один из арбалетчиков оказался в двух десятках локтей от киммерийца, тот резко взмахнул рукой. Глухой удар — и остро отточенная сталь клинка по рукоять вошла в грудь незнакомца.

Конан резко обернулся ко второму противнику и рывком выхватил из-за спины меч. Он слышал шаги бегущих на помощь, но не стал оборачиваться, чтобы не пропустить удар. Незнакомец резко взвел рычаг арбалета, аккуратно уложил стрелу в ложе и, вскинув оружие, старательно прицелился.

Киммериец сжал рукоять меча и резко дернулся вбок. Стрелок досадливо поморщился и потянулся за следующей стрелой.

Быстрая тень упала с неба, и сокол с пронзительным клекотом вцепился во врага. Что там происходило, Конан не видел: широкие крылья и тело птицы полностью закрыли голову человека.

— А-а-а!

Арбалет упал на мостовую. Человек нелепо размахивал руками, пытаясь освободить лицо от страшных когтей, пока не вспомнил о ноже, висевшем у пояса. Одним движением он выхватил его и тут же ощутил, что свободен. Еще не чувствуя боли, он заозирался в поисках противника, но ничего не увидел и лишь тогда понял, что теперь уже никогда не увидит ничего. Вопль отчаяния вырвался из его груди, и он упал в пыль мостовой.

* * *

— Они увезли ее! — услышал Конан исполненный горя крик. — Увезли мою девочку!

Подоспевшие солдаты приподняли труп коня, и северянин, поморщившись, встал на ноги. Тефилус отнял руки от искаженного гневом лица и обернулся к киммерийцу.

— Все ты, поганый варвар! — с ненавистью выкрикнул он. — Никчемное трепло!

Воины Бруна, человек тридцать, обступили их. Все они чувствовали себя виноватыми, но никто не понимал, за что хозяин обрушился с упреками на северянина, — уж если кто и сделал что-то всерьез для защиты девушки, так то был именно он.

Тефилус поднял на Конана наполнившиеся вдруг злыми слезами глаза. Лицо его было страшным.

— Если моя девочка умрет, тебе, варвар, не жить!

Он развернулся и медленно побрел прочь, тыльной стороной ладони утирая щеки. Он стыдился своих слез, хотя никому и в голову не пришло бы обвинить его в слабости.

— Господин! Господин! — Нук подбежал к Тефилусу. — Раненый хочет говорить с тобой!

— Что ему нужно? — хмуро проворчал Дознаватель, но все-таки остановился.

— Он говорит, что ты нанял его, а значит, обязан теперь защитить его от расправы.

— Что-о-о! — взревел Конан и, видя, как побледнел отец Меди, рванулся к раненому. — Кр-ром! Говори! — Он схватил истекающего кровью беднягу за грудки.

— Я все скажу! — задыхаясь, закричал он. — Все! Только не убивай!

— Говори!

— Он, — раненый лихорадочно мотнул головой в сторону Тефилуса, — нанял нас, чтобы мы убили тебя.

— Сколько вас? — прорычал киммериец.

— Трое! — испуганно выпалил наемник.

— Трое?!

Конан тряхнул его так, что зубы бедняги лязгнули, а голова бессильно мотнулась в сторону, едва не оторвавшись от шеи.

— Было трое, клянусь Белом! — Холодная ярость, плававшая в глазах молодого варвара, лишила беднягу остатков мужества. — Вчера один не вернулся из рода.

— Знаю, — рыкнул северянин.

Раненый вздрогнул и в ужасе уставился на него.

— Не убивай меня, господин, молю тебя, — вновь запричитал он, — я ведь не сделал тебе ничего дурного!

Некоторое время Конан смотрел в глаза раненого, но не увидел в них ненависти, лишь страх и боль. Он с трудом разжал словно сведенные судорогой кулаки, и обмякшее тело повалилось бы в пыль, но воины Бруна поддержали его.

— Спасибо тебе, киммериец, — слабо прошептал тот, — и не держи на нас зла — мы просто отработывали деньги.

Конан, вспомнив вдруг о Тефилусе, обернулся к нему. Трижды Дознаватель пытался посмотреть в глаза мо-

лодому варвару и трижды отводил взгляд. Киммериец остановился в двух шагах от него и долго молчал.

— Я знаю,— наконец заговорил он,— ты любишь свою дочь и ненавидишь меня, но сейчас сделал неправильный выбор. Твоя ненависть убила любовь.

Больше он ничего не сказал, просто развернулся и пошел к дому, от которого навстречу ему бежала растрепанная женщина.

— Конан! Конан! — закричала она, ломая руки в страшном предчувствии, и остановилась, глядя на варвара глазами побитой собаки. — Где моя девочка?!

Аниэла схватила киммерийца за руку, с тревогой и надеждой заглянула в его глаза, хотя сознание того, что надеяться уже не на что, сжимало ей грудь, холодком подступая к сердцу.

— Прости, госпожа,— Конан опустил голову, не желая пускаться в объяснения,— мне нужно идти. Спроси своего мужа.

Он отстранился и, стараясь не смотреть в помертвевшее лицо бедной женщины, пошел прочь. Он шел так быстро, что Мэгил смог нагнать его лишь у самых ворот усадьбы.

— Ты думаешь, все потеряно?

— Потеряно?! — Конан остановился и посмотрел на приятеля. — Кром! Ну нет! Мне доверили жизнь женщины, которую я любил, а я не смог защитить ее! Понимаешь?! — Он схватил бывшего жреца за грудки и тряхнул, как будто именно он был повинен в случившемся. — Теперь они скормят ее своему пауку, чтобы тот смог ожить и пожрать остальных!

— Эй! Эй! Конан! — замахал руками Мэгил, неуклюже пытаясь вырваться. — Меня-то за что?!

Киммериец разжал руки:

— Прости.

— Да ничего. — Мэгил поправил одежду. — Что собираешься делать?

Конан глубоко вздохнул, посмотрел в голубое безоблачное небо, шумно выдохнул и задумался.

— Не знаю. — Он покачал головой. — Многое зависит от того, куда они направятся. Мои люди следят за всеми воротами. Вскоре мы узнаем, в какую сторону они поехали, но все может оказаться напрасным, если их цель не Йезуд.

— На этот счет не беспокойся — Фан следит за ними и вернется, как только наверняка будет знать, где они, — попытался успокоить друга Мэгил, но Конан лишь покачал головой.

— Ты чего? — не понял жрец.

— Чудно все сложилось. — Киммериец задумчиво пожевал губу. — Фан только что спас меня, и теперь судьба Мелии зависит от человека, едва не погубившего нас обоих совсем недавно.

Жрец пожал плечами:

— Считай, что он решил искупить свою вину, и это лучшее из того, что могло с ним произойти.

— Ты знаешь, когда он вернется? — вновь заговорил о главном Конан.

Мэгил пожал плечами:

— Я же тебе сказал: когда все узнает.

— Значит, ждать? — вопросительно посмотрел на друга северянин.

— Ждать,— согласно кивнул тот, не видя иного выхода.

— Ну нет. — Конан упрямо стиснул зубы. — Ты оставайся здесь, а я терять времени не намерен.

— Ты куда? — забеспокоился жрец.

Но киммериец, ничего не говоря, развернулся и энергично зашагал по улице, а вопрос Мэгила так и остался без ответа.

Через сотню шагов Конан побежал. Он просто не мог идти спокойно. Давно знакомые, роскошные и не очень, особняки и дома, боками теснившиеся друг к другу, словно во сне, наплывали и уносились прочь, люди шарахались в стороны, не желая быть втоптаннми в душную пыль, — он не замечал ничего. Не оставившаяся, взбежал он по выщербленным ступеням.

Лишь возле дверей храма он остановился и, отдышавшись, спокойно вошел внутрь.

По правде говоря, он и сам не знал, на что рассчитывал, идя сюда. Скорее всего, просто не мог усидеть на месте. Его ярость требовала выхода, и он молил Крома лишь об одном: чтобы его вновь, как и при первом посещении, окружило кольцо защитников проклятого бога-паука. Сейчас, он был уверен в этом, с жизнью расстались бы не двое...

Внутри царили тишина и приятная после изнуряющей жары прохлада. Несмотря на то что давно перевалило за полдень, храм был пуст. Киммериец помнил, в каком месте в прошлый раз появился жрец, и сразу направился туда, но не успел зайти за колонну, как навстречу ему вышел служитель. На этот раз даже не пришлось бросать монету в чашу для пожертвований.

— Заткнись каждому.— Направляясь к вошедшему, он в приветственном жесте воздел руки и добавил: — Прости, если ошибаюсь, но не видел тебя здесь прежде.

Слова были прежними или почти прежними, но человек иным. На сей раз это оказался высокий, худой, седой как лунь, хотя и не старый еще мужчина. Ничего не выражающим взглядом киммериец посмотрел на него. Лицо его словно окаменело, и два долгих удара сердца он размышлял, что делать дальше: то ли давить всех, кто будет попадаться ему навстречу, то ли попытаться извлечь какую-то пользу из этого дурацкого визита.

— Мне нужен Хараг,— наконец почти прошептал Конан.

Тот, к кому он обращался, внимательно вгляделся в холодные синие глаза:

— Он покинул Шадизар.

Северянин нагнулся к жрецу. Быть может, слишком резко, потому что тот испуганно отпрянул, но Конан удивленно посмотрел на него, и жрец осторожно приблизился. Киммериец склонился еще ниже, к самому

уху служителя, и прошептал тайное слово, которым так и не воспользовался в прошлый раз.

— Твой пароль устарел.— Внимательным, оценивающим взглядом седой посмотрел на молодого варвара.— Но откуда ты его знаешь?

— Третьего дня мне сказал его один жрец,— откровенно признался служителю Конан,— который просил меня кое-что передать Харагу,— тут он поморщился, досадуя на нелепую случайность, из-за которой опоздал,— но в пути я задержался.

— Что ж,— жрец задумался,— быть может, так оно и есть, да только Харага нет в городе.

— Куда же он направился? — простодушно поинтересовался киммериец.

— Не знаю.— Жрец пожал тощими плечами, и по тому, как он отвел взгляд, Конан понял, что собеседник его лукавит. Он уже собирался взять седого в оборот, когда тот заговорил снова: — Но я проведу тебя к смотрителю храма Хеврону.

Киммериец решил не торопиться. Жрец подошел к стене и слегка коснулся барельефа с изображением паука. Стена бесшумно отъехала назад и тут же поплыла в сторону, открыв перед двумя людьми темный проход с круто уходящими вверх ступенями.

— Поднимись наверх, чужестранец. Там ты найдешь Хеврона.— Он указал рукой на темнеющий зев.— Сожалею, но не смогу тебя проводить. Я должен находиться в зале, в храме почти никого не осталось,— пояснил он.

Конан шагнул внутрь, стена за ним тотчас сомкнулась, и он очутился в полной темноте. Конечно, это могло оказаться и ловушкой, но отчего-то ему подумалось, что на этот раз обошлось без подвоха. Он лишь поправил за плечами верный меч и, стремительно преодолев три десятка ступеней, уткнулся в дверь. Едва касаясь, он принялся ощупывать ее шершавую поверхность и вскоре отыскал рычаг, но прежде чем что-то предпринять, прислушался. С той стороны двери не доносилось ни звука. Тогда он осторожно опустил рычаг.

Плита начала медленно поворачиваться, тоненький лучик света ворвался в темноту, и хотя это едва заметное движение не произвело ни малейшего звука, почти сразу изнутри раздались шаги — как видно, сработало сигнальное устройство. Дальше прятаться не имело смысла, и Конан резко шагнул внутрь.

— Ты?!

Жрец, тот самый, который встретил киммерийца у дверей в первый раз, испуганно отпрянул. Одним прыжком северянин оказался с ним рядом и схватил толстяка за горло.

— Говори! — прорычал он. — Где Хараг?!

— Не знаю, — прохрипел полузадушенный жрец.

— Задавлю!

Конан чуть сильнее сжал пальцы, впившиеся в плотку толстяка, и Хеврон с ужасом почувствовал, что ноги его уже не касаются пола. Он с трудом скосил глаза на огромного варвара, словно тряпичную куклу державшего его одной рукой на весу, и понял, что если сейчас же не заговорит, то умрет.

— Он уехал в Йезуд... — сдавленно прохрипел толстяк, с трудом шевеля посиневшими губами.

— Лжець, — прошипел киммериец, с ненавистью глядя в налившиеся кровью глаза смотрителя храма — тот, внизу, знал бы об этом.

Перед глазами коротышки поплыли разноцветные круги, сквозь которые проглядывал грозный лик киммерийца, показавшийся ему в этот миг маской самой смерти. От ужаса в голове у него помутилось, а может быть, и в самом деле смерть уже коснулась его своим ледяным дыханием, но только помирать он не хотел. Он очень любил свое жирное, рыхлое тело.

— Я все... Все скажу... — с трудом прохрипел он, хватаясь руками за руку киммерийца. — Только не убивай...

— Говори! — Конан чуть ослабил хватку.

— Сура-Зуд... Тайный город в горах, — из последних сил сипел смотритель. — Он направился туда... Отпусти, и я расскажу тебе все.

Киммериец разжал руку. Толстяк рухнул, ноги его подкосились, и, чтобы не упасть, он тяжело облокотился на стол, точно рыба широко открытым ртом ловя воздух.

— Говори, жирный паук! — Северянин не собирался ждать, пока полузадушенный жрец придет в себя. — Ну!

Он поднес к лицу смотрителя покрытый шрамами и оттого еще более страшный кулак, показавшийся жрецу неестественно огромным, и этот последний аргумент оказался самым доходчивым.

— В отрогах Карнашских гор, — залопотал он, растирая превратившуюся в один огромный синяк шею и обалдело глядя на ручищу, только что сжимавшую его горло, — расположенных на севере от Шадизара, в конце ущелья, именуемого степными разбойниками Пастью Нергала или Нергаловой Глоткой, что пролегло между отвесными скалами, скрыт вход в пещеру, ведущую в древний город. Там, в Черном Замке на вершине Пирамиды Страха, охраняемой Глором и Кардаксом от любой магии, ждет своего часа тело истинного бога.

— Как найти этот ход? — спросил киммериец, подозрительно косясь на смотрителя храма — уж больно словоохотлив тот стал.

— Найти его не сможет ни один человек, — гордо ответил жрец, — если только его не проводили этим путем раньше, а войти не сможет никто, если он не знает слов, которые необходимо произнести в потайное отверстие в скале. Лишь тогда стража изнутри откроет проход и пропустит званого гостя.

— И что это за фраза? — прищурился киммериец.

— Время полной луны! — напыщенно произнес толстяк.

— Значит, время полной луны... — повторил Конан задумчиво.

— Да, — кивнул жрец, — именно во время полной луны суждено проснуться спящему на вершине пирамиды древнему, истинному богу.

Хеврон подошел к каменному изваянию уродливого бога-паука, словно замершего в выжидательной позе на краю его рабочего стола, и благоговейно коснулся его каменного тела, и Конан понял, что жрец не врал, рассказывая ему в подробностях все, что должно произойти, но именно это окончательно уверило его в том, что что-то здесь нечисто.

— Что это ты вдруг разоткровенничался? — Киммериец подозрительно покосился на жреца. — Сказал мне секретные слова, хотя прекрасно понимаешь, как я ими воспользуюсь.

— В том-то и дело, что ты никак не воспользуешься ими, — усмехнулся толстяк, и во взгляде его промелькнуло злорадство. — Даже если тебе повезет настолько, что ты найдешь ущелье и упрешься своим любопытным носом в запертый ход!

— Ничего, — киммериец равнодушно пожал плечами, хотя тревога, давно уже шевельнувшаяся в груди, а теперь набравшая силу, подсказывала, что жрец обнаглед неспроста, — я возьму тебя с собой и попрошу показать это место.

— Никуда я с тобой не поеду, да и сам ты отсюда не уйдешь, — злобно прошипел смотритель, — потому что сейчас подохнешь!

Он резко повернул одну из уродливых лап божка, словно собрался выломать ее, но мгновением раньше, предугадав это движение, киммериец бросился на пол, с удовлетворением слушая, как за дальней стеной слышался знакомый звук. Через то место, где он только что стоял, едва не задев его, пронесся арбалетный болт и вонзился в жирное тело Хеврона, пригвоздив его к дубовой стенной панели, украшенной замысловатой инкрустацией.

Конан быстро откатился к стене, попутно выхватив из-за спины меч, и, не вставая, быстро огляделся и увидел на противоположной стене каменный барельеф все того же опостылившего Затха. Похоже, именно за ним скрывалось отверстие, выпустившее из своих недр стрелу, но

теперь каменный диск стоял на месте, надежно скрывая его.

Тогда Конан встал на ноги. Жрец был еще жив. Тело его трясло мелкой дрожью, он постоянно облизывал пересохшие губы. Варвар осторожно подошел к жрецу, который, заслышав шаги, поднял голову. В помутневшем взгляде его вспыхнула злоба, на какое-то время влившая в него новые силы. Жрец попытался что-то сказать, но не смог — горлом пошла кровь.

— Эта штука была хорошо придумана, но, пользуясь ею, ты позабыл о простом правиле: никогда не стой на пути стрелы! Впрочем, этого уже не исправить. Значит, придется мне в одиночку искать нору, о которой ты говорил. Прощай!

Без всякого чувства сожаления он кивнул умирающему и исчез за дверью, через которую вошел.

* * *

Едва Конан покинул стены храма, Халдон поднялся наверх, в комнату смотрителя. Слишком уж поспешно уходил этот огромный черноволосый незнакомец, и странная торопливость гостя показалась седому служителю подозрительной. По потайному ходу он быстро поднялся наверх и замер, пораженный увиденным.

Пришпиленный к стене арбалетным болтом, смотритель храма истекал кровью, хотя, похоже, был еще жив. Халдон бросился к столу и, налив в серебряный кубок вина, поднес его к губам умирающего. Тот медленно открыл глаза.

— Кого ты прислал ко мне, Халдон? — с трудом шевеля губами, прошептал он. — Смотри, что проклятый варвар сделал со мной... — Хеврон опустил глаза на торчавшее из груди оперение, и лицо его болезненно сморщилось. — Он ведь уже побывал здесь, и трое наших в тот день расстались с жизнью...

— Так это был он! — Седой побледнел. — Но откуда мне было знать? Он же назвал пароль!

— Пароль? — вздрогнул Хеврон, казалось мгновенно забыв о своем отчаянном положении.

— Да, — подтвердил Халдон, предусмотрительно умолчав о том, что на самом деле пароль оказался старым. — Он искал Харага, и я провел его к тебе. — Он склонил голову. — Прости, брат.

— Сейчас это уже не важно, — прошептал умирающий. — Я ведь и сам виноват, — признался он, — пожалуй, даже больше, чем ты: от меня он узнал пароль в Сура-Зуд!

— Так ты сказал ему заветные слова?! — с деланным возмущением воскликнул Халдон, радуясь про себя, что его невольное предательство так и осталось неизвестным.

— Да. — Хеврон устало прикрыл глаза. — Я сделал это, потому что он должен был умереть, но ты видишь, как все обернулось. — Некоторое время он молчал. — Халдон, — смотритель уставился в покрасневшее от волнения лицо жреца, — я чувствую, что силы оставляют меня... Он не должен помешать нашему делу... — Иди в Сура-Зуд. Ты знаешь путь, знаешь заветные слова, которые, быть может, теперь уже и не понадобятся. — Глаза хранителя лихорадочно заблестели, и Халдон понял, что жить осталось тому совсем недолго. — Найди Харага, предупреди, что Конан попытается помешать.

— Но как я попаду туда? — с трудом скрывая недовольство, спросил Халдон.

Он не собирался никуда идти, а меньше всего в Сура-Зуд. С таким трудом удалось ему выбраться из этого города, куда попал он еще мальчишкой! Он появился в Шадизаре недавно, но успел присосаться к храмовой казне, и из скудного потока пожертвований небольшой ручеек уже потек в его карман. И теперь ему совсем не хотелось нарушать с таким трудом выпарапанное у судьбы скромное благополучие.

— Деньги в столе, — шептал тем временем Хеврон. — Купи коня, еды и отправляйся в путь. — Он

опять закрыл глаза и вновь облизал пересохшие губы. — Скачи, лети, иди, ползи, прячься, изворачивайся, укрывайся, — словно в бреду бубнил он, — но доберись до Харага. Быть может, ты успеешь... Спасешь всех и возвысишься. — Последним усилием он открыл глаза, и его мутнеющий взгляд остановился на лице Халдона. — Проклятый варвар посмеялся надо мной... Отомсти...

Это были последние слова, которые услышал жрец, но и на них, равно как и на все произнесенные до того, ему было глубоко наплевать. Трясущимися от волнения руками жрец принялся обшаривать тело покойника, пока не отыскал у того за поясом связку ключей. Тогда он обернулся и, присев у стола, принялся лихорадочно, один за другим, отпирать ящики, пока не наткнулся на объемистый кожаный мешок.

Он долго, со всевозрастающим раздражением, пытался развязать стягивающую мешок кожаную петлю, но от волнения ему никак не удавалось сделать это. Руки противно дрожали, а мгновенно покрывшиеся липким потом пальцы упорно соскальзывали с неподатливого узла. Он молил Затха, чтобы там оказалось серебро, которого, судя по весу, должно хватить надолго, очень надолго... На всю жизни! Зато когда наконец тесьма поддалась, дыхание его перехватило от восторга. Великий Затх! Золото! Здесь его было столько, что, без сомнения, хватит не только ему, но и детям останется! Правда, не было у жреца детей, но так уж принято говорить.

Погрузив руку в мешочек с золотом, он пропускал желтые кругляши между пальцами, мечтая о том, как вернется в родную Немедию, купит лавку в Бельверусе и заживет сытой, спокойной жизнью. Он обернулся, посмотрел на труп Хеврона и едва не расхохотался. Надо же было придумать такое — мстить за него! Нашел дурня! Да пропади ты пропадом вместе со своим паучьим гнездом! Удача выпадает раз в жизни, и нужно суметь не упустить ее!

Жрец закрыл глаза и попытался успокоиться, понимая, что действовать теперь придется быстро и разумно, но разгулявшееся воображение не считалось с его желаниями, рисуя соблазнительные картины. Уютный домик, нежная жена, садик за домом, лавка...

«Стоп!» — приказал он себе внезапно. Как там сказал этот неудачник? Он обернулся и посмотрел на труп зрителя, словно ожидая его подсказки, но тот, естественно, молчал. Тем не менее нужная фраза уже всплыла в памяти жреца: «Принеси Харагу весть о том, что Конан идет в Сура-Зуд, и возвысишься!» Он задумался. А ведь покойник прав! С другой стороны, стоит ли рисковать человеку, у которого уже есть в руках всего лишь, правда, синица, но зато весьма упитанная?

Впрочем, синица ведь так и так останется у него в руках. Если даже кто-то и вспомнит о пропавших деньгах, — если допустить, что кто-то, кроме Хеврона, знал о них, — то и тени сомнения не возникнет, что взял их убийца! Да и так ли уж, если вдуматься, велик риск? И он вновь задумался. Хараг уехал совсем недавно, и если он поторопится, то, быть может, сумеет догнать его у предгорий. Так что риска, пожалуй, не будет вовсе, зато выигрыш может оказаться весьма значительным!

Он улыбнулся сам себе и, быстро приведя в порядок все то, что перевернул, пока искал деньги, запер ящики и засунул связку на прежнее место, за пояс мертвецу, совершенно не задумываясь о том, что вряд ли настоящий вор стал бы делать это.

* * *

— Хвала Митре! — воскликнул Мэгил, едва лишь Конан вошел в комнату. — Мы уже боялись, что с тобой что-то случилось! Где ты пропадал?

Кроме двух убитых горем женщин и нервно шагавшего из угла в угол Тефилуса в комнате находились Брун, Мэгил и Тушка с Зулом.

— Навестил Хеврона, — коротко бросил киммериец, спокойно усаживаясь в кресло и наливая себе вина.

Глаза Мэгила округлились от удивления. Он и представить себе не мог, что после случившегося пару дней назад его друг рискнет вновь явиться в храм Затха. Зато остальные просто не поняли, где был Конан и зачем ходил туда, а поэтому сказанное им не произвело на них никакого впечатления.

Тефилус остановился и нервно сжал руки.

— Мы уже давно должны были находиться в пути! — резко бросил он, холодно взглянув на киммерийца.

— И куда ты собрался? — лениво поинтересовался тот.

— В Йезуд, Конан, в Йезуд! — Тефилус явно нервничал, что было неудивительно, и потому с трудом сдерживал себя. — Куда же еще?! — почти выкрикнул он.

— Почему же они тогда ушли из Шадизара через северные ворота? — все так же спокойно задал свой очередной вопрос Конан.

— Чтобы сбить нас с толку! — выкрикнул Дознаватель, теряя остатки терпения.

— А зачем? — искренне удивился Конан. — В Йезуде они будут в полной безопасности, а значит, должны спешить туда. А они выбирают обходную дорогу, прекрасно зная о том, что мы пустимся в погоню, и предоставляют нам возможность срезать часть пути и настигнуть их задолго до того, как они окажутся на месте.

— Так куда же они направились, по-твоему?!

Тефилус наконец-то заставил себя говорить спокойно. К тому же он почувствовал, что проклятый варвар что-то узнал, и не хотел выставлять себя в глупом виде.

— В горы, — все так же спокойно ответил киммериец. — Где-то там находится Сура-Зуд, их тайный оплот. Именно там прячут они тело Затха, которое хотят оживить.

Тефилус замолчал, подавленный. Лучше бы ему не слышать этой новости! Теперь их задача, и без того непростая, еще более усложнилась, ибо даже он, Главный Королевский Дознаватель, которому по долгу службы полагается знать многое из того, о чем даже не догадываются простые люди, не представлял, что в Заморе может существовать неизвестный город!

— Слышал я кое-что о Малом Круте — тайном сообществе жрецов Затха, — задумчиво произнес Мэгил. — И название это, Сура-Зуд, тоже слышал, только вот где он находится, — жрец пожал плечами и покачал головой, — не представляю.

— Так что же нам делать? Где искать их?!

Тефилус вновь возбужденно забегал по комнате, словно женщина нервно ломая руки.

— Подождем Фана, — спокойно ответил жрец.

— Но ведь когда он вернется, мы не успеем нагнать их! — в отчаянии воскликнул Тефилус.

— Конечно, — согласился Мэгил. — Наша задача теперь будет иной — найти место, где поместят твою дочь, и выкрасть ее. То есть заняться тем, чем до сих пор занимались они.

— Но время! — никак не унимался Дознаватель, и Конан понял, что почтенный отец семейства находится в состоянии, близком к истерике.

— Время еще есть, — спокойно ответил киммериец.

— Сколько?!

— До полнолуния.

* * *

Отряд в три десятка прекрасно вооруженных всадников сопровождал три квадриги, в одной из которых помимо возницы находилось двое жрецов, вторая несла в себе девушку и сопровождавшего ее воина, а на полу третьей сидели двое привязанных к передку колесницы мужчин.

Высившиеся вдалеке горы внезапно выросли, заслонив собой солнце, и отряд ворвался в ущелье. Теперь

топот копыт и грохот колес уносились прочь, оглушительным эхом возвращаясь к всадникам. Поворот. Еще один, и они у цели. Возница резко затормозил.

Не дожидаясь, пока квадрига остановится, Хараг соскочил на жесткий песок, быстро подбежал к не приметной щели в скале, прошептал заветные слова и, не обращая внимания на почти тотчас возникший за спиной грохот, подошел к Рамсису.

— Дело сделано, — довольно сообщил он. — Теперь мы в безопасности.

— Ты уверен?

Стигиец покосился на приятеля, изо всех сил пытаясь скрыть недоверие. Хараг с деланным равнодушием пожал плечами и повернулся к начальнику своей стражи:

— Останься здесь и дождись погони.

— Это будет проклятый варвар? — злобно прищурился тот.

— Скорее всего.

— Что мне делать, когда он явится?

— Все, что тебе угодно, — величественно разрешил Хараг. — Условие лишь одно — он не должен остаться в живых!

В глазах жестокого, сильного воина сверкнуло злобное торжество.

— Слушаюсь, мой повелитель!

Он сдержанно поклонился и, повернувшись к отряду, махнул рукой в сторону выхода. Отряд мгновенно разделился надвое. Три квадриги исчезли в открывшемся проходе, а три десятка всадников поскакали к входу в ущелье.

И никто из них на всем протяжении пути от Шадизара так и не заметил маленькой точки, неотрывно висевшей в голубом небе над их головами.

* * *

Совсем немного времени заняла у Халдона покупка коня и провизии на дорогу — ни то ни другое не было

в Шадизаре проблемой для человека с деньгами, каким теперь стал он. Жрец сразу вскочил на коня и тронулся в путь, надеясь побыстрее осуществить задуманное.

Он уже подъезжал к городским воротам, когда внезапная мысль заставила его остановиться. Он, не раздумывая, свернул к первой же таверне и, бросив поводья подбежавшему мальчишке, вошел внутрь. Толстый хозяин выбежал навстречу, вытирая руки о замасленный передник, и Халдон заказал бутылку лучшего вина, жаркое и уселся за угловым столом. Вино принесли сразу, и после дешевого храмового поила оно показалось Халдону восхитительным. Пока готовилось жаркое, он, потягивая ароматную, терпкую жидкость, принялся не торопясь обдумывать то, что неожиданно пришло ему в голову.

Халдон поставил себя на место Главы Малого Круга. Вот он скачет по степи с только что выкраденной девушкой и без устали погоняет коня, потому что понимает: проклятый варвар непременно бросится в погоню, как только узнает о похищении. Значит, нужно скакать быстрее, потому что, лишь оказавшись за каменными воротами тайного пути, он окажется в полной безопасности. И вот отряд нагоняет один из жрецов и отнимает драгоценное время, сообщая то, что ему и так известно!

Представив себе все это, он усмехнулся. Что ни говори, а нарисованная воображением картина никак не вела к обещанному Хевроном величию.

Тем временем принесли жаркое. Жрец рассеянно кивнул хозяину, и взгляд его вновь стал отсутствующим. Он молча допил вино и принялся за мясо, отметив про себя, что оно гораздо вкуснее бобовой похлебки.

Да, жаль, что дело сорвалось. Конечно же, в Шадизаре он оставаться не собирается. Какой бы путь он ни избрал для себя, ясно одно — дорога его теперь будет вести лишь прочь из этого города. Как же все-таки быть с его известием, с тем журавлем в небе, которого неизвестно как можно поймать? Каким образом он

может придать своему сообщению нужный вес, дающий ему право рассчитывать на ощутимую благодарность? Да и может ли вообще?

Что для этого нужно? Он нервно потербил себя за ухо. Для того чтобы добиться своего, он должен принести известие о неожиданной угрозе. Похоже, его весть о пустившемся в погоню Конане никак для этого не годится. Придется, видно, отказаться от этой затеи, а жаль. Он влил в себя очередной стакан вина и вновь принялся за жаркое, в который уже раз возвращаясь к прерванной мысли. Да, жаль, конечно, что так все обернулось, но как только Хараг укроется за каменными воротами, всем тревогам его придет конец.

Он сосредоточенно прожевывал очередной кусок, когда его осенило: да ведь это же как раз то, что ему нужно! Как же он сразу-то не сообразил! Опасность останется, но Хараг ничего не будет знать об этом! Ведь он уверен, что никто из непосвященных не знает заветных слов! А вот Конан знает их! Вот с этим-то известием и явится к Главе Малого Круга Халдон. Придет, чтобы спасти тайный город от проклятого варвара. Спасти накануне церемонии пробуждения Спящего, а это не шутка! Вот тогда он действительно сможет рассчитывать на награду!

Что же для этого нужно? Во-первых, время. Хараг должен почувствовать себя в безопасности, иначе сообщение его не произведет должного впечатления. Значит, торопиться не надо. Правда, и тянуть не стоит. Конечно, если побыстрее нагнать Харага, он просто прикажет привратнику до окончания церемонии никого не впускать, даже тех, кто правильно назовет пароль. Но он-то, Халдон, что получит с этого? Ничего. Он вновь задумался. Пожалуй, самым лучшим будет, если он останется на ночь в этом уютном заведении, где хорошо кормят и недурно поят, и спокойно отдохнет, а завтра отправится в путь.

Успокоенный этими мыслями, он подозвал хозяина и поинтересовался, не найдется ли для него комната.

Комната, конечно же, наплась, и он без промедления отправился наверх, заявив, что расплатится поутру, и наказав лучше смотреть за конем, которому предстоит длинный путь.

* * *

Отряд мчался во весь опор. Помимо сотни Бруна, после сражения с бронзовой Деркэто пополнившейся новыми бойцами, в нем были десяток слуг, Тефилус, не пожелавший остаться дома, а также Конан, Акаяма, Зул и Мэгил, который скакал впереди всех с сидевшим на правой руке, облаченной в перчатку из толстой воловьей кожи, Фаном.

Надежды догнать беглецов, промчавшихся в этом самом месте на полдня раньше, у них не было, однако они все равно торопились. До гор еще было далеко, когда Конан вдруг насторожился, краем глаза уловив справа от себя движение. Он обернулся и увидел, что Брун смотрит туда же. Киммериец чуть придержал повод и мгновение спустя оказался рядом с воином.

Теперь стал виден очень большой отряд, насчитывавший никак не меньше тысячи воинов. Скорее уж его можно было назвать небольшой армией. Брун не сводил с них внимательного взгляда и не заметил, как рядом с ним оказался Тефилус.

— Что будем делать? — обратился сотник то ли к Конану, то ли к Тефилусу.

— Я пробьюсь, и ничто меня не задержит, — напыщенно ответил Дознаватель и упрямо поджал губы.

— Подожди, оставим драку напоследок.

Конан шлепнул жеребца ладонью по крупу и резко вырвался вперед. Акаяма и Мэгил чуть придержали коней и тотчас поравнялись с Тефилусом и Бруном. Зул же, наоборот, последовал за киммерийцем.

Брун поднял руку и натянул поводья. Его конь резко остановился, а вслед за ним и весь отряд. Разгоряченные животные прядали ушами, нервно переступали копытами и громко отфыркивались, успокаиваясь,

в то время как люди напряженно следили за двумя всадниками, во весь опор уходившими к горам.

Тефилус ударил пятками своего гнедого и подъехал к сотнику.

— Почему мы остановились? Разве я давал команду?

Взгляд его пылал гневом, но Брун оставался спокоен.

— Твое дело отдавать приказы. Мое — выполнять их, но как — это уж я буду решать сам. Сейчас я считаю, что лучше остановиться и не рисковать понапрасну. Силы слишком неравны.

— А-а! Так ты тоже не доверяешь варвару?! — едва ли не обрадовался Королевский Дознаватель.

— Я полностью доверяю ему! — Он оглянулся, видимо посчитав разговор законченным, и окинул своих людей, особенно новичков, быстрым, но внимательным взглядом. — Проверить оружие и подготовиться!

Команда последовала как раз вовремя. В следующий миг орда лавиной ринулась на них. Грохот копыт стремительно нарастал подобно каменной лавине, низринувшейся с крутой вершины. Вот еще немного, и она сметет жалкую горстку смельчаков, рискнувших окатиться у нее на дороге.

Тефилус едва расслышал резкий гортанный выкрик, и все стихло так же внезапно, как и началось. Стена зуагиров остановилась в пятидесяти локтях. От нее отделились четверо всадников и неспешной рысью потрусили к его сотне.

Гнедой под Тефилусом встал на дыбы и обиженно заржал. Тот ударил коня пятками и вдвоем с Бруном направился навстречу приближавшимся всадникам. Двое из них были Конан с Зулом. Двух других, одетых в пестрые джуббэ, с белоснежными сарыками на головах, Тефилус не знал. За спиной у каждого из оставшихся на месте воинов висел короткий, причудливо изогнутый лук, на поясе кривая сабля и кинжал. У некоторых Брун различил по три — пять метательных ножей, служивших явно не украшением.

Это была грозная сила. Брун знал, что таких кланов воинов-скотоводов, занимавшихся всем угодно, от разведения племенных верблюдов до сопровождения караванов в соседний Туран и даже дальше, на восток, вплоть до Вендии и далекого Кхитайя, немало бродило по бескрайней степи, давным-давно поделенной между племенами, ревностно оберегавшими границы своих владений.

Всадники сблизились и остановились в пяти локтях друг от друга. Конан выехал чуть вперед.

— Позволь представить тебе Тулгун Сада, главу клана Дасаев, и его сына Таргана. Они из племени зуагиров, — киммериец заметил, как при этих его словах дернулось лицо Тефилуса, а Брун прищурился, словно прицеливаясь, — но давно уже оторвались от своих корней, решив вести более спокойный образ жизни.

— Спокойный?

Тефилус недоверчиво покачал головой, и Тулгун Сад рассмеялся. Голос у него оказался неожиданно молодым и звонким, сын же его лишь сдержанно улыбнулся, не сводя с незнакомцев настороженного взгляда.

— Да, да. Именно более спокойный! — сказал глава клана, наконец отсмеявшись. — Конечно, грабить караваны — занятие прибыльное, но и опасное тоже. Теперь мы нанимаемся только в охрану. В основном же мы разводим боевых животных. В их достоинствах вы могли сами убедиться недавно.

— К сожалению... — начал было Королевский Дознаватель, но так и не договорил.

— Да, да. Я уже знаю, — опять заговорил старик, — именно поэтому мы здесь.

— То есть? — не понял Тефилус.

— Я хочу предложить тебе свою помощь, Королевский Дознаватель.

Он улыбнулся, показывая чистоту намерений, но с сожалением увидел, что рассеять сомнений своего собеседника ему не удалось. Впрочем, в Заморе все знали, а зуагиры в особенности, что Главный Королевский Дознаватель очень недоверчив.

— Спасибо, конечно, — холодно поблагодарил Тефилус, — но позволь спросить, зачем это тебе?

Конан едва заметно улыбнулся. Он давно уже привык к тому, что отец Мелии не верит никому, кроме самого себя, и ничему, кроме того, что делает сам.

— Мы живем здесь. — Зуагир гордо вскинул голову. — Здесь сочная трава и много дичи. Мы ладим с соседями. Сильные нас побаиваются, слабые уважают за незлобивость. Мы мирные люди. Нам здесь нравится, и мы не хотим уходить. Это наша земля, — закончил он, и его лицо выражало такое достоинство и покой, что даже недоверчивый Тефилус невольно расслабился.

— Что ж, — кивнул он, — понимаю, но, насколько мне известно, королевская власть не ограничивает права кочевников перемещаться и свободно выбирать себе место жительства, если они не нарушают законы.

— Да. Это так, — согласился Тулгун Сад, — но ты знаешь не все. С некоторых пор у нас стали пропадать люди, в основном женщины.

— С некоторых пор? — с удивлением переспросил Дознаватель.

— Да. — Старик кивнул. — А именно с того времени, как мы прочно обосновались здесь. Естественно, мы всполошились, но узнать смогли немного. Лишь то, что в сердце Карпашских гор живет некто, похищающий людей.

— Некто... — в растерянности прошептал Тефилус и подумал про себя, что разгадку, по-видимому, надо искать в городе Сура-Зуд, скрытом где-то в этих горах. Вот только зачем им красть женщин?

— Именно некто, — продолжал тем временем Тулгун Сад. — Поначалу многие склонялись к тому, что это демон-инкуб. Об этом говорит хотя бы то, что пропадают чаще всего женщины.

— Их трупы находили? — быстро спросил Дознаватель.

В свое время ему пришлось распутывать несколько подобных дел, и он неплохо разбирался в этом вопросе.

— Нет,— спокойно ответил старый зуагир.

— Впрочем, какая разница? — задумчиво спросил Тефилус.— Горы есть горы. Если где-то здесь укрыт целый город, стоит ли говорить о нескольких трупах? Даже если их десятки или сотни.

— Верно,— кивнул Тулгун Сад.— Вскоре выяснилось, что мы ошибались. Это просто неизвестный нам оседлый клан. Однако, несмотря на все наши старания, мы так и не смогли никого найти, хотя знаем, что они живут там.— Зуагир махнул рукой в сторону гор.— Несколько раз мы видели, как в ущелье, мы прозвали его Пастью Нергала, направлялся отряд всадников, но обратно не выходил. Мы излазили его вдоль и поперек, но так ничего и не нашли.

— К чему ты мне все это рассказываешь?

Тефилус вдруг поджал губы, словно спохватившись. По всему видно было, что разговор начал тяготить его.

— Вы идете по следу отряда, который полдня назад вошел в Пасть Нергала,— просто ответил Тулгун Сад.

Глаза Тефилуса сверкнули, но он промолчал, ибо просто не знал, что говорить.

— Что ты предлагаешь? — заставил он наконец себя спросить.

— Ничего, потому что просто не знаю, что вас там ждет.— Зуагир поймал на себе подозрительный взгляд Тефилуса и усмехнулся.— Я не оговорился. Вас. Сам я туда не поеду, потому что не могу бросить моих людей, но мой сын готов отправиться с вами.— Тут он немного подумал.— Вчера вернулось три каравана. Два из них сопровождали воины клана Дасаев. Теперь почти все мои люди в сборе. Это без малого тысяча закаленных бойцов. Половину из них я готов отправить с вами.

— Это ни к чему,— спокойно ответил Конан,— по крайней мере, пока.

— Напрасно ты решаешь за меня! — ревниво воскликнул Тефилус.— Я еще не высказал своего мнения.

— Кром! — не выдержал киммериец.— Я ничего не решаю, я просто высказываю свое мнение. Как верно

заметил почтеннейший Тулгун Сад, мы не знаем, что нас там ждет, а сила далеко не всегда обеспечивает успех.

— Хорошо,— Тефилус сделал над собой усилие,— что предлагаешь ты?

— На мой взгляд,— Конан что-то быстро прикинул про себя,— туда должно пойти не больше десяти человек. Такой отряд сможет действовать скрытно, а если не делать глупостей, то и напасть, и уцелеть. В случае надобности можно позвать на помощь остальных.

— И конечно, среди этих десяти...— с сарказмом начал Тефилус.

— Тебе места не найдется,— отрезал Конан,— потому что нужны воры и воины.

Тефилус покраснел от гнева и стыда, и желваки заиграли на его скулах, хотя ничего оскорбительного не было в том, что киммериец не причислил его ни к воинам, ни к ворам.

— Что ж, быть может, это и разумно,— он посмотрел на Бруна, и тот кивнул, соглашаясь,— с точки зрения вора,— зло закончил Дознаватель, решив, что вполне отомстил,— но не с моей. Я отправлюсь туда с моими людьми, согласен ты с этим или нет. Ты же можешь присоединиться ко мне или действовать отдельно.

Конан равнодушно пожал плечами, хотя все у него внутри кипело от злости.

— Что ж. Пусть будет так, как ты хочешь.

— Не время спорить,— вмешался в их перепалку Тулгун Сад,— нужно еще найти тайный ход. Без него все ваши планы, как бы хороши они ни были, просто лишены смысла. Кстати, на этот раз у входа в ущелье выставили охрану. Как видно, поджидают вас.

Конан посмотрел в глаза молодому зуагиру:

— Я знаю Таргана как умного и сильного воина. Пусть займется этими людьми и помнит, что у нас мало времени.

Тарган, поймав утвердительный кивок отца, развернул коня.

— Тарган! — Конан шлепнул коня по крупу и в мгновение поравнялся с его гнедым. — Помни, никто из них не должен уйти и предупредить своих.

— Не беспокойся, Конан. — Он спокойно, с достоинством кивнул. — Они останутся там, где стоят.

И, прежде чем унести прочь, он улыбнулся старому приятелю. Его суровое, обветренное лицо неожиданно стало добрым, а взгляд серых и холодных, как острая сталь клинка, глаз потеплел.

* * *

Солнце клонилось к закату. Конан ехал во главе отряда, не обращая внимания на недовольную гримасу Тефилуса. Рядом мерно шагала лошадь Мэгила. Они прошли уже половину ущелья. Тарган, уничтоживший со своими людьми засаду у входа, присоединился к ним.

Ехали молча. Топот копыт гулким эхом отдавался от стен и уносился вперед нежеланным предвестником их появления. Чем дальше они продвигались, тем быстрее недовольство на лице Тефилуса уступало место тревожной настороженности.

Легкий ветерок, у которого хватало сил лишь на то, чтобы снисходительно трепать волосы непрощенных гостей, свистел и подвывал, словно подражая голосам неизвестных злобных тварей, прятавшихся где-то впереди. Несколько раз с отвесных стен падали камни, гулко ударяясь о гранитные склоны, будто высоко над головами людей неотступно следовал встревоженный неожиданным появлением чужаков неведомый страж.

Внезапно Фан резко взмахнул крыльями, сорвался с руки жреца и стремительно унесся вперед.

— Это последний поворот, — словно объясняя его действия, заговорил Тарган. — Еще сотня шагов, и мы упремся в тупик. Что собираешься делать?

Он вопросительно посмотрел на киммерийца. Тот кивнул в сторону пропавшей из виду птицы.

— Он следил за теми, кого мы догоняем, — объяснил Конан, — а ты ведь знаешь, какое острое зрение у ловчих птиц.

— Но там нет никакого прохода! — чуть не в сотый раз всплеснул руками зуагир. — Я сам проверял!

Тарган говорил торопливым шепотом, казавшимся в окружавшей их гнетущей тишине едва ли не криком. Северянин быстро приложил палец к губам и натянул поводья.

— Все оставайтесь здесь. — Он по очереди окинул взглядом лица друзей, как бы подчеркивая серьезность своих слов. — Мы отправимся втроем, но, как только я дам знак, мчитесь галопом!

Втроем они выехали из-за поворота и пустили коней шагом, хотя их так и подмывало поскорее оказаться там, где в глубине ущелья терпеливо поджидал их мирно устроившийся на камне Фан. Солнце еще не село, но здесь, в глубине узкого прохода, зажатого между отвесными скалами, было уже почти темно. Лишь с десяти локтей острый взгляд киммерийца заметил небольшую щель между камнями, почти прямо под птицей. Киммериец неспешно подъехал к ней, спешился, неторопливо размял кости и лишь после этого нагнулся и спокойно произнес заветную фразу:

— Время полной луны!

Сердце его бешено колотилось — ничего не происходило!

Глухой, похожий на стон, грохот, исходивший из недр горы, заставил Конана вздрогнуть от неожиданности, хотя Мэгил подробно пересказал ему словами рассказ Фана, и он знал, что должно произойти.

Титанические каменные ворота, сооруженные из огромных обломков скал, подогнанных друг к другу с такой тщательностью, что снаружи они выглядели простым нагромождением серых глыб, начали раскрываться, словно бутон цветка, созданный мрачной фантазией колдуна-извращенца.

Усиленный эхом чудовищный грохот все нарастал, став почти болезненным, пока не оборвался так же резко, как и начался. И тогда стали слышны иные звуки, раньше не достигавшие их ушей. То были стоны и удары плетей, ржание коней и резкий, злой хохот.

В каменном проеме появился бородатый верзила с лицом, словно высеченным из того же камня, что и окружающие их скалы. Впрочем, и вся его фигура была такой же — угловатой и мощной. Как будто трудившийся над ним каменотес не особенно и старался, придав серой глыбе лишь форму, грубо копирующую человеческое тело, не утруждая себя работой над деталями. На боку у верзилы висел огромный двуручный меч.

— Почему так поздно? — пророкотал урод.

Конан спокойно пожал плечами:

— День оказался долгим. Раньше не смогли.

— Ладно, — пророкотал детина, — проходи.

Он развернулся, собираясь уходить, но киммериец окликнул его:

— Подожди! Я не один — со мной отряд.

Привратник мгновенно насторожился. «Что ж, это хорошо, — подумал северянин, — раз боишься, значит, тебя можно убить».

— Сколько вас? — настороженно поинтересовался он.

— Шесть сотен! — по-прежнему спокойно ответил киммериец.

— Что так много? — вновь спросил привратник, и по всему было видно, что он просто не знает, как поступить.

— Срок близится! — охотно разъяснил Конан. — Хараг не желает рисковать!

— Хараг ничем не рискует! — отрезал детина. — Когда Спящий проснется, ему не будет равных в этом мире!

— Это случится в полнолуние, а до него еще надо дожить! — уклончиво ответил киммериец.

— Уж не думаешь ли ты... — начал было привратник, но Конан оборвал его.

— Я ничего не думаю! — резко ответил он, показывая, что разговор ему надоел. — Я лишь выполняю повеление Харага явиться в Сура-Зуд и вижу, что мне пытаются помешать! — Он со значением уставился в серое лицо. — Так да или нет?!

Некоторое время они сверлили друг друга взглядами. Привратник, прекрасно знавший, что ошибки ему не простят, и подспудно чувствовавший нечто неладное, не решался пропустить столь многочисленный отряд, хотя этот варвар с ледяным взглядом синих глаз и назвал правильный пароль. Но и не пропустить его он не мог. Наконец он шумно выдохнул:

— Ты должен понять меня, чужестранец, — в голосе истукана впервые прозвучали человеческие интонации, хотя и дались они ему с трудом, — ты верно назвал заветные слова, но я всего лишь привратник и не могу по собственной воле пропустить в город шесть сотен клинков. Такого еще не бывало!

— Того, что предстоит, тоже еще не бывало! Впрочем, — примирительно добавил киммериец, — если шестьсот воинов кажутся тебе опасными, то полсотни, наверное, в самый раз?

— Половина сотни — это нормально, — подтвердил тот, обрадовавшись.

— Тогда сделаем так: я вернусь сейчас за своими людьми, и ты пропустишь нас. Остальные расположатся лагерем у входа в ущелье. Утром ты получишь подтверждение от Харага и пропустишь остальных.

Киммериец вопросительно посмотрел на привратника и увидел, что тот мгновенно успокоился.

— Езжай, но быстрее! — согласился он. — Я никого не имею права пропускать после захода солнца.

— Для меня ты обязан сделать исключение, — резонно заметил Конан, — ведь ты сам задержал нас!

— Ладно, приятель, подожду, — согласился тот, — ты ведь не полез на рожон!

Конан кивнул спутникам, ударил пятками своего жеребца, и через несколько мгновений скрылся за

поворотом, тут же оказавшись лицом к лицу со своими.

— Мы все слышали,— тут же выпалил Тарган,— кого возьмешь?

— Мне нужна половина твоих людей, Тефилус.

— Моим людям ты не доверяешь? — Глаза молодого зуагира гневно сверкнули в сгущающихся сумерках.

— Кром! Остынь, Тарган! Ты прекрасно знаешь, что это не так! Но ваша одежда выдаст вас с головой, а времени на переодевания у нас нет. И не злись на друзей, копи злость для врага. Драки хватит на всех! Я даже опасаясь, что ее окажется слишком много. Ну так как, Тефилус?

— Только вместе со мной,— заявил тот.

— Твоя воля.— Конан пожал плечами.— Мэгил, прости, но ты останешься здесь. Кроме тебя, никто не знает жреческих повадок, и потому ты должен остаться в живых.

— Не буду возражать,— мрачно ухмыльнулся жрец,— но эти слова тебе припомню.

Киммериец поморщился, но спорить не стал.

— Брун,— обернулся он к сотнику,— я хочу, чтобы ты поехал с нами.

Тот кивнул и, не таясь, крикнул в темноту:

— Крин! Остаешься за меня.

Он быстро объехал строй своих солдат, и те, на ком останавливался его взгляд, выезжали вперед, с трудом сдерживая радость, в противоположность остальным, чьи лица омрачились едва ли не скорбью.

Конан окинул взглядом собранный Бруном отряд. Все бойцы оказались рослыми, крепкими мужчинами, успевшими набраться опыта и мастерства, но и не потерявшими еще ни силы, ни верности глаза, ни быстроты реакции. Пожалуй, и сам Конан, успевший уже узнать поближе всех наемников Тефилуса, остановил бы свой выбор именно на них.

Конан обернулся к Таргану:

— Возвращайтесь к своим и ждите нас у входа. Ничто не должно их насторожить.

Когда киммериец во главе изрядно уменьшившегося отряда вновь подъехал к воротам, то застал там Акаюму и Зула, мирно беседовавших с привратником.

— Я думал, ты уже не вернешься, приятель! — осклабился тот, настроенный на этот раз гораздо дружелюбнее.

— Слишком много народа,— коротко бросил киммериец, и три всадника ступили под мрачные своды.

Конан настороженно смотрел вперед. Сразу за мощной стеной в десяток локтей начинался огромный зал с терявшимися в темноте сводами. Слева от входа располагался огромный деревянный помост, локтей тридцать в поперечнике, с мощным шестирычажным воротом посредине. Двенадцать рабов, враждавших его, сидели теперь на полу и, тупо глядя на незнакомцев, уныло жевали какую-то жвачку. Тринадцатым был надсмотрщик — огромный, под стать привратнику, детина с длинным, упругим хлыстом в правой руке. Он стоял в расслабленной позе и равнодушно смотрел на въезжающих, но едва конь последнего пересек видимую лишь им черту, могучая рука взметнулась в отработанном жесте. Раздался звонкий щелчок, и зычный голос ударил по ушам:

— Вставайте, паучий корм! Вам бы только жрать да спать! За работу, ублюдки, если не хотите проверить задницей остроту кола!

С большим опозданием изможденные доходяги зашевелились, но несмотря на отчаянную брань надсмотрщика и не прекращающиеся ни на мгновение удары его хлыста, без устали сыпавшиеся на костлявые плечи, движения живых скелетов оставались медленными, словно они не работали, а спали на ходу. Конан не сразу понял, что они просто не способны двигаться быстрее. Тем не менее ворот заскрипел, цепные тяги с лязгом натянулись, и вслед затем раздался привыч-

ный уже грохот ворочающихся в невидимых опорах гранитных «лепестков».

Киммериец лишь скользнул по ним взглядом и тотчас отвернулся — они сейчас его мало интересовали. Для начала он должен был выяснить, кто охраняет эту нору, да и вообще не помешало бы знать, сколько народа бросится на них из скрытых сейчас в густой тени углов, заслышав в этом мрачном чреве веселый перезвон стали. Конан решил пойти на риск, считая, что в их положении он вполне оправдан.

— Расскажи мне о порядках, царящих у вас.

Он поймал на себе удивленный взгляд своего спутника и поспешил пояснить:

— У нас на Севере никто даже не слышал о Затхе. Я узнал о нем, лишь побывав в Заморе, а потом судьба свела меня с Харагом. Мы сошлись с ним во взглядах на удивление быстро, и, как только он рассказал мне о своих планах, я решил, что стоит рискнуть и встать на сторону возрождающегося бога. Если повезет...

Он выразительно посмотрел на серокожего привратника, и слова его прозвучали столь убедительно, что тому даже в голову не пришло, что этот огромный черноволосый парень нагло ему врет.

— Клянусь жвалами Затха, ты сделал правильный выбор, приятель, — одобрительно отозвался он. — Скоро мы будем купаться в золоте и у каждого будет по сотне наложниц — таких, как эта! — крикнул он и указал на прикованную к стене обнаженную девушку, почти девочку.

Цепь не мешала ей двигаться, но отойти от стены больше чем на два-три шага не позволяла. Такой же, как и привратник, квадратный верзила стоял в паре шагов перед ней и, зло смеясь, избивал ее плетью. Жертва замерла и не шевелилась, словно происходящее никак не касалось ее. Она даже не пыталась закрыться от ударов. Ни единым звуком она не выдала своей боли, лишь миленькое личико ее чуть заметно вздрагивало.

— Молчит? — как-то буднично спросил привратник. Экзекутор на миг оторвался от своей жертвы:

— Клянусь кистью на хвосте Нергала, скоро заговорит.

— Смотри не перестарайся! — посоветовал привратник. — Мне нужна на ночь женщина, а не полумертвый кусок мяса!

— Посмотри на нее! — Экзекутор довольно осклабился, от чего невыразительное лицо его стало уродливым. — Она вынослива, как молодая ослица, а плоть мягка, словно шелк, она не рвет плоть, а лишь возбуждает ее!

Конан окинул девушку мимолетным взглядом. Ее миниатюрное стройное тело было мокрым от пота, небольшие упругие мячики груди высоко вздымались при каждом вздохе — от жары и боли ей не хватало воздуха. Он поймал на себе взгляд ее синих, почти как у него, глаз, полный тоски и боли, и поспешно отвернулся, — не время сейчас! — хотя рука его непроизвольно легла на рукоять кинжала и сжала его так, что побелели пальцы.

Несмотря на то что движения киммерийца были вполне естественны, а привратник стоял чуть впереди, слева от холки его коня, он заметил еле уловимое движение гостя.

— Я вижу, тебе не по душе такое обхождение?

Он обернулся и кивнул на руку Конана, сжимавшую рукоять.

— Верно, — не стал спорить северянин, — я и сам не отказался бы позабавиться с малышкой, но в отличие от твоего приятеля предпочитаю возбуждать женщин иначе.

— Ты ничего не понимаешь! — резко оборвал его привратник. — Ее прислали сверху вчера вечером, а ночью эта маленькая стерва выцарапала глаза одному из наших!

— Быть может, у него дурно пахло изо рта? — насмешливо спросил Конан и тут же добавил: — А впрочем, не мое это дело.

Он чуть сдвинул бока коня, и тот двинулся вперед неспешным шагом. Привратник молча шел рядом, и по всему было видно, что ответ гостя не понравился ему.

— Далеко нам еще? — спросил Конан, чтобы как-то разрядить обстановку.

— До конца пещеры не очень, — нехотя ответил тот, — но до города значительно дальше. Кстати, следующий пост вам встретится лишь у северных ворот. Я провожу тебя еще немного, хотя дальше пещера пуста.

— Как мы найдем дорогу? — поинтересовался киммериец, которого интересовало лишь одно: насколько далеко этот пост у северных ворот, а стало быть, будет ли слышен там шум начавшегося боя.

— Пещера довольно длинна, — вновь заговорил привратник, — но в ней нельзя заблудиться. Поэтому смело езжай вперед и все время смотри наверх. Как увидишь над головой звезды, значит, она кончилась. Поедешь налево, вдоль стены, пока не попадешь на дорогу, ведущую в горы. Она приведет тебя в город.

— Сколько времени это займет? — вновь спросил Конан.

— Хоть вы и на конях, но сейчас ночь. — Привратник остановился, поднял повыше факел, который держал в руке, и киммериец почувствовал на лице жар пламени. Он посмотрел на спутников киммерийца, которые за все время пути не проронили ни звука, словно все поголовно были глухими, и равнодушно пожал плечами. — Будь дело днем, и ты не успел бы соскучиться в дороге, — вновь обратился он к варвару — единственному, кто удостоивал его ответом, — а так вы прибудете в Сура-Зуд не раньше полуночи.

Конан пустил своего вороного шагом, так, чтобы проводник их свободно поспевал, но не прошли они и пары десятков шагов, как киммериец вновь увидел висевшее тело и натянул поводья. На сей раз это был обнаженный огромный мужчина, подвешенный за вывернутые руки к кольцу в своде пещеры. Он настолько походил на привратника, что казался его родным братом.

— Этого, похоже, перевозбудили? — зло ухмыльнулся киммериец, на сей раз не почувствовавший и тени жалости.

— А ты весельчак, чужестранец! — Привратник хмыкнул неопределенно, но тут же не выдержал и расхохотался. — Да, Кил перестарался маленько, но тут дело в другом. Этот урод, — тусклые глаза привратника сверкнули ненавистью, — впустил людей без моего ведома!

— Они не знали заветных слов? — поинтересовался Конан.

— Знали, но он не имел на это права! Здесь я главный! — Он рубанул воздух рукой, и киммериец понял, что в этом мире каждая тварь должна четко знать свое место и отступление от этого правила карается смертью. — Он должен был позвать меня, но не сделал этого!

— А ты суров, — отозвался северянин и, как показалось привратнику, уважительно посмотрел на него.

— Иначе нельзя, — снисходительно заметил привратник. — Здесь я главный! — повторил он уже более мирно. — Это должны помнить все, а у кого память плоха, пусть пеняет на себя!

— Тут ты прав, — согласился киммериец, — но это лишь одна из истин.

— Что ты хочешь сказать?

— Тому, кого ты убил сегодня, быть может, было назначено судьбой защитить тебя от смерти завтра, — назидательно произнес он.

— Он подох еще вчера, — довольно осклабился привратник, весьма довольный своей шуткой и остановился. Как видно, дальше он идти не намеревался. — Что скажешь?

Он обернулся к Конану и уставился в синие глаза варвара своими мутными рыбьими зенками. Киммериец пожал плечами и ответил с деланным равнодушием:

— Значит, он мог бы спасти тебя сегодня.

— День уже кончился, чужестранец, — ухмыльнулся верзила. — Ворота закрыты — чего мне опасаться?

— Ну, например, этого.

Конан резко взмахнул рукой, и спрятанный у него в рукаве кинжал пронзил горло привратника. Он непонимающе посмотрел на киммерийца, потом схватился за горло и медленно повалился на камень пещеры.

Киммериец слез с коня и впервые обернулся к своим. Зул сплюнул:

— Наконец-то ты заткнул ему пасть. Еще немного, и я бы не выдержал. Что будем делать?

— Во-первых, всем спешиться. Нас полсотни. Это сила, но мы не знаем, сколько врагов у нас за спиной. Факелы оставим здесь. Освещено лишь пространство перед воротами, и это нам на руку. Действовать придется быстро. Десять человек останутся в резерве. Брун, лучшего наездника оставишь при лошадях. Как только ворота откроются, он должен будет опрометью скакать за подмогой. Остальным останется только захватить ворот и открыть вход.

— Ты рассуждаешь так, — насмешливо заметил Теофилус, — как будто нам противостоит грозный противник, а на самом-то деле за спиной у нас остались только двое.

— Мы видели только двоих, — поправил его киммериец, — но буду рад, если это и на самом деле окажется так.

Они неслышно двинулись вперед. С лошадьми остался молодой парень, явно недовольный отведенной ему ролью гонца. Это же надо — попасть в отряд, опередив многих более опытных и сильных, и оказаться приставленным к лошадям!

Остальные тем временем быстро продвигались назад, к воротам. Шаг их был скор, но неслышен, и освещенное пространство быстро приближалось. Никого впереди не было видно. Лишь откуда-то из глубины пещеры, где еле виднелось тусклое пятно света, доносились приглушенные расстоянием крики и удары плетей.

Вскоре они оказались у самой границы освещенного пространства, и Конан повернулся к сотнику:

— Брун, ты решил, кто останется?

— Стоит ли так усложнять? Послушай, какая тишина, — засомневался тот. — Те крики доносятся издалика. Для нас главное — успеть открыть ворота. Когда все шесть сотен окажутся здесь, сам Нергал не остановит нас!

— Все верно, — согласился киммериец, — но то, что тебя успокаивает, меня тревожит. И мне не нравится как раз эта тишина.

— Хорошо. — Брун не стал спорить, справедливо рассудив, что предосторожность, быть может, и лишняя, но беды от нее не будет. — Шом, ты со своими людьми останешься здесь. Нук, твое дело — ворота. Сдохни, но открой их. Остальные остаются со мной и действуют по обстоятельствам. Вперед!

Они вырвались на освещенное пространство. В паре сотен локтей впереди девушка встрепенулась и встала. Она не знала, зачем вернулись эти люди, но чувство, сходное с надеждой, шевельнулось в ее груди.

Конан подбежал к ней:

— Где стража?

— Здесь, рядом, — быстро зашептала она. — Как только вы начнете открывать ворота, они узнают об этом.

— Много их? — насторожился киммериец.

— Много, — кивнула она.

— Брун, ты слышал?

Конан обернулся к сотнику, и лицо его вмиг посуровело.

— Да, — кивнул тот, — и дело еще хуже. Невольников увели, нам придется самим вращать ворот.

— Кром! — Киммериец сжал чудовищный кулак. — Тогда начинайте! Нет смысла ждать! — Брун кивнул и бросился к своим, а киммериец вновь повернулся к девушке. — Где тот, с плетью?

— Здесь рядом есть комнатенка. — Она кивком указала в сторону ворот, и лишь теперь Конан заметил находившийся почти вплотную к стене темный зев проема. — Здесь нигде нет дверей, — пояснила она, — лишь вырубленные в скале помещения.

— Сейчас я освобожу тебя.

Он лишь успел сказать это, как за спиной его раздался знакомый уже лязг цепей, и негромко заскрипела в опоре массивная ось ворота. Он обернулся. Почти тотчас угрожающе загрохотали чудовищные «лепестки».

— Берегись! — взвизгнула девушка.

Конан мгновенно отпрыгнул в сторону, одновременно развернувшись и выхватив из-за спины меч, но звонко щелкнувший хлыст мгновенно обезоружил его, заставив схватиться за «ужаленную» руку. Сталь обиженно звякнула о камень где-то в темноте, и второй удар ожег спину киммерийца.

— Кром! — взревел он и бросился вперед, на возникшую из темноты проема массивную фигуру, на ходу нащупывая на поясе кинжал и не находя его. Проклятие! Клинок остался в горле привратника! Конан понял, что остался без оружия, но на сожаления не было времени.

Он извернулся всем телом и нырнул под замах, в два шага преодолев разделявшее их пространство. Как раз в тот миг, когда за спиной раздалась первые звуки завязавшегося боя, стальной кулак киммерийца врезался в ненавистную серогранитную челюсть. Третьего удара бичом так и не последовало.

Грузное тело обмякло и тяжелым бесформенным мешком осело на пол. Шум боя за спиной все нарастал. Конан сдернул со шнура на поясе экзекутора связку ключей и бросился к девушке. Нужно было торопиться. Киммериец знал, что его ждут. Судя по звукам, бой набирал силу, и каждая пара рук была на счету, а ему еще предстояло отыскать меч.

Наконец ключ заскрипел в давно не смазывавшемся механизме замка, но в это мгновение девушка резко оттолкнула его от себя, и вовремя. Грузный экзекутор споткнулся о падавшего киммерийца и с проклятиями повалился на пол. Конан прыгнул на него сзади и, просунув руку под подбородком верзилы и ухватив-

шись за его плечо, резко надавил своим плечом на массивный затылок. Отвратительный хруст заставил девушку сморщиться. Северянин разжал руки, и тяжелое тело рухнуло на пол, на этот раз навсегда.

Конан бросился к девушке. В следующее мгновение цепь с лязгом сорвалась с ее рук.

— Ты молодец, милая, — похвалил он и посмотрел в глаза девушке.

— Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал, и я умею быть благодарной! — воскликнула она, прижимаясь к нему всем телом.

Конан почувствовал исходящие от нее жар и возбуждающую дрожь, но, лишь смеясь, отстранился и накиннул на ее точеные плечики сдернутый с себя плащ.

— Кром! Это ты брось, детка! Подрасти сперва! А пока помоги-ка найти мне меч — он валяется где-то в тени!

Она обиженно закусил губу, а он, смеясь, шлепнул ее по попке и обернулся, чтобы посмотреть, как там идут дела. Обернулся и замер пораженный, ибо то, что увидел, было хуже некуда.

Все полсотни остервенело дрались, и все равно их теснили, сужая кольцо вокруг ворота, так что даже те, кто встал поначалу к рычагам, теперь бросили это занятие и с оружием в руках присоединились к своим товарищам. Каменные «лепестки» успели разойтись ровно настолько, чтобы Конан смог просунуть в образовавшееся отверстие голову.

— А-а! Кр-ром! — взревел Конан, бросаясь к девушке. — Как тебя звать?

— Милла, — кокетливо ответила она и состроила ему глазки, но киммериец оставил это без внимания.

— Вот что, бросай свои поиски... — начал было он, но Милла оборвала его на половине фразы:

— Да нашла я твой меч.

Она укоризненно посмотрела на него, надула губки и с трудом двумя руками приподняла тяжелый двуручный меч киммерийца.

— Молодец! — Конан легко подхватил его и не глядя бросил в ножны за спиной. — А сейчас ты должна идти.

— Это еще куда? — капризно спросила она.

— Ты жить хочешь?

Вопрос прозвучал глупо, но зато настраивал на нужный лад.

— Поумнее чего-нибудь спроси! — резонно заметила девушка и, все еще хмурясь, стала ждать объяснений.

— Тогда постарайся пролезть в эту дыру.

Он указал на застывший в неподвижности зев выхода. Она сразу поняла, что от нее требуется, и даже слишком хорошо поняла, потому что тут же сменила гнев на милость и кокетливо посмотрела на молодого варвара.

— Ну, — задумчиво произнесла она, пряча под опустившимися ресницами лукавый взгляд прелестных глаз, — если по возвращении ты будешь со мной поласковее...

Она чуть склонила голову и приоткрыла губки, глаза ее призывно сверкнули. Она лишь чуть шевельнула плечами, и полы его грубого плаща, накинутого на девичьи плечи, послушно скользнули в стороны, обнажая манящее тело девушки.

— Кром! — выдохнул киммериец. — После об этом! После! Сейчас не время!

— Согласна, — поспешно, словно боясь, что он передумает, отозвалась Милла. — Только мне туда не забраться, — уныло добавила она, прикинув высоту отверстия.

Легко, как ребенка, Конан подхватил девушку на руки и шагнул к приоткрытым воротам, на ходу объясняя ей, что нужно сделать.

— Беги что есть мочи. В конце ущелья увидишь людей. Первому попавшемуся скажешь, что тебя прислал Конан. Пусть тебя проводят к Таргану, Крину, Мэгилу или Тулгун Саду — к любому из них, кто ока-

жется ближе прочих. Скажешь ему, что ворота открыты лишь частично, но один хороший лучник может сильно помочь нам открыть их до конца. И пусть поторопятся, если не хотят, чтобы все мы стали трупами!

Пока он говорил все это, девчонка протискивалась в тесный лаз, и если бы не плащ, ее тело сплошь покрылось бы кровавыми бороздами.

Наконец она скрылась, и Конан быстро отвернулся — пора и ему было поучаствовать в драке, но тут же услышал сзади ее голосок:

— Эй, Конан!

М-м-м! С глухим стоном он обернулся и увидел в отверстии ее миленькое личико. Брови девушки были сурово насуплены, она изо всех сил постаралась придать лицу грозное выражение. Его злость мгновенно улетучилась, и киммериец едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

— Смотри не обмани!

Она просунула в отверстие руку и погрозила ему пальцем.

— Брысь! — гаркнул варвар, и девушка тут же пропала.

Он выхватил меч и бросился в самую гущу схватки, оказавшись в первых рядах ее, между Бруном и Зулом. Пospел он как раз вовремя — их начали сильно теснить. Первый же удар киммерийца лишил жизни одного из нападавших и на несколько мгновений, пока место его не занял следующий, ослабил напряжение.

— Ну, наконец-то! — переводя дыхание, улыбнулся Зул. — Где ты пропадал?!

— Я освободил ту девчонку, что сидела на цепи.

— Нашел время! — услышал он за спиной голос Теофилуса. — Мы тут теряем людей одного за другим, а он развлекается с девками!

Зул отразил меч противника и без замаха нанес колющий удар, но на месте павшего врага тут же оказался свежий боец.

— Что, жарко приходится? — спросил киммериец, отправляя очередного стражника к его предшественнику.

— Жарко — не то слово! — бросил, не оборачиваясь, Зул.

— Нужно пробиваться к коням, — спокойно сказал Брун, — это наш единственный шанс.

Сотник работал мечом на редкость ловко, экономно тратя силы, не делая ни одного лишнего движения, и противники его падали на пол через почти равные промежутки времени. Брун методично проверял способности каждого нового бойца и, найдя слабое место, без промедления наносил решающий удар.

— Будем держаться здесь! — отрезал киммериец.

— Ну, если тебе надоело жить...

Брун вогнал меч в очередную грудь и повернулся к следующему воину.

— Жить мне хочется не меньше твоего! — огрызнулся киммериец, снося голову вояке, который бросился на него, так и не научившись как следует владеть мечом.

— Так в чем же дело?! — спокойно спросил Брун, парируя не слишком удачный удар.

— Я послал девчонку к нашим, — объяснил киммериец: — Они скоро будут здесь!

— Послал? — Брун был настолько удивлен, что даже рискнул обернуться. — Интересно, как?

— Ворота уже приоткрылись, правда совсем ненамного, но я сумел пропихнуть ее в лаз.

Конан успел увидеть, как при этих словах расширились от удивления глаза его противника, и эта мгновенная растерянность стоила ему жизни.

— Пропихнуть? — Зул обернулся и замер, пораженный.

Конан едва сумел отразить удар, направленный в грудь друга.

— Кром! Тебе что — жить надоело?!

Зул мгновенно развернулся и вновь заработал мечом, как будто ничего не случилось.

— Ты уверен, что она была жива, после того как ты выдавил ее в эту дыру?

— Уверен! Уверен! — отрывисто отвечал киммериец, при каждом слове нанося удар мечом.

— Странно это! — прокричал Зул. — Замочная скважина в двери шире, чем этот лаз!

— Нам это ничем не поможет, — вновь вмешался в разговор Брун, — даже если она приведет подмогу, ни один из моих воинов, ни один зуагир не сможет пробраться сюда тем же путем!

— Ты не понял! — Удар Конана достиг цели, и киммериец получил недолгую передышку. — Сейчас даже один хороший лучник мог бы сильно помочь нам.

— Нет! Их слишком много! — мрачно бросил Брун и замолчал.

Конан выругался и отсек занесенную над ним руку вместе с мечом, затем обернулся и окинул быстрым взглядом картину боя. Положение действительно было отчаянным. Кольцо врагов сжималось, становясь все уже, и центром этого круга был ворот — их последняя надежда, воспользоваться которой они уже не могли. Их и так осталось меньше сорока, и, если снять еще десять человек, они не пройдут и одного круга, как кольцо обороняющихся будет смято, и уже некого будет спасать.

Он видел, что Тефилус уже не может наносить настоящие удары и хотя, стиснув зубы, продолжает размахивать мечом, но если бы не Акайма, работавший за них обоих, уже давно расстался бы с жизнью.

— Конан! — услышал он истошный девичий крик и непроизвольно вздрогнул, когда первая стрела вонзилась точно в глаз его противника.

Хотя и не слишком часто, стрелы методично поражали теперь врагов, и Конан понял, что стрелок был опытным воином. Внимательный взгляд его выбирал самого сильного из врагов и стрелял именно в него. Плохо было другое — стрелять мог лишь один человек, вдвоем напротив отверстия было просто не поместиться.

- Нужно открыть ворота! — прорычал киммериец.
- Нельзя! — огрызнулся Зул. — Нас просто сомнут!
- Держитесь!

Конан нанес удар. Отпрыгнув, вскочил на помост и бросился к вороту. Теперь он возвышался над всеми, оказавшись словно на арене шутовского балагана.

— В какую сторону крутить?! — запоздало всполошился он.

— По ходу солнца! — выкрикнул Брун, уворачиваясь от удара.

Киммериец навалился грудью на ворот и едва успел увернуться от метательного ножа, пущенного верной рукой. Кром! Если так пойдет и дальше, дело плохо!

Он вновь взял упор, на этот раз внимательно глядя вокруг. Два или три раза он видел отведенную для броска руку, но туда тотчас улетала стрела, и рука с ножом исчезала. Северянин почувствовал себя увереннее. Он уперся ногами в специальные планки на полу, лучами расходящиеся от центра, а грудью — в рычаг ворота. Цепь с лязгом натянулась, и киммериец почувствовал, что толкает гранитную скалу. Он стиснул зубы и удвоил усилия. Ноги его налились свинцом, грудь превратилась в продолжение деревянного рычага, в который упиралась, став жесткой и бесчувственной, как дубовое полено.

Он не видел себя со стороны, а потому не мог знать, что стал страшен, ибо могучие мышцы, покрывавшие его тело, вздулись невообразимыми буграми, вены наполнились кровью до такой степени, что казалось, еще немного, и они просто лопнут, превратив его тело в брызжащий во все стороны кровью фонтан.

Перед глазами встала стена непроницаемого мрака, озаряемого лишь алыми сполохами, бившими в лицо с частотой пульса, и, вторя им, били по ушам раскаты отдаленного грома.

Он перестал думать. В его голове просто не осталось места для мыслей... Лишь одна фраза размеренно и тупо, по одному слову, прокручивалась в его мозгу:

«Если... Не сможешь... То... Умрешь... Если... Не сможешь... То...»

Когда нарастающий, словно идущий из самых недр земли, грохот пробился сквозь монотонные удары грома, первая мысль шевельнулась в его пробудившемся мозгу — он понял, что правая нога его полностью разогнулась, и тяжело проволочил ее на две планки вперед.

Шаг...

Способность мыслить вернулась к Конану, и он с ужасом подумал: сколько еще таких маленьких смертей ему предстоит пережить, чтобы избежать одной большой?!

Шаг...

Он вновь мог двигаться и чувствовать боль. Грудь перестала казаться бесчувственной деревяшкой, а ноги свинцовыми болванками. Они вновь стали его телом. Телом, сведенным судорогой невыносимой боли, готовым взорваться от нечеловеческого напряжения.

Шаг...

Конан почувствовал, как острое жало впилося ему под левую лопатку, и тут же полный ужаса девичий крик: «Конан!» — напомнил ему о том, что он не один здесь и не только себя защищает этой смертельной пыткой.

Шаг...

Он поймал себя на мысли, что боль — это хорошо. Она напоминает о том, что он еще жив и может бороться. У него есть тело, его тело, и есть враги, которых он сокрушит его мощью. Враги, которые знают об ожидающей их участи и хотят убить его!

Шаг...

Убить?! Ну нет! Он стиснул зубы и зашагал.

Шаг, еще шаг!

Боль в спине будила злость. Злость придавала сил.

Шаг, другой!

Он шагал и шагал, пока внезапно не почувствовал, что идти стало неожиданно легко. Тогда он тряхнул головой, и черная пелена мрака спала с его глаз.

Зул встал рядом с ним. Он прошел уже пол-оборота и теперь видел, что лаз — входом его назвать было еще нельзя — расширился настолько, что один за другим в него протискиваются зуагиры Таргана и воины Бруна и с яростью изголодавшихся по крови зверей бросаются в схватку.

Киммериец продолжал шагать и вскоре увидел, что строй обороняющихся пополнился новыми бойцами и теперь уже не отступает под натиском врагов. Несколько лучников выбрали себе наиболее возвышенные места и начали отстреливать самых активных и умелых врагов. Идти становилось все легче: появлялись все новые и новые помощники.

— Конан! — Радостный крик Миллы раздался совсем рядом. — Конан, остановись! Ты ранен!

— Отстань! — беззлобно огрызнулся он.

— Как это отстань?! — возмутилась девушка. — Да у тебя нож из спины торчит!

— Отвяжись!

Киммериец отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

Она вспыхнула и задохнулась от возмущения, но, увидев, что Конан перестал обращать на нее внимание и ее великолепная ярость пропадает втуне, замолкла и пошла рядом с ним, толкая тяжелый ворот, совершенно не задумываясь о том, что ее жалкие усилия бессмысленны.

Так они прошли следующие пол-оборота, и ситуация еще больше изменилась — теперь уже зуагиры теснили серокожих, а не наоборот, как было еще недавно.

В следующее мгновение Зул подскочил к нему:

— Ну-ка, пойдём. — Он едва ли не насильно оттащил Конана от ворота и заставил его присесть на помосте. — Теперь потерпи. Нужно вынуть у тебя из спины эту железку.

— Вот и я ему говорила, вот и я, — затараторила Милла, — но он не слушался — все отстань да отвяжись! Дикий какой-то! Варвар!

Она стукнула его кулачком по здоровому плечу и обиженно надула губки.

— От-вя-жись, — просипел Конан, потому что именно в этот миг Зул вытягивал из его тела засевший там кинжал.

— Вот видишь? — со слезами на глазах вскричала она. — Он опять!

Она хотела добавить еще что-то, но тут увидела, как брызнула кровь из раны и рубаха стала быстро набухать от крови. Девушка обхватила киммерийца своими нежными ручками за шею и залилась слезами, приговаривая:

— Конан, миленький, потерпи!

— Помолчи, — устало простонал он, почти не чувствуя боли, зато чувствуя смертельную усталость.

— Девуца права, — услышал Конан знакомый голос, который мог принадлежать только ехидному Мэгилу. — Я всегда это говорил — варвар ты, Конан.

— А, жрец, ты уже здесь, — проворчал киммериец, вытирая испарину, мгновенно выступившую на лбу, когда Зул вытянул клинок из его спины.

— А что ж ты думал, — ухмыльнулся Мэгил, — раз я остался там, так и...

— Слушай, Конан, — перебил его Зул, — а ножичек-то твой! Что ты об этом думаешь, а?

Киммериец резко оглянулся и посмотрел на окровавленный клинок, который Зул вертел в руках.

— Кром! — в сердцах воскликнул северянин. — Так он не подох! Вот живучая тварь! — Тут брови его грозно сошлись на переносице. — И меня! Моим же ножом!

— Какое коварство! — возмущенно всплеснул руками Мэгил.

Конан недобро покосился на него и глухо зарычал.

— Уже все понял. Умолкаю, — с готовностью согласился жрец, подняв руки в примирительном жесте.

— Зул,— Конан обернулся к негру,— пошли кого-нибудь проверить лошадей и того парня, что остался с ними. Что-то я не видел его здесь.

— Сейчас, Конан.— Зул на миг отвлекся.— Слушай, девочка, отстань-ка от него и, если хочешь помочь, позаботься о нем по-настоящему! Сумеешь?

— Да, конечно! — закивала Милла.— Я постараюсь!

Она отпустила руку киммерийца и растерянно посмотрела по сторонам, но когда увидела залитую кровью спину своего Конана, глаза ее округлились и она покачала головой, явно не зная, что делать.

— Конан,— Зул поднялся и встал перед приятелем,— я думаю, мне лучше самому сходить и посмотреть, что там.

Северянин кивнул:

— Только не ходи один. Возьми кого-нибудь из людей Таргана.

— Хорошо.

Зул ушел, а девушка все так же испуганно смотрела на продолжавшую кровоточить рану, не зная, как к ней подступить.

— Ну-ка, девочка,— Мэгил решительно отодвинул ее в сторону,— поддержи-ка лучше за него — это у тебя лучше получается.

Жрец помог Конану раздеться, потом засучил рукава, быстро обмыл могучую спину киммерийца и начал заученными движениями прощупывать тело вокруг раны, чутко реагируя на малейшие признаки боли, невольно проявляемые другом. Он заставил его несколько раз глубоко вздохнуть, меняя положение тела, сильно, но осторожно надавил на ребра сбоку и, удовлетворенно улыбнувшись, разогнулся:

— Могу тебя поздравить — рана в общем-то пустяковая, хотя и болезненная. Нож лишь скользнул вдоль ребер. Я сделаю стягивающую повязку и приложу кое-какие травы. К утру будешь как новенький, хотя пару дней рана поболит.

— Что, так скоро? — недоверчиво проворчал киммериец.

— Я только что припомнил кое-какие заклинания, которые окажутся нелишними, так что, думаю, все так и будет.

— Опять колдовство,— недовольно поморщился молодой варвар.

Мэгил усмехнулся:

— Никак не могу привыкнуть к твоей манере выражать благодарность.

— Ладно, не сердись,— ухмыльнулся киммериец,— спасибо.

Конан терпеливо дождался, когда Мэгил отпустит его, и посмотрел на Миллу.

— Ты давно здесь? — спросил он.

— Со вчерашнего дня,— удивленно ответила девушка, ведь она сама слышала, как привратник сказал ему об этом.

— Да нет,— досадливо поморщился северянин,— я имею в виду не эту пещеру, а Сура-Зуд.

— А-а! — растерянно протянула она, чувствуя себя последней дурой, ведь могла бы и догадаться.— С пяти лет.

— А сейчас тебе сколько?

Вопрос прозвучал вполне невинно, но девушка мгновенно насторожилась и плотно сжала губы.

— Сейчас я уже взрослая,— уклончиво ответила она и тут же перевела разговор на другое: — Что еще тебя интересует?

Конан усмехнулся, но спорить не стал, а просто ответил:

— Я хочу все знать про Сура-Зуд.

— А-а! Про верхний город,— как-то неопределенно протянула она, и взгляд ее потускнел.

— Верхний город? — переспросил он.

— Ну да! — закивала девушка.— Город в горах. Пещера выходит в сердце гор — в огромный котлован, по стене которого вьется дорога.

Какое-то смутное воспоминание шевельнулось в памяти киммерийца и тут же исчезло.

— Город большой? — вновь спросил он.

— Что ты! — Она всплеснула руками. — Огромный!

— Да какой там огромный! — невольно воскликнул до тех пор молчавший Мэгил. — Не слушай ее. Ее привезли сюда маленькой девочкой, она и не видела ничего, кроме этого Сура-Зуда. Всю жизнь прожила здесь! Да для нее деревня в десяток домов — уже громадина!

— Десяток домов, говоришь? — Она прищурила глазки и подбоченилась. — А если я скажу о многих сотнях, ты не изменишь своего мнения?

— Да перестань! — Он пренебрежительно махнул рукой. — Я в жизни не поверю, что в горах может существовать достаточно большой город, о котором ничего не знает никто во всей Заморе! А ты, Конан, как считаешь?

— Мне-то откуда знать? — Конан пожал плечами и невольно поморщился, но тут же поправил себя: — Хотя... Верю. Десяток домов не станет охранять сотня стражников, — пояснил он, — а на нас навалилось много больше! А впрочем, завтра придем туда и все увидим сами.

Девушка испуганно посмотрела на него.

— Мы поедем туда прямо с утра? — спросил Мэгил.

— Мы, — Конан сделал ударение на первом слове, — поедем туда прямо с утра.

— Ну да, — удивился Мэгил, — я так и сказал — мы.

— Нет, — киммериец помотал головой, — мы поедем туда утром, а ты, — он ткнул жреца пальцем в грудь, — отправишься туда еще сегодня.

— Я? Без тебя?! — всплеснул руками жрец.

— Хватит спорить, — Зул выскочил из темноты, — несите его сюда. — Он повернулся к Конану. — Похоже, нам всем придется сняться отсюда еще вечером.

Двое зуагиров положили на пол молодого воина из сотни Бруна.

— Он еще жив, но боюсь, что кто-то сумел проскочить мимо, и тогда наше появление в Сура-Зуде уже нельзя будет удержать в тайне.

— Кром! — Конан сжал чудовищный кулак. — Кони все на месте?

— Все, и я выставил охранение, чтобы больше никто не прошел.

— Это вселяет надежду. — Киммериец вздохнул с облегчением.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Милла.

— Если бы ты решила бежать, а по пути тебе попались кони, неужели бы ты не воспользовалась этим?

— Какой ты умный! — восторженно прошептала девушка, восхищенно посмотрела на киммерийца и вновь прижалась к его плечу.

— Ты можешь привести его в чувство? — спросил Конан у жреца.

— Попробую.

Мэгил быстро оцупал тело лежащего, перевернул его на живот и все повторил сначала.

— Ну, что с ним?

— Беднягу оглушили камнем, а потом буквально истыкали ножом. Раны неглубокие, но он потерял много крови. Нужно отправить его в лагерь Тулгун Сада: для него этот поход уже закончился.

— Не торопись. До утра он все равно останется здесь, и я хочу знать, что он видел до того, как потерял сознание.

— Хорошо, — кивнул жрец. — Где моя сумка? — Мэгил оглянулся. — Сходи-ка, милая, принеси мою сумку. Она лежит у входа.

Девушка с готовностью поднялась, а жрец пояснил:

— Там есть одно снадобье, которое не излечит его, но вернет в сознание.

— Странно это, — задумчиво проворчал киммериец, когда девушка ушла. — Они ведут тайный образ жизни,

и им это вполне удастся. Однако они крадут людей с равнины, преимущественно молодых женщин, рискуя обнаружить себя.

— Значит, они им для чего-то нужны, — пожал плечами Мэгил. — Очень нужны.

— Это ты верно подметил, — ухмыльнулся северянин, — я даже могу тебе сказать, для чего.

— М-да, — жрец потерял себя за губу, — я вижу, ты все знаешь. Что же тогда тебя удивляет?

— Зачем они делают это? — повторил киммериец.

— Вот те раз! — удивился отставной жрец. — Ты только что сказал, что тебе все ясно!

— Да я не об этом, — досадливо поморщился Конан и тут же напрягся, словно сторожевой пес, почуявший чужого.

Ехидная улыбка слетела с лица Мэгила, когда он услышал шум неясной возни за спиной. Он резко обернулся и замер, напряженно вглядываясь в полутьму у входа, где явно происходило что-то неладное, но что именно, он не мог разглядеть. Мимо лица его что-то пронеслось, обдав тугой волной теплого воздуха. В следующий миг это что-то мелькнуло перед глазами, а еще мгновение спустя возня прекратилась и послышалось сдавленное глухое ворчание.

— Что это было? — недоуменно посмотрел на Конана жрец.

— Один мой старый знакомый, — бросил через плечо киммериец и побежал к выходу. Мэгил поспешил следом. — Я называл его привратником. Похоже, он был здесь главным.

Когда они подошли к воротам, девушка лежала без памяти, хотя крови на ней не было. Жрец изумленно смотрел на развалившегося рядом здорового, словно высеченного из цельного куска камня, детину. Огромный двуручный меч, пущенный могучей рукой киммерийца, вошел ему в правый бок со стороны спины и, пронзив насквозь, вышел из левого.

— Надеюсь, этот клинок ты не переваришь, — проворчал Конан, упершись ногой в убитого, и рывком

выдернул из его тела меч. Он толкнул ногой бесчувственное тело, заставив его перевернуться на спину. — Видишь рану у него на шее? — спросил киммериец, вытирая клинок об одежду покойника и бросая его в ножны за спиной. — Мой кинжал вонзился в нее по рукоять. Кто мог подумать, что эта каменномордая тварь окажется настолько живучей?

— Каменномордая? — удивленно повторил жрец.

— Ты разве еще не заметил? — отозвался Конан и, отвернувшись, склонился над девушкой.

Он легко поднял ее и, прислонив спиной к стене, пошлепал ладонью по щеке.

— Ну-ка, милая, давай приходи в себя.

Она открыла глаза и ничего не понимающим взглядом обвела своды пещеры, пока не увидела Конана, и тут же личико ее озарилось счастливой улыбкой, но лишь на миг.

— Где он, этот урод? — со страхом спросила девушка, и ее передернуло от отвращения.

— Успокойся, я убил его. Можешь посмотреть.

Она чуть приподнялась, заглядывая ему за спину, и лицо ее исказила гримаса ужаса.

— Не-ет! — истошно закричала она, закрывая лицо руками.

Конан обернулся и увидел Мэгила, склонившегося над убитым. Покойник впился ему в горло и уставился в лицо ненавидящим взглядом.

— Кр-ром! — взревел киммериец, выхватывая меч. Он почти не сделал замаха, но его клинок синей молнией пронесся в воздухе, сверкнул в свете факелов темным багрянцем и опустился на тело монстра, отсекая левую руку и отделив от туловища голову. Массивное тело рухнуло на пол, и молодой варвар подхватил на руки задыхающегося друга.

Он усадил жреца к стене, рядом с девушкой. Тот жадно ловил ртом воздух, потирая рукой шею с чудовищными синяками на ней, оставленными пальцами каменномордого, как называл его Конан. Киммериец сокрушенно

покачал головой, стараясь не обращать внимания на восхищенные взгляды Миллы, которая уже видела в нем едва ли не бога, и обернулся на шум шагов — со всех сторон к ним бежали люди, привлеченные ее криком.

Зул раньше других оказался рядом.

— Что тут у вас происходит? — спросил он, настороженно озираясь по сторонам, но в разлившейся вокруг густой полутьме разглядеть что-либо было трудно.

— Помнишь того парня, что открыл нам ворота? — вместо ответа спросил киммериец.

— Ага, — кивнул негр, — так, значит, я не ошибся? Он отлежался и вытащил-таки ножичек из собственного горла?!

— Ты не ошибся, — мрачно подтвердил киммериец, — хотя ума не приложу, как это ему удалось. — Он недоуменно покачал головой. — Правда, это уже не важно. Только что он выкинул номер похлеще. Он попытался убить Миллу, и мне пришлось добить его. — Конан помолчал, словно в деталях припоминая случившееся. — Я проткнул его, Зул, проткнул своим мечом! — Он посмотрел в лицо приятелю, не обращая внимания на то, что вокруг уже собралась толпа, и со значением добавил: — Насквозь.

Зул обернулся, посмотрел на раны на теле убитого и восхищенно присвистнул.

— И этот теперь уже дважды покойник... — вновь заговорил киммериец.

— ...Попытался придушить меня, — просипел отдышавшийся жрец, показывая чудовищные синяки на шее.

— Понимаю. — Эбеновое лицо негра расплылось в улыбке. — И ты оттяпал ему руку, чтобы не хватался за что не надо.

Конан поморщился:

— Шутки у тебя такие же черные, как и ты сам.

— Да, не повезло привратнику, — голосом умирающего прошептал Мэгил. — Удар нашего друга застал его в какой-то неловкой позе, и по чистой случайности рядом с рукой оказалась голова.

— Ну и что? — не понял негр, с интересом посмотрев на жреца.

— Тоже отвалилась, — печально заключил жрец. — Варвар ты, Конан, аккуратнее надо ножом-то махать! Останься голова при теле, ее можно было бы допросить!

— Тьфу!

Киммериец сплюнул в сердцах и отвернулся, а Мэгил попытался рассмеяться, но тут же болезненно сморщился и схватился рукой за шею. Собравшиеся вокруг довольно загоготали. Девушка вскочила и подбежала к Конану.

— Не слушай их, миленький! Дураки они оба! — Она повернулась к сидевшему у стены жрецу и соорудила смешную гримаску, видимо считая, что выглядит достаточно сердито. — Мало он тебе шею намял!

Мэгил погрозил ей пальцем, а она показала ему язык, и все опять заржали.

— Хватит скалиться, — беззлобно проворчал киммериец, — тут есть о чем подумать. Я дважды убил этого гада.

— Значит, не убил. — Акаяма спокойно пожал плечами.

— В том-то и дело, — согласился Конан, — а ведь обе раны были смертельны.

— Это верно, — согласился Брун, только что закончивший осматривать труп.

— Он был настолько мертв, — вновь заговорил киммериец, — что я даже не считал нужным проверить это, хотя никогда прежде не совершал одну и ту же ошибку дважды.

— Странно это, — заметил сотник и поднял за волосы валявшуюся на полу голову, — ты заметил, что, несмотря на все те раны, что ты нанес ему, на теле нет ни капли крови.

Киммериец молча помотал головой: ему сделалось не по себе, как, впрочем, и всем остальным.

— Ты же вытирал меч, — прошептал Мэгил, на время позабыв о своей шее.

Северянин пожал плечами:

— Ну да. Я всегда вытираю его, чтобы очистить от поганой крови врагов,— это уже стало привычкой. Я даже не посмотрел на него.

— Надо проверить все трупы,— заговорил наконец и Тефилус, до сих пор молчавший.

— К этому я и веду,— согласился Брун.

— Всех проверять ни к чему,— возразил Конан.— Каменномордых было не так много: привратник, надсмотрщик, экзекутор. Кто-нибудь видел еще?

Он оглянулся, по очереди осматривая всех присутствующих, но на ком бы ни останавливался его взгляд, человек лишь отрицательно качал головой.

— Больше нет,— сказал наконец Криң, и это было общим мнением.

— По-моему, тот, запоротый, что висел в цепях, был таким же,— сказал кто-то, и Конан не заметил кто.

— А по моему — нет,— возразил ему чей-то голос.

— Что спорить зря? — пожал плечами киммериец.— Проще проверить.

— Можете зря не стараться,— раздался глухой голос, похожий на рокот камнепада.

Голова привратника открыла глаза и обвела всех ненавидящим взглядом. Брун вздрогнул, но руки не разжал. Люди, стоявшие вокруг, испуганно замолкли и невольно отступили от сотника, продолжавшего держать в руке зловещий Конанов трофей.

— Я один был такой, остальные лишь походили внешне — им еще не один год набираться сил.

— Чего это ты вдруг разоткровенничался?

Северянин подозрительно прищурился. Слишком свеж был в памяти утренний визит в храм Затха в Шадизаре, когда Хеврон точно так же заговаривал Конану зубы, перед тем как пустить в него арбалетную стрелу. Правда, сейчас опасности он не почувствовал, но не сомневался, что какая-то цель у привратника была... Быть может, спасти остальных каменномордых? Скорее всего так, и это несложно проверить.

— Потому что это тебе ничем не поможет,— злобно рокотала голова.— Ты скоро подохнешь, если только у тебя не хватит ума убратся отсюда!

— Сегодня утром примерно такую же беседу вел со мной Хеврон,— усмехнулся киммериец.

— Ну и что? — Тусклые глаза головы скосились в сторону Конана.

— Я до сих пор жив,— назидательно изрек киммериец,— а он нет!

— Смотритель храма Затха в Шадизаре был всего лишь человек,— надменно произнесла голова,— а меня убить нельзя!

— Многие так думали,— спокойно заметил молодой варвар.

— А ты попробуй еще раз и увидишь,— в тон ему пророкотала голова, и от этого спокойствия присутствующие похолодели.

— Ну, если ты настаиваешь,— киммериец равнодушно пожал могучими плечами и посмотрел Бруну в глаза,— сожги эту тварь!

Он увидел, как округлились от ужаса глаза привратника.

— Ты все равно подохнешь! — истощно заорал он, словно гряда камней искрашивалась в огромной мельнице, со скрипом перетираясь в песок. Девушка испуганно прижалась к руке киммерийца и зажала ладонями уши.— И ты умрешь вместе с ним, маленькая дрянь!

— Ага,— глубокомысленно заметил молодой варвар, недовольно морщась, словно съел что-то кислое,— похоже, я угадал, и истории суждено повториться. Сожгите всех троих! Ворота открыты, срубите рычаги ворота, он нам больше не понадобится, и разберите помост! Да смотрите, чтобы трупы каменномордых не расползлись, пока вы разводите костер! И заткни ему пасть, Брун! Нет сил выносить эти вопли!

Сотник и сам пришел к тому же выводу, потому что киммериец еще не закончил говорить, а аккуратный кляп уже торчал изо рта не желавшего помирать трупа.

Именно в этот миг Милла вновь вскрикнула и еще сильнее прижалась к киммерийцу.

— Что такое, милая? — Он наклонился к девушке и погладил ее по щеке.

— Посмотри!

Она кивнула на останки — отсеченную руку и обезглавленное туловище. Рука конвульсивно сгибалась и разгибалась, словно уже горела в еще не разожженном костре, а обезглавленное тело поднялось на ноги и, вытянув вперед единственную руку, принялось шагать, слепо тыкаясь в стены.

— Кр-ром! — взревел киммериец, видя, как панический ужас овладевает одинаково и молодыми, и стариками, и понимая, что нельзя ему позволить пустить корни в душах людей. — А ну пошевеливайтесь, бездельники! Ловите остальных! Чтобы ни один не ушел!

Тарган прикрикнул на своих людей, и все разом засуетились, даже радуясь, что их оторвали от омерзительного зрелища. Кое у кого из сотни Бруна нашлись секиры, с успехом заменившие топоры, и часть людей, вмиг срубив рычаги ворот, тут же принялась крушить ненавистный помост.

Двое оставшихся каменномордых не стали дожидаться, пока их найдут, а поднялись из горы трупов и попытались спастись бегством. Они действительно казались неуязвимыми, но без малого шесть сотен воинов были все-таки слишком серьезной силой. К тому же люди теперь знали, как справляться с подобными тварями, и две головы оказались срубленными почти мгновенно, а тела расчленены на части.

— Подальше! Подальше от ворот разжигайте! — крикнул Конан.

— Ну? Что теперь? — спросил Мэгил, уже вполне оправившийся и теперь не отходивший от киммерийца ни на шаг.

Северянин посмотрел на друга и удивленно пожал плечами. Станный человек! Откуда ж ему-то знать? Он что, бывал здесь раньше?

— Скажи-ка, девочка, — обратился он к Милле, — если прямо сейчас отправиться наверх, там можно будет, не вызывая подозрений, остановиться на ночь-лег?

— Конечно, — она пожала плечами, — я уже говорила тебе: Сура-Зуд — большой город.

— А дом там можно купить? — Киммериец задал следующий вопрос.

— Смотря какой, — уклончиво ответила она. — Лачугу в городе не купишь. Они все в деревнях, что вокруг города...

— Что?!

Мэгил оторопело уставился на девушку. Та пожала плечами.

— Я же говорила тебе, что Сура-Зуд — большой город! — Она вновь повернулась к Конану. — А в самом городе можно купить хоть дворец! Там хватает пустующих зданий, хотя жителей все еще много и днем на улицах полно народа.

— Так вот зачем они воруют женщин! — воскликнул киммериец.

— Да. — Милла потупилась. — Я очень радовалась, что выгляжу моложе своих лет, но теперь и меня сочли достаточно взрослой и вчера впервые послали в казармы, но я выпарапала глаза первому, кто приблизился ко мне.

— Тебе больше нечего бояться, — успокоил ее Конан, — завтра утром ты отправишься к Тулгун Саду, и никто больше не посмеет оскорбить тебя.

— Конан, возьми меня с собой, — вдруг попросила она и умоляюще посмотрела на киммерийца. — Я пригожусь вам — я умею залечивать раны.

— Хм. Невелико искусство, — усмехнулся тот, — достаточно помочиться на рану, и она пройдет сама.

— А если рана на спине? — лукаво улыбнулась девушка, едва удерживаясь от смеха.

Неизвестно, что уж там Мэгил представил себе, но только он коротко хохотнул, однако тут же сделал

серьезное лицо и прикрыл рот рукой, не желая вмешиваться в их спор.

— Ничего. Я вон его попрошу. — Конан ткнул жреца пальцем в грудь, отчего тот сдавленно охнул. — Ты ведь не откажешься помочиться на спину другу, правда? — спросил киммериец, зловеще вращая глазами, и, дождавшись его утвердительного кивка, добавил: — Так что отправляйся, детка.

— Нет! — закричала девушка, и глаза ее, в которых еще недавно не было ничего, кроме грусти, а только что промелькнули смешинки, теперь гневно сверкнули. — Я останусь с тобой! Ты обещал!

— Забудь об этом! — резко оборвал ее киммериец. — Я ничего не обещал тебе!

Она закусила губу и вдруг улыбнулась:

— А что ты станешь делать без меня в Сура-Зуде? — Ее первая попытка не удалась, но Милла и не думала сдаваться. Она решила подобраться к киммерийцу с другой стороны. — Ты ведь не знаешь ни обычаев, ни порядков, царящих там... — Она выразительно посмотрела на него, потом на Мэгила, на подошедшего Зула, ожидая, когда смысл ее слов достигнет их сознания. — Вас схватят в первый же день!

— Ха-ха-ха! — Зул восторженно расхохотался и хлопнул киммерийца по плечу. — Признайся, брат, что в этом поединке ты проиграл!

Конан, однако, вовсе не был расположен шутить.

— Ты уверена, что с тобой мы не попадем впро-сак?

— Если я пойду с ним, — она кивком указала на Мэгила, — то смогу устроить его на ночлег, а утром покажу город и помогу приобрести дом. Я знаю людей, которые занимаются этим, и знаю, где их найти.

— А почему я сам не могу сделать то же самое? — поинтересовался жрец. — Ты мне укажешь, где остановиться на ночь, а утром я спрошу у хозяина, к кому обратиться по поводу покупки дома. Неужели он не объяснит мне?

— Объяснит, — кивнула девушка, — но он обязан донести, что в его таверне остановился на ночь чужестранец, желающий приобрести дом в Сура-Зуде. Он обязан поступить так, — повторила она, — и он это сделает, ведь за нарушение правила его ждет суровая кара!

— За молчание можно заплатить, — спокойно заметил северянин.

— Можно, — девушка улыбнулась, — но тогда ситуация станет для него еще опаснее, и теперь уже он точно донесет, что желающий купить в Сура-Зуде дом чужак не желает, чтобы о нем знали власти, и получит за это вознаграждение от жрецов.

— Ты можешь объяснить нам, как вести себя, — не сдавался киммериец.

— Всего не расскажешь, — она кокетливо качнула головкой, — слишком много мелочей, каждая из которых может оказаться роковой. Я убедила тебя?

— Сдаюсь! — Конан поднял руки. — Итак, ты отправляешься с Мэгилом.

— Да, но он не может идти один, — тут же возразила девушка.

— Почему? — невольно вырвалось у Конана.

Сам он по натуре был волком-одиночкой, и никогда еще это не доставляло ему хлопот.

— Никто из горожан, неважно, знатного он рода или простой ремесленник, — терпеливо объяснила она, — не станет останавливаться на ночлег в таверне. Он просто отправится домой. Крестьянин сделает тоже самое, хотя его появление и не вызовет особых подозрений, но наряжаться крестьянином или ремесленником я бы не советовала — у них слишком мало прав. Любой стражник вправе схватить простолюдина и доставить для дознания, даже если ему просто не понравится лицо человека.

— У нас нет недостатка в доспехах, — заметил Зул.

— Верно, — согласилась она, — но любой человек знатного рода вправе остановить воина на улице и от-править с поручением куда угодно. Тебя это устроит?

— Быть может, изобразить местного нобиля? — поинтересовался Мэгил.

— Тоже не годится. — Девушка покачала головой. — Знатных семейств в городе не так много. Их знает в лицо каждый житель Сура-Зуда.

— Так что же остается? — спросил Конан, которому начал надоедать бессмысленный разговор. Он был уверен, что Милла прекрасно знает ответ на этот вопрос.

— Остаются жрецы Затха. Ими буквально кипит город. Даже если все вы обрядитесь в жреческие балахоны, никто не заметит вашего появления. — Все молчали. — Жреческая одежда хороша тем, — продолжала она, — что это простой темно-синий балахон с капюшоном. Он одинаков для жрецов любого ранга, но младший жрец не имеет права снимать капюшон с головы, старший жрец может носить его как заблагорассудится. Те, кто стоит еще на ступень или несколько ступеней выше, носят тюрбаны — белый, синий, коричневый и, наконец, черный. К тому же балахон достаточно просторен для того, чтобы спокойно носить под ним и доспехи, и оружие.

— Хорошо, — согласился Конан, — считай, что ты меня убедила. Что ты предлагаешь?

— Он не может идти один, — повторила Милла.

— Ты об этом уже говорила, — напомнил Конан.

— Я помню, — она улыбнулась, — но я не говорила почему!

— А почему? — покорно спросил киммериец.

— Все очень просто. — Девушка гордо смотрела на него, сознавая, что добились-таки своего. — Даже младший жрец может спокойно ходить по городу и днем, и ночью, но ему незачем останавливаться на ночлег в таверне.

— Все то же самое, — вздохнул Зул.

— Верно, но и гости из большого мира в Сура-Зуде не редкость. Такой гость может пожелать отдохнуть с дороги и уже потом отправиться по своим делам. Но по делам обычно приезжают жрецы более высокого

ранга — те, кто носит тюрбан, но такие не ездят в одиночку. При нем должно быть не меньше одного старшего жреца и двух младших, четырех стражников и двух слуг, одним из которых могу быть я.

— Тебе лучше нарядиться жрицей, — возразил Конан, — младшей жрицей, чтобы никто не видел твоего лица.

— Согласна, — с готовностью согласилась она.

Милла старалась не выдавать волнения и выглядеть серьезной, но не могла сдержать довольной улыбки.

— Тогда едем.

Они быстро переоделись. Мэгил надел синий балахон и белый тюрбан. Зул и Милла надвинули капюшоны, надежно спрятав лица в складках ткани. Четыре зуагира надели доспехи стражников, а Нук — еще один синий балахон.

На их счастье, склады у входа оказались полны всего, что им было нужно. Как видно, подобная надобность в смене обличья возникала достаточно часто. Желанные гости тоже должны были подчиняться установленным в городе порядкам.

Вскоре они добрались до коней, и четыре десятка всадников, держа в правой руке по факелу, во весь опор помчались по мрачному ходу, неизвестно кем и когда пробитому в чреве горы.

Пещера то сужалась, грозя сойти на нет, то расширялась вновь. Иногда потолок становился столь низким, что молодому варвару поневоле приходилось наклоняться, чтобы не разбить себе голову. Иногда же серые гранитные своды терялись в вышине, хотя и случалось это не часто. Пару раз они пересекали огромные залы.

Наконец пахнуло свежим воздухом, и они вынеслись на простор. Конан поднял голову и замер пораженный. Черное, бархатное небо раскинулось над головой, бриллиантовая россыпь звезд сияла на нем от края до края.

И вновь, второй раз за этот вечер, неясное воспоминание легко коснулось сознания киммерийца, но тут

же исчезло. Он чуть придержал повод, конь послушно шагнул влево и пошел вдоль стены. Остальные двинулись следом, и через несколько десятков шагов людям показалось, что они вышли на край дороги, не очень круто, но уверенно забиравшей кверху.

Киммериец осадил коня:

— Ну что ж, удачи вам.

— Будем ждать вас завтра, — ответил Мэгил, — на вечерней заре у городских ворот.

Девушка подъехала к киммерийцу и, неожиданно поцеловав его в губы, ударила коня пятками.

— Скачите, — Конан кивнул Мэгилу, — вы еще должны отдохнуть, завтра у вас много дел.

Глава вторая

На следующее утро Халдон покинул таверну в приподнятом настроении. Он не торопил коня, да и зачем? Когда бы он ни приехал в Сура-Зуд, даже если киммерийский пес будет уже там, его известие не упадет в цене. Быть может, даже возрастет! Халдон расхохотался от удовольствия, но тут же умолк, настороженно оглядываясь по сторонам. Однако было еще слишком рано, улица оказалась пустой, и некому было подивиться на странное поведение жреца. Он вздохнул с облегчением, успокоился, и невольная улыбка вновь появилась на его суровом лице.

Он миновал городские ворота и, отделившись от них на приличное расстояние, пустил коня напрямик через степь, благо хорошо знал дорогу. Если все и дальше пойдет как задумано, то даже при выбранном темпе, не погоняя, он к вечеру достигнет Пасти Нергала, а там и до Сура-Зуда рукой подать.

Пару раз он останавливался, чтобы отдохнуть да перекусить, и ехал дальше. Лишь когда солнце начало клониться к вершинам Карпашских гор, предвещая скорое наступление сумерек, он начал подозревать, что не все идет как надо. Острые глаза Халдона различили вдалеке зуагиров, расположившихся лагерем у самого входа в ущелье, и у него хватило ума тут же свернуть влево.

Он ударил коня ладонью по крупу, и тот, прибавив шагу, понес седока к обходной тропе, ведущей к самому

входу. Халдон, правда, понятия не имел, известно ли о ее существовании зуагирам. Ну что ж, чем больше трудностей встретится у него на пути, тем веселей будет награда! Да и о том, что лишь могло случиться, тоже можно рассказать как о реальном приключении. Успокоив себя таким образом, он двинулся дальше, и даже сознание того, что у начала тропы придется оставить коня, за которого он расплатился своими, кровными, не омрачило его радости.

От этой мысли ему даже стало смешно. Деньги действительно были добыты кровью, правда, не его и даже не им пролитой, однако при случае ему ничего не стоило сделать это самому. Он с довольной усмешкой вспомнил, сколь многих уже обманули его смиренный вид и жреческое одеяние, и по привычке ощущал пяток метательных ножей, укрепленных за спиной, и кинжал на голени. Накрученную на запястье удавку он постоянно чувствовал и так.

Солнце спускалось все ниже, и, когда край дневного светила робко коснулся покрытых снегом горных вершин, Халдон подъехал к началу тропы. Здесь он снял с коня поклажу и шлепнул его на прощание по крупу. Кому-то завтра повезет. Что ж, не беда, Митра велел делиться!

По привычке он поправил заплечный мешок и широким, бодрым шагом привыкшего много ходить человека направился по тропе, которая круто уходила вверх. Быстро темнело, но отсутствие света мало тревожило Халдона: по этой тропинке он смог бы идти и с закрытыми глазами. Он успел пройти значительную часть пути, и небо уже стало иссиня-черным, когда...

— Эй, святоша, далеко ли собрался? — вздрогнув, услышал он насмешливый голос.

Халдон быстро взял себя в руки и, нарочито медленно обернувшись, поймал устремленный на него насмешливый взгляд молодого зуагира. И как только он умудрился не заметить соплка? Впрочем, несмотря на почти полную луну, было достаточно темно, чтобы укрыться

среди камней. Он собрался уже было потянуться за ножом, когда с противоположной стороны тропы услышал второй голос:

— Ты что же, жрец, не слышал, о чем тебя спрашивают?

Второй голос был суров, и в нем не слышалось ни доброты, ни мягкости. Мерзавец был не один, и это в корне меняло дело.

— Отпустите меня, добрые люди, — скорбно потупившись, молвил Халдон. Он постарался придать голосу побольше смирения. Обычно это срабатывало. — Клянусь пресветлым Митрой, — добавил он, — вам нечего взять у бедного отшельника.

— Ты не ответил на вопрос, жрец, — повторил обладатель второго голоса.

Ого! Обычно упоминание об отшельничестве срабатывало безотказно. Похоже, эти люди настроены серьезно. По крайней мере, напарник молодого.

— Иду в Нумалию, добрые люди, — покорно ответил он, медленно оборачиваясь, и увидел еще троих.

Великий Затх! Хорошо, что он не успел потянуться за ножами, ибо с четырьмя сразу ему не справиться.

— Что-то ты заливаешь, святоша, — вновь ухмыльнулся молодой. — По тракту-то, поди, быстрее будет, чем через горы.

— Быстрее, — согласился он смиренно, — если не знаешь дороги.

— А ты знаешь! — усмехнулся молодой.

— А я знаю, — покорно кивнул Халдон.

— Нет здесь никакой дороги, — отрезал сердитый, которому надоели эти препирательства. — Поворачивай!

— Дорога есть, — спокойно возразил Халдон, — и, если хочешь, я проведу тебя по ней.

Он со значением посмотрел на сердитого. Двое остальных молчали, не принимая участия в разговоре. Как и сердитый, они были рослыми и умелыми воинами в годах. С такими ему не совладать. Но, раз тропа охраняется, все четверо не пойдут с ним, а справиться

с двумя и ускользнуть в темноте он вполне сумеет. Однако сердитый, который, судя по всему, был у них за главного, оказался не так прост.

— Никуда мы ночью не пойдем, — хмуро заявил он, — и тебя не пропустим, потому что приказ. Хочешь, отправляйся обратно, а коли стоишь на своем и намерен пройти здесь, можешь остаться с нами. Взойдет солнце, вот тогда и посмотрим, куда ведет твоя тропа.

Халдон готов был задушить его собственными руками, но смиренно ответил:

— Как скажешь, господин.

— Отчего же ты перестал называть нас добрыми людьми? — с усмешкой спросил сердитый.

«Выродок Нергалий!» — выругался про себя Халдон, а вслух сказал спокойно:

— О какой доброте ты говоришь, господин? — И на безмятежном лице его одновременно со смиренностью появилось искреннее сожаление. — Ты ведь задержал меня против воли!

— Ладно, не злись, — уже более миролюбиво пробурчал сердитый. — Я ведь сказал, что у нас приказ. Отшельники, небось, живут не слишком сытно? — Он насмешливо посмотрел на жреца. — Пойдем-ка лучше к огню. Перекусишь и устраивайся на ночь. До рассвета успеешь прекрасно выспаться.

Халдон кивнул, соглашаясь. Впрочем, согласия его никто и не спрашивал.

* * *

Для Конана день выдался суматошным и вымотал его до предела. Пожалуй, представься ему возможность выбирать, он предпочел бы хорошую драку мирным заботам, выпавшим на его долю. Нужно было предусмотреть каждую мелочь, а главное — решить несколько очень важных вопросов, в первую очередь два.

Один из них — кого взять с собой в город?

С одной стороны, он понимал, что чем больше воинов пойдет с ним, тем лучше. Киммериец предпочел бы

провести все шесть сотен бойцов, но это было невозможно. Мэтил уехал поздно ночью, и они так и не успели ни о чем договориться. Конан не знал, какой дом окажется в их распоряжении, и понятия не имел о том, где предстоит искать Мелию, а значит, и не представлял, сколько людей ему понадобится.

Молодой варвар прикидывал и так и сяк, пока не пришел к простому выводу: от избытка силы никогда еще вреда не было. Другое дело, что переправляться им придется небольшими отрядами в течение нескольких дней, но это был как раз тот случай, когда лучше промедлить, чем, поторопившись, испортить все дело.

Гораздо больше волновало Конана другое. У Тефилуса любая попытка северянина удержать его от немедленного переезда в Сура-Зуд вызывала приступы бешенства. Он и слышать ничего не хотел, упрямо повторяя, что в первый же день отправится со своей сотней наверх и никто и ничто его не остановит. После целого дня непрерывной борьбы Конану удалось добиться некоторых уступок со стороны отца Мелии: скрепя сердце тот согласился разделить свою сотню на три части и ввести ее в Сура-Зуд за три дня.

К вечеру Конан почувствовал себя совершенно измотанным, но результатом остался вполне доволен, признавшись себе, что не рассчитывал к вечеру разобраться со всеми проблемами. В промежутках между перебранками с Тефилусом киммериец вывез всех раненых в лагерь Тулгун Сада и условился с предводителем зуагиров, что тот простоят со своими людьми у входа в ущелье до полнолуния.

Он облазил пещеру, где произошло недавнее сражение, и обнаружил кладовые, в которых хранилось несметное количество оружия, одежды, съестных припасов, которыми можно было не одну луну кормить те шесть сотен воинов, что оказались в распоряжении Конана.

Так в заботах прошел день. Бесценный день, которых оставалось совсем немного для того, чтобы отыскать место, где держат Мелию, найти к нему доступ и

выкрасть девушку. Пока же известно было лишь то, что она в Сура-Зуде и через восемь дней, в ночь полнолуния, суждено до конца исполниться забытому пророчеству бездну лет назад сожженной на костре колдуньи: в жертву Затху принесут дочь Главного Королевского Дознателя, в теле которой воплотится и обретет прежнюю мощь душа старой ведьмы, чтобы ожившее древнее божество смогло пожрать ее и вернуть утраченную силу.

Однако все, что имеет начало, точно так же рано или поздно кончается. Пришел конец и томительному ожиданию киммерийца. Полсотни всадников, едва сдерживаясь, чтобы не пустить коней в галоп, преодолели пещеру и выбрались наконец на дорогу, ведущую в Сура-Зуд — тайный город почитателей Затха.

Конан, ехавший во главе отряда, посмотрел на небо и невольно придержал коня, пораженный увиденным. Неестественно глубокая, густая синева была усыпана звездами, словно не день сейчас был, а предвечерние сумерки спустились в эту котловину, а вечерняя заря, полыхнув напоследок алым закатом, рассыпала в светлом еще небе самоцветы.

Его вновь посетило воспоминание, но на этот раз не смутное, как прежде, а словно взорвавшееся в мозгу фейерверком разрозненных картин, виденных им в вешнем сне в том проклятом доме.

— Что остановился? — Тефилус не скрывал недовольства, но все-таки натянул поводья, а за ним и весь отряд встал, не понимая, в чем дело.

— Так, ничего... — Конан вздрогнул и недовольно поморщился. — Просто одно невольное воспоминание. Едем.

Кони рванули с места и понеслись вперед. О том, что их ждало в конце пути, людям еще лишь предстояло узнать, попав на самый верх. Киммериец припомнил свой сон, согласно которому там простиралась обширная равнина с десятком-другим убогих хижин, теснившихся к скалам.

Они преодолели уже половину подъема, когда стало ясно, что стены каменного мешка, по которому пролегла дорога, вовсе не отвесны, а имеют едва заметный уклон наружу. Конан вновь посмотрел наверх: небо, не потеряв своей синевы, как ни странно, утратило густоту, а звездная россыпь почти потухла. Как раз напротив того места, где они сейчас проезжали, над самым выходом из пещеры, к стене прилепился исполинский нарост, на котором высилась мрачная громада замка. Выглядел он настолько зловещим, что даже привыкшие к опасности солдаты Бруна и вообще ничего не боявшиеся зуагиры Таргана, только что мирно болтавшие о своем, умолкли, подавленные его мрачным величием.

Мощная, высокая стена, непонятно от кого защищавшая, ибо у ее подножия нельзя было собрать армию, достаточную для осады этой неприступной твердыни, обступила громаду дворца, колоссом вздымавшуюся над стенами. Впрочем, это было не совсем так. Конан, цепкий взгляд которого жадно ловил каждую мелочь, увидел, что дальняя часть стены, на первый взгляд вплотную лепившаяся к скале, на самом деле отстоит от нее на приличное расстояние. Он не очень представлял себе, кто способен спуститься с отвесной, возвышавшейся на тысячу футов над стеной скалы, но тем не менее неведомые строители учли даже такую возможность.

Стена имела лишь один разрыв, внутри которого высились две мощные башни, между ними угадывались огромные ворота, дополнительно защищенные поднятым мостом. Вторая половина моста, неподвижно застывшая на противоположной стороне провала, не достигивалась до ворот на добрую сотню локтей.

Словно зачарованные, рассматривали люди замок и мост и сами не заметили, как оказались наверху. Теперь взгляд каждого невольно оказался прикован к городу...

— Пресветлый Митра... — невольно шептали воины Бруна, не в силах произнести ничего иного.

Девушка не обманула и ничего не преувеличила. Сура-Зуд действительно оказался огромен. Огромен и необычен. В отличие от замка, словно рвавшегося вверх, стены его оказались невысоки, и это особенно бросалось в глаза издали — город выглядел странно приземистым, как бы распластавшимся на плоской вершине горы. Правда, Конан сразу понял, в чем дело: здесь, в сердце гор, куда вела единственная дорога, надежно укрытая в Пасти Нергала, жителям города просто некого было бояться. Правда, оставался вопрос — чего тогда опасались обитатели замка? Однако с ответом на него, видимо, придется повременить.

Наконец они выбрались на равнину и почти сразу оказались в деревне, где обычные босоногие мальчишки возились в пыли, обращая на них внимания не больше, чем их сверстники в прочих местах. Как видно, подобные гости не были здесь редкостью. Зато взрослые реагировали совершенно иначе. Едва завидев всадников, среди которых выделялись блестящими доспехами два десятка воинов, еще два десятка составляли жрецы, двое из них — в белоснежных тюрбанах, а один, Тефилус, в синем, девушки и женщины, что помоложе, мгновенно скрылись внутри домов. Мужчины же провожали всадников хмурыми, настороженными взглядами.

Деревня оказалась небольшой. Всего два или три десятка лачуг теснились вдоль дороги. Сразу за околлицей начинались сады, небольшие, но, судя по заботе, с которой люди ухаживали за ними, обильно плодоносящие.

Конан огляделся. Впереди высокой стеной стоял лес, и насколько он протянулся, можно было только гадать. Лес почти вплотную примыкал к городской стене, оставив лишь узкую полосу свободного пространства, по которой дорога огибала город, чтобы подойти к северным воротам.

Вблизи стена не казалась такой уж низкой, хотя до Шадизарской ей было далеко. Конан подумал, что те пятнадцать-двадцать локтей камня, что высились сей-

час перед ними, вряд ли могли составлять сколь-нибудь серьезное препятствие для нападавших, если бы кому-то пришла в голову мысль осадить город.

Они подъехали к окованным медью дубовым воротам, распахнутым настежь, и почти сразу увидели Мэгила, мирно болтавшего с десятником, который вместе со своими людьми охранял въезд в город. Временами то один, то другой из них посмеивался, с удовольствием откликаясь на шутку собеседника. Разговор, однако, ничуть не помешал Мэгилу сразу заметить приближение отряда, как только он оказался в пределах видимости. Лицо бывшего жреца мгновенно стало строгим, и десятник, сразу почувствовав эту перемену, учтиво поклонился и отступил на шаг.

— Договорим в следующий раз, — небрежно бросил Мэгил и, шагнув навстречу отряду, остановился перед конем, несшим Бруна в одеждах старшего жреца. — Я ждал тебя несколько раньше.

— Прошу прощения, господин. — Сотник смиренно склонил голову. — Путь по равнине оказался длиннее, чем я рассчитывал.

До конца играя свою роль, Мэгил пропустил объяснения мимо ушей и, окинув вновь прибывших внимательным взглядом, почтительно обменялся приветствиями с носителями тюрбанов, ответил на сдержанные кивки старших жрецов, остальных же, включая Конана и Акаяму, одетых младшими жрецами, не говоря уж о простых воинах, а тем более слугах, он попросту не заметил. Он повернулся и бросил через плечо:

— Следуй за мной.

Отряд двинулся неспешным шагом, и вскоре ворота остались позади. Ничего особенного незваные гости не увидели. Город как город. Таких много раскидано по свету. Другое дело, что выстроен он в горах и о самом существовании его до сих пор мало кому известно. Конечно, с Шадизаром ему не сравниться, и все-таки был он велик невероятно... Для города, укрытого в сердце гор.

Конан с интересом рассматривал улицы Сура-Зуда. Дома выстроены добротно, из серого гранита, но именно поэтому выглядели мрачно. Похоже, никому из строителей просто в голову не пришло заниматься ненужным украшательством. Правда, проехав чуть дальше, он понял, что это не совсем так. Здания были либо вообще лишены украшений, либо украшены изображениями пауков. Мерзкие твари сидели на стенах и на крышах и недобро пялились на чужаков, словно подозревая об истинной цели их приезда.

Чем дальше продвигался отряд, тем больше каменных пауков окружало их, и киммериец понял, что они приближаются к центру города. День подходил к концу, и на улицах было в мерулюдно, хотя столпотворений они нигде не увидели. С одной стороны, это порадовало киммерийца: случись беда — не придется пробиваться сквозь толпу, хотя он по опыту знал, что именно в ней гораздо проще затеряться. Даже с его размерами.

Жители города занимались своими обычными делами, что-то продавали, что-то покупали, но не чувствовалось в этой жизни той беззаботной веселости, что наступала к этому времени суток в городах на равнине. Чуть ли не с тоской вспомнил он Пустыньку, где сейчас начинают заполняться посетителями кабаки, таверны и духаны и люди радуются в предвкушении заработанного дневными трудами блаженного отдыха. Здесь же все выглядели деловитыми и сосредоточенными, словно даже теперь, когда на мир опускались сумерки, предвещавшие скорый приход ночи, они не могли отрешиться от дневной суеты с ее заботами и волнениями.

Пожалуй, это было самой большой странностью, которую заметил Конан, едва очутившись на улицах города. Правда, отметив это про себя, он тут же начал думать о другом, ибо забот у него хватало. Так, озираясь по сторонам, стараясь при этом не обращать на себя особого внимания, они добрались наконец до сво-

его временного пристанища, хотя знал об этом лишь Мэгил.

Услышав о том, что они приехали, Конан успел лишь мельком взглянуть на фасад дома и решить про себя, что место, где им предстоит провести ближайшие несколько дней, выглядит, пожалуй, даже мрачнее окружающих его зданий. В следующий миг ворота в стене, окружавшей дом, отворились и полсотни всадников въехали в небольшой дворик-колодец.

Как только они оказались внутри, Мэгил резко обернулся, и маска брезгливого высокомерия, казалось, навсегда застывшая на его лице, растаяла без следа, уступив место обычной для него слегка ироничной, но доброй улыбке.

— Как твоя рана, здоровяк?!

— Давно бы так, — проворчал киммериец, сжимая приятеля в медвежьих объятиях, словно собирался не поприветствовать его, а раздавить, — а то выдумал — следуйте за мной!

— О-хо-хо! — простонал жрец и даже перестал улыбаться. — Верю, верю, что ты здоров! Ох, отпусти! Я слишком плотно пообедал!

— Да уж, лучше оставь обед при себе, — миролюбиво согласился киммериец. — А рана, — он повел могучим плечом, — по правде говоря, я ее просто не чувствую.

* * *

Несмотря на то что задача перед ними стояла непростая, за столом царил почти праздничное оживление. Пробраться в таинственный город поклонников Затха — это уже большая удача, хотя до окончательной победы еще далеко. Однако так уж устроен человек: что бы с ним ни происходило, он всегда надеется на лучшее.

— Церемония начнется завтра в полдень, — сказал наконец Мэгил, когда все насытились, и Конан увидел, как невольная судорога боли исказила лицо Тефилу-

са.— Она продлится семь дней и завершится Большим Жертвоприношением в полночь. До этого ежедневно будут совершаться Малые Жертвоприношения.

— Что это такое? — поинтересовался киммериец.

— Не знаю.— Мэгил равнодушно пожал плечами.— Скорее всего, в жертву Затху будут приносить не людей, а животных. Хотя это вполне может означать и что-то другое.

— Вы не о том говорите,— подчеркнуто спокойно напомнил о своем присутствии Тефилус.— Мне совершенно наплевать, как выглядит Малое Жертвоприношение. Меня интересует только моя дочь! Моя дочь, и больше ни-че-го! — произнес он раздельно, по слогам, видимо чтобы придать своим словам больше веса.

— Вполне с тобой согласен.— Конан поднял руки в примирительном жесте.— Что ты предлагаешь? — спросил он, сразу переходя к делу.

— Я предлагаю напасть на них завтра же.

Конан поморщился, как от зубной боли: как раз этого он больше всего опасался. Тефилус, однако, предпочел сделать вид, что не заметил реакции киммерийца:

— Завтра первый день церемонии, и они наверняка не ждут, что кто-то осмелится помешать им, да еще здесь, в тайном городе! Что скажешь?

Он обернулся к киммерийцу, и тот кивнул, хотя и непонятно было, согласен он с такой точкой зрения или всего лишь принимает ее к сведению.

— Я не имел бы ничего против такого плана действий, если бы именно завтра решалась судьба твоей дочери,— спокойно сказал северянин.

— А так ты не согласен? — разочарованно спросил отец Мелии.

— А так я не согласен,— кивнул Конан.— Ты верно заметил, что завтра первый день церемонии. Именно поэтому они будут начеку, чтобы исключить любую случайность. Тем более,— добавил он,— зная о том, что мы отправились в погоню.

— Почему ты так думаешь? — угрюмо спросил Дознаватель.

Конан пожал плечами:

— Я сам поступил бы именно так, но, если тебе нужны доказательства, вспомни о засаде, поджидавшей нас в горах. Ее ведь оставили именно для твоей сотни.— Он выжидательно посмотрел на Тефилуса, но тот подавленно молчал, досадуя на себя за то, что совсем забыл о засаде в ущелье.— Нет! — вновь заговорил киммериец.— Они будут нас ждать непременно! Никто из их людей не вернулся, и это может означать только одно — никого из них нет в живых.

— Либо они попали в плен,— добавил Мэгил.

— Уверю тебя,— Конан усмехнулся,— для Харага это означает одно и то же.

— Хорошо.— Тефилус нахмурился.— Что предлагаешь ты?

— Шесть дней ничего не значат. Все решает седьмой.— Киммериец обвел присутствующих суровым взглядом.— Я хочу, чтобы все поняли: что бы ни происходило в первые шесть дней, для нас не имеет значения. Непоправимое случится лишь на седьмой, а это значит, что первые шесть полностью в нашем распоряжении. Именно поэтому я предлагаю не торопиться.

— Ждать?! — вскинулся Тефилус, мгновенно позабыв о данном самому себе слове сдерживаться.— Когда моя дочь в смертельной опасности?! Ну нет! Я предупреждал тебя, варвар, что буду действовать по своему усмотрению! — Он прицелился в Конана сухим пальцем.— По счастью, я не один! Брун, пойдем со мной, нам нужно кое-что обсудить!

Он встал и направился к выходу. Вздохнув, сотник поднялся и направился следом.

— Кром! — рассвирепел киммериец.— Стой, говорят тебе! Стой, Тефилус! Оглянись! Все мы пришли сюда ради твоей дочери!

— Не все,— угрюмо ответил Дознаватель, невольно замедляя шаг, но внезапно обернулся и посмотрел

Конану в глаза. — Я не люблю тебя. Ты это знаешь. Но я верю тебе, хотя и не согласен с тобой.

Конан покачал головой — какая же все-таки каша в голове у этого человека!

— Я понимаю, — согласился Конан, — ты говоришь о Таргане и его людях, но, уверяю тебя, у них горячие сердца и холодные головы. Никто из них не надеется найти здесь пропавшую дочь или жену. Они пришли отомстить! Пришли ради того, чтобы больше никто в их клане не пропал!

Тарган поднялся и посмотрел Конану в глаза:

— Не сердись, брат, но я сам могу сказать за себя. — Он повернулся к Тефилусу. — Зуагиры — жестокий, но справедливый и мудрый народ. Зуагир никогда не бросит друга и не успокоится, пока месть не настигнет обидчика. Но мы терпеливы. Мы можем ждать сколько угодно, но рано или поздно враг захлебнется в собственной крови.

— Хорошо, — нехотя согласился Тефилус, непонятно к кому обращаясь, — сколько ты собираешься ждать?

— Не знаю... — Конан задумчиво покачал головой. — Пока не знаю, но хочу, чтобы ты понял одно: если ударишь завтра и попытка твоя не удастся, а, скорее всего, так оно и будет, то тем самым ты подпишешь дочери смертный приговор, потому что другой возможности у нас уже не будет. — Он замолчал и посмотрел в глаза Дознавателя. — Поэтому, прежде чем начать действовать, я хочу знать, что собой представляет церемония и где во время ее проведения будет находиться Мелия. Будут ли ее охранять? Сколько тайных стражей будет в толпе и как распознать их? Я хочу знать все! Лишь тогда можно надеяться на удачу! И лишь тогда я смогу ответить на твой вопрос.

* * *

Когда Конан ушел наконец в свою комнату, уже перевалило далеко за полночь. Он лежал в кровати и припоминал события прошедшего дня.

Их находилось чуть больше полусотни в этом доме — маленькая горстка от общего числа людей, готовых по первому же зову на все, но и они были силой, причем силой немалой. Правда, сила эта была видна далеко не каждому и заключалась вовсе не в способности сокрушить тысячекратно превосходящего по численности врага, а в умении пройти, просочиться сквозь его непреодолимый заслон, добиться успеха и вернуться назад, не понеся при этом потерь.

К сожалению, Тефилус все понимал иначе. Едва увидев врага, он рвался вперед, считая себя вправе распоряжаться жизнью людей, которым он платил. Конан не сомневался, что, не останови он отца Мелии, тот, дождавшись утра, спокойно положил бы на площади бойцов Бруна и, быть может, погиб бы и сам, погубив при этом и свою дочь.

Нет, идти напролом нельзя, и, поговорив с Мэгилом, Конан еще раз убедился в своей правоте.

Прибыв в Сура-Зуд, бывший жрец, поневоле вернувшийся на время к прежнему занятию, дождался утра и, прихватив с собой Миллу, Зула и пару охранников, с утра отправился на прогулку по городу. Его сразу неприятно поразили огромное количество жрецов и солдат на улицах и хмурость, если не угрюмость, простых людей, которую вечером отметил и Конан. Мэгил подумал, что люди просто боятся: когда ему все-таки удавалось добиться чьего-либо расположения и улыбка невольно появлялась на лице собеседника, тот, спохватившись, начинал тревожно оглядываться, словно проверяя, не видел ли этого кто-нибудь.

До полудня они бродили по городу, и тут только жрец смог по достоинству оценить совет девушки. Даже трое жрецов с весьма немногочисленной, но хорошо вооруженной охраной вызвали должное уважение. В то же время он видел, как постоянно пинали простых горожан и стражники, и жрецы, как они обирали лавочников и уличных торговцев, беззастенчиво вынося из лавок приглянувшийся нехитрый товар.

Впрочем, подобное отношение к черни было не редкостью и в других городах, и Мэгил вскоре перестал думать об этом, особенно после того как заметил еще одну странность Сура-Зуда. На улицах встречались старики, мужчины и дети, очень много детей, но почему-то почти не было видно молодых женщин и юных девушек.

Отметив про себя это, Мэгил продолжил наблюдения, стараясь увидеть и разузнать как можно больше. Его удивило и то, что центральная площадь была пуста и безлюдна, но Милла объяснила ему, что здесь проводят торжественные обряды и различные церемонии, в последнее время чаще всего — публичные наказания и казни недовольных. Здесь же на следующий день должно было начаться семидневное торжество, главная роль в котором отводилась Мелии. Излишне говорить по этому, что простые люди старательно избегали страшное место.

Площадь оказалась обширной — более двухсот локтей в поперечнике. Примерно треть ее окружности примыкала ко дворцу управителя, величественному, но мрачному, как и все остальные, зданию. Напротив располагалась резиденция Верховного Жреца Затха, которая сильно уступала дворцу если не в отделке, то размерами.

Как объяснила Милла, в прежние времена управителя выбирали из числа именитых граждан Сура-Зуда, но уже давно эта должность упразднена, а власть целиком перешла в руки жрецов. Их глава переселился во дворец, а прежние свои апартаменты жреческая община продала ростовщику, который понадеялся на хороший барыш, но прогадал: мрачное, пользовавшееся дурной славой здание так никто и не пожелал выкупить.

Услышав об этом, Мэгил загорелся желанием купить бывший дом Верховного Жреца. Невзирая на протест Зула, они осмотрели предполагаемую покупку, которая оказалась целым комплексом из дюжины зданий, как и все остальные в городе, тесно примыкав-

ших друг к другу. Каждое имело свой отдельный вход и внутренний двор. Только расположены они были не совсем обычно — кольцом с небольшим парком посередине, в который можно было попасть из любого из двенадцати зданий, а оттуда во дворец, и тогда вся площадь оказывалась как на ладони.

О внутреннем устройстве этого комплекса они узнали, лишь попав к ростовщику, и сразу отбросили все колебания.

Надо сказать, что тут им повезло еще раз. Нынешний владелец, конечно же, знал, что представляют собой эти дома, и давно уже даже не мечтал избавиться от залежалого товара. Поэтому, когда явившийся неожиданно жрец Затха, предварительно ознакомившись с планировкой, небрежно спросил о цене, у ростовщика от восторга чуть не случился удар. В глазах дельца загорелся алчный огонек, но благоразумие быстро погасило его, вовремя подсказав, что, если уж община захотела вновь вступить во владение своей собственностью, он должен радоваться любой цене, коли не хочет остаться и без денег, и без домов, и, вполне вероятно, без головы.

Теперь они вполне могли разместить в городе свою небольшую армию. Оставалось только решить, как использовать ее. Конан еще раз подумал о предложении Тефилуса и вновь отменил этот вариант как неприемлемый. Вот если бы они сумели незаметно оказаться в непосредственной близости от Мелии, то, действуя внезапно, вполне могли бы рассчитывать на успех, но... Пока об этом рано было думать.

Гораздо сильнее Конана привлекал другой путь — пробраться во дворец и выкрасть Мелию. Если бы речь шла о вещи, которую можно просто положить в карман и унести, он не колебался бы ни мгновения, но Мелия... Как только дворцовая стража заметит двух беглецов, а такое вполне возможно, он вряд ли сумеет в одиночку отбить девушку.

Неожиданно Конан вспомнил о замке, мимо которого они проехали на пути в Сура-Зуд. Ни на стенах, ни

в окнах он не заметил ни малейшего движения. Мост был поднят, но замок казался не мертвым скоплением камней, а, скорее, живым существом, изготовившимся к бою чудовищем. Какие черные дела творились за его черными стенами, да и был ли он вообще обитаем, Конан не знал, но обостренное чутье дикаря настойчиво подсказывало ему, что главное зло затаилось именно там.

Во всяком случае, он настоял, чтобы днем никто не ходил по городу, и все согласилось с ним. Мэрил тут же написал письмо, привязал его к ноге Фана, и сокол поднялся в ночное небо.

...Конан вдруг почувствовал, что мысли начинают путаться, что он с трудом удерживает внимание на нужной теме, и понял, что засыпает: день выдался хлопотным, и усталость давала о себе знать.

Внезапно киммериец насторожился: ему почудились осторожные шаги в коридоре. И хотя находился он среди друзей, не раз спасавшая ему жизнь привычка сработала сама по себе. Он напрягся, весь обратившись в слух. Сон как рукой сняло.

Медленно и бесшумно массивная дубовая плита повернулась в бронзовых петлях, открывая проход в коридор, и в комнату вошла Милла. Девушка осторожно прикрыла за собой дверь, неслышно подошла к Конану и села на край постели. Она положила руки ему на грудь, потянулась губами к его губам, и только тогда киммериец открыл глаза.

— Сколько тебе лет, девочка?

Милла вздрогнула от неожиданности, но тут же рассмеялась.

— Я думала, ты спишь, — сказала она и еще ниже склонилась к его лицу. — Я уже говорила тебе, что на самом деле старше, чем выгляжу.

— Придется тебе подрасти еще немного.

Он широко зевнул и отвернулся к стене, недвусмысленно намекая на то, что разговор окончен. Ей хотелось развеяться от обиды и расцарапать ему лицо ногтями...

— Ты обещал!

В ярости она ударила его кулачками по плечу.

— Ну, года через два я ничего не буду иметь против, — лениво зевнув, ответил Конан и устроился поудобнее.

Милла едва не задыхнулась от возмущения, но он даже не посмотрел на нее, и тогда она неожиданно рассмеялась.

— Ну а сейчас? — успокоившись, спросила девушка. — Хотя бы посидеть рядом с тобой можно?

— Посидеть можно, — милостиво разрешил Конан и закрыл глаза.

И тогда Милла тихонько запела. Песня была нежной и немного грустной, а голос девушки звучал так ласково и зовуще, что Конан с неожиданной нежностью подумал о той, что сидела рядом, и это невольно пробудившееся чувство удивило его самого. Ему стало невыразимо приятно. Он не вслушивался в слова, но странным образом понимал их смысл, который постепенно заполнил все его сознание. Она пела о радости первой любви и горечи разлуки с любимым, о тревожной тоске в ожидании встречи, о простой, тихой радости любить и быть любимой.

Засыпая, он подумал, что зря прогнал девушку. Она была совершенно права: если бы о возрасте можно было судить по росту, сам он потянул бы лет на сто! От этой мысли ему сделалось смешно, но рассмеяться он не успел, ибо в тот же миг заснул.

Стоит ли удивляться, что приснилось ему именно то, что с ним произошло. Он опять, засыпая, лежал в постели, и вновь, как и тогда, наяву, насторожился, слышав легкие, едва различимые в ночной тишине шаги за дверью. По слабому потоку воздуха догадался о том, что дверь отворилась, почувствовал ее приближение и на этот раз расслабился... Он помнил, что должно произойти дальше. Вот она села на край кровати и положила свои маленькие, нежные руки ему на грудь, и он открыл глаза.

Он открыл глаза как раз в тот миг, когда она склонилась к его лицу и коснулась губами его губ. Конан почувствовал их нежность, вдохнул терпкий аромат волос, ощутил ее пьянящую пылкость, помимо его воли плоть откликнулась на страстный зов...

Внезапно он проснулся и открыл глаза.

Словно в лихорадке, девушка покрывала поцелуями его лицо. Она прижималась к нему, дрожа, пылая, словно в огне, и глубокие, резкие вздохи ее больше походили на стоны. В этот миг он рассвирепел. Посидеть рядом?! Конан собрался зарычать и поддать ей напоследок, но почувствовал, что вместо этого руки его сжали ее горячее трепещущее тело.

— О, мой Конан! — простонала она в восторге.

— Кром! — выругался он, впиваясь в ее губы.

* * *

Его сытно накормили и напоили, и вот теперь Халдон лежал на расстеленном плаще в самом темном углу пещеры и слушал нескончаемую болтовню молодого трепача, которого, похоже, приставили к нему сторожем. Он говорил, говорил, говорил...

Говорил о том, что отца его пять лет назад загрыз в этих горах барс и с тех пор мать одна воспитывает троих сыновей и дочь, среди которых он старший. Рассказывал о том, как трудно им приходилось, но теперь все изменится. Месяц назад он прошел посвящение в мужчины и, значит, стал зуагиром. Осенью он отправится с караваном в Иранистан, а это хорошие деньги. Он накупит всем обнов, а особенно сестренке — она у него такая красавица! И мать не забудет — сколько ей пришлось перенести...

Он говорил еще о чем-то. Говорил, говорил, но Халдон его уже не слушал, лишь отмечал про себя, что давно перевалило за полночь, хотя утро еще и не близко, что речь парня постепенно становится все более сбивчивой, что костер догорает, а трое сидящих вокруг него зуагиров во главе с сердитым, похоже, задремали,

потому что не подкидывают дров, чем добросовестно занимались до сих пор.

Если он собирается уходить, то сейчас самое время. Парень наконец-то умолк, костер потух окончательно, и лишь несколько углей еще тлели на том месте, где недавно еще жаркое пламя с аппетитным хрустом пожирало дрова.

Халдон быстро размотал удавку и бесшумно сел. Парень даже не шевельнулся, он мирно спал, устало свесив голову на грудь, трое остальных дремали у потухшего костра. Отработанным движением жрец вскинул руку. Мгновение — и удавка затянулась вокруг шеи. Мальчишка слабо задергался, не успев даже понять спросонья, что произошло.

— Тихи, тихо, парень, — шептал ему на ухо жрец, сильнее затягивая петлю, — скоро встретишься с отцом.

Халдон чувствовал, как движения весельчака понемногу слабеют. Наконец он дернулся в последний раз и затих. Темнота ночи сменилась для него мраком небытия. Халдон аккуратно опустил на землю мертвое тело и, ослабив петлю, снял удавку с шеи мертвеца и намотал ее себе на запястье. Свое дело она сделала, с оставшимися тремя ей не справиться.

Он осторожно потянул руку за спину, достал три ножа, тихо встал и хорошенько прицелился. Ни один из троих даже не шевельнулся, когда двоим ножи вонзились прямо в шею, а третьему, тому самому сердитому, клинок угодил в левый глаз и, проткнув его и пройдя сквозь мозг, застрял в затылочной кости.

«Вялые они со сна», — с усмешкой подумал жрец и пошел искать их сумки. Он выгребал из них еду и деньги, но не трогал вещей, понимая, что, если его остановят еще раз и обыщут, будет очень трудно объяснить, где он взял барахло, принадлежавшее покойникам. Покончив с этим делом, он присел на камушек, чтобы перекусить. Есть он, правда, не хотел, но пони-

мал, что дальше, похоже, придется двигаться тайком, а значит, неизвестно, когда удастся поест в следующий раз.

* * *

С раннего утра по улицам и улочкам Сура-Зуда ходили глашатаи и громогласно объявляли о том, что близится Время Полной Луны — легендарная дата, ради которой жили в отрыве от всего мира, терпели лишения и страдали бесчисленные поколения предков. Но теперь все изменилось — нет больше богатых и бедных, крестьян и ремесленников, воинов и жрецов. Отныне все равны. Всех ждут на площади, где в полдень начнется церемония Пробуждения Спящего, которая продлится семь дней.

И по тому, как упорно им, вольным гражданам, обещали свободу, Конан понял, что первоначальное впечатление не обмануло его — жители города фактически находились на положении рабов.

Глашатаи продолжали расхаживать по улицам и зазывать народ, обещая бесплатное угощение во время церемонии. Солнце поднималось все выше, и вскоре по улицам покатались телеги, груженные бочками с пивом и разнообразной снедью. Как видно, жрецы решили не скупиться и по такому случаю пошли на разорение собственных кладовых. Это возымело решающее действие. Высыпавшие на улицу люди буквально заполнили город, и Конан подивился про себя их числу.

И еще он подумал, что, видать, неспроста люди сидели по домам. Эта нехитрая догадка тут же породила вопрос: а зачем они понадобились жрецам теперь? Сидели бы и дальше в своих норах... К чему их собирать на площади? Бесплатно кормить и поить? Чем больше он думал, тем серьезнее подозревал, что за всем этим спектаклем что-то кроется.

Вскоре киммериец заметил, что жрецы и стража исчезли с улиц города, и он со своими людьми (ночью пришел еще один отряд, и теперь их стало почти две сотни),

рискуя они показаться на улицах в прежнем обличье, неизбежно оказались бы как на ладони. Конан ни на миг не поверил в дурацкие разговоры о том, что нет теперь ни жрецов, ни простолудинов. Скорее уж, все это представление было затеяно именно для того, чтобы выследить их, ведь в отличие от настоящих жрецов незваные гости ничего не знали о сценарии торжества.

Но что же делать? Не говоря уже о том, что одежды простолудинов, которой они располагали, на всех не хватит, и он сам, и Акаяма, и тем более Зул, стоит им появиться на улице, мгновенно привлекут всеобщее внимание!

Кром!

Конан с досады двинул кулаком по подоконнику. Нужно срочно послать Фана, чтобы нынешней же ночью привезли побольше одежды, а пока придется сидеть дома. По крайней мере, большинству из них.

Тефилус пришел в бешенство, когда киммериец рассказал ему о своих наблюдениях, а главное — выводах. Он заявил, что ему плевать на все! Он приехал сюда для того, чтобы освободить дочь, и не намерен сидеть дома сложа руки и ждать, пока его девочку на его же глазах сожрет проклятый паук!

Конану стоило большого труда убедить его остаться, и сделать это он смог лишь после того, как вспомнил, что они могут прекрасно видеть все из окон. Пожалуй, даже при том столпотворении, которое неизбежно начнется там в полдень, когда начнут раздавать бесплатную еду, они даже окажутся в наиболее выгодном положении.

Близился полдень.

Тридцать человек, заранее обряженных слугами, отправились на площадь, получив строгие указания Конана ни в коем случае ни во что не вмешиваться, вести себя как все и лишь слушать, смотреть и запоминать все увиденное и услышанное. Остальные же расположились у окон второго этажа так, чтобы с площади их не было видно, и принялись ждать.

— Да мы же отсюда ничего не услышим! — забеспокоился вдруг Конан, досадуя на себя за то, что не подумал об этом раньше. — Окна-то застеклены, а открыть их нельзя!

— Поздно же ты спохватился! — ухмыльнулся жрец и, видя, как наливаясь кровью лицо Королевского Дознателя, поспешил заверить всех: — Успокойтесь! Все будет слышно, вплоть до шепота!

— Это как же? — опешил киммериец.

— Ты просто забыл, что я изредка балуюсь магией, — скромно объяснил Мэгил и тут же добавил: — Не беспокойся, они не почувствуют моего скромного волшебства, да и самих нас не увидят.

Огромная толпа внизу бурлила и волновалась, словно море в ветреную погоду. Люди радовались и смеялись, но их веселье было каким-то странным. Конан понял, что впервые за долгое время люди почувствовали свободу и она с непривычки опьянила их.

Киммериец насчитал с дюжину огромных пивных бочек, где каждый желающий мог получить свою порцию, и не одну, хотя, по словам Миллы, сами они могли позволить себе такое лишь по праздникам, да и то не всегда. Рядом громоздились столы, заваленные снедью, где бесплатно угощали всякого.

Одуревшая от неожиданно свалившегося на них изобилия толпа гудела, как растревоженный медведем улей, и ждала зрелищ, возбуждаясь все больше. Людское море вплотную прихлынуло к высокому, почти в рост киммерийца, помосту, выстроенному всего за ночь, и лишь сомкнутый строй дворцовой стражи, четко ограничивший пространство, где дозволено было находиться простолюдным, сдерживал толпу.

Несколько знатных семейств, сохранивших за собой кое-какие привилегии, гордо восседали на примыкавших к помосту трибунах. С презрительной усмешкой поглядывали они на быстро теряющих человеческий облик, гогочущих, обжиралюющих людей, на глазах превращавшихся в тупое стадо. Брезгливо морщась при

особенно громких криках, обмениваясь ядовитыми замечаниями, они потягивали дорогое вино из хрустальных кубков и ели фрукты.

Наконец откуда-то издалека — то ли из Черного Замка, нависшего над провалом, то ли из глубины парка, расположенного за дворцом, что высился по ту сторону площади, — донесся удар гонга, возвещая о начале долгожданного праздника. Глухо застучали невидимые пока барабаны.

Высокие двустворчатые двери с замысловатыми, ослепительно сверкавшими золотом барельефами пауков на створках распахнулись, и из глубины, из темного, укрытого густой тенью проема, словно из другого мира, показалась процессия жрецов в синем. Они шли в два ряда медленным, танцующим шагом, который соответствовал сложному ритму, отбиваемому барабанщиками. Накинутые на головы капюшоны полностью скрывали лица. Тяжелая ткань балахонов свободно падала до самого пола. Они шли низко опустив головы, словно на плечах каждого лежала его часть общей непосильной ноши.

Выйдя из здания, шеренги разошлись в стороны и растянулись длинной, плотной цепью вдоль фасада дворца, постепенно образовав полукруглую живую стену, оставив свободным лишь пространство посередине, как бы охватив с двух сторон устроенный в центре помост.

Глухой барабанный бой понемногу усиливался, становился громче, словно, приближаясь, готовился нахлынуть на толпу, как накатывается на берег мощная штормовая волна. Однако время шло, а в темном дверном проеме никто больше не появлялся. Тем не менее толпа на площади невольно затихла.

Конан почувствовал вдруг, что тупеет, и встряхнул головой, сбрасывая наваждение. Сознание мгновенно прояснилось. Он попытался определить, откуда исходит барабанный бой, но так и не смог. Звуки доносились издалека, с самой границы слышимости, и место это не могло находиться нигде, кроме Черного Замка.

Гонг ударил вторично, и его чистый, высокий звук повис в воздухе, мгновенно заполнил собой все пространство площади и взмыл над толпой, чтобы, повисев немного, раствориться без следа в далеком рокоте барабанов. И когда это произошло, толпа невольно вздохнула то ли в немом благоговейном восторге, то ли от внезапно нахлынувшего разочарования и тут же вновь затихла, готовясь к предстоящему зрелищу, хотя никто из людей и не знал, чего он ждет.

Неожиданно, словно по команде, толпа вновь прихлынула к помосту, едва не смяв оцепление, и восторженно взвыла, заглушив на время все звуки. Из темной пасти двери вышли на свет четыре фигуры в сером и остановились, ожидая, когда поднявшийся вокруг невероятный шум немного стихнет.

Наконец одна из серых фигур отделилась от остальных, вышла на середину помоста и сбросила с головы капюшон. Лишь тогда восторженный рев начал утихать, и Конан смог расслышать то, что говорил человек в сером.

— Братья и сестры! — обратился он к притихшей толпе. — Пришел конец нашему долготерпению, длившемуся бесчисленные века! Дважды за это время мы были близки к осуществлению своих замыслов, но оба раза злобные козни врагов расстраивали их. С болью в сердце думаю я, сколь многие заплатили своими жизнями за осуществление великой мечты! Казалось, чередой напрасно загубленных судеб не будет конца. Но прав оказался великий пророк Имгад, изрекший, что лишь бесчисленные жертвы и нескончаемое долготерпение, беспощадность к предателям и врагам приверженцев истинной веры смогут помочь нам в осуществлении высокой мечты прадедов. Теперь этот миг настал во многом благодаря человеку, которому суждено было привести нас к нынешней победе, — Харагу!

Полная лицемерного пафоса речь жреца наконец-то закончилась. Театральным жестом он воздел руки к

небу и, развернувшись, отступил в сторону, приветствуя своего собрата.

Одна из трех оставшихся в отдалении серых фигур подошла к первой и сбросила с головы капюшон. Толпа восторженно взревела, вновь заглушив не такой уже, как прежде, далекий рокот барабанов. В третий раз ударил гонг, и Хараг протянул руки к толпе, призывая людей к молчанию. Опьяненное пивом, одурманенное непрерывным рокотом человеческого стадо подчинялась медленно и неохотно. Все же постепенно установилось некоторое подобие порядка, и Хараг, как и его собрат, торжественно воздел руки к небу.

— Близится Время Полной Луны! Скоро Спящий проснется! Он уже идет к нам!

И словно по волшебству, только что бесновавшиеся люди замерли в благоговении, и все как один усталились на Харага, не зная, верить ему или нет. Некоторое время царила почти полная тишина, нарушаемая лишь неотвратимо приближавшимся рокотом, а Глава Малого Круга так и стоял, воздев руки к небесам, словно боялся, что малейшее движение может нарушить некое возвышенное таинство, созданное его словами, и тогда все рухнет и придется начинать сначала.

— Идет! Спящий идет! — истошно завопил вдруг кто-то, и толпа тут же подхватила: — Спящий идет! Дорогу Спящему!

Конан вдруг заметил, что ритм барабанного боя изменился, став более напористым, и теперь к нему примешивались резкие, нечастые удары гораздо более низкого тона, и цель их была не заворожить и подчинить себе внимание зрителей, а задать некий тон, ритм движения кому-то, пока еще невидимому. И вслед за каждым ударом следовало продолжительное:

— О-оу-ох! О-оу-ох!

— Спящий идет! — вновь возвестил Хараг. — Дорогу Спящему!

Толпа загудела и заволновалась. Площадь стала похожа на подернутую рябью водную гладь, взбаламученную ветром. «Спящий идет! Спящий идет!» — слы-

шались отовсюду выкрики. Люди оборачивались, глядя во все стороны, боясь пропустить самое интересное. Спящий идет! Ясно, что идет он на площадь, но откуда?!

Люди, хоть и прожили они всю жизнь в тайном городе, единственным смыслом существования которого было пробудить когда-нибудь Спящего, но понятия не имели о том, что происходит. Они знали только, что где-то в одном из тайников города ждет своего возрождения древнее божество, которому поклонялись предки, заветовавшие то же самое делать им.

— Они везут его из Черного Замка, — спокойно сказал Конан, и полсотни человек, находившихся в той же комнате, почти одновременно обернулись к нему.

— Что значит везут? — не понял Тарган.

— Он же спит, — киммериец пожал плечами, — и не может идти сам. Слышишь редкие, низкие удары? — Он посмотрел на друга, и тот быстро кивнул, в волнении облизнув пересохшие губы. — Так задают ритм движений гребцам на галерах.

Мерный, со сложным, постоянно меняющимся ритмом рокот и низкие одиночные удары, сопровождаемые протяжным уханьем, которое издавали сотни слившихся в единый стон голосов, все приближались, хотя по-прежнему никого не было видно.

— Да что ты говоришь! — нервно воскликнул Тефилус, обернувшись к Конану. — Послушать тебя, так можно подумать, там гору перевозят!

— Клянусь Ариманом, так оно и есть! — изумленно прошептал стоявший рядом с ними молодой парень.

— Что?!

Тефилус хотел выругаться, но что-то подсказало ему не делать этого. Он резко обернулся и застыл, пораженный. Нечто огромное, надвигавшееся издалека, действительно больше всего походило на пусть и небольшую, но гору, хотя для горы у сооружения были слишком уж правильные очертания.

Улица, ведущая к Черному Замку, шла резко под уклон, и они упустили миг, когда над мостовой, быстро

вырастая в размерах, появилось загадочное Нечто. Теперь, когда они наконец его заметили, видна была уже значительная часть вершины. Больше всего сооружение это походило на пирамиду, какие, говорят, до сих пор стоят в Стигии.

Пирамида была черной, словно вырезанной из цельного куска антрацита. Она сверкала на солнце, отсвечивая всеми цветами радуги. Кое-где видны были золотые прожилки, а верхушка казалась срезанной, и на небольшой площадке покоилось что-то совершенно бесформенное и непонятное.

Пожалуй, это было все, что Конану с его острым зрением удалось рассмотреть с такого расстояния. Молодой зуагир, стоявший рядом с ним, глупо захихикал, и киммериец тряхнул его за плечо:

— Приди в себя, парень, или отправляйся вниз!

Тот словно очнулся от обморока, глубоко вздохнул и вытер мгновенно покрывшийся испариной лоб. Рокот все нарастал, а низкий, ритмичный бой стал едва ли не оглушающим.

Люди на площади наконец-то смекнули, что происходит. Раздались восторженные выкрики, почти сразу сменившиеся паническими возгласами, и толпа бросилась врассыпную. Люди из всех сил стремились скрыться на близлежащих улицах. Послышались ругань и крики о помощи. Кто-то задавленно заверещал, кто-то нещадно бранился, расшвыривая окружающих, — толпа под окнами быстро редела.

Пирамида неторопливо продвигалась вперед под стремительно нарастающий барабанный бой.

— Пресветлый Митра, да будет ли этому конец? — прошептал кто-то за спиной киммерийца.

— Уже скоро, — спокойно отозвался он. — Посмотри, даже если основание пирамиды соскребают камни со стен домов, мы его скоро увидим.

Все вновь впились взглядами в продолжавшую расти громаду, но странное дело, слова северянина, который совершенно трезво и спокойно воспринимал про-

исходящее, и в окружавших его людей вселили спокойствие и уверенность.

— Ага,— продолжал меж тем киммериец,— а вот и головы носильщиков.

Однако тут Конан ошибся. Люди, что шествовали впереди, вовсе не были носильщиками. Они создавали этот завораживающий, лишающий собственной воли мерный рокот. А пирамида тем временем все росла. Она уже давно на добрую треть возвышалась над крышами соседних домов и теперь стала видна почти полностью.

Люди, заполонившие собой все соседние улицы, боялись покидать их, не зная, где остановится исполин, и пока лишь зачарованно следили за его приближением.

Стали видны бритые, отсвечивающие на солнце головы барабанщиков. Их было две дюжины серокожих исполинов, подобных тем, что доставили Конану и его людям столько хлопот в пещере, и каждый отстукивал свой ритм, странным образом сочетавшийся с остальными, создавая сложную, завораживающую мелодию. Словно тень черного колдовства, которому предстояло совершиться теперь уже в недалеком будущем, наплывала на город и людей, живших в нем, и предвестником его был этот колдовской рокот.

— Черная громада вышла из Черного Замка, чтобы свершилось черное колдовство, и предшествует ей черный рокот,— мрачно пошутил Мэгил.

Киммериец увидел, как от этих слов невольная дрожь пробежала по телу стоявшего перед ним зуагира.

— Кром! — Конан досадливо поморщился, настолько не к месту ему показалось мрачная шутка друга.— Перестань пугать людей, жрец. Колдуныдохнут не хуже всех прочих!

Мэгил вовсе не шутил. Он серьезно посмотрел на киммерийца, но спорить не стал.

Барабанщики неспешно шли в четыре шеренги, по шесть человек в каждой, а следом ехал на колеснице, запряженной четверкой вороных, огромный, под стать

Акаяме, детина, такой же серокожий, как и барабанщики. Возница сидел на высоких козлах, а позади него стоял исполин, задававший ритм движения рабам, головы которых только-только показались над последним пологим подъемом мостовой.

Две огромные колотушки, которыми он попеременно бил в гигантский барабан с полукруглым дном, закрепленный в полу колесницы, выбивали из него низкие звуки, и в такт им мерно раскачивались бритые наголо головы и лоснящиеся от пота темно-шоколадные плечи невольников. На спины их были накинута широкие кожаные ремни, нижние концы которых крепились к двум длинным шестам, протянувшимся справа и слева.

Барабанщики достигли наконец площади. Воины расступились, и шествовавшие до сих пор в четыре шеренги серокожие перестроились, растянувшись в одну шеренгу между помостом и рядом воинов, которые тут же встали на прежние места.

Колесница проехала вперед и остановилась перед ведущими на помост деревянными ступенями, бритоголовые носильщики втянули махину на площадь и замерли посреди нее, но так, что край настила и массивное основание, на котором покоилась пирамида, составили единое целое. Как только это произошло, барабаны смолкли. Рабы тут же, как по команде, нагнулись и скинули «упряжь». Настил мгновенно опустился, сравнявшись по высоте с помостом.

— Близится Время Полной Луны! — вновь возвестил Хараг.— И сегодня первый день из оставшихся семи — День Предсказаний! Сейчас Прорицательница Воли Рока, прихоти которого вынуждены следовать даже боги, попытается приподнять для нас завесу грядущего! Однако прежде мы увидим ту, кому суждено сыграть главную роль в предстоящей церемонии, отдав свою жизнь ради пробуждения Спящего!

Вновь застучали барабаны, но теперь иначе. Это были редкие, энергичные удары. Высокие двери вновь отворились, и из дома вышла процессия людей в синем.

Конан тронул Королевского Дознателя за плечо:

— Ты готов увидеть свою дочь?

Тот вздрогнул, словно от удара хлыстом:

— Я никуда не уйду!

Бой барабанов все ускорял свой темп. Жрецы раступились, и тогда Конан увидел Мелию...

На руках ее блестели стальные браслеты с болтавшимися на них кольцами, в которые была продета массивная цепь. Два огромных надсмотрщика держали концы цепи в руках, следом вышагивал могучий гигант, державший молот. Он был обнажен до пояса, и могучие мышцы перекачивались под заросшей густыми рыжими волосами кожей. Лица верзилы не было видно, ибо его скрывал остроконечный полотняный колпак с двумя прорезями для глаз. Надсмотрщики подвели Мелию к Харагу и остановились. Жрец заглянул девушке в глаза:

— Готова ли ты участвовать в ритуале по доброй воле?

Она ничего не ответила, лишь плюнула Харагу в лицо и отвернулась. Тот вздрогнул от неожиданности и часто заморгал. Толпа возмущенно взревела, требуя немедленной смерти, но жрец поднял руку, и крики почти сразу стихли. Конан с удивлением подумал, что даже не заметил, когда успели увести рабов и жители города вновь заполнили площадь.

— Великий Затх, — громко, нараспев заговорил Хараг в мгновенно наступившей тишине, нарушаемой лишь барабанной дробью, — допусти нас к себе, и в ночь полнолуния, на исходе седьмого дня, ты получишь обещанную тебе жертву.

Дробь все ускорялась. В нее ворвались новые удары, диссонансом зазвучавшие в простом, но стройном ритме, отбиваемом до сих пор.

— Чего они ждут? — прошептал кто-то за спиной киммерийца.

Хараг молча смотрел на пирамиду, словно ожидая от нее ответа на свои слова, и Конан невольно перевел

взгляд туда же. Именно в этот миг ему показалось, что гладкая, как зеркало, черная поверхность вздрогнула. Несколько мгновений он не мог решить, правда это или ему только показалось, что это произошло. Однако вскоре он понял, что не ошибся.

От самого помоста начали проявляться ступени, когда число их достигло двенадцати, Конан увидел, как открывается площадка, достаточная большая, чтобы свободно стоять на ней. На только что образовавшейся вертикальной стене, поднимавшейся от дальнего края площадки, стали видны замысловатые руны, но что они означали, никто, даже Мэгил, не мог разобрать.

Надписи были черного же цвета, однако четко выделялись на черном фоне благодаря странным и непонятным переливам внутри них. И все-таки то было лишь иллюзия. Струящиеся замысловатым потоком цвета создавали впечатление зыбкости, и то, что всего мгновение назад казалось совершенно ясным, вдруг меняло очертания, становясь чем-то иным, непохожим на только что виденное.

— Прибежище Затха открыло тебе свои объятия! — напыщенно воскликнул вдруг Хараг, о котором и Конан, и Мэгил уже успели забыть, один не в силах оторвать зачарованного взгляда от девушки, а другой — с рун, струившихся по стене пирамиды. — Иди, дочь моя!

— Только после того, как ты сам отправишься Нергалу, паучий выкормыш! — зло прошептала Мелия, но никто, кроме главы Малого Круга и стоявших рядом с ним жрецов, этого не слышал.

Глаза Харага гневно сверкнули. Он величественно взмахнул руками, и тогда те же двое, что привели девушку сюда, вновь потянули за концы цепей, и девушка поневоле пришлось следовать за ними. Детина молотом в руках равнодушно шагала следом.

Надсмотрщики провели ее по помосту, затем вверх по ступеням, пока не оказались на только что образовавшейся площадке. Здесь они остановились в ожидании дальнейших приказаний жреца.

— Палач, делай свое дело, — сказал тот, и полуго-
лый детина в маске принялся забивать в стену сталь-
ные костыли, которыми заканчивались оба конца цепи.

Мелия стояла, бессильно опутив руки. Плечи ее
поникли, и когда киммерийцу показалось, что еще не-
много, и она расплачется, девушка гордо вздернула
подбородок и с вызовом посмотрела в лицо Харагу.
Тот ответил ей торжествующим взглядом палача, со-
знающего свою безнаказанность и силу. Он вновь воз-
дел руки к небу и торжественно произнес:

— Мы ждем тебя, мудрая Рогаза! Яви нам волю
Рока, скажи, что ждет нас? Победа или смерть?

Вновь заговорили барабаны, и опять ритм их звуча-
ния изменился. — Мерно шумевшая толпа затихла на
время и почти сразу взорвалась бурей восторга, когда
в проходе появилась та, которую призывал Хараг, —
страпилице, судя по имени, некогда бывшее женщи-
ной. Сколько лет, а может, и веков пролетело с тех пор,
когда она имела человеческое обличье, не знал никто
из присутствующих. Она сидела в портшезе, скрестив
тощие ноги с выпуклыми, непомерно огромными коле-
нями, опираясь о них костлявыми ладонями с кривыми,
узловатыми пальцами.

Когда-то она была человеком. Сейчас же существо
это больше походило на обтянутый буро-серой смор-
щенной кожей скелет. Отвратительно морщинистые
тряпки обвислых грудей болтались где-то на животе,
на шее висело чудовищное ожерелье из костей и высу-
шенных человеческих ушей вперемежку с клыками
каких-то животных и перьями птиц. Единственной
одеждой на ней было некое подобие короткой юбочки,
представлявшей собой связку, составленную из бесчис-
ленного количества пучков какой-то неведомой кимме-
рийцу травы. Четыре сильных раба, несших портшез,
остановились рядом с Харагом и, поставив свою отвра-
тительную ношу на помост, отошли на пару шагов назад
и уселись на настил в той же позе, что и старая кол-
дунья.

Рогаза была легендой для жителей Сура-Зуда. С
за другим сменялись властители, и все они опира-
лись в своей деятельности на советы, а подчас и при-
прорицательницы. Она не была жрицей Затха, но, с
ваясь как бы в стороне, незримо для всех праг-
матическим городом.

Старая ведьма давно уже не показывалась на
дворах. Ходили даже слухи, что колдунья померла, и
теперь, вновь увидев ее, толпа словно обезумела, и
спроси у любого, и никто из бесновавшихся на плес-
к людей не смог бы ответить, почему вид этого жи-
вотного скелета приводит их в неопиcуемый восторг.

Колдунья же сидела не шевелясь, словно неподви-
жное изваяние, и Конан невольно подумал, способна
она вообще двигаться. И, словно отвечая на его не-
ожиданный вопрос, старая образина повернула голову
в упор посмотрела на Харага. Это естественное дви-
жение оказалось настолько неожиданным, что Тефилус
невольно вздрогнул.

— Пусть приведут сюда тех, кто хранит в себе
душу грядущего!

Голос у нее оказался скрипучим и дребезжащим
таким же отвратительным, как и она сама.

Вновь зарокотали барабаны, на этот раз повто-
рил один из уже звучавших ритмов, и из здания вы-
шла целая процессия. Десять связанных друг с другом
толстой веревкой фигур, целиком укрытых плащами
капюшонами, вереницей проследовали за гордо ша-
гающей девушкой, в которой Конан с удивлением узнал
Сурию!

— Да это же... — прошептал Тефилус, сжимая
лапы.

— Держи себя в руках, — поспешил остановить
Конан, — ты ведь знал, что она предательница.

Дознаватель бросил на киммерийца короткий, при-
стальный взгляд и стиснул зубы.

Девушка явно чувствовала себя одной из глав-
ных действующих лиц и, не скрывая этого, красовалась п

толпой. Похоже, она занимала здесь прочное положение, и Конан со злостью подумал, что, наверное, ее побег и то известие, что она принесла Харагу, в немалой степени способствовали ее нынешнему благополучию. Знай он раньше о той роли, что предстояло сыграть этой смазливой мерзавке в судьбе Мелии, и все могло бы обернуться иначе!

Тем временем вереница из одиннадцати человек остановилась посреди помоста, рядом с непонятной конструкцией, закрытой одним большим куском материи, и вделанным возле нее в деревянный помост столбом. На столбе, чуть выше роста Конана, было закреплено стальное кольцо.

Неожиданно легко старуха встала. В правой руке она держала посох, сделанный из позвоночника какого-то древнего животного. На нижнем конце посоха виднелось прикрепленное к последнему позвонку маленькое козлиное копытце. Верхнюю же часть венчал черепок какого-то зверька, весьма похожего на крысу. В пустые глазницы были вправлены два больших рубина.

Опираясь на свой жуткий посох, старуха заковыляла вдоль строя укутанных в плащи фигур, во главе которого стояла Сурия. Она несколько раз прошла взад-вперед, принохиваясь и присматриваясь, прежде чем остановила свой выбор на одной из них.

— Эта! — прокаркала колдунья скрипучим голосом.

Выбранную жертву тотчас отделили от прочих фигур, а остальных отправили обратно. Избранницу подвели к столбу и, поставив к нему спиной, привязали кисти ее рук веревкой к кольцу над головой. Старое пугало, едва достававшее до плеча своей жертвы, оставилось перед ней и посмотрело в темный провал капюшона.

— Расскажи нам о грядущем, милая, — продребезжала старуха, — и ты избежишь многих неприятностей.

Жертва не издала ни звука, и старая карга укоризненно покачала головой. Толпа заворуженно притихла, боясь пропустить хотя бы слово из сказанного.

— К чему противиться? — проскрежетала старуха. — Я ведь знаю, что в твоём нутре скрыта нужная мне правда, и, если не скажешь сама, я выпотрошу тебя, но узнаю ее.

Она протянула свою костлявую, когтистую лапу, желая погладить девушку по щеке, но та так судорожно отдернулась, что едва не разбила себе голову, но все равно продолжала молчать. Сморщенная тварь сокрушенно покачала головой.

— Зря ты так, — проквакала она. — Сурия, детка, заставь ее сделать для нас то, что мы просим.

Бывшая рабыня Тефилуса довольно улыбнулась и, подойдя к двоим надсмотрщикам, все еще стоявшим рядом с Мелией, подала знак рукой и снисходительно кивнула своей бывшей хозяйке.

— Какая ирония судьбы, — ухмыльнулась она, — похоже, мы поменялись ролями, повелительница?

Мелия ничего не ответила, а Сурия расхохоталась и, развернувшись, пошла обратно к тому месту, где осталась вторая девушка, ставшая на время предметом ее заботы. Пока она шла, двое надсмотрщиков взрезали ножами просторный халат пленницы от рукава до подола, стянули его с жертвы, и все увидели обнаженную молодую женщину.

— Великий Эрлик, — прошептал кто-то за спиной киммерийца, — клянусь копытами Нергала, это же Зура, сестра Зургана! — Он обернулся и умоляюще посмотрел на Таргана. — Неужели мы позволим этим последышам Затха погубить девушку?!

— Мы ничего не можем для нее сделать, — угрюмо ответил киммериец и, увидев в глазах молодого зуагира отчаяние, добавил: — Я пришел сюда ради Мелии, но сейчас не двинулся бы с места даже ради нее!

Тефилус резко обернулся.

— Герой! — презрительно бросил он в лицо Конану.

Северянин спокойно пожал плечами, хотя в груди у него начала уже закипать холодная ярость. Однако он заставил себя сдержаться: любое неосторожно сказан-

ное сейчас слово могло привести к взрыву. Он не мог допустить этого, потому что знал: горячие сердца зуагиров мгновенно возьмут верх над их холодными головами. В порыве праведного гнева они готовы будут растерзать любого врага! Вот только сил для этого у них сейчас нет...

— Смерть — достаточно крупная неприятность, чтобы относиться к ней всерьез, — назидательно изрек киммериец, надеясь, что рассудок возьмет-таки верх над чувствами.

— Да при чем здесь смерть?! — огрызнулся Дознаватель.

— Как только ты сунешься туда со своим мечом, — еще спокойнее объяснил киммериец, кивком указав на площадь, — тебя просто забьют пивными кружками!

Конан, конечно, лукавил. Если бы опасность угрожала сейчас Мелии, он ринулся бы в драку не задумываясь, даже будь он один, и плевать на голос рассудка! Тефилус же замолчал и мрачно уставился на толпу, бесновавшуюся внизу, — на него слова киммерийца произвели должное впечатление.

— Конан прав, — поддержал товарища Тарган, которому, Конан видел, слова эти дались нелегко. — Жрецы неспроста выкатили на площадь пиво и еду. Я думаю, такое будет продолжаться все семь дней.

— Так что же делать?! — в отчаянии вскричал Тефилус.

— Во-первых, — ответил северянин, — не терять головы, а во-вторых, думать и искать!

— Что ты надеешься найти?! — истерично всхлипнув, вскричал Дознаватель.

— Я надеюсь найти Сурию, — покорно ответил киммериец, готовясь к еще одной истерике Тефилуса. — Эта маленькая тварь может сильно помочь нам, если, конечно, удастся обмануть ее.

— Да она все поймет, как только увидит тебя! — На этот раз уже взбунтовался Мэгил, но Конан был рад и благодарен ему за этот порыв. — Это верная смерть!

— Кром! Верная смерть — с оружием соваться на площади! По крайней мере, пока все шесть сотен не соберутся здесь! — Почувствовав, что время необдуманных обвинений прошло и к его словам прислушиваются, Конан позволил себе проявить эмоции и тут же добавил: — Да и то я бы прибег к этому лишь в самом крайнем случае.

Тефилус посмотрел на площадь. Резкими ударами Сурия избивала пленницу, тело которой уже покрылось красными полосами, но та закусил губу и упорно молчала. Толпа подвывала, громким одобрением встречая каждую вновь появлявшуюся на теле жертвы кровавую отметину. Наконец бывшая рабыня Тефилуса остановилась, повернулась к старухе и что-то сказала ей, но так тихо, что услышала ее лишь колдунья, которая точно ждала этого, потому что сразу обернулась к Харагу.

— Вели привести сюда одного из предателей! — хрипло каркнула она, и толпа вновь застыла, гадая, какое еще развлечение приготовили для них сегодня.

— Но День Расплаты наступит только завтра! — попробовал было воспротивиться жрец.

— Это верно, — проскрипела колдунья и хрипло рассмеялась. — Хе-хе-хе! Сегодня День Откровения, и если ты хочешь услышать его, то приведи одного из предателей, а на завтрашний день у тебя останется еще один!

Хараг не посмел противиться, хотя этот приказ и нарушал его собственные планы. Он судорожно облизнул губы и, обернувшись, махнул рукой одному из людей в синем. Тот опрометью бросился во дворец. Опираясь на клюку, старуха поковыляла к девушке и вновь повторила:

— Расскажи нам о грядущем, милая!

— Да что она пристала к ней! — не выдержал Зул, у которого от злости посерело лицо. — Что эта девочка может сказать о грядущем, даже если ее забить на смерть? Что эта тварь хочет услышать?!

— Она ничего не хочет услышать,— мрачно пробормотал Мэзил, который, похоже, единственный из всех знал, как будут развиваться события, но объяснять ничего не стал.

Тем временем двое стражников привели жреца, в котором Конан узнал человека, захваченного им в первую ночь. «Как же они добрались до него?» — недоумевал Конан, пока пленника выводили из дворца. Не то чтобы ему было жаль человека, который заявился в дом Главного Королевского Дознавателя, чтобы выкрасть его дочь. Просто он недоумевал, как тот, зная о мстительности своих братьев, мог оказаться столь беспечен, что попался им в руки.

— Жить хочешь? — проскрипела ведьма.

Пленник судорожно закивал. Он не ждал для себя ничего, кроме смерти, и гадал лишь, в каком обличье она явится, поэтому теперь, когда ему подарили вдруг надежду на спасение, он ухватился за нее.

— Что ж,— прошамкала старая карга,— прокатись на осле... Коли удержишься в седле, поживешь еще,— ее обтянутый кожей череп злобно ухмыльнулся,— а нет,— она повела костлявыми плечами,— костер разложить недолго.

— Я удержусь! — с неожиданной энергией воскликнул он.

— Уж постарайся,— опять ухмыльнулась она,— уважь старушку.

При этих словах толпа на площади восторженно взвыла, по достоинству оценив шутку своей страшной повелительницы.

— Пусть удержится! — слышались крики.

— Укrotи осла, предатель! — кричали другие, хотя никакого осла нигде не было видно.

Тем временем, повинувшись команде Сурии, двое младших жрецов освободили от материи то, что она скрывала, и притихшая толпа смогла рассмотреть небольшого деревянного ослика. Его спину укрывала свободно спадавшая до настила попона с надетым поверх нее

странным седлом — с очень высокой лукой и едва ли не спинкой кресла за спиной. Седло это выглядело еще более нелепо на спине ослика, маленького настолько, что стремяна едва не касались дощатого настила.

Наклоненную голову деревянного зверя с унылой, старательно вырезанной мордой и длинными, торчавшими кверху ушами стягивала настоящая узда, поводья которой упали на доски перед его носом, и он словно с удивлением разглядывал их своими стеклянными глазами.

По знаку Рогазы с пленника сорвали одежду — похоже здесь принято было для начала публично унижать человека, прежде чем подвергнуть экзекуции,— и подвели к деревянному животному. Преодолевая стыд, тот сунул ногу в стремя и взобрался в седло, устраиваясь в нем поудобнее.

— Смотри,— ухмыльнулась колдунья,— ослик мал, но прыток.

Она подцепила посохом валявшийся на земле повод и, взяв его в руку, потянула. Голова животного отклонилась вперед и, когда ведьма отпустила ремешок, послушно кивнула. Передние ноги ослика остались на месте, но он стал резко взбрыкивать задними и подбрасывать круп, как сделал бы его живой собрат, старающийся сбросить седока. Поначалу темп был достаточно медленным, но постепенно движения становились все резче и быстрее. Тяжело дыша, пленник судорожно вцепился в луку седла, ноги выпростал из стремян и обхватил ими деревянное туловище, чувствуя, что долго он такой скачки не выдержит, и в этот миг ведьма потянула за повод второй раз.

Толпа внизу завывала от восторга, а стоящие у окон мрачно молчали. Ослик вновь кивнул, соглашаясь с хозяйкой. В тот же миг наездник вскинул голову и вытаращенными глазами уставился на колдунью.

— А! А! А! — резко вскрикивал он, потом открыл рот так, что едва не вывихнул челюсть, и, чувствуя, как огненный стержень все глубже вонзается в его тело,

заорал не своим голосом на одной, нескончаемо высокой ноте. Быстрыми толчками огонь пробивал себе дорогу, пока не взорвался огненной вспышкой где-то посреди груди.

«Животное» остановилось, и колдунья потянула за повод в третий раз. Уныло кивнув на прощание, деревянный зверь разломился посередине, и две неравные половинки упали на дощатый настил. Их мгновенно подхватили и унесли внутрь дворца.

Насаженный на кол наездник остался на месте. На крик ему уже не хватало дыхания. Он попытался вдохнуть, но не смог: грудь намертво сдавило обручем боли. Мгновенно покрывшееся потом тело била мелкая дрожь. Бешено стучавшее сердце успело отсчитать не один десяток ударов, прежде чем он понял, что может дышать... Судорожными, как загнанная собака, не наполняющими легкие вдохами.

Он опустил глаза и увидел нагую девушку, нежное тело которой было сплошь покрыто кровоточащими рубцами. Он прочел в глазах ее страдание и жалость, и тогда не выдержал и закричал криком долгим и страшным, но тихим, похожим на шепот, в отчаянном вопле оплакивая свое бедное, еще трепыхающееся, но уже мертвое тело, не в силах отвести взгляд от девичьих глаз.

Он слышал рев бушующей в восторге толпы, которой понравилось зрелище.

— А-а-а! — в смертельной тоске завывал он, слабо подергиваясь, словно пытаясь спрыгнуть с кола.

— О-о-о! — восторженно ревела толпа.

Сурия со злобещей улыбкой подошла к девушке, и плоть ее заработала с новой силой. Тело жертвы покрылось потом. Новые удары накладывались на прежние раны, выбивая из нежной кожи капельки крови, и толпа все ревела в восторге, сожалея теперь о том, что им самим не удалось поучаствовать в этом.

Почти две сотни мужчин, отважных и бесстрашных, закаленных в боях, стояли у окон и взирали на это безумие, не понимая, как такое может происходить на

свете и почему Митра, если он действительно существует, не прекратит эту мерзость. Им и впрямь казалось, они почти верили в то, что вот сейчас грозный во гневе Податель Жизни спустится с небес, чтобы отвратить страшную смерть от веривших в него людей.

Однако ничего не произошло. Земля не разверзлась, и огненная пучина не поглотила жалкую кучку гнусных тварей в человеческом обличье, возмнивших себя богами, и молния не ударила с небес и не испепелила их. Видно, Солнцеликому было не до людей с их мелкими заботами, даже если эти люди верили в него и молили о помощи.

Не раз и не два рука Конана сама ложилась на оплетенную кожей рукоять меча, но он видел, что и остальные, включая и Таргана с истеричным Тефилусом, с надеждой поглядывают на него, лишь ожидая приказа, готовые броситься вниз. И Конан был бы рад сделать это, но его останавливали глаза Мелии, которая, не видя его, смотрела ему в глаза взглядом, проникавшим в самую душу молодого варвара. И он вдруг почувствовал, что она непостижимым образом знает о его присутствии, и он, поддавшись минутной слабости, предаст любимую.

Словно отвечая на его тайные мысли, Тарган тронул друга за руку:

— Конан, мы должны прекратить это, сейчас они возьмутся за девушку.

Молодой зуагир сказал это очень тихо, но все, кто находился в комнате, обернулись к ним и выжидательно уставились на киммерийца. Кром! Этого еще не хватало!

— Угомонитесь! — воскликнул он. — Вы воины, а не бабы!

— Именно об этом я и говорю! — в тон ему ответил Тарган.

Глаза Конана вспыхнули от ярости. Два бесконечно долгих удара сердца варвар и зуагир молча буравили друг друга взглядами.

— Ты уверен, что мы освободим Зуру? — спросил наконец киммериец.

— Мы можем попытаться сделать это! — воскликнул молодой зуагир. — Посмотри! — Он указал рукой в окно. — Эта стерва опять взялась за плеты! Мы должны сделать что-то!

— Кром! — едва ли не взревел северянин. — Единственное, что ты можешь сейчас сделать для нее, так это умереть вместе с ней!

— Поздно... — простонал кто-то, и Конан бросился к окну.

Все так же сидел на своем окровавленном насесте несчастный жрец, а Мелия округлившимися от ужаса глазами смотрела на улыбающуюся Сурию и старую каргу, стоявшую рядом. Левой рукой она опиралась на чудовищный посох, а в поднятой правой злое сверкнул в лучах солнца причудливо изогнутый клинок.

— Сейчас мы все узнаем... — проскрежетала гнусная образаина, одним неумовимым движением вспорол несчастной живот и тут же с непостижимым для нее проворством отскочила в сторону. Внутренности девушки вывалились на помост, и толпа взвыла в восторге, ревом своим заглушая не затихавший ни на мгновение монотонный рокот барабанов.

Старая уродина пала на колени и, жадно прихлебываясь, принялась внимательно изучать каждый завиток и изгиб дымящихся внутренностей, каждую их прожилку, цвет и структуру вен.

Девушка оторопело смотрела на то, что еще мгновение назад находилось внутри нее, не в силах поверить, что такое могло произойти с ней, а когда поняла всю трагическую непоправимость случившегося, в голове у нее помутилось. Она увидела, как мир перед глазами поплыл, затягиваясь серой пеленой небытия. Лишь в последний миг отчаянным проблеском в сознании мелькнула мысль, что это конец. Смерть. Она слабо вскрикнула, и голова ее бессильно упала на грудь.

Чудовищная старуха тем временем закончила свои исследования, вскинула руку, и толпа мгновенно притихла, так что вновь стал слышен негромкий, заволаживающий рокот. Она тяжело оперлась на посох и с криком встала.

— Что скажешь, Рогаза? — чуть дрожащим голосом спросил Хараг, и волнение его не укрылось от старой колдуньи. — Что открыл тебе Рок?

— Будущее окутано кровавой пеленой, жрец, — растягивая слова, проскрипела ведьма. — Кто-то могущественный не захотел, чтобы я прозрела грядущее до конца.

— Так ты ничего не узнала, старая ведьма?! — позволил себе возвысить голос жрец. — Потеряла чутье? Раньше ты лучше справлялась с подобными задачами!

— Хи-хи-хи! — задрезжала колдунья. — Ты так и не научился терпению, Глава Малого Круга, — издевательски произнесла она, — а ведь без него нет мудрости!

При этих словах своей повелительницы Сурия улыбнулась и окинула молодого жреца презрительным взглядом.

— Так говори же! — уже спокойнее, пытаясь придать голосу величественность, воскликнул Хараг.

— Я узнала почти все о семи днях, — проскрипела ведьма.

— Что значит — почти? — не понял Хараг, которому мешала как следует соображать закипавшая в нем злость.

— Это значит, что мне приоткрылись пять из них! — торжествующе ответила она.

— Пять?! — воскликнул он. — Прекрасно! Какие же?

— Первый уже прошел, — издевательски затянула она, — последний скрыт завесой мрака. Мне открылись пять, — она вытянула перед собой костлявую, покрытую черной, сморщенной кожей ладонь с длинными, кривыми пальцами, — лежащих между ними. Лишь они оказались доступны, потому что враги наши сильны и попытаются помешать нам!

— Они в городе?! — вскинулся Хараг.

Он не сомневался в том, что тайный ход найти невозможно, и был уверен в неприступности его ворот, но знал также и то, что никто из выставленного им заслона не вернулся в Сура-Зуд, а это могло объясняться лишь их смертью. И хотя обычно Хараг ни в грош не ставил жизнь своих людей, на этот раз гибель тридцати воинов внушала ему тревогу, которая черным червем точила душу.

Старуха развернулась и заковыляла вдоль помоста, пристально вглядываясь в лица замершей в оцепенении толпы, шумно втягивая воздух, а Хараг шагал следом, в нетерпении ожидая ее ответа. Копытце на конце посоха цокало по настилу, и лишь этот звук вплетался в странный, похожий на рокот далекого прибоя, монотонный барабанный бой.

В глубине ее глубоко запавших глаз горели ненавистью красноватые угольки зрачков, от которых, казалось, ничто не способно укрыться. Несколько раз она в упор смотрела на Конана, и мороз пробежал по коже киммерийца. Он был уверен, что она чувствует его присутствие, но почему-то не может увидеть. Пока не может...

Он весь напрягся, прикидывая в уме, что станет делать, когда колдунья укажет на него и обезумевшая, жаждущая крови пьяная толпа рванется внутрь дома, чтобы разорвать любого, на кого укажет узловатый когтистый палец ужасной старухи. Наконец ведьма остановилась.

— Нет, — с непередаваемым облегчением услышал он наконец ее скрипучий голос, показавшийся на этот раз сладчайшей музыкой, — их нет на площади, но они уже близко. — Ее глаза злобно сверкнули. — Они где-то рядом! — воскликнула она и волчком закружилась на месте, вновь стараясь сделать то, что пыталась и не смогла. — Я чувствую их! Их плоть, их дыхание, их свежую горячую кровь, но не могу увидеть! Их много, и они полны решимости помешать нам!

— Я сейчас же пошлю отряд к воротам! — воскликнул Хараг. — Они не должны попасть в Сура-Зуд!

— Хе-хе-хе! — вновь заскрежетала колдунья, неожиданно быстро успокоившись. — От судьбы не уйдешь, и то, что должно случиться, непременно сбудется!

— Пусть так, но людей я все-таки пошлю, — упрямо поджав губы, повторил жрец, — быть может, им удастся уничтожить врага. — Старуха покачала лысой головой, и Хараг поправил себя: — В любом случае они ослабят и задержат наглецов, и, кто знает, не сыграет ли это решающую роль в дальнейшем.

— Это твое дело, — неожиданно плавным жестом ведьма взмахнула костлявой рукой, — но можешь не волноваться. Среди врагов найдется человек, который — вольно или невольно, о том мне неизвестно, — предаст их, и вот тогда ты, — она ткнула его в грудь длинным, закрученным в спираль ногтем, — не должен упустить его.

— Я все равно пошлю людей. — Хараг продолжал стоять на своем.

— Я сделала все, что смогла, — прошамкала колдунья, посчитав продолжение спора бессмысленным. — Как поступать дальше, тебе решать.

Они говорили громко, ничуть не опасаясь того, что все, о чем они говорят, разносится по площади и затихшая толпа жадно ловит каждое произнесенное ими слово. У Конана мелькнула мысль, что эти двое не только не скрывают своих намерений, а как раз наоборот, красуются перед людьми, которых не ставят ни во что, не в силах отказать себе в дешевом удовольствии поиграть перед ними роль вершителей судеб.

Как только Конан услышал слова Харага насчет отряда, он тут же отвел Таргана в сторону:

— Нужно поскорее переправить всех твоих людей в город.

— Согласен, — кивнул зуагир.

— И хорошо бы, чтоб почтенный Тулгун Сад занял место твоих воинов у ворот, тогда можно было бы разбить отряд Харага без особых потерь.

— Я думаю, отец не откажет в этом, — ответил Тарган и тут же помрачнел, — особенно когда узнает, что сделали с Зурой.

— Кром! — Конан хмуро посмотрел в глаза другу. — Послушай моего совета: лучше бы ему не знать об этом. Гнев — дурной советчик.

Зуагир кивнул, соглашаясь.

— Я постараюсь, — ответил он, — чтобы Зурган ничего не узнал об этом.

— Постарайся. — Конан кивнул. — Ты ведь знаешь, я не трус, но не хочу погибнуть просто из-за того, что кто-то не выдержит и пожелает немедленно свести счеты.

— Да, — согласился Тарган, — тут ты прав. Что уж там говорить о Зургане, — на скулах зуагира заиграли желваки, — если я сам едва сдержался.

— Верно, — в свою очередь согласился и киммериец, — я тоже, да и, думаю, остальные.

— К чему ты клонишь? — не понял зуагир. Он чувствовал, что друг его сказал это не просто так.

— Я думаю о том, — как можно спокойнее ответил Конан, — что случится, если завтра повторится та же история.

— Тут ничего не поделаешь, — вклинился в их разговор подошедший Мэгил, — у каждого свой предел прочности.

— Ты верно сказал, — кивнул киммериец, — но я совсем не хочу, чтобы кто-то переступил его раньше времени!

— Хорошо, — уже другим тоном, совершенно по-деловому спросил Тарган, — что ты предлагаешь?

— Я хочу, чтобы ты переговорил с каждым из своих людей. — Конан бессильно развел руками. — По-моему, это все, что мы можем сделать.

— А ты со своими.

— У меня нет своих людей, — пожал плечами северянин, — лишь четверо друзей, пришедших со мной по доброй воле, но в каждом из них я уверен, как в себе. —

Конан улыбнулся. — Кстати, один из них ты, Тарган. Но могу успокоить тебя: никто из сотни Бруна не полезет в драку. Все они наемники, и какие бы чувства ни испытывали, здесь нет дорогих им людей. Они будут исполнять приказы Тефилуса, а вот с ним могут возникнуть проблемы, но это уже моя забота.

— Письмо нужно послать как можно скорее, — напомнил о своем присутствии Мэгил.

— Пойдем, — кивнул жрецу Тарган, и они направились вглубь дома.

Когда Конан подошел к окну, толпа на площади начала рассасываться. Тефилус словно прирос к полу, не в силах оторвать взгляда от дочери, но, когда киммериец остановился рядом, он, не поворачиваясь, прошептал:

— Смотри, парень. (Киммериец послушно взглянул на площадь.) Сейчас она останется совсем одна. — Дознаватель медленно поднял руку, указывая на дочь. — Хватит и десяти человек, чтобы вырвать ее из лап этих ублюдков. — Он повернулся к северянину, и тот увидел застывшие в глазах Тефилуса слезы. — Что скажешь?

— Скажу, что ты был бы совершенно прав, если б не забыл про цепи.

— К Нергалу цепи! — воскликнул отец Мелии. — За ночь их можно перепилить в десяти местах!

Конан нахмурился. Он по опыту знал, что самый дешевый сыр, как известно, лежит в мышеловке.

— Ну о чем тут думать? — нервно воскликнул Дознаватель. — Нужно брать то, что само дается в руки.

— При этом стоит позаботиться о том, чтобы не остаться без рук! — веско заметил лучший из шадизарских воров.

— Что ты имеешь в виду? — На миг Тефилус опешил.

— Я никогда не брал то, что легко взять, — спокойно объяснил ему Конан. — Именно поэтому до сих пор жив, здоров и на свободе. Те, кто думал иначе, закончили свой путь на плахе.

Тефилус помрачнел, но задумался, и, пока они стояли так, группа жрецов в сопровождении отряда стражи и двух надсмотрщиков подошла к Мелии. Достав ключи, они освободили руки девушки от кандалов и повели ее за собой.

Пока она шла, поначалу спускаясь по ступеням пирамиды, а после ступая по дощатому настилу, она не могла оторвать глаз от двух изуродованных тел — мертвой девушки и живого еще мужчины, который казался ей странной, уродливой куклой, рожденной больной фантазией кукольных дел мастера.

— Вот и все, — обреченно прошептал Дознаватель.

— Сколько их было?

Голос Конана, который вывел его из оцепенения, звучал так спокойно, словно речь шла не о жизни и смерти, а о том, что заказать на ужин и сколько придет гостей. Впрочем, что ему беспокоиться? Это ведь не его дочь собираются скормить мерзкому пауку! Глаза Дознавателя гневно сверкнули, и он собрался уже сказать что-то язвительное, но кто-то опередил его.

— Четыре жреца, шесть стражников и два надсмотрщика. — Так же как и у его друга, голос Зула был ровен и спокоен. — На помосте полсотни стражи и два десятка жрецов, — продолжал он перечислять, обегая взглядом опустевшую площадь, — около двух сотен вокруг помоста и пирамиды, примерно столько же на прилегающих к площади улицах.

— Значит, без малого пять сотен... — задумчиво произнес Конан.

— К утру мы будем иметь превосходство! — запальчиво воскликнул Тефилус.

— Нет, — киммериец покачал головой, — как только мы ввяжемся в драку, их станет значительно больше.

— Значит... — обреченно прошептал Дознаватель, да так и не закончил говорить.

Для него все рухнуло, ибо видел он лишь один путь к цели — мечи из ножен и вперед! В остальное он просто не верил.

— Я по-прежнему считаю, что этот самоубийственный путь мы вправе избрать лишь в самом крайнем случае, — сухо ответил Конан.

— Но что же делать? Что делать?! — простонал Дознаватель.

— По крайней мере, один путь я для себя наметил, — спокойно сказал киммериец.

— Какой же? — встрепенулся Тефилус, которого то бросало в жар, то бил озноб, в зависимости от того, надежда или уныние побеждали в его душе.

— Сурия.

— Эт-та тварь... — Тефилус задохнулся от злости. — Не вижу, чем она может помочь нам.

— Ты многого не видишь, — резонно заметил киммериец. — Впрочем, если это ни к чему не приведет, я с удовольствием сверну ей голову, — к удивлению Зула, добавил его друг, предотвращая своим признанием очередную вспышку ярости Дознавателя. — Думаю, после сегодняшнего это даже доставит мне удовольствие.

Он огляделся. Часть людей уже вернулась внутрь дома, остальные стояли вокруг, словно ожидая, что вот сейчас северянин выложит перед ними тщательно продуманный план уничтожения этого поганого гнезда и у всех на душе полегчает. Он горько усмехнулся. Как далека на самом деле действительность от их надежд, порожденных слепой верой в него, лучшего из воров Заморы!

— Пошли отсюда, — сказал он совершенно не то, что от него ждали. — Ни к чему мелькать перед окнами теперь, когда площадь опустела и снаружи могут быть слышны наши голоса. К тому же нам есть о чем подумать и есть что обсудить.

Они возвращались темными коридорами, ибо договорились не зажигать света ни в одной из комнат, окна которых выходят на лежащие вокруг улицы или площадь. Стол был давно накрыт. Они расселись по местам и молча принялись за еду. Первым не выдержал Тефилус.

— Что скажет лучший из воров Шадизара? — Пока они шли назад, Дознаватель успел остыть, прийти в себя и настроиться на язвительный лад. — Помнится, ты говорил, что, будь ты на месте жрецов, непременно нашел бы способ выкрасть мою дочь. — Его лицо искажилось судорогой. — Чем ты собираешься подтвердить свои слова?

— Что ж, я чувствовал, что этого разговора не избежать, — мрачно изрек киммериец. — Я вижу, что все вы рветесь в бой...

— А ты единственный против! — с сарказмом воскликнул Тефилус.

— А я единственный против, — спокойно согласился Конан, — и хочу объяснить, почему я против. Я считаю, что, пока время работает на нас, ни к чему торопиться. Любая мелочь может изменить ситуацию в нашу пользу.

— Ага! Оказывается, все идет хорошо, а я-то, выживший из ума глупец, и не подозревал об этом! — со злой иронией воскликнул Тефилус. — Мне-то казалось, что времени у нас остается все меньше! — Он расхохотался. — Оказывается, нет! — Он вновь посерьезнел и закончил так же зло, как и начал: — Но вчера еще, заметь, этих дней было семь, а сегодня осталось на один меньше!

— Это так, — согласился Конан, едва сдерживая ярость, — каждый день что-то приносит, а что-то берет взамен. Вчера у нас было больше времени, но мы не знали того, что знаем сегодня!

— Интересно было бы услышать, — прошипел Дознаватель, уже зная, каким будет ответ, — о чем ты говоришь!

— Я говорю о Сурии.

Киммериец с трудом заставлял себя говорить спокойно, понимая, что в этом спокойствии единственная его надежда. Дай он сейчас волю чувствам, и все пойдет прахом.

— А-а! — довольно воскликнул Тефилус. — Эта мерзавка!

— Верно, — с готовностью согласился киммериец. — Но эта маленькая дрянь — единственная ниточка, за которую мы можем попробовать уцепиться.

— Интересно знать, как ты собираешься сделать это? Увидев тебя, она сразу поймет, зачем ты здесь, и если мое желание действовать силой ты называешь самоубийством, то как назвать твою хитрую задумку?

— А ты никак ее не называй, — примирительным тоном посоветовал варвар и продолжил: — Все мы слышали, как старая карга говорила о предателе в наших рядах. Я не верю во все эти бредни, прочитанные на вывалившихся внутренностях несчастной девушки. Не верю еще и потому, что не представляю, кто из здесь присутствующих способен на предательство и ради чего. Однако это предсказание может сыграть нам на руку. Я помню, какими глазами Сурия смотрела на меня в Шадизаре, и если страсть ее еще не остыла...

— Да как только она увидит тебя, то сразу поймет, зачем ты сюда приехал! — воскликнул Дознаватель. — И тут же сдаст тебя этому... Харагу! А может, и еще лучше — прикинется, что поверила, а сама донесет на тебя жрецам, и тогда всем нам, не одному тебе, крышка!

— А почему ты думаешь, что я и сам не задумывался о том же? — Конан посмотрел на Тефилуса. — И кто тебе сказал, что я стремлюсь в покойники? — Он ждал ответа, но, видя, что Дознаватель исчерпал запас мыслей, заговорил вновь: — Нет, я помирать не собираюсь, а что касается Сурии, — на миг он задумался, — честность — лучшая политика, — изрек он не очень свежую, но зато верную мысль. — Я даже не стану стараться скрыть, зачем пришел сюда. Тем более что, как ты верно заметил, она и сама об этом знает.

Тефилус сокрушенно покачал головой.

— Должен признаться, — помолчав, сказал он, — что я тебя не понимаю.

— Все очень просто, — объяснил киммериец. — Я пришел, чтобы выкрасть Мелию, но лишь набитый

дурак, увидев сегодняшнее, может всерьез рассчитывать на то, что его безумная затея не обречена на провал.

— Ты думаешь, она тебе поверит?! — недоверчиво спросил отец Мелии.

— А почему нет? — удивился киммериец. — Да, я честно выполнял свои обязанности охранника — это она знает. Да, я согласился попытаться вырвать ее из лап жрецов и именно за этим приехал в Сура-Зуд — это ясно и так. — Он помолчал. — Но несомненно также и то, что ни один наемник ни за какие деньги не согласится пойти на верную смерть!

— Если только... — Мэгил предостерегающе поднял указательный палец.

— Если только у него нет других, более весомых, чем деньги, мотивов, — согласился киммериец. — Но о них-то ей ничего не известно!

— Что ж, — Тефилус недовольно хмыкнул, — быть может, в этом и есть смысл.

— Во всяком случае, — Конан пожал плечами, — это стоит попробовать.

— Кое о чем ты все-таки забыл, — поправил его Акаяма.

— Что же это? — спросил Конан и впервые за вечер позволил себе промочить горло.

— Все, что ты говорил, верно, — заговорил Акаяма, — но гораздо лучше было бы, если б не ты, а она нашла тебя в Сура-Зуде. Конечно, это мелочь, но эта мелочь не приведет ее к мысли о возможном подвохе.

— Согласен, — кивнул киммериец. — Значит, к утру надо придумать, как сделать это.

— Ты позабыл о нас, — напомнил зуагир.

— Ты имеешь в виду возможную слежку? — Конан вопросительно посмотрел на Таргана и, когда тот кивнул, добавил: — Тут все достаточно просто. Конечно, после встречи с Сурией мне нельзя будет возвращаться сюда. По крайней мере, до тех пор, пока я не пойму, чего от нее ждать. Придется купить еще один неболь-

шой домик на окраине. Хорошо бы с запасным выходом, чтобы можно было незаметно улизнуть.

— Ты хоть сознаешь, — вступил в разговор Мэгил, — что все это, скорее всего, ни к чему не приведет?

— Конечно, — кивнул киммериец, — но путь к успеху чаще всего бывает весьма извилист. Иногда он становится похож на горную тропу, с которой ничего не стоит сорваться.

— А сколько времени он займет, ты подумал? — вновь заговорил Тефилус.

— Сколько времени он займет, если мне все удастся, — это не важно, — заметил Конан, — а вот удастся ли, будет ясно через день или два.

— Это значит, — Дознаватель упорно гнул свое, — что, если твоя затея провалится, у нас останется всего четыре дня на то, чтобы придумать что-то еще.

— Три, — поправил его Конан. — Конечно, последний день был бы самым выгодным для задуманного тобой нападения. Они будут уверены, что все тревоги позади и ничто уже не в силах помешать им. Очень соблазнительно нанести удар именно в этот миг, хотя я по-прежнему считаю, что лучше бы обойтись без этого.

— Если я правильно тебя понял, — заговорил Тарган, — шестой день — это крайний срок.

— Верно, — кивнул Конан.

— Мне очень неприятно, — вновь заговорил Тарган, — что ты забыл о наших женщинах, которые, как мы сегодня узнали, находятся там! — Зуагир махнул рукой в сторону замка.

— Я не забыл об этом, Тарган, — киммериец отрицательно покачал головой, — но раз уж зашел разговор о пленных зуагирках, то давай говорить начистоту. Я и трое моих друзей здесь только ради Мелии. Тефилус и сотня Бруна здесь за тем же, хотя я хочу ее выкрасть, а он отнять. Ты со своими людьми здесь ради мести, а теперь выяснилось еще одно обстоятельство.

— Зачем ты мне все это говоришь? — Тарган удивленно посмотрел на друга. — Все это я знаю и так.

— Все очень просто,— объяснил киммериец.— Если мой план сработает, за нами немедленно кинутся в погоню, и несложно будет забрать ваших женщин, но в любом случае ты должен знать, где искать их, а я не думаю, что Мелию и ваших девушек держат в разных местах. Вот когда нам будем известно, где они и кто их охраняет, наше нападение уже не будет походить на самоубийство.

Тарган тряхнул головой.

— Похоже, друг мой, ты все уже продумал,— довольно заговорил он.— Недаром мой отец не устает повторять, как он жалеет, что ты не остался с нами.

— Если б все! — Конан невольно поморщился.— Утром Мелия была бы здесь. Пока я лишь думал о том, как не попасться на какой-нибудь глупости и отыскать пути к цели.

— Хорошо,— вновь заговорил Тефилус,— но предположим, что твои планы ни к чему не привели, а время-то уже упущено!

— А разве я призываю тебя сидеть сложа руки? — откровенно удивился Конан.— Ищи, но ищи осторожно! Кстати,— остановил он сам себя, словно вовремя поймал почти ускользнувшую мысль,— у меня упорно не выходит из головы одно соображение. Ведь все эти дома принадлежали прежде жрецам.

— Ну и что? — не понял Дознаватель.

— А то,— вновь заговорил киммериец, поясняя свою мысль,— что в храме Затха в Шадизаре было полно потайных дверей и ловушек. Вход в пещеру, ведущую в Сура-Зуд, тоже мало похож на обычные ворота. Помоему, это говорит о нездоровом пристрастии к тайнам и игре в таинственность. Нужно хорошенько поискать во всех домах. Не удивлюсь, если мы наткнемся на что-то интересное.

— Хорошо,— неожиданно вмешался жрец,— я займусь этим.

— Ты? — Конан удивленно взглянул на Мэгила.— Разве это твое дело? Ведь в Шадизаре ты так и не смог обнаружить тайник, хотя и знал про него.

— Ну, не совсем так,— скромно улыбнулся бывший жрец.— Я давно уже отыскал каверну в стене, но вот разгадать действие механизма действительно не сумел. К тому же меня сбивало то, что тайник явно находился за наружной стеной.

— Почему же ты не сказал мне об этом сразу? — удивился северянин.

— Мы были еще слишком мало знакомы,— пожал плечами жрец,— это походило бы на хвастовство.

— Тоже верно,— согласился киммериец.

— Вот видишь,— заметил Мэгил и отпил из своего кубка, явно смакуя напиток, который друг его поглощал огромными глотками.

— Хорошо.— Конан встал.— Хочу лишь предупредить тебя еще об одном: если обнаружишь голову или руку статуи, подлокотник кресла — одним словом, нечто явно незыблемое, что легко приходит в движение, немедленно оставь это в покое.

— Договорились,— согласился жрец, также вставая.

Остальные поняли это совершенно однозначно и принялись расходиться. Большинство из них если и не были полностью довольны происходящим, по-прежнему считая, что одолели бы врага в прямой стычке, но и не согласиться с Конаном не могли. Ведь чтобы спасти девушек, нужно, по крайней мере, знать, где они. Ведь вполне могло статься, что пленниц гораздо больше, чем они видели на площади!

— Кстати,— едва они остались одни, молодой варвар нахмурился,— что-то я давно не видел Миллу.

— Ага,— ехидно усмехнулся бывший жрец,— а я-то гадаю: когда ты о ней вспомнишь?

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился киммериец.

— Да нет, это я так,— поспешил заверить друга Мэгил.— Но если ты хотел, чтобы ваши отношения оставались в тайне, вам нужно было перебраться в другой дом. Прошлой ночью никто заснуть не мог, пока вы не

угомонились. — Он посмотрел на друга и покачал головой. — Бабник ты, киммериец.

— Гхм! — досадливо крикнул Конан. — Надеюсь, ты шутишь?

— Какие уж тут шутки, — со вздохом потупился жрец, смиренно опустив глаза. — Впрочем, я тебе сказал, а дальше уж твое дело. Да, ты, кажется, спрашивал о Милле? — спросил он вдруг как ни в чем не бывало. — Она имела неосторожность пробраться за нами. Ей, видишь ли, тоже хотелось знать, что творится на площади. Думаю, сейчас она приходит в себя в каком-нибудь укромном уголке.

— Понятно. — Северянин кивнул.

— Да, — согласился Мэгил, — вот только куда она спряталась, я понятия не имею.

— Не имеет значения, — отмахнулся киммериец, — я хотел сказать тебе о другом. Вернее, попросить: присматривай за ней — она ни в коем случае не должна появляться на улице.

— А я-то и не догадывался! — восхищенно всплеснул руками жрец.

— Вот и славно, — спокойно согласился Конан.

Он ушел в свою комнату, с размаху бросился на кровать и попытался отключиться. Это ему удалось достаточно быстро, но отделаться от тяжелых мыслей он не смог даже во сне. В какой-то миг они всплыли из подсознания в виде сонных видений, которые несли на себе странный отпечаток реальности. Он вновь увидел Сурию, почувствовал, как руки ее ласкают его грудь, его лицо. Его передергивало от этих прикосновений, словно то были не нежные руки девушки, а отвратительные щупальца холодного скользкого гада.

Он почувствовал на лице ее горячие поцелуи, которые казались ему отвратительными, липкими и в то же время обжигающими прикосновениями медузы. Его передергивало от отвращения, и приступы эти становились все чаще и чаще, пока в какой-то миг он не понял

с ужасом, что это не спазмы отвращения, а едва сдерживаемая страсть, бурно рвущаяся наружу.

Он сжал гибкий девичий стан и навалился на него всем телом, пытаясь прекратить это безумие, когда вдруг почувствовал странную раздвоенность: словно одновременно сжимает девушку в объятиях и в то же время лежит в собственной постели на спине. Именно в это мгновение он понял, что просыпается.

Конан резко открыл глаза, и пробуждение его оказалось подобным взрыву. Он почувствовал на себе пылающее огнем тело Миллы, и вместе с облегчением на него навалилась новая, теперь уже неодолимая волна страсти. Все смешалось перед глазами и в голове киммерийца — сон и явь, ненависть и любовь.

Медленно, но неохотно неистовое забытие отпустило их тела, уступив место блаженной истоме, вместе с которой понемногу возвращалась и способность мыслить.

— Мне показалось, что ты хотел прогнать меня, любимый, — нежно прошептала она. — Почему?

Она прижалась к его могучей груди, все еще дрожа, и заглянула в глаза. Киммерийцу не нравился этот разговор, но ни увильнуть от него, ни солгать он не имел права.

— Мне приснилось, что ты — Сурия.

— Ты... Ты собираешься идти к ней? — едва слышно шепнула она, и крупные слезы сами собой показались по девичьим щекам. — Конан, миленький, не ходи к ней! — Плача, она покрывала лицо киммерийца поцелуями. — Умоляю тебя — не ходи! — лихорадочно повторяла она. — Я знаю эту проклятую девку. Она коварна и жестока! Она колдунья! Она готова поцеловать и тут же воткнуть нож в спину! Не ходи к ней, Конан!

— У меня нет выбора. — Киммериец вздохнул и недовольно поморщился, не зная, как успокоить девушку. — Тефилус нанял меня, чтобы освободить Мелию, а Сурия — единственный ключ к воротам дворца.

— Еще и эта! — Милла вскочила на него верхом и ударила кулачками в грудь. — Скажи мне: ты любишь ее? — Слезы на лице девушки мгновенно высохли, уступив место праведному гневу.

— Перестань! — попытался отмахнуться он.

— Нет, скажи! — продолжала настаивать она.

— Успокойся, — сказал наконец киммериец. — Когда она окажется дома, я уйду.

— А меня ты любишь? — Она требовательно смотрела на него, ожидая ответа.

— Ты правда хочешь это знать? — ухмыльнулся северянин.

— Д-да, — поколебавшись и уже не столь уверенно ответила она, с тревогой вглядываясь в его лицо, но хитрый киммериец лишь улыбнулся еще шире, ведь в распоряжении его было простое, но безотказное средство, при помощи которого можно было уверить в своей искренности любую женщину.

Он просто обнял ее, привлек к себе и заглянул в ставшие неожиданно огромными девичьи глаза. Губы его нежно коснулись ее губ. Ее тело мгновенно отозвалось на ласку, но он бережно отстранил ее и прошептал:

— Я должен еще что-то объяснить?

Вместо ответа она со стоном прильнула к нему, чувствуя, что уже не владеет собой, а тело ее вновь разгорается в лихорадочном пламени любовного огня и покорные мысли безропотно уступают место неудержимым желаниям.

Глава третья

Халдон притаился, забившись в самый дальний и темный угол Среднего зала пещеры, в сотый уже раз припоминая происшедшее с ним за последние дни и не в силах понять, то ли ему здорово везет, то ли, напротив, преследуют неудачи.

Он вспомнил, теперь уже вполне равнодушно, о том ужасе, который испытал, добравшись до самого конца Пасты Нергала и впервые увидев разгромленный вход в пещеру, ведущую в Сура-Зуд. И тут ему снова повезло. Не замеченный никем, он пробрался внутрь и, прячась в густой тени, смог просочиться мимо спавших вповалку зуагиров, которыми была забита, казалось, вся пещера. Стоял тот благословенный предрассветный час, когда сон особенно крепок и глаза против воли смыкаются даже у самых выносливых. Он понимал, что это редкая удача.

Появись он здесь чуть раньше или немного позже, и вряд ли бы ему удалось пробраться внутрь, а ведь это было очень важно. Впопыхах жрец совершенно забыл о четырех мертвых дозорных, оставшихся далеко позади, но утром их должны сменить, и тогда проклятые дикари начнут искать того, кто прикончил их соплеменников. Какое счастье, что он сумел отыскать это маленькое убежище! Он сидел здесь уже четвертый день. С десятков раз за это время пытался он уйти вперед, но наткнулся на пост, и ему приходилось снова прятаться.

Решив еще раз испытать судьбу на рассвете, он приготовился ко сну, но тут большой отряд храмовой стражи в полном облачении прошествовал из Сура-Зуда к входу. Он вздохнул с облегчением, решив, что наконец-то кончилось его заключение, и совсем уже собрался выбраться из укрытия, но что-то удержало его. Внутренний голос шепнул, что лучше пока не высываться.

Так оно и оказалось. Совершенно неожиданно зуагиры напали с двух сторон на колонну, насчитывавшую несколько сотен прекрасно обученных воинов, выбрав местом решительного сражения Средний зал, в одном из самых дальних и темных уголков которого обосновался он сам. Но ни выучка, ни боевой опыт не спасли стражников, и внезапно вспыхнувшая битва вскоре перешла в откровенную резню. Зуагиры расправились с врагами так лихо, словно им помогали все боги сразу.

Остаток ночи и все следующее утро зуагиры выносили трупы и вылавливали затаившихся, которых оказалось гораздо больше, чем думалось Халдону. Это было воистину страшное время, но ему опять повезло, и Халдона не нашли. Именно тогда он решил, что не иначе как сам Затх встал на его защиту и ведет своего избранника к намеченной им цели. Окончательно успокоенный этой мыслью, он заснул со счастливой улыбкой на губах.

На этом его приключения кончились. Дальше время потекло скучно и однообразно. Он ел и спал, спал и ел, в промежутках таращась в темноту. Временами мимо, как и раньше, проходил отряд зуагиров, но причины такой активности он, потерявший счет времени, понять был не в силах. Лишь через несколько дней — он был уверен, что прошло уже не меньше недели, — до него дошло, что двигаются они в основном в сторону города, что могло означать только одно: дикари небольшими группами пробираются наверх, а это значит, что готовится нечто серьезное.

Поначалу это встревожило его. Но очень скоро, хорошенько обдумав все еще раз, он успокоился. Зуагиры действовали скрытно, так что город, по всей видимости, еще не осажден.

Он не сдавался. При каждом удобном случае он пытался найти лазейку наружу, но всякий раз вынужден был возвращаться в свою нору. Потом огромный отряд зуагиров, который, по прикидкам Халдона, насчитывал никак не меньше трех, а то и четырех сотен воинов, вихрем промчался к выходу, причем жрец ясно видел с десяток женских фигур, сидевших позади воинов, и понял, что что-то важное все-таки произошло наверху, хотя тот же внутренний голос подсказал ему, что это не конец.

* * *

На следующий день Конан проснулся рано. Утро было тихим и безоблачным. Еще не взобравшееся на вершину лазурного купола небес солнце светило, как обычно, ярко, хотя жары пока не чувствовалось. Он встал, оделся и вышел во внутренний садик. Густой аромат сирени утопил в себе все прочие запахи, и киммериец с наслаждением окунулся в него, как в тихую, прозрачную воду лесного пруда.

Сзади послышались шаги, но киммериец не обернулся: он уже давно научился узнавать уверенную, легкую поступь бывшего жреца.

— О чем задумался, друг Конан?

— Сам не знаю. — Северянин нахмурился, прислушиваясь к ощущениям, и пожал плечами. — После вчерашнего в башке какая-то каша.

— Ничего удивительного, — сочувственно кивнул Мэгил, присаживаясь рядом, — слишком частое общение с женщинами разжижает мозги.

Киммериец глянул на него с ухмылкой — надо же, философ! — но ничего не сказал.

— Что собираешься делать? — вновь заговорил жрец, когда почувствовал, что пауза затянулась.

— Пойду на площадь. — Киммериец пожал плечами. — Она, — совершенно безотчетно он избегал называть Сурию по имени, — должна меня увидеть сегодня во что бы то ни стало. Времени остается все меньше и меньше. В этом Тефилус прав, чтоб ему поскользнуться на ослином помете!

— И как ты намереваешься это сделать? — спросил Мэгил, но Конан вновь пожал плечами, потом задумался.

— Пока не знаю, — медленно ответил он, — но что-нибудь придумаю.

— Давай подумаем вместе, — предложил жрец. — Может, так получится быстрее?

— Думай. Кто тебе запрещает? — равнодушно ответил киммериец и вновь замолчал.

Жрец с досады закусил губу. Он уже по опыту знал, что если его молодой друг не в духе, то из него слова лишнего не вытянешь, и представления не имел о том, как бороться с этой бедой.

— Хорошо, а почему она вообще должна тебя заметить? — начал вслух размышлять жрец. — Потому что ты такой красивый и сильный?

— Хм, — ухмыльнулся северянин, — ты не поверишь, но именно об этом думаю и я, но в отличие от тебя мне пришла в голову прекрасная идея: если бы ты как-нибудь незаметно подошел к ней и сказал, что вон там стоит Конан, которому она строила глазки еще в Шадизаре, то, пожалуй, это могло бы сработать!

— М-да, — глубокомысленно произнес жрец, — мысль, конечно, богатая, но, боюсь, неосуществимая.

На время он замолчал, не зная, что сказать.

— Я должен придумать, как обратить на себя ее внимание, — снова заговорил киммериец, — скажем, появиться в неожиданном месте или в неожиданное время и якобы случайно попасться ей на глаза.

— Послушай, а это мысль! — оживился Мэгил. — Быть может, устроить тебя поближе к знати?

— М-м, нет... — Конан покачал головой. — Меня должна увидеть Сурия, а вовсе не Хараг.

Жрец нахмурился и пожал плечами:

— Он все равно узнает.

— Верно, — согласился киммериец, — но после, а не до того, как я встречу с ней, а это важно.

— Ах да, — ехидно ухмыльнулся Мэгил, — как я мог забыть! Ведь после встречи она окажется в плену твоих чар.

— Думай что хочешь! — Конан снисходительно махнул рукой и вдруг посерьезнел. — Я всегда нутром чувствую опасность, а потому надеюсь, чутье подскажет мне...

Мэгил кивнул понимающе:

— Можно ли доверять ей?

Конан с сожалением посмотрел на него: и придет такое в голову, ведь умный же человек, да и с женщиной не общается...

— Можно ли рискнуть!

— Хвала Митре! — Жрец вздохнул с облегчением. — А то я уж подумал было, что ты перегрелся на солнце. Киммериец не выдержал и расхохотался.

* * *

Близился такой же знойный, как и накануне, полдень. Жизнь за окнами текла как обычно, и вместе с тем все изменилось. Еще вчера люди с утра прятались по домам, а сегодня, едва слышав голос глашатая, они, забыв о вчерашнем, бросились на площадь, где их уже ждали бочки с дармовой выпивкой, а столы ломились от бесплатной закуски. Туда, где чуточку позже, когда мозги их окутает хмельной туман, им покажут кровавое представление.

Конан стоял у окна и смотрел на толпу, которая с нетерпеливей гудела, жадно набивая утробу. Люди боковых улиц все продолжали прибывать, и киммериец понял, что если хочет попасть на площадь, то пора ему выходить из дома.

Кто-то, перебрав хмельного, потребовал зрелищ, и ему все охотней вторили окружающие. Однако барабанная

дробь зазвучала лишь в назначенное время. Конан с Мэгилом смешались с толпой, что было не так-то просто для огромного киммерийца, но они встали так, что с помоста их можно было рассмотреть лишь в том случае, если бы они сами захотели этого.

Северянин осмотрелся, прикинул, как проще всего смыться, если возникнет надобность, и обычная уверенность вернулась к нему. Теперь он следил за происходящим лишь вполглаза, на самом деле ожидая только одного: когда появится Сурия. Пока все шло своим чередом, в том же порядке, что и вчера.

— Сегодня день второй! — возвестил появившийся на помосте Хараг. — День Расплаты! Расплаты, которая неизбежно настигнет каждого, кто дерзнет нарушить клятву верности, данную Затху!

Девушку с выпотрошенными внутренностями ночью убрали, зато посаженный на кол так и остался на своем месте. Рядом с ним, всего в пяти шагах, появился огромный медный чан с полукруглым дном, закрепленный на специальной подставке, в котором запросто мог бы поместиться человек, если бы кому-то пришлось в голову сварить его живьем. Видимо, это и предполагалось: под чаном лежала аккуратно сложенная поленница.

— Близится Время Полной Луны! — повторил тем временем Хараг вчерашнюю фразу. — Но мы стали на один шаг ближе к нашей заветной цели — пробуждению Спящего! Сегодня тот, кому Затх открыл свои объятия, но кто пренебрег его вниманием и предал своего бога, понесет заслуженное наказание! Но прежде мы вновь увидим избранницу, которой выпало счастье отдать свою жизнь ради того, чтобы проснулся Спящий!

Вновь застучали барабаны. Высокие двери дворца отворились, и оттуда потянулась процессия людей в синем. Барабанная дробь звучала все быстрее и быстрее, и жрецы прибавляли шаг, странно при этом раскачиваясь. Наконец они расступились, растянувшись

вдоль помоста двумя цепочками, и Конан увидел Мелику.

Теперь руки ее были свободны. Стальные браслеты с болтавшимися на них кольцами, в которые была продета массивная цепь, остались висеть на стене, но два огромных надсмотрщика держали ее за руки. Следом вышагивал обнаженный по пояс молотобоец все в том же остроконечном колпаке. Рядом, точно в таком же облачении, семенил еще один человек, но по сравнению со своим огромным спутником он выглядел просто жалким заморышем. Надсмотрщики подвели Мелику к Харагу и остановились.

Жрец попытался заглянуть в глаза девушке, но она, отвернувшись, смотрела в сторону.

— Готова ли ты участвовать в ритуале по доброй воле? — вновь повторил он вчерашний вопрос, хотя ответ и так был ясен любому.

И все-таки Хараг вздрогнул от неожиданности, когда она громко, издевательски расхохоталась, и часто заморгал, но тут же взял себя в руки. Пьяная толпа взревела, требуя для непокорной немедленной смерти, но жрец поднял руку, и крики почти сразу стихли.

— Великий Затх, — громко, нараспев заговорил он, — допусти нас к себе. Твоя непослушная дочь желает оказаться еще ближе, чем была вчера, чтобы свет твоей мудрости проник в ее сердце. В ночь полнолуния, на исходе седьмого дня, ты получишь ее жизнь и ее силу!

Дробь все ускорялась. Теперь в нее ворвались новые удары, диссонансом звучавшие в странном, но стройном ритме, отбиваемом до сих пор. Именно в этот миг Конан почувствовал, что начинает дуреть, вспомнил, какими измученными пришли вчера с площади их люди, и тут же повернулся к Мэгилу. Его приятель стоял рядом и тупо глядел по сторонам. Киммериец тряхнул Мэгила за плечо так, что голова его безвольно мотнулась, а зубы громко лязгнули. Однако с лица, словно маска, сползло идиотское выражение.

— Что? Что здесь происходит? — удивленно пролепетал он, будто только что пришел в себя после глубокого обморока, и уставился на Конана.

— Следи за собой, если не хочешь стать таким же, как эти, — кивнул он на толпу восторженных кретинов, бесновавшуюся вокруг. — Да и за мной тоже приглядывай, — добавил он, подумав.

Прошло совсем немного времени. Хараг, как и вчера, молча смотрел на пирамиду, ожидая от нее отклика на свои слова, и Конан перевел взгляд туда же. Ему вновь показалось, что черная поверхность вздрогнула и на глазах стала меняться.

С уровня образовавшейся вчера площадки вновь начали проявляться ступени, и когда число их достигло дюжины, Конан увидел, как открывается еще одна полка, примерно на пять локтей выше предыдущей и почти такая же по размерам. И вновь на вертикальной стене проступили замысловатые руны, но были они иными, и о чем говорили, не знал никто.

— Прибежище Затха вновь открыло тебе свои объятия! Иди же к нему, к своему богу, дочь моя! — воскликнул Хараг.

— Мы же договорились вчера, — ответила девушка, — что прежде ты издохнешь!

Глаза Харага сверкнули гневом. Он опять промолчал и вместо ответа величественно взмахнул руками. Тогда те же двое, что сопровождали Мелию накануне, потянули девушку за руки, и ей поневоле пришлось следовать за ними.

Когда они достигли вновь образовавшейся площадки, полуголый детина в маске, ловко работая тяжелым молотом, принялся забивать в стену стальные костыли, которыми заканчивались оба конца принесенной им с собой цепи, и вскоре верхняя площадка стала полностью подобна вчерашней.

Мелия стояла опустив руки. Если внизу, на помосте, лицом к лицу с ненавистным Харагом злость и гордость поддерживали ее, то здесь не перед кем было

показывать свою независимость, ибо те, кто волей судьбы оказался рядом, больше походили на лишенных сострадания животных в человеческом обличье.

Плечи ее поникли. Киммерийцу вновь показалось, что еще немного, и она расплачется, но он ошибся. Девушка гордо вздернула подбородок и с вызовом посмотрела в лицо Харагу. Тот ответил ей торжествующим взглядом палача, полностью уверенного в своей безопасности и беззащитности жертвы.

Трое верзил спустились вниз, а странный человек в накинутах на голову капюшоне остался рядом с Мелией. Несколько раз он наклонялся, как показалось киммерийцу, к самому уху девушки, и тогда тень боли наплывала на ее лицо. И хотя внешне она оставалась совершенно безучастной, Конан видел, чувствовал, как дорого дается ей это спокойствие, и возненавидел маленького негодяя.

Тем временем Хараг хлопнул в ладоши, и на помост привели человека со связанными руками, которого Конан не знал, но который тоже, видно, чем-то не угодил своим хозяевам. Это был рослый, сильный, уже заплывающий жирком нестарый мужчина.

— Значит, ты решил предать нас? — спросил Хараг, совершенно не интересуясь ответом.

— Я не предавал, повелитель! — испуганно запричитал тот, и лицо его исказила гримаса страха.

— Ты рассказал врагам то, чего знать они были не должны!

— Они напоили меня! — в отчаянии воскликнул пленник.

— Был пьян, говоришь? — переспросил жрец, и в глазах обвиняемого мелькнула надежда. — Значит, виноват вдвойне. В котел его!

Толпа восторженно взревела. С детства воспитанные в страхе, постоянно подогреваемом жестокими наказаниями за любую провинность, одурманенные выпивкой и грохотом барабанов, они не испытывали жалости ни к кому, кроме себя.

Хараг кивнул страже, и те потащили приговоренного к сверкающему на солнце бронзовому котлу, укрепленному над поленицей. Несчастный упирался, изо всех сил стараясь оттянуть страшный миг. Его крики доводили толпу до иступления. Люди бесновались, требуя мучительной смерти для изменника.

С настила подняли щит с отверстиями для рук, ног и головы. Смертник завопил еще громче и начал вырываться с такой силой, что даже двое дюжих надсмотрщиков с трудом удерживали его.

К приговоренному подошел палач и сорвал с него одежды. В тот же миг Сурия легко сбежала по ступеням и остановилась рядом с пленником. Ее огромные глаза хищно прищурились, а пухлые, чувственные губы изогнулись, приоткрыв два ряда жемчужных зубов. Быстрый язычок пробежался по алым губкам. Она подняла голову и посмотрела на вчерашнюю жертву.

— Скоро и ты станешь почти таким же, как он, — почти нежно пообещала девушка, и лицо несчастного исказилось от ужаса. Глаза его полезли из орбит, а рот открылся в беззвучном крике, когда он увидел, как насаженный на кол, которого он считал покойником, смотрит на него и улыбается, счастливый от сознания того, что перед собственной мучительной смертью насладится страданиями другого человека.

Сурия звонко рассмеялась:

— Что же ты медлишь, палач?

Щит опустили торцом на помост и повернули пару рукоятей, укрепленных у верхнего края. Составлявшие его доски мгновенно разошлись, пропуская в расширившиеся отверстия конечности приговоренного, и тут же, повинаясь обратному ходу замков, сомкнулись вновь. Теперь щит станка был развернут к толпе, и из него торчали голени, кисти рук и голова несчастного.

— Так ты продолжаешь настаивать на том, что не предавал нас? — с ехидной ухмылкой осведомился Хараг.

Пленник даже не взглянул на жреца.

— Молчишь? — Хараг обернулся к палачу. — В котел его!

Четверо рабов подняли станок за рукояти и, донеся его до бронзового чана, опустили несчастного внутрь, накрыв его щитом, словно крышкой. Толпа затихла, ожидая продолжения, и лишь барабаны все так же отстукивали свой завоораживающий ритм. Хараг остался рядом и воздел руки к небу.

— Пусть жар очищающего пламени приоткроет перед нами завесу тайны! — воскликнул он. — Пусть истина явится перед нами, какой бы она ни была!

Палач вынул из стойки факел и, ткнув им в самую середину костра, вложил обратно. Огонь быстро занялся и принялся пожирать сухие поленья. Бывший стражник никак не реагировал на происходящее, и лишь все более крупные капли пота выступали на его лице, раз за разом сбегая вниз: стенки котла разогревались все сильнее.

Конан так и не понял, что произошло, когда несчастный вдруг резко открыл глаза и напрягся, словно собрался выпрыгнуть из котла. Толпа, начавшая уже было нетерпеливо гудеть, мгновенно почувствовав перемену, замерла. Сурия хищно подалась вперед. Мелия судорожно выдохнула, закрыв лицо руками, и ее кандалы звякнули похоронными колоколами.

Вновь воцарилась тишина, которую прерывала лишь все учащавшаяся барабанная дробь. Конан невольно отсчитывал удары сердца и успел досчитать до десяти, прежде чем сидящий в чане взвыл нечеловеческим голосом. Толпа мгновенно отозвалась оглушительным ревом.

Конан видел, с каким жадным интересом Сурия наблюдает за мучениями жертвы, но, когда тот начал корчиться, извиваясь всем телом, она брезгливо поморщилась и отошла на шаг в сторону. Непонятно почему, он вдруг начал задыхаться. Рот его широко открылся, глаза полезли из орбит, но тело сотрясилось все слабее и слабее, пока не затихло совсем.

— Он умер... — изумленно прошептал в конец ошарашенный киммериец, — но отчего?

— Он задохнулся, — так же тихо ответил Мэгил и больше не сказал ни слова.

Конан перевел взгляд на казненного, и в этот миг из широко открытого рта покойника показалась змеиная голова... Ее черный раздвоенный язычок сновал взад-вперед. Она повертела головой вправо-влево и полезла наружу. Она все лезла и лезла, как в дурном сне, и Конану показалось, что конца этому не будет, когда она наконец сползла на пол. Из рта показалась следующая голова. Потом еще, еще...

Киммериец зажмурился, но усилием воли заставил себя вновь посмотреть на помост. Из угла губ мертвеца вытекала тонкая струйка крови. Сидящий на колу напротив него полутруп был почти счастлив. Сурия улыбаясь смотрела на Конана...

Он не видел этого, но молодая колдунья уже довольно давно заметила огромного незнакомца, который упорно не желал подвигать от восторга, как прочие двуногие животные, что собрались на площади.

Она уже решила было послать стражников, чтобы они разобрались, что это за человек, но что-то заставило ее отказаться от этого намерения. Она пригляделась внимательнее, отметив огромный рост чужака и полную уверенности в себе манеру держаться, и тут же вспомнила Конана. Еще тогда, в Шадизаре, она страстно возжелала молодого варвара, и ей почти удалось добиться своего. Однако, похоже, что-то она все-таки сделала не так, и ее планы расстроились.

Как она страдала от неудовлетворенного желания! В ее глазах киммериец был могучим и бесстрашным воином, способным одним движением снять головы двум врагам, как то случилось в храме Затха в Шадизаре. И еще он был до безумия страстно желаемым самцом, которого она так и не познала. Могло случиться, что он был и еще кем-то, но в сознании молодой колдуньи образ его никак не вязался с ролью ловкого

и коварного интригана, подсыпавшего сонный порошок в вино пришедшей к нему ночью красавице.

Такое просто не приходило ей в голову, а если бы кто-то и сказал ей об этом, скорее всего, она просто не поверила бы. Слишком хорошо знала она силу своих чар, слишком верила в свою власть над мужчинами и слишком живо помнила могучее тело киммерийца, мгновенно отозвавшееся на ее зов!

И вот теперь он здесь...

Как ни ценила себя Сурия, но она была умной девушкой, а потому сразу поняла, что Конан прибыл в Сура-Зуд не ради нее.

Молодая колдунья знала, что киммерийца наняла для охраны дочери мать Мелии, и он справился со своей работой настолько успешно, что не только сорвал все попытки Харага и Рамсиса выкрасть ее, но и умудрился поссорить жрецов. Дело неизбежно приняло бы весьма дурной оборот, если бы не она, Сурия. Она оказалась хитрее всех, и радость ее омрачало только одно: Конан так и не принадлежал ей. Она заставила себя забыть о нем, но похоже, сама Судьба действует с ней заодно! Конан здесь! О таком подарке она не могла даже мечтать, и что бы ни происходило вокруг, теперь она его не упустит!

* * *

Киммериец лишь скользнул по девушке мимолетным взглядом, но через несколько мгновений осознал, что она не просто смотрела в его сторону, она узнала его! Не поворачивая головы, окидывая толпу рассеянным взглядом, Конан энергично лягнул бывшего жреца и, когда тот зашипел от боли, быстро зашептал:

— Тихо! Она увидела меня. Незаметно уйди и предупреди наших, чтобы кто-то один отвел меня к дому. — Конан задумался. — И пусть кто-нибудь проследит за ней, но осторожно.

— За ней? — удивился Мэгил, тут же позабывший о боли.

— Именно за ней! Мне нужна она, а не соглядатай Харага, следом за которым явятся стражники.— Конан поднял глаза и тихо выругался: Сурии на помосте не было.— О Кром! Она уже ушла! Иди и ты скорее!

Тем временем гнусный спектакль, разыгравшийся на помосте, продолжался. В который уже раз Хараг в театральном жесте вскинул руки, взывая к толпе.

— Посмотрите, люди, как лживы были уста этого человека! Вместо слов они порождали ядовитых гадов, которые жалили тех, кто дал ему кров и приют, обещав беззаботную жизнь, требуя лишь одного — верности данному слову!

В последний раз Конан обернулся, когда услышал эти слова, покачал головой и растворился в толпе.

* * *

Желая остаться неузнанной, Сурия накинута на голову капюшон, толкнула низкую тяжелую дверь и шагнула наружу. Однако едва она оказалась за пределами дворца, как тут же отпрянула к стене и возблагодарила Затха за то, что он привил ей привычку, выходя на улицу, скрывать лицо: она едва не налетела на Конана, который остановился как раз напротив двери, явно поджидая кого-то.

Киммериец потоптался немного на месте, но совсем недолго — как видно, что-то у его друзей не сложилось, раз они не пришли. Похоже, киммериец подумал так же, потому что пожал плечами — вполне, кстати сказать, равнодушно — и пошел прочь.

Это тоже было приятно. Ему, видать, уже изрядно надоело это безнадежное дело. Ведь как ни пыталась Сурия утешать себя напускным безразличием, но в глубине души знала, как сильно волнует ее опасная соперница. Слишком уж она красива и богата! Была! Эта мысль едва не заставила ее расхохотаться, но она вовремя сдержалась.

Насколько молодой варвар будоражит ее кровь, она осознала лишь теперь, когда вновь увидела его и поня-

ла, что думает только о том, как оказаться поскорее в объятиях киммерийца.

Она быстро шла следом за шагавшим вразвалку Конаном, из последних сил сдерживаясь, приказывая себе не бежать, и потому не видела, как почти сразу следом за ней отправился еще один человек, только что выпешедший из дворца. Однако соглядатай из него получился отвратительный. Привыкнув полновластно хозяйничать в городе, он даже не удосужился проверить, не следит ли, в свою очередь, кто-нибудь и за ним.

Знай Хараг о подобной небрежности своего человека, возможно, сегодня на площади появились бы два котла или второй кол. Соглядатай так и не увидел идущего за ним зуагира, равно как и его самого не видела Сурия, все внимание которой было поглощено киммерийцем. Впрочем, ей-то такая небрежность была вполне простительна.

Она шла, тщетно пытаясь унять дрожь в коленках. Девушка уже не отдавала себе отчета в том, в каком месте города находится, кто она и куда идет. Она просто шла, видя перед собой огромную спину киммерийца. Каким-то чудом она задержалась на углу небольшой площади, но когда он отпер ключом дверь, не стала ждать, что произойдет дальше, а бросилась следом.

* * *

Конан вошел в дом и остановился, осматриваясь. Комнатка была небольшой, но чистенькой. Хозяину сказали, что снимает ее молодая пара для тайных свиданий. На этом настоял сам киммериец, рассудив, что никому не нужный обман лишь насторожит хозяина.

Конан успел лишь расстегнуть пояс и повесить на стену меч, когда дверь с легким скрипом отворилась. Он быстро обернулся, но тоненькая фигурка успела уже проскользнуть внутрь и, едва он оказался к ней лицом, без слов прильнула к его могучей груди.

— Это ты? — стараясь казаться изумленным, спросил он.

Всем киммериец был хорош, но совершенно не умел притворяться и теперь из всех сил пытался изобразить на лице удивление, но в следующий миг понял, что это совершенно ни к чему. Дрожа всем телом и задыхаясь от возбуждения, Сурия не только не могла говорить, но, казалось, даже не слышала, что говорил он. Она жадно искала губами его губы, и Конан почувствовал, что его с головой захлестнула сладостная волна, что ее возбуждение против воли передается и ему. И главное — теперь его ничто не сдерживало...

— Кром!

Он обнял ее и прижал к себе. Словно обезумев, Сурия принялась срывать с него одежду и прижалась к нему пылающим телом, делясь огнем сжигавшей ее страсти. Ее поцелуй заставил Конана позабыть обо всем. Лишь на краткий миг вернулась мысль о том, что еще утром он собирался свернуть девушке шею, но он тут же отбросил ее — после!

* * *

— Так зачем ты приехал сюда? — Голос ее был усталым и томным.

Сурия лежала, подперев голову рукой, и глядела на киммерийца. Так вот он какой! Ненасытный и непобедимый во всем. Конан открыл глаза и чуть заметно, одними уголками губ, улыбнулся ей.

— Я наемник, — иронично заметил он, — и ты знаешь, зачем наняла меня Аниэла.

— А я слышала, — она провела пальчиком по его лбу, — что Конан-киммериец — лучший вор Шадизара!

— И Аренджуна! — с усмешкой добавил он. — Но с этим покончено.

— Что так? — поинтересовалась девушка, и ее пальчик скользнул по губам варвара, который тут же схватил его зубами.

С деланным испугом она отдернула руку и нахмурилась. Он рассмеялся.

— Слишком хлопотно, — спокойно ответил он и тут же пояснил: — Больно много охотников объявилось на мою голову.

— Ты знаменит... — Она пожала плечами.

— Я никогда к этому не стремился. Но главное не в этом. Надоело мне сидеть на одном месте.

— Так почему бы тебе не сменить Шадизар на Сура-Зуд? — осторожно спросила она.

— Что ж, я не против, — он смачно зевнул, — но не раньше, чем покончу со своим делом.

— Тебе не управиться с ним, — рассмеялась Сурия. — Вырубленные в горах подвалы дворца обширны, но не это главное. Хотя внизу стражников нет и охраняется лишь спуск в подземелье, но сам дворец буквально набит стражей. Если только ты сунешься туда, неизбежно погибнешь.

Конан молчал, пытаясь понять, правду ли она говорит, но Сурия приняла его задумчивость за нерешительность.

— Останься со мной, — страстно зашептала она, обвив его шею руками, — и я сделаю тебя повелителем Сура-Зуда, а когда проснется Спящий, то и всего мира!

Конан не знал, что и ответить, а такое, признаться, случалось с ним нечасто. Говоря по правде, он просто не ожидал подобного поворота и потому ляпнул первое, что пришло ему в голову:

— Ты забыла о Хараге.

— Что Хараг? — рассмеялась она. — Пустое место! — Киммериец искренне удивился, и она обрадовалась его изумлению, почти как согласию. — Да, да! — заспешила она. — Он лишь ниточка, связующая Сура-Зуд с Йезудом и с остальным миром, хотя сам он и думает иначе. На самом же деле он всего лишь одна из многочисленных игрушек Рогазы!

— Ты забыла о богах, — вновь возразил Конан лишь для того, чтобы что-то ответить.

— Богам, поверь, нет дела до человеческой возни.
— Так ли это? — спросил он, думая о том, как бы перевести разговор на Мелию.

— Ты мне не веришь, но подумай: часто ли боги вмешиваются в дела смертных? — Она испытующе взглянула киммерийцу в глаза. — Отчего же тогда ваш Митра не спешит на помощь пышногрудой корове, из-за которой ты здесь?

Конан вновь поморщился, и опять Сурия поняла его совсем не так.

— Митра — не мой бог, — нехотя ответил он. — Я верю лишь в Крома.

— А твой Кром? — Она рассмеялась. — Много ли он сделал для тебя?

— Но он ничего мне и не обещал, — резонно заметил Конан. — Он лишь напутствовал меня при рождении и примет в свои чертоги после смерти, если, конечно, при жизни я не запятнаю себя трусостью или изменой. Разве этого мало?

— Ну хорошо, пусть так, — согласилась она, — быть может, это и немало. Но скажи мне: разве не хотел бы ты послужить живому богу? Богу, который может отметить тебя своим вниманием еще при жизни?!

Конан понял, что теперь уже ему не отделаться общими фразами.

— Стать его рабом, ты хочешь сказать?

Девушка закусил губу.

— Исполнять его волю, да, но взамен и опираться в своих деяниях на его мощи!

Она торжествующе посмотрела на киммерийца, но тот в ответ лишь рассмеялся:

— Уж не имеешь ли ты в виду того, кто, как я слышал, обитает в Йезуде?

— Ха-ха-ха! — рассмеялась она в ответ весело и беззаботно и вдруг ненадолго стала похожа на простую, беспшабашную девчонку. — Но я ведь тебе уже говорила, что это всего лишь куклы старой Рогазы! Да, иные из ее кукол способны творить кое-какие чудеса, но и толь-

ко. Я же говорю о живом боге! Пойдем к Рогазе! Если ты согласишься служить ей...

— Если бы мне нравилось вспаривать животы молоденьким девушкам, я пошел бы к мяснику! — не выдержал Конан.

Однако Сурия и не подумала обидеться, лишь удивилась.

— Разве ты не убивал людей? — Она многозначительно покосилась на висевший на стене меч.

— Убивал, — кивнул Конан, — но лишь тех, кто покушался на мою жизнь!

«И жизнь моих друзей», — хотел добавить он, но промолчал.

— Ты же хотел стать наемником? Ну так и стань им. Столько, сколько заплатят тебе здесь, ты не сможешь получить больше нигде!

— Что ж, об этом стоит подумать, — ответил киммериец, которому уже до смерти надоел этот пустой спор. — Но прежде я должен закончить начатое.

— Так, значит, дело не в деньгах, а в этой грудастой девке?! — Улыбка покинула лицо Сурии, и оно сделалось злым и страшным, но оставаясь по-прежнему красивым. — Если так, я выжгу глаза, которыми она посмела смотреть на тебя! — прошипела она.

Киммериец посмотрел на нее и понял, что она так и поступит, если не остановить ее.

— Забудь о ней, — тихо прошептал Конан.

Он привлек к себе ее гибкое тело и принялся с жаром ласкать, с трудом сдерживая накатившееся желание одним движением свернуть ей голову. Однако он сдержался, когда увидел, что девушка тут же позабыла о своих замыслах. Его рука опускалась все ниже. Наконец Сурия глухо застонала и яростным поцелуем впиалась в его губы.

* * *

— Где этот трижды проклятый Сетом варвар?! — орал Тефилус.

Как и накануне, он наблюдал за происходившим на площади из окон бывшей резиденции жрецов, и не было ничего удивительного в том, что настроение его оставляло желать лучшего. Справедливости ради, однако, нужно заметить, что он долго крепился, сдерживая бушевавшую в груди ярость.

После увиденного днем кусок в горло ни у кого не полез. «Если тебе плохо, иди работать», — сказал Мэгил, и все отправились на поиски тайников, о которых говорил Конан.

С самого начала было ясно, что если где и можно обнаружить нечто достойное внимания, так только в небольшом дворце, выходящем фасадом на площадь, из окон которого они уже второй день ведут свои наблюдения. Они начали с двух верхних этажей, но ничего интересного не обнаружили. Все это время Тефилус не переставал ворчать и без устали убеждать остальных в полнейшей бессмысленности поисков.

Однако, когда они спустились на первый этаж и Мэгил-отыскал-таки, причем довольно быстро, каверну за камином в малом зале первого этажа, Королевский Дознаватель сменил гнев на милость и, отогнав всех, принялся за энергичные поиски секретного запирающего механизма.

Пока остальные с улыбкой наблюдали за его бурной деятельностью, он старательно пытался сдвинуть все части многочисленных барельефов, статуй, деталей мебели. Неоднократно дергал за каждый из роскошных, украшенных золотыми кистями шнуров, и те послушно отзывались мелодичным звоном, доносившимся откуда-то из-за стены. Однако, несмотря на все старания, это был единственный результат, которого ему удалось добиться.

Высокая свеча, зажженная Мэгилом в самом начале поисков, почти догорела, когда Королевский Дознаватель наконец остановился и, зло сплюнув на пол и смерив разъяренным взглядом своих товарищей, произнес знаменитую фразу.

— Где этот проклятый Сетом киммериец?! — вскричал он. — Все свободное время этот Белов выкормышитискает девок по углам, в то время как остальные за него работают!

Дознаватель вновь обвел присутствующих гневным взглядом, но, видя, что остальные никак не реагируют на его предложение пообсуждать невыносимого киммерийца, сплюнул на пол и ушел. Зато оставшиеся вздохнули с облегчением и со свежими силами взялись за поиски. Однако очень скоро они поняли, что просто механически повторяют все, что только что у них на глазах проделывал отец Мелии. Тогда они решили отказаться от бессмысленных поисков и подождать Конана.

За ужином они засиделись допоздна, надеясь, что вот-вот он заявится и можно будет вновь взяться за дело, но так и отправились спать, не дождавшись, а наутро с удивлением узнали, что Конан так и не возвращался. И только перед самым полуднем его могучая фигура появилась в дверном проеме.

— Ну как? — осторожно осведомился Мэгил.

Конан обвел суровым взглядом их заинтересованные лица и устало опустил в кресло.

— Я еле сдержался, — нехотя проворчал он.

— Неужели так ни разу и не притронулся к ней? — с искренним изумлением в голосе спросил Мэгил.

Его глаза горели неподдельным восхищением. Все, кто присутствовал в этот миг в комнате, грохнули со смеху.

— Кр-р-ром!

Киммериец взревел, словно раненый тигр, запросто перекрыв царивший вокруг шум, и вскочил на ноги, ища взглядом наглеца, чем вызвал еще большее веселье. Однако бывшего жреца как ветром сдуло.

— Ну а все-таки, — поинтересовался Тарган, к которому раньше других вернулась его обычная серьезность, — как дела?

— Скажи ему сразу, — Зул почему-то обратился не напрямую к Конану, а предпочел передать свои слова

через молодого зуагира, — что нам совсем неинтересно знать, хороша ли Сурия в постели, а то еще поймет не так и поотрывает всем головы!

Тарган кивнул, соглашаясь, и вновь повернулся к киммерийцу.

— Так вот, Конан, нам, видишь ли, совсем неинтересно знать о подробностях сегодняшней ночи... Спокойно! — быстро сказал он, видя, что киммериец устался в одну точку и методично сжимает и разжимает, словно разминая, чудовищные кулаки. — Мы как раз совсем о другом. Я надеюсь, ты меня понимаешь.

Конан внимательно посмотрел на него и, наконец не выдержав, рассмеялся. Услышав его смех, Мэгил высунулся из-за двери.

— Митра свидетель, Конан, я не хотел тебя обидеть, — извиняющимся тоном произнес он. — Всем известно, что ты настоящий воин, и не только в постели.

— К Нергалу! — рявкнул киммериец, и жрец снова исчез. — Я еле сдержался, — вновь обратился киммериец к Таргану, — чтобы не свернуть ей шею.

— Вар-вар, — со вкусом прошептал вновь появившийся Мэгил, но умолк под холодным, как лед, взглядом синих глаз северянина.

— Никогда не думал, — продолжил тем временем Конан, — что такая красивая женщина может оказаться такой стервой.

С этими словами киммериец принялся за еду с такой жадностью, словно не ел по меньшей мере дня три. Воспользовавшись этим, Мэгил вошел в комнату и, усевшись напротив киммерийца, тут же поучительно изрек:

— Это просто потому, что ты молод, Конан. — Он покачал головой. — Поживешь подольше и увидишь, что так оно по большей части и бывает.

Конан посмотрел на друга тяжелым взглядом, и Мэгил начал медленно вставать:

— Что ж, — задумчиво изрек северянин, — быть может, ты и прав...

— Да, да, сынок, — закивал жрец, усаживаясь на место.

— ...Папаша, — под дружный хохот закончил киммериец после паузы, и Мэгил умолк.

— Про Мелию что-нибудь узнал? — спросил Зул.

— Она во дворце, — буркнул Конан, прожевывая кусок холодной телятины.

— Это мы знаем, — разочарованно протянул жрец.

— В обширном подземелье, выдолбленном в горе, — добавил киммериец, проглотив кусок.

— Тоже нетрудно догадаться, — кивнул Мэгил.

— Как я понял, стражи там нет, одни надсмотрщики. — Северянин налил вина в кубок и, попробовав его на вкус, удовлетворенно кивнул. — Охраняется только вход, что наверху, — добавил он. — Зато сам дворец напшигован охраной.

— Это все? — спросил Зул, а Мэгил посмотрел киммерийцу в глаза.

Конан молча кивнул и отпил из кубка.

— Не густо, — заметил Акаяма.

— Да, немного, — согласился Конан, — но эта ведьма слишком быстро почувствовала мой интерес...

— К ней? — равнодушно поинтересовался жрец, разглядывая гипсовых пауков, рассеявшихся на стенах.

— К Мелии! — рявкнул киммериец. — Эта тварь пообещала выжечь ей глаза, и мне пришлось...

— Да? — заметно оживился жрец, вновь проявляя интерес к разговору.

— Ну, — Конан помялся, подбирая слова, — чтобы отвлечь ее от этой мысли...

— Я понимаю.

В глазах Мэгила сверкнула озорная искорка, и зуагиры заулыбались, стараясь, впрочем, чтобы этого не заметил киммериец.

— Ну, в общем, — Конан осмотрелся, успокоился и отрезал себе еще один кусок, — пришлось мне постараться отвлечь ее.

— Удалось? — участливо поинтересовался жрец.

— Угу,— промычал киммериец с набитым ртом.
— Да-а, тяжелая, должно быть, выдалась ночка,— сочувственно покачал головой бывший жрец.

Кто-то из зуагиров, стоявших за спиной Конана, прыснул в кулак.

— Вон отсюда! — гаркнул киммериец, едва не подавившись, и Мэгил вновь испарился.

— Еще что-нибудь полезное узнал? — Тарган вопросительно посмотрел на друга.

— По словам Сурии получается, что Хараг у них вовсе не главный,— задумчиво произнес Конан,— хотя сам он и уверен как раз в обратном. На самом деле всем заправляет старая хрычовка.

— Ничего удивительного,— просунулся в дверь Мэгил,— я с самого начала подозревал что-нибудь в этом роде — уж больно он хлипковат для роли вождя.

— Предложила мне переметнуться в их лагерь,— не обращая на него внимания, продолжил киммериец.

— Согласился? — быстро спросил жрец.

— Сказал, что подумаю,— ответил Конан, отпивая из кубка.

— Зря,— заметил Мэгил,— надо было согласиться.

— Ага,— иронично усмехнулся киммериец,— поцеловать ручку бабушке Рогазе и остаться в Черном Замке.

— Тоже верно,— задумчиво протянул жрец.— Значит, молодец.

— Сам знаю.

Конан доел мясо, допил вино и весело взглянул на друзей.

— Ну а у вас какие новости? — поинтересовался наконец он.

— Мы нашли каверну в малом зале дворца за камином,— ответил жрец,— но внутрь попасть так и не смогли, хотя проторчали там весь вечер.

— Так что ж ты сразу не сказал?! — Конан встал и направился к выходу.

— Куда это ты? — спросил неожиданно появившийся в комнате Тефилус.

— Мне рассказали про камин...— начал было киммериец.

— Там нет ничего,— перебил его Дознаватель,— я сам искал.

— И чего же ты хочешь? — спросил Конан.

Он не стал спорить, потому что уже был достаточно знаком с отцом Мелии, чтобы понять всю бесполезность препирательств с ним.

— Уже почти полдень,— хмуро объяснил тот,— наше место на площади.

— На площадь я не пойду,— киммериец покачал головой,— мне там нечего делать, да и тебе, по правде говоря, тоже,— добавил он, смерив Дознавателя оценивающим взглядом.

— Ну уж нет! — Тефилус упрямо поджал губы.— Ты как знаешь, а я пойду.— Он повернулся и пошел прочь.

— Стой! — крикнул ему вслед Конан.— Послушай моего совета: не ходи на площади! Если уж ты непременно хочешь все увидеть, смотри из окна.

Тот остановился и нехотя полуобернулся.

— Это еще почему?

В голосе Дознавателя сквозило нескрываемое недоверие, но он успел уже убедиться в разумности советов Конана и теперь не отмахивался от них, как то было в самом начале.

— Помнишь,— спросил киммериец,— какими одуревшими вернулись наши люди после первого дня?

— Это от потрясения,— ответил Тефилус,— мы и сами были немногим лучше.

— Верно,— согласился Конан.— Я тоже так подумал, но вчера убедился, что был не прав. Похоже, бой барабанов лишает людей способности мыслить.

— Ну нет,— Тефилус скептически покачал головой и впервые за последние дни посмотрел Конану в лицо,— мы ведь тоже были там, но дураками не стали.

— Значит, звуки барабанов действуют совместно с чем-то еще. Кстати, мы были над толпой, знать — на трибунах. Сдается мне, что и помост, на котором расположились жрецы, был сооружен вовсе не для улучшения обзора.

Похоже, Конан убедил Дознавателя, и теперь тот противился лишь из упрямства. Внезапно удачная мысль пришла ему в голову.

— Ну а ты сам-то как сумел вчера избежать их участи?

— С трудом, — лаконично ответил киммериец.

Мэгил, понимая, что такого объяснения явно недостаточно, добавил:

— Приходилось постоянно трясти головой.

— Не вижу, что мешает и мне поступить так же. — Тефилус упрямо поджал губы, всем своим видом показывая, что намерен сделать именно то, от чего его пытаются отговорить.

Мэгил беспомощно всплеснул руками, а Тарган покачал головой.

— Не понимаю, о чем спор? — равнодушно спросил он. — Если хочет, пусть идет!

— Ему нельзя, — возразил Конан.

Зуагир непонимающе взглянул на друга, и киммериец досадливо поморщился.

— Пойми, Тефилус, — попытался объяснить он, — вокруг тебя будет бесноваться толпа, требующая крови, а ты будешь стоять и трясти головой. Я очень удивлюсь, если тебя не схватят задолго до окончания церемонии. — Он увидел, что слова его наконец-то достигли цели, но упрямец все еще колебался. — Мне очень не хотелось бы увидеть тебя завтра в качестве главного героя какого-нибудь Дня Соглядатая!

Похоже, что последний довод убедил Тефилуса.

— Хорошо, я останусь, — нехотя согласился он и тут же поинтересовался: — Кстати, а как тебе самому удалось остаться незамеченным?

— Меня заметили, — ответил киммериец, — но я-то как раз именно этого и добивался.

* * *

Их было человек десять, отправившихся вместе с Конаном, чтобы еще раз попытаться отыскать потайной механизм.

Дворец был небольшой. Пожалуй, это даже был вовсе и не дворец, а, скорее, особняк, чуть побольше шадизарского дома Аниэлы, поэтому идти пришлось недолго. Они вошли в помещение, которое Мэгил назвал малым залом. Конан остановился на пороге и первым делом осмотрелся.

Комната была слегка вытянутой. В дальнем конце ее стоял большой рабочий стол, за ним камин, а между столом и камином — массивное кресло, изукрашенное затейливой резьбой. Два огромных шестиногих паука сидели у потолка с двух сторон от камина и держали два свешивавшихся по бокам от кресла ярких шелковых шнура с роскошными золотыми кистями.

Статуи уродливых богов ростом с человека, наподобие сидевших над камином, украшали комнату. Помимо скудной мебели и каменного зверинца киммериец нашел множество барельефов, закрепленных на дубовых стенных панелях. Огромный паук сидел на столе, справа от кресла, и киммериец сразу вспомнил, что в такой же точно комнате встретился с Хевроном тремя днями раньше. Та комната, однако, выглядела более обжитой.

Он еще раз осмотрелся и на этот раз увидел места, где раньше стояло что-то из принадлежавшего прежним хозяевам. Он понял, что оставлено то, что либо нельзя трогать, либо не представляло собой никакой ценности, но именно вещи, которые невозможно было сдвинуть, как раз и интересовали его больше всего, а таких предметов обстановки в комнате осталось совсем немного.

Закончив первоначальный осмотр с порога, Конан обошел комнату, но тронул лишь одну из угловых статуй уродливого четырехрукого крылатого бога. Она оказалась достаточно массивной, но не представляла

собой никакой ценности — дешевая поделка, грубо высеченная из глыбы мрамора. На барельефы он просто не обратил никакого внимания, а остановился напротив стола и начал осматривать его, кресло и камин.

— Все остальное сдвинуть невозможно, — пояснил Мэгил.

Он вместе с остальными остался стоять в дверях, чтобы не мешать киммерийцу. Тот лишь кивнул и продолжил осмотр, медленно обходя вокруг стола, чтобы не пропустить какую-нибудь мелочь. Так, двигаясь потихоньку, он обогнул стол и оказался рядом с креслом.

— Шнуры — единственное, что здесь работает, — вновь подал голос жрец.

Конан потянул за шнур, и где-то недалеко, в одной из соседних комнат, раздался мелодичный звон. Тогда он обошел вокруг кресла, потянул за второй шнур, и звук повторился.

— Все это уже ни к чему, — пожал плечами жрец-отступник.

«Да, глупо», — подумал киммериец и остановился рядом с пауком, примостившимся на краю стола.

— Так, говоришь, больше ничего не работает? — задумчиво спросил Конан, осматривая паука.

— Забыл тебе сказать, — поморщился жрец, досадуя на свою забывчивость, — одна из лап этой твари крутится, но все уже давно пришло в негодность и бездействует.

— Значит, вы поворачивали ее? — все так же задумчиво спросил киммериец.

— Ну конечно! — раздраженно ответил Мэгил. — Я тебе об этом и говорю.

— Я же просил тебя... — Конан оторвался наконец от созерцания паучьих лап и укоризненно посмотрел на друга.

— Конан, — проникновенно заговорил Мэгил, — мы делали все очень... очень осторожно.

Киммериец лишь покачал головой — что с ними поделаешь! — и пошел дальше. Он остановился перед столом, точно посередине, и, когда почувствовал, что догадка его подтвердилась, вновь повернулся к Мэгилу.

— Не нужно было трогать паука за лапу, — укоризненно сказал он.

— Перестань, — Мэгил развел руками и улыбнулся, — ничего же не случилось, а потом я ведь сказал тебе, что мы действовали предельно осторожно!

Зул, стоявший с ним рядом в коридоре, равно как и остальные, заулыбался.

— Что ж, — согласился Конан, — может, ты и прав. Он подошел к ближайшей статуе и перетащил ее к столу.

— Решил размяться? — ехидно поинтересовался бывший жрец.

Ни слова не говоря, киммериец вернулся к креслу перед столом и, присев на корточки, повернул паучью лапу. В тот же миг он услышал до боли знакомое треньканье. Звонкий щелчок последовал мгновение спустя, и арбалетный болт упал к его ногам, выбив перед этим сноп искр из гранитного фасада камина.

Киммериец поднялся как раз в тот миг, когда кусок лапы, отколотый от статуи, с грохотом упал на пол, и Мэгил, вытаращив от удивления глаза, вошел в комнату, а вместе с ним и остальные. Он остановился в двух шагах от обломков и уставился на них, озадаченно скребя в затылке.

— Когда я говорю: ничего не трогать, — назидательно сказал Конан, — то это значит ничего не трогать.

— Но ведь мы... — начал было жрец, но так и не договорил.

— Вы действовали не осторожно, — объяснил Конан, — а медленно. — Он посмотрел в глаза другу. — Чувствуешь разницу? Вам просто повезло. Если бы кто-то случайно встал на эту плиту, он был бы уже покойником.

— Слушай, а как ты догадался? — спросил Мэгил, которому не нравилась роль нерадивого ученика.

— Как тебе сказать... — Киммериец усмехнулся. — Просто я уже стоял как-то на этом месте.

— На этом самом? — удивился Мэгил.

— Ну... — Северянин помялся. — На таком же. В Шадизаре, сразу после того, как выкрали Мелию. Тогда Хеврон попытался убить меня.

— И как же ты спасся? — спросил Зул.

— Я почувствовал, как и здесь, что камень дрогнул у меня под ногой. — Конан показал на плиту у самого стола. — Едва заметно, настолько слабо, что я даже не придал бы этому значения, если бы вслед за этим жрец не потянулся к рычагу. Вот тут я почувствовал, что что-то неладно, и успел увернуться.

— А Хеврон? — вновь поинтересовался Зул.

— Когда я вновь увидел его, — простодушно ответил киммериец, — он был приколот к стене, и я объяснил ему, что глупо стоять на пути у стрелы. Правда, этот урок ему уже не пригодится.

— Ладно! — махнул рукой жрец. — Затх с ним. Но вот что нам делать с камином? Я хочу сказать — с пустотой за ним?

— Да, глупо, — задумчиво повторил киммериец вслух вертевшуюся в голове фразу.

— Что глупо? — не понял Зул.

— А-а! — Конан махнул рукой. — Привязалось. — Он посмотрел на друга и, видя его недоуменное лицо, пояснил: — Ну, когда Мэгил сказал, что эти шнуры уже ни к чему, мне в голову пришло, что это глупо. Да, — он задумался и так стоял некоторое время, — что-то мне показалось тогда глупым.

Он вновь обошел стол и дернул сперва один шнур, потом второй, и вновь дважды откуда-то из-за стены раздался мелодичный звон.

— Глупо, — снова задумчиво повторил Конан, — ну конечно же, глупо вешать два шнура, которые оба держат один и тот же колокольчик!

— И что же из этого следует? — заинтересовался Мэгил.

— Не знаю, — киммериец пожал плечами, попеременно глядя то на один шнур, то на второй, — чтобы позвать слуг, хватит и одного шнура, но их два. Значит, второй повешен не просто так. Быть может, нужно дернуть одновременно за оба?

Глаза Зула восторженно вспыхнули, а черное лицо расплылось в радостной улыбке. Он тут же соединил обе кисти и потянул. И вновь где-то за стеной раздался отдаленный, мелодичный звон.

— Ну и?.. — разочарованно протянул Мэгил.

— Не получилось, — развел руками Зул.

Конан поморщился, стараясь осмыслить происшедшее. Несмотря на неудачу, он был уверен, что все сделал правильно... Или все-таки что-то сделал не так? Он вновь задумался, внимательно оглядываясь по сторонам. Его взгляд метался туда-сюда, но ничего достойного внимания не находил, пока не упал на расколотую пополам статую. Ну конечно! Как он мог быть столь невнимателен?! Наверняка запор двери действует так же, как и самострел! Отпирающий ключ в виде двух соединенных воедино шнуров он нашел, но ведь что-то наверняка должно предохранять от случайного открывания... Что это может быть?

Он вновь осмотрелся. Все молчали, с надеждой глядя на него, ожидая, что он придумает, а Мэгил — ехидна в рясе жреца — скептически улыбался, как бы говоря: «Посмотрим, посмотрим, парень, на что ты годишься!».

Киммериец еще раз посмотрел на расколотую статую. Так. Жертва встает на плиту, и кто-то поворачивает лапу паука. Что между ними общего? Оба действия должны быть произведены одновременно. Значит, нужно натянуть оба шнура и в то же самое время сделать еще что-то. Статуи? Нет. Барельефы? Слишком они далеко. Что еще? Быть может, та же паучья лапа? Ну уж нет. Это нужно тянуться, а жрецы любят удобства...

Когда эта простая мысль пришла ему в голову, он невольно улыбнулся и посмотрел на кресло — последний предмет оставленной жрецами обстановки.

Конан уселся в него и, соединив шнуры, потянул за них. На этот раз они пошли вниз не столь легко, а вместо мелодичного звона раздался сухой щелчок. Как только это произошло, глухой рокот возвестил о том, что механизм пришел в действие.

— Конан, ты велик! — провозгласил Мэгил и посмотрел на друга восхищенным взглядом.

— Я всегда говорил тебе об этом, — ухмыльнулся Зул.

— Одно дело услышать от тебя и совсем другое — увидеть собственными глазами, — резонно возразил бывший жрец.

Конан присел перед камином. Давным-давно уложенные на его дне дрова, покрытые слоем пыли, все так же лежали на месте, но массивной задней стены, вытесанной из цельной гранитной плиты, не было. Вместо нее зиял темнотой затянутый сплошным слоем паутины туннель.

— Ну что, полезли? — бодро спросил жрец и вопросительно посмотрел на киммерийца, но тот отрицательно покачал головой, хотя и понимал, что всем им не терпится поскорее узнать, какая тайна кроется в заросшей паутиной тьме.

— Оставим это на завтра, — спокойно ответил киммериец.

— Почему же не сейчас? — вскричал Мэгил.

— Потому что уже далеко за полдень, — объяснил Конан, — а у меня свидание с Сурией.

— Любовь... — заставив себя успокоиться, задумчиво проговорил жрец. — Что она делает с нами!

Зул с интересом смотрел на товарища, ожидая, что тот скажет, но Конан отнесся к этому вполне спокойно.

— Любовь... — Он усмехнулся. — Я нарочно не пошел сегодня к окнам. Побоялся, что придушу ее, как только увижу. — Он задумался ненадолго. — Хотя, быть

может, ты и прав. В конечном-то счете всем движет любовь... Ну, и ненависть тоже. Пошли! — Он дружески хлопнул жреца по спине, так что тот едва не рухнул на пол. — И если вздумаете соваться туда без меня, посмотрите вначале на статую.

* * *

Словно загнанная в клетку львица, Сурия металась по комнате и никак не могла успокоиться. Уверенная, что и Конан поступит так же, она специально ушла сегодня с церемонии раньше времени и вот теперь изводила себя страшными подозрениями, а киммериец все не шел. Никогда прежде она и мысли не допускала, что когда-нибудь мужчина получит над ней такую власть!

...Сегодня с утра все пошло не так. Начать хотя бы с того, что Хараг, словно бешеный пес, накинулся на нее, а она даже понять поначалу не могла, о чем идет речь. Оказалось, что этот напыщенный индюк отправил следом за ней своего человека, которого поутру нашли убитым в какой-то канаве.

Сурия сразу поняла, чьих рук это дело, но даже вида не подавала. Она с издевкой заявила Харагу, что такая забота скорее тревожит ее, нежели успокаивает, и что в следующий раз, если, конечно, ему не надоело напрасно терять своих людей, пусть предварительно справляется, нужны ли ей сопровождающие.

Услышав это, жрец чуть не задохнулся от злости и не нашел ничего лучшего, чем нагло заявить, что желает знать, где она была. Эта беспримерная наглость показала ей настолько забавной, что Сурия не выдержала и расхохоталась ему в лицо, в результате чего Хараг принялся изрыгать проклятия. Это было просто великолепно!

Спокойно выслушав поток абсурдных обвинений и нелепых притязаний, она смиренно напомнила ему, что отчитывается лишь Рогазе, и спокойно ушла, оставив его в одиночестве.

Таким образом, Сурия одержала полную победу, но на душе у нее было вовсе не так легко, как ей бы того хотелось. Все-таки Хараг оставался Харагом. Злобным, мстительным мерзавцем, имеющим к тому же — что бы там она ни говорила Конану — немалый вес в Сура-Зуде. Иногда ей приходило в голову, что он похож на ее тень. Вот только ума у него было чуточку поменьше, да и власти, хотя и неявной, она имела побольше.

Однако гораздо хуже оказалось другое. Она знала, что жрец без памяти влюблен в нее. Давно уже Хараг домогался ее любви, хотя она и смотреть на него не хотела и развлекалась иногда тем, что то подпускала его к себе поближе, то прогоняла прочь. Но что легко сходило ей с рук в Шадизаре, в Сура-Зуде могло иметь непредсказуемые последствия...

Сурия не стала долго размышлять, что ей делать, а отправилась напрямик к старой ведьме, рассказав ей подробно о притязаниях Харага и о Конане. О том, какой мощной опорой он мог бы стать для них, если бы ей удалось склонить его на свою сторону. Не скрыла она и роли киммерийца в многочисленных неудачах Харага в Шадизаре, что, впрочем, говорило в его пользу иставляло Харага в еще более невыгодном свете. По крайней мере, сама она рассчитывала именно на это.

— Да,— задумчиво проскрипела Рогаза после долгого раздумья,— каждый из нас думает, что вправе делать все, что пожелает, но на самом деле лишь тот имеет право на вседозволенность, кому по силам осуществить задуманное.

Сказав это, она надолго замолчала, изучающе глядя на свою молодую ученицу, и в какой-то миг Сурии показалось, что старая колдунья просто читает в ее душе, как в открытой книге... А может быть, так оно и было? Неожиданно раздавшийся голос отвлек ее от раздумий.

— Ты уверена,— проскрипела колдунья,— что сможешь подчинить его себе?

Сурия вздрогнула и посмотрела старухе в глаза:

— Он без ума от меня!

— Да? — Лицо старухи сморщилось, изображая улыбку, и сразу стало похоже на старый, сушеный гриб. — А мне показалось, что без ума от него ты!

Сурия вспыхнула, но тут же взяла себя в руки.

— Это правда,— не стала скрывать она,— но мое безумство не мешает мне трезво оценивать происходящее. Я уже предложила ему перейти на нашу сторону, и он ответил, что подумает, но уверена, что лишь гордость помешала ему согласиться тотчас.

— Он горд, этот киммериец,— задумавшись, то ли спросила, то ли утвердила старая ведьма. — Что ж, гордость — это хорошее чувство. Гордые не предают. Но вот вопрос: только ли гордость удержала его?

Сурия гордо вскинула голову:

— Еще ночь или две, и он станет моим навсегда!

— Что ж,— прошамкала ведьма,— быть по сему, но помни: твоему киммерийцу придется умереть, если он не явится сюда утром шестого дня!

— Он придет!

— Значит, ты можешь ничего не бояться,— кивнула старуха,— я присмотрю за Харагом.

При этой мысли Сурия улыбнулась. Теперь она была спокойна и за себя, и за Конана. Она и в самом деле ни минуты не сомневалась, что он согласится на ее предложение. Да он просто не может не согласиться! Ведь она предложила ему стать властелином мира! К тому же она спасла его от смерти.

Именно в этот миг она увидела в конце улицы Конана. Он шел спокойной, размеренной походкой, словно сказочный герой из небытия, явившийся на ее зов. У нее вновь задрожали руки и участилось дыхание, но она даже не замечала этого. Он шел, с каждым шагом приближаясь к ней, и точно так же росло ее возбуждение. И едва он успел войти, как она подбежала к нему.

— О Конан! Где же ты был так долго?! Конан!

Она принялась срывать с него и с себя одежду, а он, смеясь и шутя, отбивался, но это лишь сильнее возбуждало ее, пока наконец и он не почувствовал, как в него переливается переполнявшая ее страсть...

* * *

Едва киммериец переступил утром порог дома, как тут же почувствовал, что что-то неладно. Он видел хмурые лица друзей, и каждый, на ком он останавливал взгляд, тут же отводил глаза, то ли чувствуя себя виноватым, то ли, наоборот, считая виноватым его, но не решаясь высказаться вслух.

— Кром! — не выдержал он наконец. — Да что у вас тут происходит?!

— Что происходит?! — вскричал Тефилус. — Ничего особенного! Просто, пока ты шляешься по девкам, у нас тут люди гибнут!

От этих слов Конан сморщился, словно от хлесткой пощечины.

— Послушай, Тефилус, — заговорил он как мог спокойно, — я уже давно понял, что тебе мы обязаны всеми победами, даже если тебя при этом не было рядом. Если же случилась беда, то виноват обычно бываю я, даже если находился на другом краю света. Я прошу тебя: говори, только если тебе действительно есть что сказать.

Повисла тягостная тишина. Дознатель почувствовал вдруг, что взгляды всех присутствующих устремлены на него, а он не знал, что сказать. На языке вертелись одни ругательства, которые были явно не к месту. Киммериец смотрел на него в упор. Ни тени насмешки не промелькнуло во взгляде синих глаз. Тефилус выругался и вышел вон.

— А теперь, — спросил киммериец, — кто-нибудь объяснит мне, что произошло?

— Всем не терпелось посмотреть, что там, во тьме, — хмуро ответил Мэгил. — Мы ждали тебя весь вечер, а потом...

— Кром! Я ведь предупреждал! — Конан опустился на стул, кляня себя на чем свет стоит. — Кто?

— Один из моих, — ответил Тарган, — ты его не знаешь. Он пришел сегодня с ночной группой и весь день отсыпался.

— У меня такое чувство, — киммериец сжал кулак, — что все вы спите... Кром! Вы зачем пришли сюда? Надоело скотину пасти?! Решили развлечься?!

— Перестань... — Тарган болезненно поморщился. — Королевскому Дознателью не давало покоя ущемленное самолюбие, а молодой дурак рвался в герои. Удивительно ли, что эти двое нашли друг друга? Мы и знать ничего не знали, пока он не пришел и с мрачным видом не объявил, что парень погиб.

— Как? — хмуро спросил Конан.

— Его рассекло надвое, — нехотя ответил Тарган. — Чем, мы так и не поняли.

Конан вздохнул и, ни слова не говоря, вышел. Он слышал, как кто-то направился за ним следом, но не стал оборачиваться. Он был зол. Не на своих друзей, конечно, но Тефилус выводил его из себя, и, пожалуй, даже сильнее, чем прежде.

— Здесь мы похоронили парня, — услышал он голос Таргана и остановился.

Остановился и Мэгил. Лишь они вдвоем последовали за киммерийцем.

— Он был нам ровесником, Конан, — сказал зуагир. — Этой зимой он потерял сестру и поэтому сразу вызвался идти с нами.

— Ему уже не поможешь, — откликнулся северянин, — идем.

Они пошли дальше, теперь уже вместе, и вскоре оказались там, где накануне киммериец отыскал потайной лаз. Он подошел к зияющему в глубине камина отверстию и, опершись руками о его края, заглянул внутрь. Паутина, почти сплошным пологом перекрывавшая вход, была изодрана и залита кровью. Конан покачал головой и, подойдя к окну, с усилием оторвал

от пола одну из трех оставшихся мраморных статуй, просунул ее в лаз и тут же отпрянул, когда широкое лезвие со свистом рассекло воздух перед его лицом, перерубив пополам каменного божка. Киммериец присел на корточки, за его спиной остановились Тарган с Мэгилом. Клинок теперь опускался через равные промежутки времени.

— Что будем делать? — спросил Мэгил.

Киммериец молча пожал плечами, ухватился рукой за верхнюю кромку камина и, осторожно заглянув внутрь, принялся исследовать очаг. Почти сразу справа от себя он увидел небольшой рычажок, установленный в верхнее положение, перевел его вниз и посмотрел вперед. Лезвие в очередной раз пропело мелодию смерти и больше не появилось.

Вполне довольный собой, северянин вылез наружу и покачал головой.

— Два дурака, — с горечью бросил он, — молодой и старый... Им бы хоть каплю ума на двоих!

— У них не было твоего опыта, Конан, — заметил Мэгил.

— Кром! Именно потому я и просил не лезть без меня! — Конан никак не мог успокоиться. — Но все равно можно было сообразить, что, раз ход есть, значит, он ведет куда-то, и простая осторожность должна была подсказать жрецам мысль как-то защитить его.

— Жрецам-то она пришла в голову, — задумчиво заметил Мэгил. — Ну так что, пойдём?

— Нет, — киммериец покачал головой, — я не самоубийца.

— Ты думаешь, там осталось еще что-то? — недоверчиво покосился на него Тарган.

— Не думаю, но все-таки хочу видеть, куда ступаю.

С этими словами он зажег факел и поднес его к стенам и полу. Толстый слой сухой пыли и паутины мгновенно вспыхнул, и огненная волна покатила вперед. Потом Конан вышел в коридор и, сняв со стены длинное боевое копьё, вернулся назад.

Он нагнулся, вошел внутрь, но тут же выглянул:

— Одному из вас не мешало бы остаться здесь на случай, если нам потребуется помощь.

Тарган усмехнулся и шлепнул Мэгила пониже спины.

— Иди, жрец. Сдается мне, что если Конану и потребуется помощь, то от тебя будет больше проку.

Киммериец вытащил разрубленную статую, и они пошли. Впереди Конан, пробовавший копьём каждую плиту перед собой, за ним Мэгил с факелом в руке. Как только они переступили порог, образованный задней стеной камина, то увидели, что коридор гораздо просторнее, чем о нем можно было судить снаружи.

Они прошли пару десятков шагов и уперлись в тупик. Конан осмотрелся, но ничего похожего на потайную дверь не обнаружил. Поскольку такого быть просто не могло, он принялся за дальнейшие поиски. Метр за метром продвигался он назад, к входу, тщательно проверяя пол, стены и даже потолок, но все безрезультатно. Ничего, кроме узкой, длинной щели, через которую выскакивало лезвие, он так и не нашел.

Он вышел в комнату и озадаченно запустил руку в густую копну смоляных волос.

— Ну, что? — поинтересовался Тарган.

— А ничего, — хмуро буркнул киммериец и отвернулся.

— Там тупик, — пояснил Мэгил, — двадцать шагов по коридору — и все.

— Хватит трепаться, пошли, — буркнул Конан.

— Но там же ничего нет! — удивленно возразил Тарган.

— И ты тоже, — добавил киммериец вместо ответа и уставился на зуагира.

Тот вопросительно посмотрел на жреца, но Мэгил лишь пожал плечами, показывая, что не имеет представления о том, что задумал северянин, а Конан, через плечо которого уже был перекинут сорванный в коридоре гобелен, поднял с пола копьё и, не проверяя, идут

ли они за ним, нырнул в темный проем. Они переглянулись и молча пошли следом.

Два десятка шагов — и они оказались у дальней стены, только вместо каменных плит пола в тупике теперь зияло квадратное отверстие.

— Но ведь тут ничего... — только и смог прошептать Мэгил.

— Тш-ш. — Киммериец мгновенно обернулся и приложил палец к губам.

Он уже сидел на краю проема и смотрел вниз.

— Куда ты? — шепотом окликнул его бывший жрец. — Ты себе ноги переломаешь!

— Здесь вовсе не так высоко, — спокойно сказал варвар, привязав один конец гобелена к середине древка и бросая второй вниз, — оставь факел и иди за мной.

Он положил копье рядом с одним из углов и скрылся из виду. Некоторое время руки его держались за каменный край, потом пропали и они.

Приземлившись на каменный пол, Конан встал и первым делом осмотрелся. Теперь он стоял лицом к стальным прутьям решетки, которая отгораживала не больше пяти шагов свободного пространства, заканчивавшегося стеной из гранита. Вправо и влево тянулся коридор. Обернувшись, он увидел позади точно такую же решетку, но за ней была не каменная стена, а еще одна решетка. Через равные промежутки шагов в десять они разделялись массивными гранитными вставками, подпиравшими свод.

Пока он осматривался, к нему присоединились Мэгил и Тарган. Конан к тому времени сообразил, что стоят они в лабиринте, и, как подсказывала ему интуиция, в одном из самых глухих уголков его. Впрочем, об этом нетрудно было догадаться по гранитной стене, оставшейся за спиной. Они пошли вперед, в ту сторону, откуда лился свет, и вскоре слышали приглушенные расстоянием голоса.

Конан шел медленно и осторожно, постоянно оглядываясь, чтобы ненароком не нарваться на людей. Кроме

того, он старался запомнить, откуда пришел и куда направляется, чтобы не плутать по лабиринту, когда придет время возвращаться.

Вскоре они добрались до каменной стены и медленно пошли вдоль нее. Понемногу становилось светлее, да и звуки раздававшихся в отдалении голосов становились все громче. Вскоре уже можно было различить отдельные слова. Конан замер на миг и, повернувшись, жестом призвал своих спутников к молчанию. Теперь, когда они почти ясно различали чужую речь, в любой миг могли услышать и их.

— Дальше не пройти, — едва слышно прошептал киммериец, обернувшись к своим друзьям, и Мэгил кивнул, соглашаясь.

Теперь они могли двигаться либо прямо, либо свернуть налево, в коридор, тянувшийся параллельно. Однако там, впереди, где было светлее, кто-то сидел. Вполне возможно, это были надсмотрщики, о которых говорила Сурия.

Как ни велик был соблазн сразу покончить со всеми сомнениями, но киммериец решил не рисковать, и его спутники полностью согласились с ним. Близился полдень. Скоро за Мелией должны прийти, и Конан решил дожидаться этого, чтобы увидеть все своими глазами.

Друзья затаились, и вовремя: почти сразу где-то впереди послышался лязг отпираемой двери, и они увидели, как тьма прорезала полоса света. Налетев на Таргана, киммериец рванулся назад, сшиб его и рванулся прочь, увлекая за собой опешившего Мэгила. Они промчались мимо двух рядов клеток и свернули в боковой проход.

Едва они замерли, прильнув к каменной стене, как послышались легкие шаги, и киммериец нутром почувствовал, что это Сурия. Шаги все приближались. Осторожно выглянув, варвар увидел, что так оно и есть. Стремительной походкой, едва касаясь пола, она не шла, нет, летела вперед! Или так ему показалось?

Киммериец поймал себя на мысли, что эта ученица колдуньи приобрела над ним... Нет, конечно, не власть, но некое подобие ее. Он ненавидел ее всем сердцем, когда Сурия была далеко, но эта ненависть иссякала в считанные мгновения, едва девушка касалась его своими нежными руками. Конану пришлось тряхнуть головой, чтобы избавиться от наваждения. Он оглянулся на своих друзей, но на их лицах прочел лишь настороженность: на них молодая колдунья не производила никакого впечатления. Шаги все приближались. Вот она прошла мимо, даже не взглянув в их сторону. Они подождали, пока она удалится на десяток шагов, и направились следом.

— Идите за мной,— услышал Конан ее властный голос, и пять пар ног громко затопали по коридору.

Они добрались до места, что лежало точно напротив лаза, и остановились, слившись с серой стеной. Вновь послышался лязг ключей, пощелкивание отпираемого замка и оглушительный скрип петель.

— Можете идти,— услышали они приказ и сразу же вслед за ним — быстро удаляющиеся шаги.

Конан осторожно выглянул из-за перегородки. Сурия стояла с плетью в руке и насмешливо рассматривала свою пленницу.

— Вот и еще один денек позади,— наконец заговорила она,— совсем скоро уже ты станешь невестой Затха, и он поглотит тебя.

Она злобно расхохоталась. Лишь когда демонический смех колдуньи затих, Мелия спокойно ответила:

— Ничего этого не будет. Конан придет и освободит меня.

— Вот как! Конан! — Молодая колдунья вновь расхохоталась. — А не хотела бы ты узнать, что твой Конан уже не твой? Он у моих ног! — Она гордо посмотрела на свою соперницу.

— Ты лжешь, ведьма. — Мелия брезгливо поморщилась. — Конан горд! Он не из тех, кто станет валяться в ногах, тем более твоих!

— Ах, я тебе не нравлюсь,— как видно, слова пленницы задели Сурию за живое,— но и ты мне тоже, а потому я кое-что припасла для тебя!

Она размахнулась, и плетью со свистом рассекла воздух. Раз, другой, третий... Она била молча, с ожесточением, но, как ни старалась, пленница ее не вымолвила ни слова. Наконец она устала.

— Что же ты молчишь?!

— Я должна быть достойной его!

Конан не был сентиментален, но в этот миг сердце его болезненно сжалось. Он готов был сорваться с места и бежать к Мелии, но, словно почувствовав это, Мэгил сжал его руку, и киммериец успокоился.

— Да,— ответила Сурия после некоторого раздумья,— теперь я верю, что ты и в самом деле познала его... Но теперь он мой!

Колдунья приблизилась к Мелии и злорадно улыбнулась, но пленница плюнула ей в лицо. Сурия вздрогнула и изо всех сил ударила соперницу по щеке.

— Грудастая сука! — завопила колдунья. — Он мой! Ты верно сказала, что он не станет ни у кого валяться в ногах, но мне этого и не нужно! Я сделаю его своим королем! Слышишь, ты?! Весь мир падет к нашим ногам! И я жалею только о том, что не могу, как это сделала Рогаза с дикаркой, вспороть твоё поганое лоно, посмевшее принять его в себя! Осквернить моего Конана!

Она вновь взялась за плетень, и киммериец, который отнюдь не был неженкой, невольно закрыл глаза, чтобы не видеть происходящего. Наконец Сурия остановилась.

— Знаешь, зачем я принесла это? — Она подняла плетень, которой только что избивала пленницу. — Сегодня я буду любить его как никогда! Я подарю ему ласки, о которых ты и понятия не имеешь! Он узнает, что такое настоящая любовь, и тогда окончательно забудет тебя и уйдет со мной, чтобы служить Затху!

Она издевательски расхохоталась и ушла. Шаги ее звучали все тише и тише, потом трое друзей услышали

скрип петель, возвестивший, что дверь закрылась, и все стихло, если не считать приглушенных голосов охранников.

Конан посмотрел туда, где сидела Мелия. Теперь, когда Сурия унесла факел, он не мог видеть ее лица, но ему показалось, что он слышит слабое всхлипывание. Конан прислушался — так оно и есть. Оставшись в одиночестве, она заплакала. Сперва тихонько, но постепенно плач ее становился все сильнее, плечи девушки мелко задрожали, и вскоре все ее тело уже сотрясало от рыданий.

— Пошли, киммериец, — услышал он и, не в силах отвести от Мелии взгляда, начал осторожно пятиться.

Они оставили позади себя освещенное пространство, и плач несчастной постепенно смолк. Очень скоро вся троица вновь оказалась в коридоре, ведущем к лестнице, и пошла вперед, туда, где в полосе света возникали и исчезали все посетители этого мрачного места. Они осторожно продвигались вперед, оставляя позади ряд за рядом пустых клеток, пока в правой стене не наткнулись на каменную лестницу, кончавшуюся дверью. Судя по всему, это и был выход. Или вход — как посмотреть.

Они прошли еще чуть вперед и остановились.

— Ну, что? — спросил Мэгил. — Будем возвращаться?

— А что еще тут делать? — то ли спросил, то ли согласился с ним Тарган.

— Ты забыл еще кое о чем. — Конан выразительно посмотрел на Таргана.

— Я не забыл о них, — улыбнулся Тарган, легко угадав мысль друга, — просто я знаю, что они там. — Он махнул рукой в сторону светового пятна.

— Откуда? — удивился киммериец.

— Пока ты смотрел на Мелию, ты, похоже, вообще ничего больше не замечал, — усмехнулся зуагир. — А я прошел вперед. Они через две загородки от нее, только еще дальше по коридору.

Они повернули назад, уже зная, что делать. Друзья неслышно шли по каменному лабиринту, пока не увидели впереди и над головой слабо светящийся квадрат хода. Гобелен все так же свисал, почти касаясь пола. С ловкостью обезьяны зуагир взобрался по нему наверх. Конан же просто подпрыгнул и, ухватившись за каменный край, подтянулся и легко выбрался наружу. Мэгил тоже не заставил себя ждать. Дождавшись, когда его друг выберется наверх, Конан вытащил полосу ткани и пошел вперед. Всего двадцать шагов понадобилось им, чтобы выбраться из камина, и Конан перевел оба рычажка в изначальное положение.

— Как будем действовать? — спросил жрец.

Киммериец пожал плечами: для него такого вопроса просто не существовало. Он повернулся к Таргану:

— У тебя найдется полсотни человек, которые умеют держать язык за зубами?

Тот удивленно взглянул на него:

— Ты же знаешь, что среди зуагиров нет болтунов!

— Отлично. — Конан довольно кивнул. — И все-таки отбери самых надежных. Половину оставим наверху. Остальных возьмем с собой. — Киммериец задумался. — Жаль, что мы не прихватили снизу серые робы, а ведь они там были.

Мэгил пожал плечами:

— Откуда нам было знать, кто их носит?

— Можно послать за ними, — предложил Тарган. — Ты когда собираешься заняться этим делом?

— Завтра, в это же время, — подумав, ответил киммериец.

— Не поздно? — засомневался Мэгил.

— В самый раз, — убежденно кивнул киммериец. — Если не подойдут мои ключи, подождем Сурию. Пилыто у нас все равно нет. — Конан задумался. — Мэгил, — обратился он к жрецу, — только не говори ничего Теофилусу. А то он, как обычно, решит заняться этим сам, и тогда все пропало.

— Не беспокойся,— ответил за жреца Тарган,— мы скажем ему, что ты так и не смог спуститься вниз.

— Верно,— согласился Конан,— это будет лучше всего.

— А сам ты? Неужели снова пойдешь к ней? После того, что увидел?

Киммериец вздохнул:

— Если я не приду сегодня, может случиться беда. Разве ты не понял, на что она способна в ярости?

— Ты прав,— согласился Тарган и покачал головой.

* * *

Киммериец шел по улицам Сура-Зуда, и все у него внутри кипело от негодования на самого себя. Чего бы он не отдал за возможность избежать сегодняшней встречи! Но... Умом-то он понимал, что должен взять себя в руки, что это последний его визит, но сердце варвара требовало отмщения, хотя мстить женщине было и не в его правилах.

Задумавшись, он даже не заметил, как оказался перед дверьми знакомого домика, и лишь тогда очнулся от своих мрачных, недобрых мыслей и огляделся. Было еще рано. Сегодня Мэгил заставил его отправиться на свидание раньше обычного, и он был уверен, что на этот раз пришел на встречу первым, но едва вошел в дом, как Сурия прыгнула на него, словно дикая кошка на давно поджидаемую добычу.

Подобрав юбки, она обхватила ногами его поясницу, а руками — шею и принялась покрывать поцелуями лицо. Он с ужасом почувствовал, что как ни сильна была его ненависть всего мгновение назад, но едва он появился здесь, страсть ведьмы пробудила в нем дикое желание.

О том, что произошло дальше, не мог бы вспомнить ни один из двоих. В одно из редких мгновений затишья Сурия со стоном оторвалась от его губ, прервав затяжной поцелуй.

— Ты мой, Конан,— страстно зашептала она.— Ты должен дать ответ. Помнишь?

— Утром,— ответил он коротко.

— У тебя есть время до полудня,— настаивала она,— а солнце уже взошло! Потом будет поздно.

— Ты узнаешь ответ до полудня,— пообещал Конан.

— Как? — не унималась она.

— Узнаешь,— повторил киммериец, и как она ни старалась, не смогла больше вытянуть из него ни слова.

Вдруг Сурия подозрительно посмотрела на него.

— Быть может, ты все еще надеешься выкрасть свою девушку?! — вскричала она, и лицо ее тотчас стало злым.— Не выйдет! Ее ничто не спасет! Я рада, что увижу, как паук сожрет эту суку! Жаль только, не смогу прикончить ее сама.

До сих пор Конан старался не обращать внимания на ее слова, но тут не выдержал:

— Да за что же?

— За то, что даже сейчас она пытается отобрать тебя у меня!

* * *

Точно кошка, очнувшись от блаженного сна, Держэ-то сладко потянулась и открыла глаза, перед которыми все еще плыли уже несуществующие видения. Ее думы витали в безмерной дали, иногда уносясь в безбрежное пространство, а временами ныряя в вязкую пучину времени, чтобы воскресить в памяти события, происшедшие с ней когда-то. С ней и с другими. В незапамятные времена она имела неосторожность в поисках любовных утех воплотиться в земную женщину и как драгоценный дар преподнесла себя избранному ею мужчине. Правда, не открыв ему своей тайны. Он снисходительно принял дар, но не оценил его. И за это был превращен богиней в камень.

Однако недавно Держэ-то нашла себе новую игрушку, но долгое время колебалась, ибо память о былом уни-

жении не побороть так просто и богине, а открыться простому смертному ей не позволяла гордость. И все-таки чем дальше заходило дело, тем больше страстное естество женщины брало верх над рассудком. И вот в какой-то миг — она и сама затруднилась бы сказать, когда именно это произошло, — Деркэто почувствовала, что назад дороги нет, что она желает этого человека для себя. Желает неистово! И в тоже время боится повторения неудачи.

Этот страх остановил ее, когда рядом с киммерийцем была Мелия. Он же не позволил ей действовать и тогда, когда с ним оказалась Милла, и лишь когда юная колдунья предъявила на молодого варвара свои несуществующие права, богиня воплотила в прекрасную колдунью свою неукротимую сущность.

Но тут случилось непредвиденное. Богиня Страсти решила развлечься, но оглянуться не успела, как влюбилась в смертного, которого считала лишь очередной своей игрушкой. Она не сразу поняла, что с ней происходит. Просто ощутила вдруг небывалый подъем, и приподнятое настроение уже не покидало ее. Она радовалась синему небу и белым облакам, зеленому лугу и ароматным цветам, ей хотелось смеяться и плакать одновременно. Она все чаще ловила себя на том, что сравнивает лазурь небес с голубизной его глаз, а легкий утренний ветерок, нежно трепавший ее волосы, — с прикосновениями его рук, от которых все в груди замирало, а на душе становилось легко и спокойно.

Но вот в какой-то миг она поняла вдруг, что влюбилась. Когда эта простая мысль проникла в ее сознание, богине стало смешно. На протяжении веков служила она для жалких людей олицетворением страсти и вдруг сама стала жаждать того, чем лишь изредка одаривала других! Но едва ее смех затих, как богиня испытала иное чувство — нечто сходное с испугом. И тогда Деркэто решила пойти на хитрость. Она не стала воплощаться в земную женщину, а лишь временно заняла

тело одной из них, чтобы узнать, каков он... Киммерийский варвар...

Лучше бы она этого не делала!

Раз за разом Деркэто переносила свою сущность в тело молодой колдуньи и с каждым разом все больше убеждалась в том, что это он. Тот, кого она ищет уже так давно, — мужчина, достойный составить пару ей, Деркэто, Богине Страсти! Словно океанская волна, накатывающая на берег, чувство это нахлынуло на нее и захватило целиком, без остатка, сделавшись частью ее самой. Теперь то, что совсем недавно было просто игрой, искушением, превратилось для нее в пытку.

Она лежала на нежнейшей перине невесомого лебяжьего пуха, медленно приходя в себя и моля — кого? Митру? Сета? Себя?! — чтобы блаженство это продлилось еще немного. Ее тело, оставшееся здесь, пылало огнем, плоть трепетала, а губы лихорадочно шептали молебь, падавшие в никуда. И тогда она поняла, что лишь от нее самой зависит, что должно произойти дальше. Этот мужчина будет принадлежать ей! Как это произойдет и когда, не имело значения. Она знала, что на этот раз добьется своего.

Она медленно встала с ложа и шагнула к небольшому круглому бассейну, в котором плавали светившиеся разноцветными огоньками рыбы. Придерживая пышные волосы, Деркэто медленно склонилась над отливающей густой синевой водной поверхностью и долго смотрела на свое отражение. Потом опустила ладони в прохладную влагу, зачерпнула ее, несколько раз плеснула себе в лицо полные пригоршни воды и замерла, наблюдая за расходящимися по водной глади кругами. Светящиеся рыбки остановились и удивленно уставились на свою хозяйку.

Богиня усмехнулась и повела рукой над зеркалом воды, отчего то стало идеально ровным, как застывшее в зимнюю пору лесное озерцо. Тогда она поманила его на себя, словно то было живое существо, и зеркало встало вертикально. Придирчивым взглядом Деркэто

окинула свое отражение, но теперь уже по-другому — как капризная красавица, которая сознает свою неотразимость, но хочет позабавиться и поразить своего собственного кавалера чем-то особенным.

Она, улыбаясь, смотрела в зеркало, где, сменяя друг друга, проплывали образы, один краше другого. Вот уже не она, а гордая зингарка, высокомерно вскинув бровь, придирчиво разглядывает свое отражение, которое на глазах тает, принимая иные черты, иную статью, и уже русоволосая стройная красавица-бритунка с удивлением смотрит, как и ее черты, едва проявившись, уходят, уступая место иному образу — тоненькой, хрупкой кхитайнке. Она беззаботно закружилась, смеясь, и хрустальные колокольчики ее смеха зазвенели, наполняя мир радостью и счастьем, но, когда обернулась, не было уже юной кхитайнки. На нее смотрела гордая дочь Черных Королевств со смоляными волосами, заплетенными в сотню тоненьких косичек. И все-таки в плетом из образов она оставалась сама собой.

Как только она подумала об этом, видение пропало. На нее вновь смотрела Богиня Страсти. Пепельно-серые с серебряным отливом волосы густыми прядями спадали на шею. Прямой, слегка вздернутый носик, надменный взгляд огромных, миндалевидной формы, изумрудных глаз. Пухлые, чувственные губы призывно алели, словно лепестки роз, темно-золотистая кожа, точеный подбородок. Такой была она, Деркэто. Вернее, так выглядел ее любимый образ.

— Конан, покажись, — произнесла она своим низким, бархатистым голосом и легонько щелкнула пальцем по водной поверхности.

Разноцветные, искрящиеся круги побежали от центра к периферии, искажая, смывая то, что отражалось ею и скрывалось за ней, чтобы заменить эти образы иными, которых до сих пор не было здесь, но которые богиня жаждала увидеть.

И она увидела, как ее возлюбленный ласкал молодую колдунью, и тут же вспомнила эти объятия, ощу-

тила своим телом его горячие ласки, словно все еще находилась в том теле, которое в этот миг изнемогало в его руках от невыносимого наслаждения. В том самом, которое она покинула недавно!

В ярости она ударила по водной глади, бесстыдно отразившей то, чего она вовсе не желала видеть, и волшебство мгновенно распалось: видение исчезло, вода с громким всплеском стекла в бассейн, подняв пенную волну, которая, повинаясь взмаху руки Деркэто, тут же успокоилась, не уронив на землю ни капли.

— Ты права, мне это тоже совсем не нравится, — услышала богиня низкий голос, не узнать который было просто невозможно.

Деркэто резко обернулась.

— Иштар! — воскликнула она, задыхаясь от возмущения. — Как смела ты...

Она не успела договорить — ее прервал примирительный жест гостью.

— Прости, — смиренно заговорила незваная гостья, — но у меня и в мыслях не было следить за тобой. Поверь, это произошло случайно, — объяснила она, и Деркэто, подумав, успокоилась.

— Что же привело тебя ко мне? — Она усмехнулась. — Сколько помню себя, мы никогда не были подругами!

— Кто может ответить, что обычно влечет людей друг к другу? — ответила та вопросом на вопрос.

— Мы не люди! — покачав головой, возразила Деркэто.

— Что верно, то верно, — согласилась Иштар. — Мы не люди, и каждый из нас занят самим собой, тем не менее частенько интересы наши сталкиваются. Совсем недавно, если помнишь, Митра решил вдруг собрать нас вместе.

— Некоторых из нас, — поправила ее Деркэто и добавила: — Но сам же и оттолкнул меня.

— Ты хочешь сказать... — начала было Иштар, но Деркэто не дала ей договорить.

— Я ничего не хочу сказать, — отрезала она, ясно давая понять, что ей неприятна эта тема, — и не думай, что, коли ты здесь, я стану рассказывать тебе о своем позоре!

— А почему бы и нет? — искренне удивилась Иштар. — Я ведь пришла именно за этим! И мне не стыдно сказать, что Сет искал, как оказалось, не... — она помялась, подыскивая подходящее слово, — дружбы моей, — при этих словах Богиня Страсти иронично усмеялась, но Иштар предпочла сделать вид, что не заметила этого, — и даже не помощи. Он хотел подчинить меня своей воле! — Глаза ее гневно сверкнули.

— Ха-ха-ха! — Держэто рассмеялась, но не было в смехе том беззаботной веселости, лишь ирония пополам с горечью. — Мне это знакомо, — не удержавшись, призналась она. — Что ж, добро пожаловать, Мать Земли!

Она небрежно, в приглашающем жесте повела рукой, и рядом с бассейном, из дальней стенки которого забил вдруг весело журчащий родничок, невесть откуда появились две огромные раковины. Створки их были приоткрыты ровно настолько, чтобы верхняя половина защищала от солнца нижнюю с расстеленными на ней леопардовыми шкурами и ярко-алыми подушками кхитайского шелка.

— Благодарю за приглашение.

Иштар с улыбкой склонилась в вежливом поклоне. Когда Держэто вновь посмотрела на нее, от строгого сари гостыи не осталось и следа. Теперь на ней было надето свободное небесно-голубое платье со стальным отливом, сотканное то ли из утреннего тумана, то ли из лунного света и перепоясанное золотым солнечным лучом. Она оставалась одетой и в то же время представляла совершенно обнаженной. Зачем она это сделала? Быть может, чтобы быть несколько ближе к той, к кому пришла с просьбой?

Держэто улыбнулась, именно так и поняв намерения гостыи, но на этот раз в ее улыбке не было и намека на скрытую горечь.

— Ты прекрасна, недоступная! — откровенно любясь Иштар, молвила она. — Не пойму, отчего меня зовут Богиней Страсти? Быть может, просто потому, что никто не видел тебя... такой?!

Иштар улыбнулась в ответ:

— Хотела бы ответить тем же, но боюсь, что любой мой комплимент поблекнет в твоём присутствии.

Держэто рассмеялась. Будучи Богиней Страсти, она умела по достоинству оценить и чужую красоту. Она обняла себя за плечи, а когда опустила руки, невесомое облако, проплывавшее над их головами, вдруг опустилось, вытягиваясь на лету газовой дымкой, нежно обвило шею богини, стянуло ее упругие груди, обняло тонкую талию и, перекрутившись у лона, нырнуло вниз.

— Значит, Повелитель Ночи разочаровал тебя?

Держэто уселась на подушки, скрестив перед собой согнутые ноги, и свободно опустила руки на колени, отчего сразу стала похожа на статую богини Иштар, как ее изображают почигатели в далекой Вендии, и в глазах ее, смотревших на гостью, сверкнули озорные огоньки.

— Увы! — Иштар в иронично-скорбном жесте развела руками. — Он неверно понял мою просьбу, восприняв ее как признак слабости, и почему-то решил, что может получить плату, ничего не дав взамен.

— Ну и?.. — заинтересованно спросила Держэто.

— Мне пришлось сделать так, чтобы он быстро понял: плату надо отработать. — Иштар поймала на себе смешливый взгляд Держэто. — Скажу тебе больше — мне пришлось очень постараться, чтобы он страстно захотел получить эту плату.

— Так ради своей цели ты пошла на унижения?! — возмущенно воскликнула Держэто. — Вот уж не думала, что ты способна на такое!

Она осуждающе посмотрела на Иштар, но, увидев веселые огоньки в ее глазах, удивленно замолчала.

— Нет, милая, ты неправильно поняла меня, — рассмеялась та. — Я тоже считаю, что за такое нужно наказывать.

— Но он возжелал тебя?! — воскликнула Держэто.
— Еще как! Да только с тем и остался! — ответила Иштар.

Держэто уважительно покачала головой:

— Я бы так не смогла!

— Ну а ты? — в свою очередь спросила Иштар и вдруг забеспокоилась: — Неужели ты оставила его безнаказанным?

— Во мне нет твоей силы, — Держэто сокрушенно покачала головой, — разве я способна на месть? Я просто ушла, одарив его на прощание.

Иштар растерянно ахнула и всплеснула руками:

— Чем же ты одарила его, потерявшая гордость, отвергнутая Богиня Страсти?!

— Что же я могла подарить ему? — Держэто лукаво посмотрела на возмущенную гостью. — Я ведь, как ты верно заметила, Богиня Страсти, я и одарила его страстью... Неудовлетворенной...

Иштар слухала, широко раскрыв глаза от удивления, но когда смысл сказанного дошел до нее, расхохоталась.

— А ведь мы с тобой и впрямь похожи, клянусь Сетом! — воскликнула она.

— Клянусь Митрой, ты права! — смеясь, ответила Держэто. — Эти мужчины холодны и расчетливы, словно купцы, даже те из них, что зовутся богами!

— Верно подмечено, — кивнула Иштар, соглашаясь. — Правда, я и сама пришла к тебе с просьбой, — вновь рассмеялась она.

— Это не тот случай! — заявила Богиня Страсти и махнула ручкой. — Мой праведник пообещал помощь и тут же позабыл о своем слове. У него на уме лишь Незримый, этот всеми забытый демон, да треклятый камень! Он носится с ними, словно свет на них сошелся клином!

— Как странно, — задумчиво произнесла Иштар, — с Сетом то же самое, а ведь я думала, что во Владыке Вечной Ночи больше от мужчины, чем в праведном Митре.

— Брось, милая, — беззаботно махнула рукой Держэто, — как видно, у них одни и те же игрушки, так что пусть забавляются. Поговорим лучше о нас. — Она посмотрела Иштар в глаза, и взгляд ее посерьезнел. — Так во что же станем играть мы с тобой?

— В Конана и Мелию, — просто ответила та, и Держэто покачала головой.

— Боюсь, это будет трудная игра, — задумчиво молвила она.

— Вот как?! — в отчаянии воскликнула Иштар. Она была огорчена и даже не пыталась скрыть этого. — А я-то думала...

— Нет, — покачала головой Богиня Страсти, — я решила оставить его для себя!

— А я для Мелии... — задумчиво произнесла Иштар и, увидев, что Держэто собирается возражать, торопливо добавила: — Раз уж так все сложилось, давай не будем начинать со спора. Лучше попытаемся понять, где наши интересы совпадают.

И Держэто, соглашаясь, сдержанно улыбнулась:

— Говори. Ты ведь обдумывала этот вопрос перед тем, как прийти сюда?

— Верно. И я вот что скажу тебе, милая. Сет ни в грош не ставит жизни этих двоих!

— Как странно, — прошептала Держэто, покусывая губу. — Ты не поверишь, но ведь и Митра поначалу говорил мне, что уготовил Конану важную роль в далеком для него будущем, а потому киммериец во что бы то ни стало должен остаться в живых! Однако позже я поняла, что Подателя Жизни интересуют теперь лишь камень и призрак.

Иштар кивнула, словно в том, что услышала, не было ничего удивительного.

— Я предлагаю объединить наши усилия, — предложила она, — чтобы спасти Конана от этих двоих.

— Согласна, — поспешно кивнула Держэто.

— И Мелию, — лукаво улыбнувшись, добавила Иштар.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — после небольшого раздумья ответила Богиня Страсти, — я помогу тебе и в этом, лишь бы Конан остался жив. Но предупреждаю сразу: когда угроза минует, я его никому не уступлю. Как быть? — Она вопросительно посмотрела на гостью. — Ты ведь помнишь, что нас уже пытались поссорить.

— И здесь я с тобой согласна, — в свою очередь кивнула Иштар. — Давай поступим так, — предложила она. — Ты поможешь мне спасти Мелию, а я помогу тебе спасти Конана, и мы квиты.

— Ловко придумано! — рассмеялась Держэто, наслаждаясь комичностью ситуации. — Но я, пожалуй, соглашусь, если ты сумеешь внятно объяснить, зачем мне женщина?

— Надеюсь, ты не сомневаешься, что Конан не успокоится, пока не вытащит ее из Сура-Зуда, — спокойно ответила Иштар. — И не думай, пожалуйста, — добавила она быстро, заметив легкую тень в глазах Держэто, — что будет проще погубить девушку! Ведь тогда и киммериец может погибнуть... Случайно!

В глазах Матери Земли вспыхнул огонек, ясно напомнившей Богине Страсти, сколь низко обычно ценят жизнь человека боги. Ее гостья печется о двоих, и, если один из пары погибнет, второй перестанет ее интересоваться.

— Что ж, — Держэто досадливо поморщилась, — считай, что убедила. Ну, а потом?

Иштар пожала плечами:

— Достаточно будет, если ты пообещаешь мне не причинять вреда девушке.

— А не слишком ли далеко ты заходишь, дорогая? — Лицо Держэто потемнело от гнева.

— Мне жаль, что все так обернулось. — Гостья скорбно вздохнула, хотя Держэто и не была уверена в ее искренности.

Держэто капризно повела хорошеньким плечиком, поморщилась, одну за другой отметаив неприятные мысли,

но потом улыбнулась, как если бы одна из них пришла ей по душе.

— Что ж, я не стану воевать с тобой. У людей говорят, что плохой мир лучше доброй ссоры... Я согласна.

— На что ты согласна? — уточнила Иштар. Что-то тревожило ее. Уж больно быстро Держэто уступила. — Предупреждаю, я не отдам тебе их любовь. Конан спасет Мелию, и рано или поздно, но они будут вместе! Так на что ты согласна? — повторила она.

Держэто нахмурилась:

— Ты мне не веришь? Что ж, имеешь право. Я должна бы разгневаться, но, памятуя об общем деле, не стану. Я согласна с тем, что киммериец спасет Мелию, она покинет Сура-Зуд, а после этого я не стану даже пытаться причинить ей вред! Ты довольна?

— Ну так прощай! — обрадовалась Иштар. — Я поспешу к себе!

Дивный образ Матери Земли вдруг словно бы осветился льющимся изнутри светом и начал медленно таять, распространяя вокруг радужное сияние, пока не исчез полностью. Оставшаяся в одиночестве Держэто рассмеялась:

— Ты думаешь, что всеильна? Что ж, думай так, я не стану спорить понапрасну. Пусть Конан спасет Мелию, в том нет большой беды. Пусть она уйдет из Сура-Зуда, я и это перенесу! Но только уйдет она одна! Я позабочусь об этом!

Глава четвертая

Утром киммериец вернулся позже обычного. Едва открылась входная дверь, пропуская внутрь могучего северянина, как Тефилус спокойно встал с кресла и, ни слова не говоря, вышел вон.

— Как прошла ночь? — осторожно поинтересовался жрец и впился цепким взглядом в лицо киммерийца.

Конан выругался про себя и нахмурился, потом расплылся в улыбке, вытянув руку, сжал чудовищный кулак и поднял вверх большой палец.

— Фу! Варвар! — Бывший жрец поморщился.

— Значит, настроение у тебя... — начал было Зул.

— Великолепное! — закончил за друга Конан.

— Ну, еще бы! — возмущенно фыркнул Мэгил. — Выражаясь языком Тефилуса, пока мы тут воюем, он тискает девок по углам!

Маленькая Милла, слушавшая их разговор, зашипела, как дикая кошка, и выскочила из комнаты.

— Вот! — Мэгил указал на то место, где только что стояла девушка.

— А ты не задумывался, жрец, — вкрадчиво начал Акаяма, — над тем, что твои шутки не всегда хороши?

— Уже задумался, — с готовностью кивнул Мэгил, глядя на грозно нависшую над ним мощную фигуру. — Только что. И умолкаю. Милла, девочка, — как ни в чем не бывало обернулся он в сторону двери, — прине-

си-ка нам чего-нибудь перекусить да промочить горло! Мы скоро уходим!

Он вновь повернулся к киммерийцу, нимало не заботясь о том, слышали ли его вообще. Конан был серьезен.

— Давайте-ка повторим все еще раз. — Он обвел друзей внимательным взглядом, приглашая к разговору. — Мы войдем.

— Без трудностей, — охотно поддержал его жрец.

— Наденем их одежду и подойдем к стражникам, — продолжал киммериец. — Они отпустят нам клетку и уйдут.

— А если спросят: почему так рано? — поинтересовался Тарган.

— А какое их дело? — Киммериец пожал плечами. — Возникла необходимость.

— Тарган прав, не все так просто. — Мэгил почесал затылок. — Никто из этой четверки никогда не видел нас, — задумчиво сказал он, — вполне возможно, что они поинтересуются, где вчерашние? Что мы им ответим?

— Скажем, — на миг киммериец задумался, — что так распорядилась Сурия.

— Верно! — обрадовался Мэгил, но тут же недовольно поморщился. — Нет, не годится... Они могут спросить у колдуньи, когда она заявится.

— Велика беда! — воскликнул Тарган и легкомысленно пожал плечами. — Мы-то к тому времени будем уже далеко!

Однако Конан покачал головой, показывая, что не согласен.

— А если мои ключи не подойдут? — резонно спросил он. — Придется дожидаться Сурию.

— Так ты ж говорил... — начал было Тарган.

— Всякое бывает... — прервал друга киммериец. — Если придется ждать Сурию, а они обронят в разговоре, что она прислала других людей...

— Вот и я говорю об этом, — опять вмешался Мэгил. — Быть может, лучше сослаться на Рогазу?

— Послушай,— заговорил вдруг молчавший до сих пор Акаяма,— Конан говорил, ты кое-что умеешь.— Он неопределенно покрутил в воздухе рукой, явно намекая на магические способности жреца.— Ты не мог бы заставить стражников просто забыть о нас? А еще лучше — вообще не заметить?!

— Мог бы,— кивнул бывший жрец.— Но не забывай, что Сурия — колдунья. Она сразу почувствует неладное. Я предпочел бы не рисковать.

— Вы все усложняете. Не нужно колдовства, и не к чему ни на кого ссылаться,— заговорил наконец Конан.— Скажем просто, что сменили вчерашних, и все.

— Так.— Тарган удовлетворенно кивнул.— Значит, с этим разобрались. Теперь дальше. Если замок отпирается, убиваем стражу, берем с собой пленников и уходим. Если нет, ждем Сурию.

— А как мы возьмем у нее ключ? — поинтересовался Мэгил.

— Как-нибудь да возьмем,— отмахнулся киммериец.

— Э, нет.— Мэгил скептически покачал головой.— Она сразу насторожится, если увидит кого-то, кроме Конана, и ты опять забыл, что она колдунья. Справиться с ней будет нелегко, а действовать надо быстро, и делать все придется тебе.

— Хорошо,— киммериец не стал спорить,— что ты предлагаешь?

— Есть у меня одно снадобье,— сказал после недолгого раздумья жрец, доставая из привезенного с собой сундучка небольшую круглую склянку.— Если окропить им Сурию и надеть на нее что-то из вещей Мелии, то она примет облик прежней хозяйки вещи, но уста ее останутся сомкнутыми. Она никому не сможет рассказать о подмене, и никакого заклинания произнести уже не сумеет. Понимаешь? Мы сможем просто оставить ее на месте Мелии, и никто не догадается о подмене.

— Как долго будет действовать твое колдовство? — спросил Конан.

— Пока она не смое снадобье или не снимет чужую вещь,— тут же ответил жрец.

— Ты хочешь сказать,— киммериец нахмурился,— что Затх сможет пожрать ее вместо Мелии?

Жрец пожал плечами:

— По-моему, она вполне заслужила такую участь.

— Ты, конечно, прав,— Конан грустно покачал головой,— но я не могу рассуждать, как ты. Какой бы мерзавкой она ни была, но она любила и продолжает любить меня.

— И все-таки тебе придется сделать это,— упрямо повторил жрец.

Конан прикрыл глаза и вспомнил ее нежные руки, которые истязали Мелию и ласкали его, ее губы, проклинавшие Мелию и дарившие ему свою нежность, ее глаза, которые могли излучать ненависть, но ему дарили любовь, и отрицательно покачал головой.

— Нет, не смогу...— сказал он.— Неужели нельзя обойтись без этого?

— Можно,— вздохнул жрец,— но ты должен будешь действовать быстро, а это значит, что тебе придется подойти к ней с улыбкой, чтобы она ничего не заподозрила, и свернуть ей голову.

— Ты еще больший варвар, чем я.

— Митра так не считает,— возразил Мэгил.— К тому же ты сам мечтал об этом! — напомнил он.

— Митра не мой бог,— отрезал киммериец.— Кром же повелевает своим сынам доблестно сражаться, но не с женщинами!

— Тогда вспомни,— нахмурился жрец,— как она собиралась поступить с Мелией!

— Это на ее совести,— уклончиво ответил Конан,— а ты заставляешь меня поступиться моей!

Мэгил вздохнул:

— Ну что же, будем считать, что этот вариант нам не подошел.

Его взгляд рассеянно скользнул по двери как раз в тот миг, когда Милла вошла с подносом, уставленным едой и вином. Киммериец улыбнулся девушке, но она отвернулась. Конан пожал плечами и накинута на еду, а Мэгил убрал пузырек обратно. Милла же тем временем переложила снедь на стол, взяла поднос и вышла.

Некоторое время ели молча, но каждый прокручивал в голове свой вариант действий. Наконец киммериец проглотил очередной кусок, запил его изрядным глотком вина и поглядел на Мэгила.

— Неужели в твоём сундучке не найдется ничего более подходящего? — спросил он.

— Есть еще одно зелье. — Он согласно кивнул, порылся в сундучке и достал плоскую склянку синего стекла. — Ты смочишь ею губы и поцелуешь Сурию.

— И что случится? — насторожился Конан.

— Ничего особенного. — Отставной жрец пожал плечами. — Почти сразу она уснет, мы наденем на нее кандалы Мелии — просто так, на всякий случай, — пояснил он, — и спокойно уйдем. В назначенное время явятся надсмотрщики и освободят дорогую твоему сердцу колдунью. Таким образом, твоя чуткая совесть останется кристально чиста, — закончил он иронично.

— Отравленный поцелуй! — Конан поморщился. — У тебя извращенная фантазия, служитель Митры.

— Ну, — Мэгил развел руками, — больше я тебе уже точно ничего предложить не могу. Действуй либо губами, либо руками. Ну? — Он выжидательно уставился на киммерийца. — Да? Нет?

— Да! — гаркнул варвар.

— Вот и отлично! — Мэгил вставил палец в ухо и потряс. — И незачем так кричать. — Он насмешливо посмотрел на киммерийца. — Просто представь себе, что это ваш прощальный поцелуй, — добавил он цинично, и с досады киммериец сплюнул на пол.

Мэгил вздохнул устало, и взгляд его скользнул к двери. Он увидел, как Милла, которая все это время,

видимо, стояла в коридоре и прислушивалась к их разговору, встретившись с ним взглядом, вспыхнула и исчезла. Тогда он закрыл сундучок, а склянку сунул в карман.

Акаяма посмотрел Конану в глаза.

— Быть может, стоит взять с собой Тефилуса? — спросил он.

— Кром! — Северянин глухо выругался и помрачнел. — Ты ведь знаешь, что на него нельзя положиться! Он способен лишь на ругань. Я вообще удивляюсь, как он до сих пор не провалил все дело!

* * *

Полсотни зуагиров Таргана собрались во дворце, ускользнув от своих товарищей. Тридцать человек остались наверху с твердым наказом никого не пускать внутрь подземелья, даже если это будет сам Тефилус, а чтобы никому из зуагиров не пришлось в голову противиться им, Тарган оставил перстень как знак своей воли.

После этого Конан присел на корточки и перевел оба рычага в нижнее положение — сам проход внутрь камина они не запирали. Он взял факел и, нагнувшись, пролез внутрь. Остальные направились следом, но Акаяма предпочел остаться: он с его комплекцией мог бы без труда спуститься, но вот вылезти обратно...

Конан почти пробежал двадцать шагов. Ему не терпелось как можно скорее оказаться там, внизу, и теперь, когда он знал, куда идет, он воткнул факел в держатель, прыгнул и отошел в сторону. Вскоре Мэгил, Тарган и два десятка зуагиров неслышно, как тени, скользнули следом, остановились рядом и начали настороженно озираться. Однако, когда киммериец махнул рукой, никто не проявил ни малейших колебаний. Они неслышно подошли к последнему повороту, ведущему к четверке стражников. Здесь киммериец и трое его друзей остановились, надели одежды надсмотрщиков и пошли вперед, в то время как остальные зуагиры сколь-

знули в боковое ответвление и пропали из виду, словно растворившись в окружающей тьме.

Но как ни ловки были они сами, ни чутки были их уши и ни привычны к темноте их глаза, но и они не смогли заметить, что следом, мягко ступая, совершенно неслышно крадется чья-то тень...

Они не успели отсчитать и сотни шагов, как достигли освещенного пространства, и Мэгил чуть придержал киммерийца за руку, как бы прося у того разрешения пройти вперед. Северянин замедлил шаг и, поравнявшись с ним, жрец едва слышно прошептал:

— Я лучше знаком с их обычаями.

— Кто бы сомневался, — проворчал киммериец, пропуская жреца вперед.

Стражники смотрели, как четверо надсмотрщиков степенно приближаются к ним, не выказывая и тени беспокойства. Все шло нормально.

— Что так рано сегодня? — начал, как видно, свою обычную песню гнусавый и тут же осекся. — Что-то я не припомню, чтобы видел вас здесь прежде.

Тень беспокойства промелькнула в глазах гундосого, хотя придаться вроде бы было и не к чему. Пока четверо приближались, он внимательно вглядывался в их равнодушные лица. Как видно, умиротворенный вид новичков слегка успокоил его, и он вновь заулыбался, решив, наверное, что все в порядке.

— Надеюсь, кастраты?! — Похоже, эта мысль была единственной, которая пробудилась в голове охранника при виде евнухов Рогазы.

— Конечно!

Голос Мэгила был высок и звонок, как струна. В нем чувствовалась явная обида. Конан с отвращением сплюнул на пол. Охранник заметил это и довольно ухмыльнулся, предвкушая предстоящее развлечение.

— А ты? — с деланным подозрением покосился страж на молодого варвара.

— Потомственный! — плаксиво сфальшивил киммериец и гордо бухнул в грудь могучим кулаком.

Стражник довольно расхохотался, но тут же нахмурился. Что-то ему не понравилось в ответе верзилы с голубыми глазами. Он подсознательно чувствовал скрытый подвох, но никак не мог сообразить, в чем дело, и это немного злило его.

— Почему так рано? — повторил он свой вопрос.

— Нам велено подготовить пленницу к ритуалу, — ответил Мэгил, смиренно складывая руки на несуществующем животе.

Гундосый скабрёзно ухмыльнулся.

— Смотрите, не очень там веселитесь! — пригрозил он «евнухам». — Затх принимает только девственниц.

Они ничего не ответили, и стражники довольно загоготали, пропуская их вперед.

— У тебя неподражаемый актерский дар и редкая смекалка, потомственный! — иронично заметил Мэгил, когда они отошли вперед на десяток шагов и гундосый не смог расслышать его слов.

Киммериец вновь сплюнул с досады.

— Эй! Почтенные кастраты! — прогнусавил им вслед стражник. — Куда же вы без меня? Ключей-то у вас нет!

— Ты ведь об этом знаешь, — капризно пропел Мэгил, обернувшись, — а значит, все равно придешь!

Они уже стояли у клетки и смотрели, как, досадливо крикнув, гундосый поднялся и пошел следом. Киммериец взглянул на девушку и, когда Мелия увидела его, быстро приложил палец к губам.

— Тихо! Мы пришли за тобой! — прошептал он как раз вовремя.

Девушка едва не вскрикнула, поспешно прикрыв рот ладонью, и в тот же миг маленькая статуэтка Иштар, с которой она никогда не расставалась, налилась неподъемной тяжестью, выпала из ее рук на пол, стянув с запястья ставшую вдруг невероятно скользкой цепочку. Кряхтя и ругаясь, охранник отпер дверь и поковылял прочь на хромоте ног. Он оказался хром, как ни странно, на обе ноги, и из-за этого был

похож на привыкшего к постоянной качке старого морского волка.

Едва шаги стражника затихли вдалеке, киммериец быстро вошел внутрь и, порывшись в связке ключей, достал один, на вид наиболее подходявший, и принялся отпирать замок кандалов. Мелия следила за ним, не в силах вымолвить ни слова. Металл отмычки тихо поскрипывал внутри замка, но ничего у Конана не получалось. Тогда он попробовал другой ключ, потом третий, потом еще... Ни один так и не подошел.

— Что будем делать? — тихо спросил он, обернувшись к Мэгилю.

— Ждать, — пожал тот плечами, — ведь это не противоречит нашему плану?

— Я не могу ждать! — Тарган чувствовал себя так, словно под ногами у него не каменный пол, а раскаленные угли. — Мы еще должны девушек освободить.

— Успокойся, с ними будет проще, — пожал плечами киммериец, — ты сам видел, что они не прикованы.

Однако зуагир не мог успокоиться. Ровесник Конана, он в отличие от киммерийца, привыкшего без ведома хозяев спокойно разгуливать в их домах, был просто воином. Здесь же все было зыбко и непонятно, а потому лишало его привычной уверенности в себе.

— Скажи, Конан, — настаивал он, — что ты собираешься делать?

— У Сурии есть ключи, — пожал плечами варвар, — мы же говорили об этом. Неужели не помнишь?

— Она не даст их, — упрямо повторил Тарган, — скорее умрет.

— На все воля Митры, Подателя Жизни, — спокойно заметил Мэгил.

С этими словами он достал из кармана маленькую плоскую склянку и, отвинтив крышку, смочил содрожавшейся в ней жидкостью губы киммерийца.

— Ни в коем случае не облизывай губы и не глотай слюну, — назидательно произнес он, глядя киммерийцу в глаза.

— Что это? — встревожилась Мелия, и страх ее за себя мгновенно уступил место беспокойству за Конана.

Конан хотел было ответить, но не успел: его чуткий слух уловил вдалеке звук шагов.

— Это она! — прошептал киммериец. — Прячемся! — Он обернулся к девушке: — Верь мне. Все будет хорошо, — прошептал он напоследок Мелии и скользнул наружу, вглубь коридора, а следом за ним и все остальные.

Почти сразу они услышали капризный голос Сурии, которой явно не терпелось выместить злость на пленнице, ведь близился полдень, а Конан так и не появился с ответом. Она отмахнулась от стражника, пожелавшего рассказать о ранних визитерах, которые до сих пор не ушли, что было вовсе не в ее правилах, и направилась вперед. Гундосый понял ее раздраженный жест как приказ сидеть на месте и не стал возражать.

Тут только Конан спохватился и сбросил с себя опостылевшую одежду надсмотрщика — он не мог появиться в ней перед Сурией, не вызвав ненужных подозрений.

Сурия рывком распахнула дверь клетки.

— Скоро ты подохнешь, тварь! Никогда тебе не видать Конана! — злобно прошипела она, но ответом ей был лишь исполненный ненависти взгляд.

Киммериец шагнул в полосу света:

— Здесь, кажется, произнесли мое имя?

Фраза получилась напыщенно-фальшивой, но кому было оценивать ее? Сурия резко обернулась, и глаза ее вспыхнули восторгом.

— Мой Конан!

Колдунья подскочила к Конану и впиалась в его уста яростным поцелуем, и он ответил ей, с ужасом чувствуя, как уходит злость и растет возбуждение. Она почувствовала, как привычно вспыхнула страстью ее ненасытная плоть, что воздуха уже не хватает, и мир кружится перед глазами, и оттого она еще яростнее

впилась в его губы, ощущая острое наслаждение от сознания того, что все это происходит на глазах у соперницы.

Она чувствовала на себе горячее дыхание варвара, обжигающие касания его губ и едва не закричала, когда он начал срывать с нее одежду. Она так и не поняла, что все это происходит уже не наяву, а лишь в ее сне, вызванном снадобьем Мэгила.

Конан выпустил из рук безвольное тело колдуньи. Она продолжала улыбаться и стонать во сне, испытывая порожденное колдовским сном наслаждение. Он опустил ее на пол, несколько раз облизал губы и с отвращением сплюнул, потом достал флягу с вином и прополоскал рот. На душе было отвратительно.

Стараясь не смотреть в лицо уснувшей, он пошарил у нее на поясе, но ничего не нашел и тут же выругал себя: он ведь знал, что она носит этот маленький ключик на груди. Он быстро снял его и шагнул к Мелии.

— Ах, Конан! — Взгляд Мелии пылал ненавистью и любовью. — Я готова разорвать тебя на части и расцеловать каждый кусочек!

О, женщины!

Он быстро отпер замки на ее руках, цепи безвольно повисли, и Мелия бросилась ему на шею, покрывая его лицо поцелуями.

— Конан, Конан! — повторяла она. — Мне было так плохо, но я все равно знала, что ты придешь за мной.

— Быстрее! — уже торопили их. — Скоро придут надсмотрщики!

Мэгил подтащил колдунью к стене на место Мелии и закрепил на ее руках кандалы.

— Дай-ка ключ. — Он протянул к Конану руку.

— Зачем это? — удивился тот. — Ее же все равно освободят.

— Лишняя предосторожность не мешает, — ответил Мэгил и тут же пояснил: — На случай, если про-

снется раньше времени. — Он взял из рук киммерийца ключи и запер замки. — Странно, — задумчиво сказал он, держа в одной руке связку Конана, а в другой ключ Сурии. — В твоей связке я видел такой же. — Он немного порылся. — Вот он! Не иначе, как замки браслетов заговорены!

— Все это неважно, — оборвал его Тарган, — главное, что дело сделано, но не до конца. Нужно освободить девушек, нужно выбраться отсюда, нужно уйти из города. Лишь после этого мы будем в безопасности.

Тарган не стал дожидаться, когда Конан последует за ним, а быстро вышел из клетки, пробежал вперед, и киммериец услышал, что, несмотря на его предупреждение, девушки не смогли сдержать радостных и удивленных криков. Стража мгновенно всполошилась, но длилось это лишь мгновение. Коротко тренькнули тети́вы зуагирских луков, и охранники успокоились навсегда.

— А-а! Кром! — уже не скрываясь, вскричал киммериец.

Он выскочил наружу и бросился вперед, на ходу вырвав у Мэгила набор отмычек. Подбежав к клетке, за которой толпились теперь уже перепуганные насмерть девушки, он бросил один быстрый взгляд на замок и, выбрав нужный ключ, сунул его в скважину. Со скрежетом, показавшимся оглушительным, ключ провернулся. Раздался звонкий щелчок, и язык замка уполз внутрь, освободив решетчатую дверь. Конан рывком распахнул ее.

— Быстро выходите! И чтобы ни одна и пикнуть не смела! — Он повернулся к Таргану: — Пора убраться!

* * *

Толпа на площади гудела в предвкушении очередного, пятого по счету, дня церемонии. Люди радовались, и никому даже в голову не приходило, что все это —

обман, короткая передышка перед чем-то еще более страшным.

Однако не все толпившиеся на площади были настроены столь благодушно. На пятый день церемонии среди огромной массы бездумно веселившихся появилось пять сотен новичков, на вид ни чем не отличавшихся от прочих, но внимательный взгляд неизбежно увидел бы, что лицам их с трудом удается удерживать маску веселой беззаботности.

Двое чужаков стояли на самом краю площади, в том месте, где одна из ведущих к ней улиц примыкает ко дворцу.

— Твои люди на местах? — в последний раз спросил Тефилус.

На всякий случай Зурган окинул окружающее пространство быстрым внимательным взглядом и тут же кивнул.

— Они лишь ждут моего приказа.

— Тогда давай повторим. — Тефилус вновь посмотрел на молодого зуагира. — Первым делом Мелия. Нельзя дать приковать ее. Следи за мной. Я останусь здесь и дам знать тебе, когда посчитаю, что удобный момент настал. Как только увидишь мой знак, не мешкай. Они не ждут нападения, и мы легко отобьем мою дочь. Как только это случится, мои люди увезут ее из города. Будет большая погоня, и дворец останется беззащитным.

— И тогда мы пойдем на штурм, — глаза Зургана хищно сузились, словно прицеливаясь, — мой меч напьется крови, и каждая из стрел найдет свою цель. Не останется ни одного самого темного уголка, в который не заглянут мои люди. Пусть сестра моя мертва, — гневно выговорил он, выплевывая слова, — но остальных мы освободим. После этого мы выловим жрецов, я лично выпущу им потроха, и тогда месть моя свершится!

— Хорошо, — кивнул Тефилус, — пусть так и будет!

* * *

Когда последний из зуагиров, так ничего и не заметив, прошел мимо и шаги затихли вдалеке, спрятавшаяся в темноте девушка вздохнула с облегчением, оторвалась от стены, к которой прижималась все это время, и побежала вперед. Уходящие вдаль ряды стальных решеток, разделенных широкими проходами, замелькали слева от нее, пока она не очутилась напротив одного из них, в глубине которого виднелось освещенное пространство. Тогда она свернула и побежала на свет. Вот и четверка одетых в серое, утыканных стрелами покойников, которых зуагиры оттащили подальше от освещенного пространства и бросили в темноту одной из зарешеченных камер, но девушка лишь скользнула по ним равнодушным взглядом и побежала дальше.

Ей казалось, что она не бежит, а летит. Каменные вставки, разделявшие камеры, теперь мелькали справа и слева. Она едва не проскочила нужную клетку, но вовремя заметила мелькнувшее в темноте белое лицо и вернулась назад. Беззвучно отворилась решетчатая дверь, и девушка осторожно вошла внутрь, внимательно всматриваясь в лицо закованной в кандалы красавицы, невольно сравнивая ее с собой, и гордо вскинула точеный подбородок, как бы говоря: я ничуть не хуже тебя, колдунья!

Она улыбнулась и посмотрела на руку, сжимавшую круглый пузырек со снадобьем, который Мэтил предлагал использовать киммерийцу и от которого тот отказался. Милла усмехнулась. Она не испытывала к колдунье и тени жалости.

Трясущимися от волнения руками она вытащила плотно сидевшую пробку и вылила содержимое флакона на голову Сурии. Опустевший пузырек она отшвырнула прочь, и он, жалобно звякнув, разбился от удара о камень, разлетевшись на мелкие, как песок, осколки.

— Он обманул тебя, стерва, — мстительно сказала она спящей, хотя та и не могла слышать ее, — ты никогда не выйдешь отсюда!

Затем она посмотрела на прихваченный у Мэгила гребень, только теперь задумавшись: а принадлежал ли он Мелии? Она взяла его из сундучка лишь потому, что это была единственная вещь, которая могла принадлежать женщине.

Она опустила глаза, посмотрела на висевшую в цепях девушку и, едва не вскрикнув от неожиданности, быстро нагнулась, подхватила валявшуюся на полу великолепную вещицу и принялась жадно рассматривать ее. Ажурная золотая цепь была достаточно массивна, чтобы не оборваться под тяжестью фигурки, выточенной из какого-то камня.

Несомненно, этот амулет принадлежал Мелии. На какой-то миг у нее мелькнула вдруг мысль, что ей не будет проку от того, что освобожденное Сурией место займет Мелия, но она тут же отмела ее. Молодая колдунья казалась ей куда опасней неведомой красавицы, с которой, как она поняла по обрывкам разговоров Конана со своими друзьями, у киммерийца не все шло гладко.

Поэтому она без колебаний надела найденное украшение на шею спящей. Покончив с этим, девушка отошла на шаг и стала наблюдать. Поначалу ничего не происходило. Милла уже начала подумывать о том, не воткнуть ли в прическу колдуньи еще и гребень, когда заметила вдруг, что Сурия слегка изменилась.

Нет, это была все еще она, но черты лица стали какими-то блеклыми и невыразительными, словно расплывшаяся от сырости картина, написанная водяными красками, а всего через несколько вздохов от красавицы-колдуньи остался лишь один расплывчатый силуэт.

Милла тревожно осмотрелась, но все было спокойно. Тогда она вновь обернулась к колдунье и увидела, что на этом дело не кончилось. Силуэт начал увеличиваться в размерах, одновременно теряя четкость очертаний, так что вскоре миниатюрная фигурка девушки превратилась в некое туманное облако. Невольно девушка

отошла еще на шаг, но не успела как следует подивиться такому превращению, как облако начало стремительно опадать.

Милла и охнуть не успела, как отвратительный ей облик колдуньи обернулся пышногрудой, крутобедрой красавицей, почти точной копией той маленькой фигурки, что на золотой цепи висела теперь на ее шее. Когда же наконец все изменения закончились, Милла задохнулась от восхищения и зависти. Никогда прежде ей не доводилось видеть такой красавицы, в сравнении с которой она вдруг почувствовала себя гадким утенком. Только теперь она поняла, отчего киммериец без раздумий и колебаний забрался в этот трижды проклятый всеми богами город!

Она смотрела на свою счастливую соперницу, чей облик ее стараниями остался здесь, внизу, во тьме подземелья, в то время как сама она праздновала наверху свое освобождение. Она представила, как они, Конан и Мелия, стоят обнявшись, и красавица-заморийка улыбается могучему киммерийцу — ее Конану! — и дарит ему свою любовь и нежность... Представила, как она сама могла бы сделать это, и слезы потекли по ее щекам.

Очнулась она, лишь когда резкий скрип противно разорвал царившую вокруг полную тишину. Она негромко вскрикнула, выскочила из клетки и бросилась бежать вглубь коридора, подальше от светового пятна, проклиная себя за невольную слабость. Она добежала до тупика и остановилась, прижавшись к стене и съежившись, стараясь занимать как можно меньше места, сделаться маленькой и незаметной.

Почти сразу она услышала осторожные шаги и чей-то взвизгивающий, высокий, капризный голос:

— Ну, где же эти солдафоны?

— Хвала Затху, господин, Сурия наказала их, быть может, отправила на штрафные работы, — ответил ему некто фальцетом. — По мне так лучше самому отпереть замок, чем выслушивать грубости этих мужланов!

— Ну так вперед, Зом! — вновь заговорил капризный. — Мы не можем ждать, пока объявится один из этих лентяев!

Они пошли дальше и в недоумении остановились у клетки.

— Они даже не заперли двери! — восторженно провозгласил обладатель фальцета. — Я сегодня же доложу об этом госпоже Сурии!

Судя по звукам, доносившимся до замершей от страха девушки, они говорили это, размыкая замки на браслетах и тут же пристегивая руки пленницы к другим, закрепленным на более легкой цепи, что они держали в руках.

— Вставай, красавица! — насмешливо проговорил капризный голос. — Недолго уже осталось — всего день, да еще день, а там уж и Время Полной Луны! И конец твоим печалям! — Он довольно рассмеялся смехом капризного ребенка. — Верно, Зом?!

— А может быть, только начало? — переспросил тот, кого капризный назвал Зомом.

Они начали понемногу удаляться, бряцая цепями и громко хохоча, и лишь когда звуки эти почти затихли в отдалении, Милла смогла вздохнуть с облегчением. Она еще немного подождала, пока вновь не закрипела массивная, железная дверь, и со всех ног припустила по погрузившимся во тьму проходам.

Она бежала и бежала с одной лишь мыслью — поскорее выбраться наверх. Внезапно она поняла, что бежать дальше некуда: перед самым ее лицом мрачно темнела каменная стена, а это значило, что она проскочила мимо лаза, так и не заметив отверстия в потолке. Тогда она повернулась и медленно пошла назад. Свет маячил где-то далеко слева и впереди. Вот он уже просто слева, а это значит, что где-то здесь должен находиться и спуск.

Милла подняла голову и осмотрелась, но чем больше вглядывалась она в серые камни, мрачно нависшие над головой, тем сильнее шевелилось в груди предчув-

ствие беды. Лаз оказался заперт, и девушка стала пленницей этого подземелья!

Ей стало до боли жаль себя, а еще больше ей стало страшно. Слезы брызнули из ее глаз. «О, Конан! Конан! Что же я наделала!» Она едва не потеряла сознания, когда поняла, что с ней стряслось, медленно опустилась на пол и, обхватив колени руками, горько заплакала.

* * *

— О, Конан!

Вне себя от счастья, Мелия бросилась ему на шею, и киммериец подхватил ее и закружил по комнате не в силах остановиться. Шум и гам царили вокруг, и в этой неразберихе он позабыл обо всем, в том числе и об открытом зеве лаза.

Он не видел, как сам собой опустился один из рычажков, а шум, царивший вокруг, заглушил тихий рокот, с которым легла на место тяжелая гранитная плита, отделив подземелье от заброшенной резиденции жрецов. Однако вскоре он уже был совершенно серьезным.

— Хватит ликовать, — одернул он Таргана, едва не плясавшего от счастья. — Нужно уходить отсюда, и как можно скорее.

— Брось, киммериец, — беззлобно огрызнулся зуагир, — все уже позади!

— К Нергалу! — вспыхнул молодой варвар, окинув всех суровым взглядом. — Радоваться будем, когда уберемся из этого проклятого города! Ты забыл, что скоро полдень? В любой миг могут хватиться Мелии, и тогда тут такое начнется!

— Он прав, — вмешался в разговор Зул.

— Но мы не успеем собрать всех! — возразил посерьезневший зуагир. — Люди разбросаны по домам и по площади, а кое-кто и вовсе может оказаться в городе! Их не найти так скоро!

— Да разве я о них пекусь? — рассердился Конан. — Все они воины и в случае чего знают, что делать, но

женщин нужно вывезти немедленно! Если только уже не поздно!

— Ну, что же, — ответил Тарган, — это мы быстро сделаем.

— Поздно! — вскричал вбежавший внезапно зуагир. — Уже началось! Сейчас они навалятся на нас!

— Кром! — взревел киммериец. — Я хочу сам увидеть, что там происходит!

Он даже не заметил, как очутился на том самом месте, где стоял в первые два дня, наблюдая за кровавым карнавалом. Еще издалека он услышал звон мечей, шум и крики, а когда выглянул наружу, то увидел, что на площади уже развернулось целое сражение.

— Кто это? — изумленно прошептал Тарган, указывая взглядом на помост.

— Не могу поверить, — услышал он шепот Мелии.

Два отряда зуагиров наступали с двух сторон, сжимая кольцо вокруг небольшого отряда стражников, защищавших четырех жрецов, которые держали отчаянно отбивавшуюся... Мелию!

— Мэгил! — яростно воскликнул киммериец, разыскивая взглядом жреца. — Как это может быть? Что происходит?!

— Не знаю, — помотал тот головой, — но выглядит все это так, как если бы ты применил то зелье, что я тебе предлагал вначале.

— Твоя работа?

Конан стиснул челюсти и постарался говорить спокойно, но желваки заиграли на его скулах, выдавая бурю страстей, бушевавшую в груди варвара. Мэгил отрицательно покачал головой:

— Нет, Конан, поверь... Ума не приложу...

Мэгил в растерянности переводил взгляд с закованной в кандалы девушки на площади на стоящую рядом с северянином Мелию. Киммериец посмотрел ему в глаза и понял, что жрец не лжет. Он отвернулся и вновь посмотрел на площадь. Что там случилось, вы-

яснится позднее. Сейчас важно другое. У них появилась небольшая передышка, и, хотя в любом случае медлить не стоило, он решил не уезжать, не дождавшись конца боя.

— Конан, что происходит? — Мелия по-прежнему ничего не понимала.

— Это твой отец, — мрачно изрек киммериец. — С самого начала он рвался в бой. Нам удалось уговорить его подождать. — Он пожал плечами. — Как видно, терпение его иссякло. Но как ему удалось склонить на свою сторону твоих людей? А, Тарган? — спросил Конан, обернувшись к зуагиру.

— Не знаю, — ответил тот, покачав головой. — Разве что Зурган? — произнес он задумчиво. — Попав сюда и узнав, что сделали эти Затховы прихвостни с его сестрой, он горел лишь одним желанием — отомстить за сестру. Видно, ему удалось склонить к этому и остальных.

Но Конан уже не слушал. Он смотрел вниз. Кольцо зуагиров все сужалось. Северянин ясно видел, что еще немного, и они сомнут оставшихся в живых стражников, ряды которых, несмотря на отчаянное сопротивление, быстро таяли. Те же, кто находился на площади, охраняя подступы к настилу, не могли оказать им никакой помощи, потому что сами вынуждены были отбиваться от плотного строя нападавших, навалившихся на них с тыла. К тому же умело расставленные лучники неуклонно сокращали число обороняющихся, стреляя, правда, не слишком часто, но зато так, что ни одна стрела не пропадала даром.

— Это оказалось проще, чем мы думали, — услышал он удивленный голос Зула, но в это мгновение двери дворца открылись, и на помост высыпал новый отряд.

Их было не меньше сотни, и они отвлекли на себя нападавших, в то время как оставшиеся не более чем два десятка стражников скрылись за высокими дверями, уведя с собой жрецов, которые тащили все так же

яростно сопротивлявшуюся девушку. И хотя шум боя все нарастал, Конан отвернулся, потеряв к нему всякий интерес.

— Вот и все,— изрек он мрачно.

— Конан, а отец? — Взгляд девушки растерянно бегал по площади, тщетно пытаясь отыскать Тефилуса. — Что будет с ним?

— Что бы с ним ни случилось, он заслужил свою судьбу. — Лицо киммерийца, когда он посмотрел в глаза Мелии, оставалось суровым. — По его вине уже погибло несколько десятков доверившихся ему, жаждущих отмщения идиотов. И неизвестно, сколько погибнет еще. — Глаза девушки наполнились слезами, и Конану вдруг стало невыносимо жаль ее. — Успокойся. — Киммериец погладил ее по голове, и Мелия прижалась к его могучей груди. — Думаю, он в безопасности. Не хочу тебя обидеть, но не в правилах Дознавателя лично соваться в устроенное им пекло. Это почетное право он милостиво предоставляет другим.

Бой на площади не утихал, и на какое-то время силы сторон оказались примерно равны, пока постепенно — сперва медленно, затем все увереннее — зуагиры не начали теснить противника.

— Тарган, — киммериец обернулся к другу, — ты послал своих людей?

— Да, — кивнул тот, — но теперь начинаю думать, что поторопился. — Он посмотрел в глаза киммерийцу. — Быть может, нам самим стоит присоединиться к сражающимся? Еще не поздно!

— Нет! — отрезал молодой варвар.

— Но почему же нет?!

— Во-первых, — начал Конан, — этот бой нам уже не выиграть. — Он выразительно посмотрел на Таргана, но, увидев во взгляде того непонимание, добавил: — Да и побеждать нам уже ни к чему. Нам нужно убраться восвояси и сохранить людей. Это все, что меня заботит сейчас.

На миг Тарган опешил. До сих пор такие простые соображения просто не приходили ему в голову. Он весь находился во власти боя, а в бою привык побеждать, и вдруг такое... Однако Конан был совершенно прав, это он тоже понимал. Они добились, чего хотели, и теперь чем дольше будет продолжаться схватка, тем большим количеством жизней им придется заплатить за сомнительное удовольствие сорвать злость на враге... Всемогущий Эрлик! Ну почему же эта простая мысль не пришла в голову ему самому?

— Ты прав, — согласился он, — нужно выводить людей. Я пошлю на площадь всех, кто остался.

Конан отвернулся, чтобы вновь следить за ходом боя, полностью забыв о существовании друга, отдававшего распоряжения своим людям. Вновь о нем он вспомнил, лишь когда тот встал рядом.

— Конан — заговорил он, — но почему ты уверен в поражении? Погляди, мы побеждаем.

Медленно, но верно лучники делали свое дело, и строй защитников храма неумолимо редел. Казалось, еще немного, и их отчаянная оборона будет окончательно смята. И никто, даже Конан, давно ожидавший такого поворота, так и не заметил, в какой миг характер боя изменился. Яростные атаки нападавших не потеряли силы, но зуагиры уже не теснили противника. Когда киммериец осознал это, он быстро окинул взглядом поле боя, пытаясь понять, что же произошло, а когда понял, отпрянул от окна.

— Прочь! Прочь! — Он оттащил от окна Мелию с Тарганом и бросился к девушкам. — Отойдите от окон!

— Что случилось? Конан! — недовольно вскричал зуагир.

Но Зул с Акаямой, оказавшись сообразительней, помогли оттащить от окон упиравшихся девушек.

— Твоих лучников больше нет! — хмуро бросил киммериец.

— Что?! — не веря своим ушам, вскричал Тарган.

— Я все удивлялся,— с горечью объяснил киммериец,— почему жрецы позволяют им беспрепятственно отстреливать своих людей, но, видно, зря удивлялся. Впрочем, я говорил тебе, что не верю в победу.

Тарган хотел было ринуться на помощь своим гибнущим на площади людям. Он уже не думал о себе, лишь хотел разделить их судьбу, какой бы она ни оказалась, да не успел. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались Тефилус с Бруном и несколько зуагиров Таргана.

Увидев спокойно стоявшего у окна киммерийца, Дознаватель побагровел от злости и уже открыл было рот, чтобы выплеснуть на него поток брани, когда тихое: «Папа!» — заставило его окаменеть. Несколько мгновений он не мог вымолвить ни слова, лишь ошарашенно смотрел на дочь, которую только что на его глазах жрецы уволокли внутрь дворца.

— Мелия? — наконец смог он прошептать побелевшими от волнения губами.

— Папа! — воскликнула она и бросилась к нему в объятия.

— Дочка! — повторял он, целуя ее волосы.

— Уезжайте немедленно! — оборвал эти изъявления нежных чувств киммериец и отвернулся к окну.

— Конан! — едва не закричала Мелия, освобождаясь из объятий Тефилуса. — Я никуда... — Она замотала головой, сглотнула внезапно накатившиеся слезы, и лицо ее исказила гримаса боли. — Я никуда не поеду без тебя!

Ее отчаяние было тем сильнее, что она прекрасно знала непреклонный нрав киммерийца.

— Брун! — Северянин обернулся к восторженно смотревшему на него сотнику. — Сколько у тебя людей... осталось?!

— Человек двадцать уцелело, — тяжело вздохнул тот.

— Забирай Мелию... — начал было киммериец, но его прервал отчаянный вскрик девушки:

— Я останусь с тобой!

Больше она не смогла произнести ни слова. Слезы бежали по ее щекам, прекрасные глаза в немой мольбе смотрели на киммерийца, но тот оставался непреклонен.

— Если потребуется, свяжи ее, — коротко бросил он Бруну и отвернулся.

— Я кричать буду! — пригрозила она.

— И вставь кляп, — добавил Конан, стараясь не смотреть на девушку.

— Как ты можешь! — Она вырвалась из рук отца и, подскочив к нему, забарабанила кулачками по могучей груди. — Как ты можешь...

Он обнял ее, попытался успокоить, и она сразу затихла и прижалась к нему.

— Ты должна ехать, — повторил он.

— Нет, Конан... — Она все еще тихонько плакала и при этих словах с мольбой посмотрела ему в глаза.

— Если ты хочешь остаться в живых сама, — вновь заговорил он, — и чтобы остался жив я, ты должна ехать.

— А ты?

— У меня появилось слишком много неотложных дел, — ответил киммериец, стараясь ни на кого не смотреть.

— Это моя вина, — с трудом выговорил Тефилус, — я останусь с тобой.

— Нет! — ответил варвар тоном, не допускавшим возражений. — Сбереги дочь. Это лучшее, что ты можешь сделать, и я не уверен, что это будет просто. — Тарган, — Конан повернулся к зуагиру, — заberi своих девушек.

Тот в ответ усмехнулся:

— Ну, меня-то, положим, тебе выпроводить не удастся! — Он насмешливо посмотрел на друга. — Пока судьба боя не ясна, я и на шаг отсюда не сдвинусь.

— Перестань, — помотал головой киммериец, — неужели и ты не понимаешь меня? Того, что там произойдет, — он махнул рукой в сторону площади, — уже не изменить, но чем бы дело ни кончилось, до отъезда ты узнаешь об этом. Так что отправь девушек вниз,

проводи до лагеря. Повидаешься с отцом и возвращайся. У тебя впереди остаток дня, вечер и вся ночь. Кстати, захвати Когра. Сдается мне, что без его помощи нам не обойтись.

— Что ж, убедил. Так когда нам отправляться?

Киммериец недовольно хмыкнул:

— Лучше б ты уже был там!

— Что ж, пойду запрягать коней.

Тефилус кивнул Конану и потянул дочь за руку.

— Я буду ждать тебя! — выкрикнула она, едва сдерживаясь, чтобы не зарыдать.

Киммериец ничего не ответил. Да и мог ли он сказать ей, что не собирается возвращаться в Шадизар? Видно, она что-то все-таки почувствовала в его взгляде, потому что вырвалась от отца и подбежала к Конану.

— Если понадобится, я пройду сквозь смерть, но мы все равно будем вместе, — прошептала она, целуя его в губы.

— Идем дочка, пора!

Тефилус хмуро наблюдал за их прощанием, не решаясь, впрочем, мешать. Мелия же вдруг резко оттолкнула возлюбленного и, не оглядываясь, пошла прочь. Конан последовал за ней: ему нужно было сказать еще кое-что Таргану.

Зул с Акаямой остались наверху вдвоем, и лишь они стали свидетелями финала разыгравшейся трагедии. Они видели, как остаток отряда, в котором насчитывалось уже не больше сотни человек, несмотря на их отчаянное сопротивление прижали к помосту. Зуагиры продолжали сражаться, хотя надежды выбраться не было ни у кого. Теперь они желали лишь подороже продать свои жизни.

Высокие двери дворца открылись, и новый отряд выплеснулся наружу, но в руках у них были не мечи и не копья, а сети... Никто из зуагиров и опомниться не успел, как всех накрыло полотнище, связанное из толстых шнуров, и через несколько страшных мгнове-

ний никто из них уже не мог сражаться. Лишь несколькими удалось прорубить бреши, но и их вскоре сбили с ног и вырвали из рук оружие. Людей вязали, точно скот, и загоняли в одно большое стадо посреди площади, а когда на свободе не осталось ни одного зуагира, барабанный бой вновь разорвал повисшую было над городом тишину.

— Что это? — испуганно прошептала Мелия, уже пристроившаяся было на коне позади отца, и, вздрогнув, обернулась.

— Что бы там ни было, уезжайте! Уезжайте скорее! — Конан обернулся к зуагиру. — Помни, Тарган, назад должно вернуться не больше десяти человек.

— А если не справимся? — в отчаянии воскликнул тот.

— Не справимся вдесятером, не справимся и сотней! — отрезал киммериец. — Силой их не взять, особенно теперь, когда они укроются за стенами Черного Замка! Скачите!

Ворота открылись, и три сотни всадников рванули с места в карьер, не разбирая дороги и ни на кого не обращая внимания. Правда, никто и не пытался их остановить. Перепуганные люди попрятались по домам и даже не отваживались выглянуть в окна, чтобы посмотреть, что происходит за стенами их домов. Едва появилось чувство страха, как прежние забитость и апатия мгновенно вернулись в их души.

Стук копыт еще не успел замереть вдали, а Конан уже стоял у окна рядом со своими друзьями.

— Что здесь происходит? — воскликнул он, вихрем ворвавшись в комнату.

— Сам посмотри, — мрачно ответил негр, кивнув в сторону окна.

Огромная пирамида, все эти дни незыблемо возвышавшаяся на площади, теперь мерно раскачивалась, словно лодка на волнах. Правда, выглядела она несколько иначе, чем в те, первые дни. Теперь по обращенной к ним стороне от самого подножия тянулись

вверх ступени, поднимавшиеся больше чем до середины, в четырех местах словно перечеркнутые длинными и узкими площадками. Руны теперь полыхали демоническим пламенем на антрацитовый поверхности пирамиды, и неведомая надпись уже не казалась забавной шуткой, как то было вначале, но горела зловещим пророчеством скорой и неотвратимой гибели. На самом верху пирамиды посреди маленькой площадки скорчилось в ожидании пробуждения уродливое тело злобного бога.

— Колдовство набирает силу, — мрачно обронил Мэгил.

— Ты думаешь? — неуверенно переспросил киммериец, хотя знал, что так оно и есть на самом деле.

— Уверен, — кивнул жрец. — Я просто чувствую исходящую от него мощь. Мощь, которой не было в самом начале, когда его только вынесли. — Не в силах отвести взгляда от пирамиды, он сокрушенно покачал головой. — Плохо дело, — сказал он после раздумья, — теперь они запрутся в Черном Замке, и мы не сможем им помешать. Даже пробраться в него вряд ли сумеем.

— Ну и пусть себе уходят, — равнодушно пожал плечами Конан. — Признаться, меня это мало беспокоит.

— Зачем же ты остался, киммериец?

Жрец выглядел настолько удивленным, что на время даже забыл о своих заботах. Он успел так близко сойтись с Конаном, что стал ему почти другом, и в то же время едва знал молодого варвара и потому частенько просто не в силах был понять его.

— Люди, — спокойно сказал северянин и выразительно посмотрел в лицо жрецу. — Люди — вот единственное, что имеет для меня цену, а на богов мне наплевать!

— Ты хочешь сказать... — начал было жрец, но остановился, не зная как закончить фразу.

— Я хочу сказать, — пояснил киммериец, — что Милла воспользовалась твоей склянкой и обеспечила

нам передышку! И остался я из-за нее! — Он немного подумал. — Но у меня есть еще долг перед Тарганом. Правда, у него были свои цели, когда он откликнулся на мой зов, но это не имеет значения. Я не привык оставаться в долгу, даже если долг этот ничего не стоит в глазах всех прочих!

— Но боги... — вновь начал Мэгил и опять не закончил.

— На богов мне наплевать! — повторил варвар и, чтобы ясно было до конца, добавил: — Я не играю в эти игры!

— Ты не можешь так говорить, Конан!

Мэгил был возмущен, быть может, больше оттого, что не знал, как переубедить этого упряма. Киммериец же лишь устало покачал головой.

— Если бы ты знал, жрец, — сокрушенно вздохнул он, — чего я только не могу!

— Ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

— Что ж, быть может. — Конан окинул цепким взглядом площадь, где все так же раскачивалась чудовищная пирамида, ни на йоту, казалось, не сдвинувшаяся с места за время их недолгого разговора. — Быть может, и не знаю, — повторил он задумчиво. — Так просвети нас, — он окинул взглядом Зула с Акаямой, молча следивших за их спором, — чтобы мы не блуждали в потемках! — закончил он, подражая проповедям жрецов Солнцеликого.

— Твои речи оскорбительны, киммериец, — гордо выпрямившись, заявил Мэгил.

— А ты не оскорбляйся, ты говори, — миролюбиво заметил киммериец.

— Я не могу сказать тебе всего, — уже спокойнее ответил жрец.

— Не можешь или не хочешь? — удивленно переспросил Конан. Он явно не понимал, что же такого может знать бывший жрец, чего не положено знать всем остальным. И в частности ему, Конану! — Впрочем, в любом случае звучит неубедительно.

— Я не могу, поверь,— опять начал Мэгил, но тут же понял, что какой-то ответ дать все-таки придется.— Быть может, тебя убедит, если я скажу, что такова воля Митры?!

— Что ж, вольному воля,— киммериец равнодушно пожал плечами,— почему бы всемогущему Митре самому не претворить ее в жизнь?

— Он не может,— просто ответил жрец, считая, видимо, свой ответ вполне достаточным.

— Ну, если уж не может он...— Киммериец развел руками.— Поверь, я не настолько самонадеян, чтобы браться за то, что не под силу богам!

Акаяма с Зулом заулыбались. Мэгил в досаде закусил губу.

— Ты просто не понял меня! — попытался объяснить он.— Митра считает, что люди должны сами...

— ...Исполнять его волю? — договорил за друга киммериец.— Весьма великодушно с его стороны, но если дело действительно обстоит так, то он не первый!

Зул с Акаямой, не выдержав, расхохотались.

— Не богохульствуй, Конан! — сурово одернул друга жрец.

— Я богохульствую? — Лицо киммерийца выражало безграничное удивление.— Да раскрой глаза пошире! Посмотри на Тефилуса — чем не сошедший на землю Митра?

— Конан! — вновь попытался остановить его Мэгил.

— Да при чем здесь Конан?! — усмехнулся киммериец.— Тефилус! У него была цель вызвать дочь, но он считал, что не должен действовать сам. Поэтому он нанял сотню воинов, а еще пяти сотням, у которых в головах вместо мозгов оказался верблюжий навоз, заговорил зубы, и все они бросились исполнять его волю! Вон,— киммериец кивнул в сторону окна,— трупы полутора сотен несчастных дураков до сих пор валяются на площади! Но я сомневаюсь, чтобы Тефилус был сильно опечален их судьбой! Они сделали свое дело и больше не нужны ему!

— Ты хочешь сказать...— начал было Мэгил, да так и не договорил.

— Ты часто называл меня варваром,— заговорил вдруг киммериец, видя, что друг его замолк окончательно.

— Я шутил! — встрепнулся жрец, словно разбуженный его словами.

— А я и не обижался! — Конан саркастически усмехнулся.— Но я варвар, а не дурак, и у меня нет ни малейшего желания повторять чужие ошибки, совершенные к тому же у меня на глазах!

— Так ты отказываешься? — Мэгил сокрушенно вздохнул.

— Смотря от чего! — Киммериец пожал плечами.— Зул и Акаяма — мои друзья, но мне и в голову не придет просить кого-то из них умереть вместо меня!

— Я и не говорю о смерти! — возмущенно воскликнул жрец.

— Рад слышать! — Киммериец посмотрел в окно. Громада пирамиды начала понемногу уменьшаться, отдаляясь. Он отвернулся.— Но если ты предложишь мне завтра перелететь через эту дыру в горе,— он кивнул в сторону окна,— потом взобраться по отвесной стене, перебить по пути несколько сотен храмовых бойцов, что наверняка расположатся вокруг пирамиды, а напоследок располовинить мечом скорчившееся наверху чучело Затха, то иначе как попыткой покончить с жизнью наиболее сложным способом я это предложение назвать не смогу.

— Так ты отказываешься,— печально повторил жрец.

— Кром! — впервые за время разговора позволил себе вспылить киммериец.— А как ты собираешься все это проделать? — спросил он.— Или тоже собираешься подобно своему богу отделаться ролью наблюдателя?

Жрец нахмурился:

— Ты меня оскорбляешь, Конан!

— А ты не оскорбляйся! — в который уже раз советовал северянин. — Ты ведь не Тефилус, а я не Митра. Ни у одного из нас нет желания оскорбить друга. — Он помолчал. — Так как ты собираешься осуществить задуманное?

— Не знаю, — откровенно признался Мэгил, устало вздохнул, и плечи его поникли.

— То-то и оно, — назидательно заметил киммериец, — живи, пока живется.

— Я не могу, — печально ответил жрец.

— Придется, — киммериец пожал плечами, — если, конечно, ты не хочешь закончить, как те парни на площади.

Пирамида скрылась уже почти полностью. Были еще видны лишь ее обрубленная верхушка и мрачный бог на ней. Вскоре пропали и они. Лишь грохот барабанов еще доносился издалека, хотя самих барабанщиков давно уже не было видно. Через какое-то время смолк и он. Пирамида исчезла за высокими стенами Черного Замка.

Все. Сжатыми кулаками киммериец оперся о подоконник. Теперь было совершенно ясно, что вся нелепая затея Мэгила обречена на провал. По крайней мере, это ясно ему, Конану. Хвала Крому, что хотя бы со своим делом он справился!

И тогда случилось то, чего киммериец меньше всего ожидал. Откуда-то сбоку вырвалась колесница, запряженная парой вороных, и понеслась вдогонку за ушедшими. Но не это поразило киммерийца. Четыре человека сидели в колеснице, не считая возничего. Это были двое мужчин, в одном из которых острый взгляд варвара без труда различил Харага, и две девушки. Конан не видел их лиц, но что-то подсказало ему, что одна из них Милла, а вторая Сурия.

— О, Кром! — Конан расхохотался и никак не мог остановиться.

— Эй, парень, успокойся! — Зул тряхнул друга за плечо, но киммериец лишь отмахнулся и устало опустился прямо на пол, опершись спиной о стену.

— Что же смешного ты там увидел? — непонимающе уставился на друга Акайма.

Конан наконец отсмеялся и обвел друзей внимательным взглядом.

— Придется, видно, и перелететь через пропасть, и лезть на стену, — объяснил он и вновь расхохотался.

— Ну, стражу-то мы перебьем, — ухмыльнулся Зул.

— Шутя, — кивнул киммериец.

— Посмотрите, — оборвал друзей Акайма, — зуагиров уводят туда же.

Конан встал и посмотрел в окно. Полторы сотни зуагиров Таргана и несколько десятков воинов Бруна, связанные, окруженные плотным кольцом стражников, шли вслед за колесницей. Киммериец увидел среди них и Шома, и Нука, опытных десятников Бруна, и невольно сжал кулаки.

— Так что будем делать? — услышал он за спиной голос жреца.

— Не знаю. — Северянин помотал головой.

Все оборачивалось как нельзя хуже. То, о чем он только что говорил с иронией как о немыслимом предприятии, вдруг стало дурацкой явью. Какими же идиотами все они были, и сам он в первую очередь! Ослепленный единственной мыслью о безопасности Мелии, он отослал всех, а ведь будь у него сейчас хотя бы пара сотен зуагиров Таргана да подумай он вовремя о том, что после сегодняшнего нападения Хараг укроется в крепости, и уже нынешней ночью они могли бы сидеть в лагере Тулгун Сада возле весело потрескивающего костра, на котором поджаривалась бы аппетитная баранья туша.

— Не знаю, — повторил он вновь. — Но даже если бы мы могли попасть туда... — Киммериец сделал паузу, но так и не закончил фразу. — Лезть в логово врага, не зная, что ждет тебя внутри... — Он покачал головой.

— Так что же делать? — Мэгил возбужденно ходил по комнате.

— Во-первых, уйдем отсюда. По правде говоря, я проголодался.

И, не дожидаясь их, Конан направился к двери.

— Вдруг еще что-нибудь произойдет? — Мэгил взглянул в окно, и внезапная догадка исказила его лицо. — Конан, там наверняка полно раненых. Мы должны позаботиться о них.

— Ты слишком тесно общаешься со своим богом, — усмехнулся киммериец, оборачиваясь.

— О чем ты? — не понял жрец.

— Зуагиры — не боги. Они не оставляют на поле боя раненых товарищей. — Мэгил поморщился, но ничего не ответил, а Конан тем временем продолжал: — Что может случиться хуже того, что уже произошло? Кто-то еще решит укрыться в Черном Замке? Ну так и Нергал с ним! Мне это неинтересно.

И все четверо отправились обратно, в самый дальний из домов, туда, где проводили все свободное время.

Кладовая ломилась от припасов, рассчитанных на шесть сотен молодых, здоровых мужчин, не страдавших отсутствием аппетита. Конан прихватил с собой лишь небольшой бочонок красного пуантенского да пару связанных свиных копченых окороков. Свалив мясо на стол, он принялся откупоривать бочонок. Мэгил молчал, хотя это и стоило ему большого труда. Молчали и Акаяма с Зулom: они прекрасно знали киммерийца и ждали, пока он, опорожнив первый кубок, не заговорит сам.

— И все-таки, Конан, — жрец все же решился нарушить молчание, — что ты намерен делать теперь, когда все так усложнилось?

— То же самое, что и прежде, — пожал плечами киммериец, не отрывая взгляда от огня в камине, — только теперь это будет сделать труднее.

— Боюсь, что Хараг попытается помешать тебе.

— Тогда я убью его, — равнодушно ответил северянин.

Жрец скептически покачал головой:

— Это будет не так просто сделать. Там полно стражи.

— Значит, сперва перебую их! Запомни, жрец, передо мной никто не устоит! — Он сделал паузу. — Потому что Кром за меня!

— Ты уверен? — спросил ошарашенный жрец и вовсе не потому, что это было ему интересно. Просто он никак не ожидал услышать такое от Конана, которому плевать на богов!

— Я это чувствую! — убежденно ответил молодой варвар.

— Мне нравится твоя целеустремленность, Конан. — Мэгил уже оправился от удивления и теперь восхищенно посмотрел на друга. — Но лучше бы ты направил свою злость на настоящих врагов. Хараг — только исполнитель.

— Для меня настоящие враги лишь те, кто причинил вред мне и моим друзьям, — возразил северянин.

— Я думал, враги те, кто противится твоим планам, — разочарованно протянул жрец.

— И эти тоже, — снисходительно согласился киммериец и осушил кубок.

— Тогда почему ты не хочешь действовать разумно? — вновь спросил Мэгил.

— Я чувствую, к чему ты клонишь. — Конан усмехнулся. — Что ж, перед закатом я собираюсь к мосту посмотреть, как нам перебираться, — заявил он после недолгого раздумья, — а пока ты можешь постараться убедить меня, — он неопределенно хмыкнул, — если сумеешь, но для начала я хочу сказать тебе кое-что. — Он вновь ненадолго задумался. — Чтобы оживить Затха, им нужны Мелия и талисман. Так?

— Так, — кивнул жрец.

— Талисман у них есть, — продолжил варвар свою мысль, — но девушки нет, а это значит, что вся затея обречена на провал. Верно?

— Не совсем, — к удивлению киммерийца, возразил Мэгил.

— Значит, ты что-то скрыл от меня? — спросил он.

— Вовсе нет. — Мэгил сделал наивное лицо. — Просто они уверены, что Мелия у них в руках.

— Кром! — Конан поставил кубок на стол и наклонился к собеседнику. — Ты не мог бы объяснить, как это сможет заменить им живую девушку? Я перестану понимать тебя.

— Это потому, что ты не даешь мне рта открыты! — воскликнул жрец.

— Что ж, говори, — милостиво разрешил киммериец, и Мэгил удовлетворенно кивнул.

— Наконец-то, — выдохнул он. — Так вот. Как я уже говорил, они думают, что девушка у них, и будут вести ритуал до конца.

— Пусть тешатся, — вновь не выдержал Конан, — что за беда? — Но бывший жрец молчал, словно уже сказал все, что было нужно, и северянин недоверчиво покосился на него. — Ты хочешь сказать...

— Я не знаю, — Мэгил покачал головой. — Но посуди сам, что должно или может произойти, когда обряд Пробуждения Спящего будет доведен до конца?

— Спящий проснется... — прошептал Конан.

— Так оно и будет, — кивнул жрец.

— Но ведь он не получит силу, о которой ты мне толковал и которой должен обладать *живой* бог, претендующий на что-то большее, чем правление этой затерянной в горах большой деревней!

Жрец покачал головой:

— Я думал так же, когда мы были в Шадизаре, — устало сказал он. — Теперь не знаю, что и думать! Быть может, жертвоприношение Мелии лишь некий ритуал, предписанный, но вовсе не необходимый?

Конан посерьезнел, словно теперь лишь осознал неподправимость того, что должно случиться на исходе второго дня.

— Что заставляет тебя думать так? — спросил он уже другим тоном.

— Пирамида! — коротко ответил жрец. — Она наполнена силой, которой не было сначала. Я не знаю, откуда она взялась, но я чувствую ее!

— Люди! — Раздавшийся за спиной чей-то голос заставил обоих вздрогнуть.

— Что? — удивился Мэгил, но Конан уже видел по его глазам, что он сразу понял и поверил в это.

— Люди, — уже громче повторил Зул. — Жрецы высосали силы из людей. Я уже видел такое у себя на родине. Они приесли в жертву моего брата и многих других. Мне никогда не забыть этого барабанного боя. Я бежал сюда, чтобы избавиться от кошмара... И вот опять. — Судорожными глотками он осушил свой кубок.

— Он прав, — вмешался Акаяма. — Ты, Конан, не видел того, что здесь происходило. Впрочем, не в этом дело, — поправил он сам себя, — но все последние дни я ломал себе голову над вопросом, что случилось с людьми?

— А что с ними случилось? — Киммериец заинтересованно подался вперед.

— Ты помнишь, как они бесновались в первый день? — вместо ответа спросил Акаяма. — Ты еще сказал Тефилусу, что, если он сунется на площадь, они просто затопчут его вместе с его сотней и пятью сотнями Таргана? — Он вопросительно посмотрел на друга, и тот кивнул, соглашаясь. — Мы посчитали тогда, что этот ритуал призван подчинить волю толпы воле жрецов.

— Верно, — подтвердил киммериец, — именно так я думал тогда.

— Так вот, это не так, — сказал наконец Акаяма, — точнее, не совсем так. Ты наблюдал за ними два дня. Тебе ничто не показалось странным? Вспомни, как вели себя люди?

— Да-да, — согласился киммериец, — на второй день они вели себя немного тише, — он усмехнулся, — я подумал еще, что они просто выпили больше, чем в первый день, и слишком устали накануне.

— Верно, — удовлетворенно кивнул Акаяма, — и никто не обратил на это внимания, но чем дальше, тем все более вялыми они становились.

— И только сейчас ты понял, в чем дело! — скептически ухмыльнулся киммериец и насмешливо посмотрел на Мэгила. — А ты вдруг почувствовал исходящую от пирамиды силу! Прежде ее что, не было?

— Была, конечно, но как бы тебе объяснить... — Мэгил поморщился, подбирая подходящее слово. — Представь, что ты лежишь в воде, не в холодной и не в горячей. Ты не почувствуешь ее, пока не пошевелишься. Так и Сила. Я не ощущал ее, пока пирамида не пришла в движение, хотя подспудно и чувствовал, что постепенно напряжение нарастает.

— Тогда, как и ты, мы подумали, — вновь заговорил Акаяма, — что люди просто все больше устают.

— И все равно я не пойму, — Конан упрямо потрянул черной гривой, — зачем им было с такой яростью биться за Мелию?!

— Не знаю. — Мэгил задумался, и некоторое время в комнате царило молчание, нарушаемое лишь потрескиванием огня в очаге. Потом он поднял голову и посмотрел киммерийцу в глаза. — Быть может, возродившаяся Памела должна была служить проводником силы Талисмана? Если так, это многое объясняет. Тогда при чем здесь пирамида? — спросил он сам себя.

Конан, однако, с облегчением откинулся в кресле.

— Как бы там ни было, но для меня важно одно: без Мелии у них все равно ничего не выйдет.

— Как знать.

Бывший жрец пожал плечами, и киммериец нахмурился.

— Меня не покидает ощущение, что ты знаешь гораздо больше, чем говоришь, — изрек он, буравя Мэгила пристальным взглядом.

— Ты не прав! — поспешил заверить его жрец. — Просто теперь может произойти все что угодно.

— Вот ты и расскажи, что, на твой взгляд, может произойти, — предложил киммериец.

Мэгил устало вздохнул. Очень уж не хотелось ему отвечать на вопросы, ответов на которые он и сам не знал, но делать было нечего. Он поежился, словно ему предстоял прыжок в студеную воду, и на миг задумался.

— Они могут узнать о подмене и отказаться от своих планов, — начал он перечислять варианты, начиная с самого желаемого, но менее вероятного. — Они могут так ничего и не узнать и пойти до конца, но, поскольку Мелия на свободе, у них ничего не получится. Но может случиться и другое: Затх оживет, но, не получив Силы, погибнет окончательно, или мы ему поможем умереть. А может и не погибнуть, а будет дожидаться новой возможности обрести Силу. А может, и сумеет каким-то образом овладеть ею сразу, но не в полной мере. Не знаю.

— Ну а сам-то ты к чему склоняешься? — спросил Конан со слабой надеждой услышать что-то такое, до чего не додумался сам.

Мэгил устало вздохнул:

— Не знаю. — Взгляд его рассеянно блуждал по комнате. — Но могу сказать наверняка, что накопленная в пирамиде Сила неизбежно найдет выход.

— Ты так уверен, что она действительно существует?

— А ты вспомни обилие детей на улицах, что так поразило нас в первый день! Судя по количеству пустующих зданий, население Сура-Зуда постоянно уменьшалось, но они заранее знали дату и позаботились о том, чтобы к нужному времени здесь оказалось как можно больше народа. Отсюда и похищение зуагирок и, я думаю, не только их. Им нужна была Сила, которую могли дать лишь молодые люди. Кстати, ты заметил, что на площадь не пускали ни детей, ни стариков, то есть тех, кто еще не накопил достаточно сил либо уже растратил их? — Он вопросительно посмотрел на киммерийца и, увидев удивление в его взгляде, удовлетворенно кивнул. — То-то и оно. Так что не сомневайся,

Сила накоплена. Теперь она так или иначе найдет выход.

— Это слишком походит на правду, чтобы оказаться пустым вымыслом, — заговорил Зул. — Я думаю, и пленных увели туда неспроста.

— Конечно, — кивнул Мэгил, — сосуд ведь еще не полон.

— Сосуд? — удивился Конан. — Что еще за сосуд?

— Да пирамида. — Мэгил усмехнулся, весьма довольный собой: наконец-то ему удалось хоть чем-то удивить невозмутимого варвара. — Я думаю, ритуал вовсе не так прост, как кажется, и цель его состоит не столько в запугивании Мелии, чтобы сделать ее податливой, но в гораздо большей степени в том, чтобы копить Силу. Похоже, ступени с площадками и таинственные руны на ее стенах — все это лишь часть колдовства, которое продолжает набирать силу, хотя и сейчас уже я не знаю, можно ли остановить его.

— И что ты собираешься делать? — хмуро спросил киммериец.

— Пока не знаю. Может, ты подскажешь что-нибудь? — спросил Мэгил, с надеждой посмотрев на варвара.

— Да разве ж я колдун? — удивился киммериец. — Или разбираюсь в колдовстве? — Конан раздраженно опрокинул в рот остатки вина и замолчал. Молчали и Зул с Акаямой. Наконец северянин не вытерпел и решил задать вопрос, который давно уже вертелся у него на языке: — Послушай, Мэгил, а что ты вообще знаешь о Затхе? В Шадизаре я слышал, что в Йезуде, городе жрецов, нашел себе прибежище Затх — живой бог-паук. И вдруг Сура-Зуд — тайный город, надежно упрятанный на вершине плато, и Затх, ожидающий своего пробуждения, которого никто не называет богом-пауком, а величают Спящим? А может быть, они и вовсе не имеют отношения друг к другу?

Киммериец закончил говорить и уставился на друга в ожидании ответа, но тот не торопился.

— Было время, — начал наконец он, — когда я все-таки интересовался этим вопросом, но все, что сумел узнать, носило оттенок какого-то неправдоподобия, как, впрочем, и все истории, повествующие о далеком прошлом.

Конан усмехнулся:

— Ты мог бы всего этого и не говорить, ведь и сейчас у нас поводов для радости немного.

— Ну, хорошо. — Мэгил слегка, одними уголками губ, улыбнулся и, сцепив ладони, обхватил ими колено, откинулся на спинку кресла и задумчиво уставился в потолок. — Так вот, я слышал, что Затх — лишь полубог. Сын Сета и прекрасной, могущественной колдуньи Рогазы... Что ты смеешься, киммериец?

Он удивленно уставился на друга, но Конан хохотал и не мог остановиться. Мэгил терпеливо ждал, внимательно наблюдая за ним. Наконец киммериец немного успокоился и, утирая слезящиеся от смеха глаза, произнес:

— Прекрасная Рогаза... — Он помотал головой, пытаясь прийти в себя. — Это не тот ли обтянутый жабыей шкурой скелет с отвисшими до пола грудями?

— Тут нет ничего смешного, — спокойно возразил бывший жрец, словно и не было этой долгой паузы в их разговоре, — она ведь не всегда была такой... Легенды гласят, что сам Сет долго домогался ее любви, но согласилась она на этот союз лишь после того, как пообещал он ей даровать божественность их будущему сыну.

— Ну и как? — вновь заинтересовался киммериец.

— Будучи наполовину смертным, — начал объяснять Мэгил, — он не мог родиться богом, хотя и получил при рождении огромную силу. Недостающую же часть должны были восполнить года.

— Как тебя понимать? — запротестовал киммериец. — Что все это означает? И как избыток прожитых лет может восполнить недостаток божественности?!

— Сет наделил сына почти всеми качествами, присущими богам, — терпеливо разъяснил Мэгил, — но чтобы стать равным отцу, Затх должен был бы получить его силу, что для самого Сета оказалось бы равносильно смерти. Поэтому силу он должен был накопить сам. Он был невероятно силен, но недостаток сил все-таки сказывался, — на миг Мэгил задумался, словно воскрешая что-то в памяти, — например в том, что он был привязан к своему телу, хотя и мог покидать его на неограниченный срок и занимать любое приглянувшееся. Но он не мог изменять его! Это очень существенная разница. Короче, он набирался сил, крадя их у людей, но все равно для этого требовались долгие годы. Затх же не хотел ждать. Сила его росла столь стремительно, что это всерьез встревожило Митру, и он, не рискуя открыто напасть на Затха, поручил своим слугам обуздать его.

— И это удалось, — задумчиво, ни на кого не глядя, проговорил Конан.

— Да, это удалось, — согласился Мэгил, — хотя и с большим трудом. В один из дней тело Затха так и не проснулось, и, когда встревоженная странно долгим сном сына Рогазы воззвала к Сету, выяснилась правда, но предпринять что-либо было уже невозможно. Как ни грозила ему колдунья разрывом, но и Отец Тьмы оказался бессилем что-либо немедленно изменить. Он лишь сумел продлить ее жизнь, чтобы могла она увидеть пробуждение своего сына, а если повезет, то и обрести вторую молодость. — Мэгил закончил рассказ и посмотрел на киммерийца. — Ты понял теперь? Ведьма старше этого города!

— Плевать я хотел на ведьму, — лаконично отозвался варвар. — Я понял, откуда пирамида.

— Да, — кивнул Мэгил. — Это творение Сета.

— И все-таки, — Конан упорно возвращался к своему, — что ты скажешь о Затхе, живущем в Йезуде? Сурия говорила, что это лишь кукла Рогазы.

— Может быть, и так, — жрец равнодушно пожал плечами, — хотя, должен сказать, меня это совершенно не интересует.

— Зато интересует меня!

— Я уже догадался, — усмехнулся Мэгил, — не пойму лишь, почему?

— Все очень просто, — объяснил киммериец, впиваясь крепкими зубами в сочный кусок мяса. — Колдунья, которая сумела сотворить куклу, играющую роль живого бога-паука, способного к тому же творить кое-какие чудеса, должна быть не просто сильна.

Жрец повел плечом. Не очень-то хотелось ему признаваться в этом, но довод киммерийца оказался весьма серьезен. Он задумался.

— Жаль, что мы не проверили этого еще в Шадизаре.

— Интересно, как? — усмехнулся киммериец.

— Достаточно сравнить сроки, и все стало бы понятно.

— Разве ты знаешь, когда был основан Сура-Зуд? — насмешливо перебил его киммериец, и Мэгил осекся.

Вновь какое-то время все молчали, пока Акайма не заговорил:

— Слышал я, что некоторые пиктские шаманы умеют обращать людей в зверье.

— У нас это тоже не редкость, — вмешался в разговор Зул.

— Именно к этому я и веду, — подытожил Конан, — что, если мы сунемся туда, нас просто обратят во что-то непотребное, и конец тогда честолюбивым планам Митры.

— Я обещаю подумать об этом. — Мэгил упрямо поджал губы, не желая обсуждать вопросы, касающиеся Подателя Жизни.

— Подумай, друг, — сказал Конан мягко, почти ласково, — хорошенько подумай, и не только об этом.

— О чем же еще? — встревожился жрец.

— Подумай о силе Рогазы, — начал перечислять киммериец, — о силе Харага, которую мы испытали на себе еще в Шадизаре. Поразмышляй о Рамсисе. Мне отчего-то пришло в голову, что он не зря объ-

явился в Заморе именно сейчас. Я не удивлюсь, если узнаю, что Хараг привез сюда и стигийца. Подумай о Сурии, которая может вырваться из плена, и о страже, наверняка готовящейся встретить нас в Черном Замке. А главное, подумай о том, чего мы еще не знаем!

— Так ты поможешь мне! — воскликнул жрец.

— Я очень хотел бы, — усмехнулся Конан, — но если бы не Милла...

— Но Конан! — воскликнул Жрец. — Подумай, что значит жизнь одного человека по сравнению с судьбами мира?!

— По сравнению с волей Митры, ты хотел сказать, — поправил его Конан. — Признаюсь, что нежные ручки Миллы мне дороже.

— И весь ты в этом! — Мэгил негодуя всплеснул руками.

— Верно! — со смехом согласился киммериец.

— Так, значит, нет? — Жрец нахмурился и покачал головой.

— Ну почему же? — удивился киммериец. — Ты разве не понял меня? Я пойду с тобой, но лишь до тех пор, пока нам будет по пути.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Мэгил. — Ну а вы? — обратился он к Зулу и Акаяме.

— Я с тобой, — без колебаний ответил негр, — а ты? — обернулся он к Акаяме.

— Сдается мне, что на этот раз придется вам обойтись без меня, — с хмурым видом ответил здоровяк и тяжело вздохнул, — слишком высоки стены Черного Замка.

Мэгил так явно обрадовался, что киммериец поспешил остудить его пыл.

— Хватит ликовать, — усмехнулся он, — пойдем лучше посмотрим, как нам пробраться в Черный Замок.

— В чем отправимся? — деловито осведомился жрец, от уныния которого не осталось и следа.

— Я думаю, одевание младшего жреца будет в самый раз, — подумав, объявил Конан.

Никто не стал с ним спорить. Они быстро обрядились в балахоны, к которым так и не успели привыкнуть. Конан в последний раз проверил оружие и, убедившись, что поблизости никого нет, четверо осторожно вышли из дома. Они не рискнули идти по главной улице, по которой полдня назад унесли чудовищную пирамиду, а предпочли передвигаться боковой узкой улочкой, где в любой миг можно было укрыться от любопытных глаз в одном из многочисленных переулков или нырнуть в любой из пустующих домов.

Чем дальше, тем больше дорога шла под уклон, и, не будь улочка так узка и извилиста, они наверняка давно уже увидели бы стены Черного Замка. Вскоре спуск стал более пологим, но они приблизились к окраине Сура-Зуда настолько, что горы над крышами маячивших впереди домов стали расти заметно быстрее. Сумерки понемногу опускалась на город, небо стало синее и глубже, и Конан пожалел, что они не вышли из дома раньше.

Они обогнули невысокий уютный домик с красной черепичной крышей и неожиданно оказались посреди обширного пустого пространства, в обе стороны протянувшегося вдоль провала. Со стороны города оно было ограничено не слишком ровным рядом домов, а с другой — лишь низким парапетом, ограждавшим пропасть. Людей не было видно вообще.

Черный Замок высился на противоположной стороне. Конан отметил про себя, что это было относительно небольшое по площади сооружение, возведенное на естественной платформе. Крепостные стены высотой более пяти ростов киммерийца до половины скрывали собой дворец, состоявший из набора разных по высоте круглых башен. Огромные, запертые наглухо ворота преграждали путь внутрь крепости. Разводной мост был поднят. Впечатление чудовищной силы и мрачного величия исходило от стен и башен, и чем больше люди

вглядывались в нее, тем глубже проникало в их души ощущение собственного бессилия, а их планы поколебать эту твердыню и вовсе казались абсурдом.

Конан посмотрел на своих друзей:

— Что приуныли?

— Нам туда никогда не попасть. — Мэгил грустно покачал головой.

— Мне странно это слышать, — киммериец пожал плечами, — ты и прежде знал, что у тебя нет крыльев, но упорно твердил, что должен это сделать! Что изменилось?

— Я увидел все сам, — ответил жрец, виновато опуская глаза.

— Понятно. — Конан зло ударил кулаком по парашету, и, к удивлению его, злость вдруг улетучилась. Он усмехнулся. — На мой взгляд, ты слишком впечатлителен. Пойдем-ка обратно, а по дороге постарайся забыть о том, что видел.

Зул и Акаяма переглянулись, но ничего не сказали. Все четверо отправились обратно. Быстро темнело, и кривые улочки в сгустившихся сумерках выглядели зловеще, но четверо в жреческих балахонах не смотрели по сторонам. Мысли их и без того были невеселыми, а настроение мрачным, так что разговор не клеился, и шли они молча. Наконец входная дверь за ними закрылась, тяжелый засов встал на место, Акаяма подкинул дров в угасающее пламя очага, а когда обернулся, остальные уже сидели на прежних местах, словно и не покидали их.

* * *

Их было двое, беседовавших в большой неправильной формы комнате, напоминавшей вытянутый к центру башни треугольник со скругленными углами. Комната располагалась на самом верху высочайшей из башен Черного Замка, называвшейся Сторожевой. Почему она так называлась, знала, наверное, только Рогаза. Хараг же считал, что название свое она получила

как самая высокая из пяти башен дворца. К тому же комната, в которой они сейчас находились, была одной из немногих имевших окно, обращенное к Сура-Зуду.

— Ну так как, повелительница? — Хараг сделал небольшую паузу и нехотя взглянул на старую ведьму. — Я тебя убедил?

— Ты продолжаешь настаивать на том, что Сурия ошибалась? — проскрипела та.

Взгляд старой карги было выдержать нелегко. Ее маленькие глазки буравили душу, вгрызались в мозг, словно пытались прочесть самые затаенные мысли. Иногда жрецу казалось, что не только пытались, но и читали. Он терпел сколько мог, и теперь ему требовался отдых. Хараг прикрыл глаза и два долгих удара сердца сидел молча, пытаясь успокоиться.

— На чем основана твоя уверенность? — проскрипела старая карга, не сводя с него испытующего взгляда.

Хараг вновь задумался. Что он мог ей сказать? Ни одного факта, говорившего в его пользу, у него в запасе не было, лишь цепь понятных только ему рассуждений, да интуиция, да неприязнь. А Рогаза умна и проницательна. Жрец знал: как только он попытается слухавить, подкрепив свою позицию хорошей выдумкой, она сразу почувствует фальшь. Он посмотрел на колдунью.

— К сожалению, я не могу так просто убедить тебя, у меня не было времени собирать доказательства, — осторожно начал он, тщательно взвешивая каждое слово, — но если ты выслушаешь меня, то, быть может, оценишь цепь моих рассуждений, и это убедит тебя.

— Что ж, говори, — неожиданно мягко разрешила она, — а я посижу да послушаю и постараюсь ничего не упустить.

И Хараг, ободренный такой удачей, собрался с духом.

— Я не верю, что такой человек, как Конан, — медленно заговорил он, — неважно, по каким мотивам, перейдет на нашу сторону. — Он немного помолчал, вы-

жидательно глядя на колдунью, и, когда та кивнула, продолжил. — Теперь о том, почему я в этом уверен. Конан — варвар, киммериец. Он могуч телом и необычайно силен духом, а ты знаешь, что такие люди не ломаются ни перед чем и ни перед кем.

— Это верно, — задумчиво проскрипела она, — но, быть может, ему и не пришлось ломать себя?

Глаза старой ведьмы были закрыты, и Хараг подумал, что необычайно странно видеть, как череп древней мумии, каким-то чудом сохранивший в себе мощный мозг, вдруг задвигал челюстью, чтобы выговорить связную фразу.

— Совершенно естественная мысль, — согласился он, — но я позволю себе заметить, что этот человек обладает обостренным чувством долга и своеобразной чести.

— Такие качества — не редкость среди варваров, — кивнула старуха, — и порождены бывают, как правило, недостатком ума, хотя многие из них при этом умудряются оставаться изрядными хитрецами. И все-таки хитрости их человеку, действительно умному, видны как на ладони.

— Верно, — удовлетворенно кивнул Хараг, — у меня самого поначалу создалось о нем именно такое впечатление, и должен признаться, что впечатление это не было ложным.

— Почему же ты не веришь, что Сурия сумела подобрать к нему ключик? — Ведьма вдруг открыла глаза и в упор посмотрела на Харага, впервые проявив интерес к беседе. — Она искусна в таких делах.

— Потому что твое впечатление было верным, но не полным, — со значением ответил жрец.

— Что же я упустила?

— Он хитер, да, — с удовольствием объяснил Хараг, — но и умен тоже.

— Умен? — Кожа на черепе мумии собралась в складку. — Пожалуй, это действительно странно для варвара.

— Быть может, не так странно, — вновь заговорил Хараг, — если ты припомнишь, что киммерийцы — дальние потомки атлантов.

При этих словах ведьма вздрогнула и пристально посмотрела на него.

— Хм-м. Впрочем, атланты ведь тоже были варварами, да не в этом дело. — Она задумчиво пошамкала губами. — У умных, сильных и гордых, как он, большие амбиции... Чего он добивается?

— Ничего, — широко улыбнулся жрец. — Еще в пятнадцать лет он был гладиатором в Халогe, но бежал. Сейчас ему нет и двадцати, а он уже стал лучшим вором Шадизара и Арэнджуна, и это сразу надоело ему. Теперь он хочет стать наемником. Он просто идет по жизни.

— Так не бывает, — проскрипела старая карга. — Такой, как он, никогда не затеряется в жизненном водовороте. — Она задумчиво поскребла подбородок костлявой, словно позаимствованной у скелета, рукой. — И он всегда, пусть даже бессознательно, будет рваться вверх.

— Наверно, ты права, повелительница, только нам от этого нет проку.

— Как знать, как знать, — проскрипела она, — быть может, и есть.

— Что ты имеешь в виду, повелительница? — не понял Хараг.

— Если мы дадим ему то, к чему, пока неосознанно, стремится его натура, — объяснила она, — он может оказаться нам весьма полезным.

Она задумчиво посмотрела в сторону окна и на мгновение напряглась, словно учуяв что-то.

— Когда Спящий проснется, он будет нам ни к чему! — произнес жрец излишне поспешно именно то, что произносить ему как раз и не стоило.

— Он будет нужен даже тогда! — резко ответила она, и глаза ее, казавшиеся огромными на зловещем черепе, недобро полыхнули темным пламенем. — Бог лишь направляет усилия своих приверженцев, и неза-

видна его участь, если они глупы, слабы и ни на что не годятся! Запомни это, глупец!

— Я не глупец,— проклиная свою несдержанность, возразил Хараг, внешне остававшийся совершенно спокойным,— и я согласен с тем, что ты сказала,— он внимательно посмотрел колдунье в глаза, что стоило ему немалого труда,— но дело в том, что Конан никогда не согласится служить нам, о чем бы ни говорила тебе Сурия.

— Это почему? — прошамкала старуха, подозрительно уставившись на него.

— Потому,— стараясь говорить как можно убедительнее, ответил он,— что проклятый варвар никогда не станет служить тому, что считает злом!

— Ха-ха-ха! — прокрипела Рогаза.— Ты ведь должен знать, что все в мире относительно. Впусти Зло в сердце,— мечтательно заговорила она,— почувствуй душой его притягательность и силу, ощути его пьянящий аромат, и тут же Добро станет Злом, потому что противится велениям твоей души! Так что вопрос о Добре и Зле — лишь тема для философского спора.— Она устало прикрыла глаза.

— Верно,— неожиданно для нее согласился Хараг,— именно поэтому Конан и не пойдет за нами.— И, видя удивление на лице старой колдуньи, пояснил: — Он-то не философ, и ему плевать на твои доводы, какими бы убедительными они ни были. Такие, как он, так просто не меняют своих взглядов.

— Я не сказала, что это просто,— зло оборвала его старуха,— но вода камень точит.

Мальчишка! Учить ее вздумал! Ну ничего, она ему мозги прочистит!

— Верно, но у нас нет столько времени.

Старуха уже успокоилась, но Хараг так и не почувствовал этого, равно как и предшествовавшей вспышки.

— Скоро у нас будет сколько угодно времени,— миролюбиво прокрипела она.

— Лишь через два дня,— уточнил Хараг, словно она и сама не знала этого.— Но до тех пор он единственный, кто способен сделать так, чтобы желанный миг никогда не наступил!

— Ты думаешь, он здесь еще? — удивилась ведьма.— Этот варвар? — уточнила она.— Я была уверена, что он бежал, когда попытка выкрасть Мелию не удалась. Признаюсь, нам повезло тогда, что у надсмотрщиков не оказалось ключей от заговоренных кандалов и зуагиры вывезли лишь пленных девушек.

— Я уверен, что уехали лишь зуагиры,— злое шепотом проговорил жрец.— Конан поклялся освободить девушку и никуда не уйдет, пока не сделает этого либо не узнает, что она мертва. Но если это ему удастся...

Она взмахнула костлявой рукой, приказывая ему замолчать, и он покорно откинулся в кресле, давая ей возможность обдумать создавшееся положение. Она сидела, прикрыв веками глаза, и в самом деле неотличимая теперь от высохшей века назад мумии, и Хараг смотрел на нее со странной смесью восторга и отвращения. В мозгу его словно сами собой всплыли картины далекого прошлого. Славного прошлого, которого он не мог видеть. Времен, когда Ахерон только еще вступил в пору своего величия. Какое это было время!

— Да, ты прав, это было славное время,— произнесла старая колдунья, и скрипучий ее голос заставил Харага вздрогнуть,— я тогда была молода и прекрасна, как никто из смертных женщин...— произнесла она, и в голосе ее было столько тоски о былом, что жрец не посмел расхохотаться.

И вдруг он испугался: да как же она сумела?..

— Ты удивлен, я вижу? — Она усмехнулась.— Поверь, не стоит.— Она вновь задумалась, но странные видения уже не смущали ум жреца.— Так, значит, ты считаешь, что Конан все еще здесь, в Сура-Зуде?

— Да, повелительница,— смиренно потупился он, но тут же продолжил: — И я не понимаю, что смущает

тебя, ведь срок, что испросила Сурия, истек еще в полдень.

— Да, это так, — задумчиво согласилась колдунья, — и если бы я была уверена, что он еще здесь...

— Однако ты вняла моему совету, — напомнил жрец, — и укрыла святыню за стенами Черного Замка. Почему?

— Потому что боги помогают лишь тем, кто уповает не только на них, но и сам способен позаботиться о себе! — наставительным тоном произнесла она.

— Ты права, — поспешил согласиться он, — это был неумный вопрос.

— Хорошо, что ты умеешь признавать свои ошибки, — одобрительно кивнула старуха.

В это мгновение в дверь постучали.

— Входи, кто бы ты ни был! — пронзительно взвизгнула ведьма.

Стражник вошел и тут же замер в поклоне.

— Прошу прощения, повелительница, но господин велел мне наблюдать за парашетом, и как раз сейчас там появились четверо.

— На закате! — воскликнул Хараг. — Я так и думал! Отвори окно!

«Значит, я не ошиблась, — подумала ведьма, — то была не случайность — я действительно почувала его!» Однако вслух она ничего не сказала, краем глаза наблюдая, как легким шагом стражник пересек комнату и отворил высокое, узкое окно, украшенное затейливым витражом. Сухой, теплый воздух ворвался внутрь, и жрец встал:

— Ты можешь идти!

Он жестом отпустил своего слугу, и тот, пятясь, вышел вон. Не подходя к окну, Хараг выглянул наружу и, довольный, обернулся к колдунье.

— Можешь убедиться, повелительница.

Она поднялась, опираясь на крысиную голову, венчающую ее посох, и вставленные в глазницы черепка

камни сверкнули красными огоньками. Копытце гулко зацокало по камню, и старуха подошла к окну.

— Да, я вижу четверых, — кивнула она. — Трое из них просто великаны, зато четвертый кажется жалким коротышкой.

— Этот четвертый — Мэгил, — со значением молвил жрец.

— Мэгил, Мэгил, — задумчиво повторяла она, перебирая в памяти разных людей, прикидывая, кому бы из них подошло это имя. Что-то смутно знакомое не давало ей успокоиться, не желая в то же время всплывать на поверхность бездонного озера ее памяти, и это тревожило. — Мэгил, Мэгил, — продолжала повторять она, словно пробуя имя на вкус, и вкус этот тоже не нравился ей. От имени словно веяло могильным холодом.

— Странное созвучие, — прокаркала она наконец, — Мэгил — могила.

— Так оно и есть, — кивнул Хараг, соглашаясь, — он Могильщик Митры, вернее, один из них, и немало уже людей приняло смерть от его руки.

— Так вот почему я не смогла сама припомнить! — воскликнула старая карга. — Он стар и, видно, хорошо знает свое дело, раз Солнцеликий отмерил ему третий срок!

— Вот как! — удивился Хараг. — Я этого не знал.

— Хорошо, что ты указал мне на него, — задумчиво произнесла ведьма. — Ну, а остальные трое? — спросила она. — Они выглядят просто гигантами! Вон тот, с глазами синими, как горные озера, настолько синими, что свет их пробивается аж из-под капюшона, я понимаю, и есть Конан?!

— Да, повелительница, — кивнул жрец. — Проклятый киммериец!

— Хм, теперь я понимаю Сурию. — Она усмехнулась, но тут же вновь посерьезнела. — Один из них черен, как южная ночь. Это видно даже через одежду!

— Это Зул,— назвал негра по имени Хараг.— Родина его лежит далеко на юге от Стигии, и силен он почти так же, как киммериец.

— Но все-таки не настолько,— поправила его колдунья, усмехаясь.

— О, да! — мгновенно согласился жрец.

— Третий из них почти так же велик в объеме, как в росте,— дала она свою характеристику Тушке.

— Его зовут Акайма,— вновь заговорил жрец.— О нем говорят, что на пути в Замору пересек он Кхитай, Вендию, Туран, но что за земли лежат в тех краях, мне не ведомо. Однако силен он неимоверно. Мои люди видели, как он в одиночку раскидал тридцать опытных воинов Бруна из числа тех, что охраняли Мелику в доме Тефилуса. Причем сделал он это шутя, пользуясь лишь тупым концом копья и никого при том не покалечив!

— Значит, три могучих бойца и Могильщик Солнцеликого...— Колдунья озабоченно покачала головой: что ни говори, это большая сила.

— Так что ты об этом скажешь теперь? — спросил Хараг, весьма довольный собой.

— Ты прав,— отозвалась Рогаза,— их нужно остановить.

Харагу с трудом удавалось скрыть ликование: наконец-то он добился своего, и проклятому варвару придет конец!

— Как ты сделаешь это? — спросил он, с трудом уняв дрожь в голосе.

Она задумчиво посмотрела на него и вдруг улыбнулась, словно решив для себя что-то важное.

— Не беспокойся,— прошамкала она, хихикая,— от меня ему не уйти. Впрочем, если хочешь посмотреть, как это будет, ступай за мной.

Сказав это, она развернулась, вышла из комнаты и быстро зашагала прочь. Ее отвратительный посох бодро цокал по камню коридоров, а сзади неслышно поспешал жрец, удивляясь про себя резвости ведьмы, которой на вид было никак не меньше десятка веков.

Хараг совсем не знал Черного Замка. Лишь считанные разы бывал он здесь, в резиденции Рогазы, хотя Сура-Зуд посещал часто. Обычно его принимали во дворце, на центральной площади, где проводились все торжества и церемонии. Поэтому теперь он жадно оглядывался по сторонам, стараясь увидеть как можно больше.

Сперва они долго спускались по винтовой лестнице, пока не очутились в мрачном подземелье. Где-то в темноте капала вода, хотя воздух был сухим и на удивление свежим. Теперь они шли длинным коридором, постоянно забирающим влево. На стенах оказалось великое множество барельефов, рассмотреть которые ему так и не удалось, потому что шли они быстро, а освещение было скудным.

Вскоре Харагу начало казаться, что стены просто состоят из них, но единственным, что он, к удивлению своему, успел заметить, было почти полное отсутствие пауков. Лишь змеи наполняли это помещение. Каменные и бронзовые. Но были здесь и необычные змеи, каких ему прежде никогда не приходилось видеть. Они держали в пасти свой хвост, и тело при этом было причудливо изогнуто. Хараг даже остановился, чтобы получше рассмотреть одну из таких фигур, но Рогаза недовольно одернула его, и он заторопился дальше. И еще его поразило отсутствие стражи в этом странном месте.

Рогаза, шагавшая впереди, на ходу достала ключ и отперла одну из низких дверей, которыми изобилует коридор. На двери этой жрец заметил бронзовый барельеф: два змея, переплетенных в некоем призрачном танце.

Следом за Рогазой Хараг шагнул внутрь освещенной мягким светом масляных ламп комнаты и замер от неожиданности. Чего здесь только не было! Чучела, статуэтки, бюсты и изваяния всевозможных форм и размеров лежали и стояли на бесчисленных полках, стеллажах и в нишах.

— Я никогда не бывал здесь, — потрясенный удивленным, высказал он отнюдь не самую умную из своих мыслей.

Ведьма противно захихикала:

— Хе-хе-хе! Только я могу войти сюда! — радостно сообщила она и тут же пристально посмотрела ему в глаза. — Мне кажется, ты очень не любишь варвара, жрец.

Не выдержав ее взгляда, он невольно опустил глаза, и ему показалось, что две кровавые капли в глазницах крысиного черепа на посохе колдуньи зловеще сверкнули.

— Я его ненавижу! — с удивлением услышал он собственный голос.

— Наверное, ты был бы рад своими руками раздеться с ним? — запела ведьма, явно наслаждаясь игрой, смысл которой был ясен пока лишь ей одной.

«Не-ет!» — хотелось крикнуть ему, но вместо этого он вновь услышал собственный голос, говоривший совсем иное, и волосы у него на голове от страха зашевелились.

— Я хотел бы разорвать его в клочья и сожрать его сердце! — услышал он и с ужасом понял, что так оно и есть. — Дозволь мне расправиться с ним!

— Тебе повезло, жрец, — вновь рассмеялась она. — Я подарю тебе эту восхитительную возможность. Возьми статуэтку!

И она указала на маленькую фигурку в сером жреческом одеянии, которая удивительно походила на крысу, вставшую на задние лапы. Откуда-то он знал, что ни в коем случае не должен касаться ее, и тем не менее почувствовал, как рука сама собой поднимается и тянется к зловещему идолу. Он ощутил ее холодную тяжесть, и тут же тело его словно налилось свинцом, а холод принялся терзать плоть. Сам же уродец будто врос в ладонь, став с ней единым целым. Это ощущение длилось лишь краткий миг, а потом он увидел вдруг, как статуэтка начала стремительно уменьшаться. Она

становилась все меньше и меньше, и он хотел потряхнуть головой, чтобы избавиться от наваждения, но не смог.

Омерзительно хихикая, ведьма ходила вокруг, заглядывала ему в глаза, причмокивала беззубым ртом, восхищенно качала головой, трогала костлявой рукой, вслух удивляясь каменной твердости его тела.

В это мгновение его настиг первый приступ боли. Он почувствовал, как кто-то невидимый, но безжалостный вырывает ногти из пальцев его рук и ног. Крик ужаса застрял у него в горле. Он скосил глаза вниз и увидел, как быстро затягиваются кровавые ранки на пальцах, с которых в пыль под ногами успело упасть лишь несколько рубиновых капель, и тут же новый приступ боли заставил его зайти в беззвучном вопле, когда из кончиков пальцев, раздирая плоть, полезли наружу когти.

Подвывая от восторга, Рогаза смеялась и топала ногами, крутилась волчком, заходила в безумном смехе, а фигурка, стоявшая на ладони замершего человека, все уменьшалась и уменьшалась. Вот она стала уже размером с ноготь мизинца, и в Хараге не осталось ничего человеческого. Но это было только началом. Два первых приступа боли прошли сравнительно быстро, уступив место третьему. «Последний!» — выкрикнула со смехом Рогаза, умолчав о том, что этот последний будет бесконечным. Сперва понемногу, почти незаметно, а потом все стремительнее челюсти человека начали вытягиваться вперед, в то время как глаза стали смеяться к ушам. Переносица поднялась, уши поползли вверх и заострились.

— Красавец, красавец, — ворковала старая ведьма.

Хараг почувствовал, как костяк его начал ломаться внутри тела, с отвратительным хрустом плечи сузились и опустились вниз, позвоночник, треща, изогнулся покатым горбом, руки стали тоньше и гораздо длиннее. И боль... Море, океан боли!

«Как же так? — хотел крикнуть он. — Этого не может быть!» Но ни звука не вырвалось из его крысиной

пасти. И вдруг боль начала стихать, уступив место ощущению несокрушимой мощи, влившейся в тело. Он с удивлением обнаружил, что все еще жив.

— Все,— неожиданно услышал он скрипучий голос старухи,— теперь ты сможешь исполнить свою мечту! Тебе нечего бояться! Ни одно оружие не причинит тебе вреда! Но помни: чтобы стать прежним, ты должен убить киммерийца и до рассвета вернуться назад или навсегда обратишься в камень! — Она заковыляла наружу и на пороге обернулась: — Идем же!

Ни ярости, ни злости, ни страха, ни даже только что терзавшей его боли — ничего этого он больше не чувствовал. Одно лишь желание убивать — иных чувств у него не осталось.

— Ты ведь мечтал убить киммерийца? — услышал он из-за двери голос старухи, о существовании которой уже забыл. — Теперь ты сможешь сделать это даже голыми руками. Вперед же, мой воин!

Они пошли назад. Хараг стал похож на огромную крысу, облаченную в жреческий хитон. Капюшон, откинутый на спину, открывал уродливую голову огромного хищника, особенно отвратительную оттого, что в ней явно угадывались человеческие черты.

— Накинь капюшон на голову,— проскрипела старуха,— люди еще не готовы видеть тебя.

Не замедляя шага, он просто махнул необыкновенно длинной рукой, и ткань, затрепав, накрыла голову, укутав уродливое лицо густой, непроницаемой для взгляда тенью.

Старуха семенила впереди, бодро отстукивая шаги копытцем посоха, и стражник, повстречавшийся ей только у парадного входа, молча отворил дверь и посторонился. Они вышли из цитадели, прошли по двору, на три четверти занятому вновь упокоившейся на своем месте пирамидой, и остановились лишь между двумя огромными башнями возле поднятого моста.

Ведьма не сказала ни слова, лишь взмахнула рукой. Глубоко в недрах скалы зарокотал механизм подъем-

ника, и мост начал медленно опускаться. Одновременно стражник, стоявший на верхней площадке левой башни, подал сигнал, и вторая половинка моста тоже пришла в движение. Наконец половинки со скрежетом сомкнулись.

— Иди,— скомандовала старуха,— но помни: я жду тебя до рассвета.

Серая фигура двинулась вперед, словно только и ожидала этого приказа. Стремительно надвигавшаяся темнота быстро поглотила зловещую фигуру, но глаза ведьмы еще долго различали серый силуэт. Лишь когда горбатая спина затерялась среди узких улочек, Рогаза обернулась к стражнику.

— Мост развести лишь с первыми лучами солнца,— приказала она и отправилась прочь.

— Будет исполнено, госпожа,— ответил он в темноту и замер.

* * *

— Так что будем делать? — в который уже раз в этот вечер задал вопрос Мэгил.

— По-моему, спать уже пора,— ответил Зул, смачно зевая.

— Ты поосторожнее, челюсть вывихнешь,— посоветовал ему Конан и устался в усыпанное звездами небо. Рыжеватый диск луны висел почти прямо над головой. — Скоро полнолуние,— задумчиво произнес варвар.

— Нам бы только попасть внутрь,— словно отвечая на его невысказанные мысли, мечтательно произнес жрец, и северянин усмехнулся.

— В Черный Замок мы попадем так или иначе,— устало отвел он,— вовсе не это меня заботит.

Мэгил резко выпрямился:

— Каким образом?

— Пока не знаю,— равнодушно пожал плечами киммерец.

— А-а-а... — разочарованно протянул жрец,— а то я уж подумал...

— Кром! — вспыхнул Конан. — Ты так говоришь, как будто, попади ты внутрь, и все наши проблемы решены!

— Ну-у, — помялся жрец.

— Я же тебе сказал, — вновь повторил Конан, — что внутрь мы как-нибудь да попадем!

— Но как? — упрямо повторил жрец.

— Да хотя бы тем путем, что когда-то перенесли туда груды камня, из которого сложили Черный Замок! — отрезал варвар.

— Но колдовство древних... — начал было жрец, и Конан досадливо поморщился.

— Брось! Труд рабов гораздо дешевле! — снисходительно объяснил он, удивляясь про себя, как можно не понимать такой ерунды. — Вот увидишь, найдется где-нибудь тропа или остатки тропы, по которой люди без всякого колдовства таскали на своих спинах каменные глыбы.

— Может, ты и прав, — почесал в затылке жрец, — но если такая тропа и существует, на поиски ее нужно время, а у нас его нет.

— Нет и не надо. — Конан широко зевнул. — Интересно, где Фан?

Конан встал и посмотрел в черное небо, словно и впрямь надеялся заметить в густой листве деревьев затаившуюся птицу, и Мэрил выругал себя: как он-то сам мог позволить себе забыть о ручном соколе с душой человека?

Словно в ответ на зов, послышался шум крыльев, и сокол камнем упал сверху, зависнув над самым плечом киммерийца.

— Нет! Нет! — закричал тот. — Вот сюда, а то от твоих пожатий остаются шрамы!

Он похлопал ладонью по спинке скамейки, и жрец понял, что Конан, оказывается, находил время и для общения с птицей. Правда, когда это могло происходить, он даже не представлял.

— Слетай-ка ты завтра к этому Нергалову колдуну, дружок, и отыщи путь, который привел бы нас к Чер-

ному Замку. Да смотри, не попадись кому-нибудь на глаза.

Пока Конан говорил, Фан смотрел ему в глаза, а потом кивнул, и было в этом вполне человеческом движении что-то такое, что заставило болезненно сжаться сердце жреца.

— Там наши люди, — объяснял Конан, — полторы сотни человек, и, если мы не поможем, всех их ожидает участь пострашнее твоей.

Откуда-то издалека, ослабленный расстоянием, доносился непонятный рокот.

— Мост опускают, — тут же ответил варвар на невысказанный вопрос Мэрила. — Не нравится мне это.

— Нергал с ними, — отозвался Зул, зевая.

— Смотри, не вывернись наизнанку, — предостерег его киммериец, — что тогда делать станешь?

И Акайма, только что последовавший заразительному примеру друга, едва не откусил себе язык, когда необъятное тело затряслось от хохота.

— Все! — Северянин вскочил. — Пошли отсюда, пока все от безделья не перекалечились!

— Куда это ты собрался? — встревожился Мэрил.

— Вставайте, сони! — прикрикнул он на Акайму с Зулом и обернулся к жрецу: — Может быть, для тебя и не вопрос, что ты станешь делать, когда проберешься внутрь, но я не желаю соваться неизвестно куда, не представляя, что меня ждет там.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовался жрец.

— Сейчас полночь. Все давно спят, — просто ответил киммериец и окинул друзей взглядом, пытаясь оценить, кто из них на что способен. — Я собираюсь пробраться во дворец и из первого же попавшегося жреца выбить все, что он знает о Черном Замке.

— Я с тобой! И я! — вскричали Зул с Акаимой, и сонливость мгновенно слетела с обоих.

— Одних я вас не оставлю! — заявил Мэгил, становясь рядом с ними, и требовательно посмотрел на киммерийца.

— А я бы без тебя и не пошел, — ухмыльнулся Конан. — Вдруг встретится что-то такое, чего я почувствовать не смогу?

Жрец так и не понял, шутит он или говорит всерьез. Фан едва шевельнулся на своей перекладине, но северянин мгновенно повернулся к нему лицом и погрозил пальцем:

— А тебе завтра рано вставать!

Глава пятая

Факел уже догорал и, перед тем как окончательно погаснуть, начал чадить. Его неверное, мерцающее пламя отбрасывало от находившихся в комнате предметов и людей зыбкие, уродливые тени, которые вдруг увеличивались до невероятных размеров и так же внезапно опадали. Из-за этого казалось, что они перепрыгивают с места на место, словно норovia спрятались и, улучив момент, подкрасться сзади.

Зул поежился. Не то чтобы он боялся, но чувствовал себя неудобно. Впрочем, и Акайма с Мэгилом предпочитали дневной свет мрачным теням. Конан присел перед камином и что-то там повернул, помяная Крома и досадуя на себя за то, что, перекрыв вход в подземелье, почему-то позабыл вновь запустить в работу защитный клинок. Хвала Крому, ничего страшного не произошло, но все равно впредь нужно быть внимательнее. Он выпрямился и удовлетворенно посмотрел на друзей.

— Теперь можно идти, — объявил он после того, как Зул, усевшись в кресло, потянул вниз пару заветных шнуров, и глухой гул, прокатившись где-то в толще стены, затих. — Только нужно зажечь побольше света, чтобы не плутать в темноте.

Неожиданно киммериец вспомнил, что вход в камин не перекрывал, но тот тем не менее оказался закрытым. Он покачал головой, в который уже раз ругая себя за странную забывчивость. Впрочем, поздно доса-

довать. Он поджег еще пару факелов и один из них воткнул в кольцо вделанного в стену держателя, а второй прихватил с собой.

— Ты уверен, что внизу мы никого не встретим? — озабоченно нахмурился Мэгил.

— А кого там теперь охранять? — вопросом на вопрос ответил киммериец.

— Тоже верно, — благодушно согласился жрец.

Тем не менее лишняя предосторожность никому еще не повредила. Конан отдал факел Акаяме, а сам быстро пошел вперед и, припав к полу рядом с темнеющим провалом, внимательно вгляделся в царившую внизу непроглядную темень, но, как и ожидал, ни одного огонька не пробивалось сквозь многочисленные ряды решеток. Только убедившись, что оказался прав, он осторожно спустился и осмотрелся еще раз, но, как и прежде, не увидел ничего подозрительного.

— Спускайтесь! — негромко позвал он друзей.

Именно этого они и ждали. Все трое один за другим быстро скользнули в подземелье, и Акаяма замер, глядя наверх.

— Что приуныл? — ухмыльнулся киммериец.

— Похоже, — Акаяма озадаченно поскреб в затылке, — придется мне возвращаться другим путем.

— Успокойся, — ободрил его Конан, — скорее всего, нам всем придется возвращаться другим путем: я не хочу, чтобы наше убежище обнаружили раньше времени.

Четверо друзей проверили оружие, прихватили факелы и двинулись вперед по знакомой дороге, хотя цель на этот раз у них была иная — дверь, через которую подвал сообщался с дворцом.

— Дальше пойдем без света, — объявил киммериец, когда они оказались на развилке.

Конан воткнул факел в держатель как раз в том месте, где начинался более широкий проход, ведущий к клетке, где недавно еще сидела Мелия. Сделав несколько шагов, он подошел к лестнице, медленно поднялся

по ступеням, взялся за ручку, тихонько потянул на себя дверь и с удивлением обнаружил, что она не заперта. Тогда он, осторожно приоткрыв ее, посмотрел в щелку и увидел спину стражника, охранявшего спуск вниз. Он обернулся к своим спутникам, приложил палец к губам и бесшумно проскользнул в проем. Его могучие руки стальным капканом сомкнулись на шее незадачливого охранника, с хрустом ломая позвоночник.

— Первая заповедь солдата — не спи на посту, — назидательно изрек киммериец.

— Ему твоя наука уже не пригодится, — заметил Акаяма.

Северянин осмотрелся. Широкая, в два его роста, галерея уходила вперед на пару сотен локтей. Вся левая стена состояла из казавшегося бесконечным ряда высоких, от самого пола и почти до потолка, окон, разделенных узкими простенками. Вдоль противоположной стены тянулись украшенные причудливой резьбой двери. Свободное пространство между ними занимали картины самых разных форм и размеров. Но самым важным было то, что нигде, кроме дверей одной из комнат, расположенной в дальнем конце коридора, стражи не было видно.

— Насколько я понял из рассказов Сурии, это гостевое крыло, — начал объяснять киммериец. — Если дверь в комнату охраняется, кто-то в ней ночует. На всем этаже занята лишь одна комната! Я не знаю, кто этот человек, но для начала он подойдет нам как нельзя лучше.

Зул с Акаямой согласно кивнули, и осторожно, крадучись, все четверо неслышно пошли вдоль стены. Где-то посреди коридора Конан внезапно остановился, почувствовав взгляд в затылок. Неоднократно уже эта врожденная способность вовремя почувствовать угрозу спасала молодого варвара, помогая ему мгновенно превратиться из дичи в охотника. Вот и теперь киммериец застыл, пытаясь сориентироваться. Не ожидавший этого Акаяма ткнулся в него всей массой, едва не сбив с ног.

— Ты что? — удивленно спросил он.

Но киммериец вместо ответа лишь досадливо зашипел на друга:

— Тихо! Сзади! — и резко обернулся, но никого, кроме Мэгила с Зулом, не увидел. Однако краем глаза отметил все-таки какое-то неясное шевеление сбоку.

— Кто это? — он вновь резко обернулся, но на этот раз к окну.

— Где? — Его друзья ничего не заметили.

— Да вон же, снаружи! — прошептал киммериец.

Однако даже если еще мгновение назад кто-то и прятался снаружи, то теперь никого не было видно. Правда, и Зул готов был поклясться, что, когда он оборачивался, чей-то темный силуэт мелькнул за окном и пропал. Конан тоже видел чью-то тень, но и он не понял, кто это был, да и был ли вообще. Быть может, ему только померещилась странная серая фигура, мелькнувшая за стеклом?

— Кром! — Сбрасывая наваждение, он потрянул головой и устоялся на Зула. — Наверное, ты прав — надо высыпаться.

Конан развернулся и так же осторожно, как и прежде, пошел вперед. До мирно дремавшего стражника оставалось совсем немного, когда Конан резко обернулся к окну. Однако на этот раз и незнакомец оказался настороже, и киммериец увидел лишь, как знакомая уже тень метнулась за очередной простенок.

Как только это случилось, северянин одним быстрым движением распахнул ближайшую дверь и бросился внутрь, увлекая за собой друзей. Комната оказалась совершенно пустой.

— Кто это был? — спросил Зул.

Он выглядел растерянным и не на шутку встревоженным. Мэгил с Акаямой чувствовали себя не лучше. Все они знали, на что идут, но приготовились действовать против людей, а столкнулись с неведомой и, вполне вероятно, злобной тварью. А неведомое, как правило, порождает самый сильный страх.

— Не знаю, — задумчиво покачал головой киммериец, — но кто бы он ни был, он не человек.

— С чего ты взял? — едва слышно прошептал Зул и зябко поежился.

Как и киммериец, он терпеть не мог колдовства, но у него было гораздо больше, чем у северянина, причин для страха. Сколько Зул ни старался, он так и не смог забыть ту ночь, когда Зана, его брата, принесли в жертву Дамбаллаху. И теперь он с большим трудом задавил этот страх, загнал его вглубь.

— Ты разве не видел, — удивился киммериец, — как он ходит?

— Я вообще его не видел, — ответил Зул, — а что?

— Тихо! — вскинул вдруг руку Конан.

В тот же миг из-за прикрытой двери донесся звон разбитого стекла.

— Эй, ты! — мгновением позже услышали они. Видно, стражник все-таки проснулся. — Стой на месте, или расстанешься с жи...

Грузно упало чье-то тело, и выскользнувший из рук клинок жалобно звякнул об пол. Резко распахнулась одна из соседних дверей.

— А-а-а-ш-ш! Ко-о-онан-н! — услышали они странный, шипящий зов, от которого мороз пробежал по коже не только Зула, но и невозмутимого киммерийца.

Они совсем забыли об обитателе охраняемой комнаты, но, когда послышались шаги, Конан понял, что где-то рядом появился еще один человек. Дверь отворилась, неизвестный вышел из комнаты и недовольным голосом, в котором явно слышались повелительные нотки, крикнул:

— Эй! Кто тут так глупо шутит со слугой всемогущего Сета?

В следующий миг киммериец понял, что, похоже, только теперь слуга Сета заметил обезглавленного стражника, в луже крови валявшегося на полу, а может быть, даже и самого незнакомца. Голос его дрогнул на

последнем слове, и на время воцарилась мертвая тишина, пока ее не нарушило странное шипение:

— Рамс-сис-с-с?! С-свиделис-с-сы!!!

— Не прикасайся ко мне, Хараг! — с удивлением услышал вдруг киммериец знакомое имя. — Не прикасайся ко мне! Помни о договоре, если не хочешь сдохнуть! Помни, или я... — теряя последние остатки мужества, позорно взвизгнул тот, кого звали Рамсисом, но фразы закончить не успел.

Конан не стал больше ждать. Он выскочил из комнаты, казалось, как раз для того, чтобы увидеть, как голова Рамсиса, кувыркаясь в воздухе, вылетает в разбитое окно. Существо резко обернулось.

Едва это произошло, Конан услышал, как нервно вздохнул рядом Акайма, и краем глаза увидел, как медленно начал вытягивать из-за спины свою верную секиру Зул. Он неотрывно смотрел на незнакомца. Безусловно, стоявшее перед ними существо походило на человека, и в то же время человеком его назвать было нельзя. Все-таки киммериец узнал Харага, хотя и видел жреца всего один раз.

— Где ж ты раздобыл такую морду? — с усмешкой спросил Конан.

Вместо ответа Хараг пригнулся и, злобно зашипев, прыгнул на киммерийца, но тот легко ушел от столкновения, на ходу выхватив из ножен меч, хоть что-то и подсказывало ему, что проку от старого доброго клинка на этот раз не будет.

Когда всего лишь мгновение спустя его каленый клинок, вместо того чтобы развалить надвое тело Харага, лишь отвратительно проскрежетал по его каменной плоти, не причинив при этом никакого вреда, Конан понял, что предчувствие не обмануло его и на сей раз. Но самым неприятным оказалось то, что тварь двигалась настолько стремительно, что Конан едва успевал уворачиваться, в то время как монстр, похоже, интересовался только им. Полностью уверенный в своей неуязвимости, Хараг попросту не обратил внимания на

трех друзей киммерийца и почти сразу поплатился за это, когда Зул нанес ему чудовищный по силе удар своей тяжелой секирой.

В последний миг Хараг все же уклонился и сумел закрыться рукой от нацеленной в голову стали. Удар пришелся в середину предплечья, гранит треснул, и кисть монстра с грохотом упала на пол.

Хараг запрокинул уродливую голову и заверещал от боли. Лицо Конана перекосилось, у Акаймы заныли зубы, Зул со страдальчески сморщенным лицом попытался закрыть уши руками, а Мэгил подбежал сзади и, как показалось киммерийцу, чем-то ударил монстра по спине. Раздался звон разбитого стекла, и чудовищный вопль повторился.

— Бежим! — крикнул жрец, хватая Зула за руку и увлекая его за собой.

Конан с Акаямой не заставили себя упрашивать. Лишь когда визг за их спинами прекратился, киммериец позволил себе обернуться и увидел, что бегут они уже вдвоем с Зулом, в то время как Мэгила с Акаямой и след простыл. Тварь тем не менее бросилась именно за ними, но теперь ее движения стали вялыми: наверное, Мэгил использовал какое-то снадобье. Северянин бросился к двери в подвал. За судьбу своих друзей он уже не волновался: тварь явно охотилась за ним.

Мысленно благодаря Мэгила за помощь, Конан изо всех сил неся к лазу, стараясь, чтобы Зул все время находился впереди. Подбежав к пятну света, сиявшему над головой, Зул одним прыжком забрался наверх, и киммериец, нисколько не уступая другу в резвости, последовал за ним. «Спасены!» — мелькнуло в мозгу варвара, но, обернувшись, он увидел, как жрец Затха, ухватившись здоровой рукой за гобелен, обломанной культей упирается в пол.

— Да что ты там возишься? — услышал он раздраженный голос Зула.

Будто ошпаренный киммериец подпрыгнул на месте и, развернувшись, опустил рычаг, но Хараг уже очу-

тился наверху. Теперь он шел к ним, угрожающе шипя, хищно скаля зубастую пасть и вытянув вперед руки. Изрыгая проклятия, Конан бросился к креслу, но в это мгновение раздался едва слышный свист, последовал резкий удар, и что-то тяжело рухнуло на пол.

Вновь чудовищный визг ударил Конана по ушам. В комнату ворвались Мэгил с Акаямой, который тут же схватился за челюсть. Боясь поверить в случившееся, Конан медленно обернулся.

— Похоже, его-таки убило... — Зул недоуменно пожал плечами.

Визг смолк так же неожиданно, как и начался. Акайма оторвал наконец руки от лица, испытывая почти блаженство.

— Перерубленному пополам трудно остаться в живых, даже если он из камня, — глубокомысленно изрек Зул.

— С этим трудно не согласиться, — кивнул Конан и посмотрел в окно.

Небо на востоке начало алеть — занималась заря. Скоро, совсем скоро выглянет солнце и начнется новый день. Конан нагнулся, чтобы получше рассмотреть уroda.

— Что это?

Друзья обступили киммерийца, и Зул присвистнул от удивления.

— Так и должно быть, — уверенно молвил Мэгил и пожал плечами. — Таким тварям место лишь в ночных кошмарах.

Конан еще раз посмотрел на труп Харага, то есть не труп, а каменную статую, и вздохнул: до чего доводит людей ненависть!

— Лучше бы мы спали! — прервал тишину Акайма и зевнул так, что едва не вывернул себе челюсть.

— Я почему-то думаю, — заявил Мэгил, — что тогда ни один из нас не дожил бы до утра.

— Все-таки Акайма прав, — заявил вдруг Конан. — Я пошел спать.

* * *

— Сколько можно дрыхнуть?!

Киммерийцу показалось, что он едва прилег, когда над ухом у него прозвучал голос друга. Конан открыл глаза и увидел, что уже почти полдень. Судя по теням, солнце стаяло в зените, золотым потоком врываясь в окна. Киммериец широко зевнул и с хрустом потянулся, голодными глазами уставившись на ломившийся от мяса и вина стол. Тарган задал свой вопрос и замолчал, ожидая, когда же наконец они придут в себя, потому что все четверо выглядели примерно одинаково — то ли страдающими от хронического недосыпания, то ли одеревеневшими от избытка сна.

Они потягивались и трясли головами, а зевая, корчили такие страшные гримасы, словно соревновались между собой, стараясь перещеголять один другого. При этом они обводили комнату тусклыми глазами, и лишь вид заваленного снедью и выпивкой стола порождал опять-таки совершенно одинаковую реакцию — в глазах вспыхивала вдруг искра жизни, и на лица понемногу возвращалось осмысленное выражение.

— Да чем вы тут занимались всю ночь?! — не выдержал наконец Тарган.

— Крыс травили! — коротко бросил Конан и впился крепкими зубами в огромный кусок ветчины.

— Ну и как? — полюбопытствовал зуагир.

— Слегка необычно, — с набитым ртом пробурчал варвар.

— И в чем же необычность? — настойчиво продолжал допытываться Тарган.

— В том, что сперва мы были охотниками, — Конан проглотил кусок, запил его вином и лишь после этого договорил, — а потом дичью.

— Ну и как? — повторил свой вопрос зуагир, постепенно начиная терять терпение.

Конан перестал жевать, удивленно посмотрел на друга и коротко бросил:

— Мы живы.

Тарган досадливо крикнул.

— Ночь действительно была ужасной, — сжалился наконец над зуагиром Мэгил. — Около полуночи мы отправились во дворец по подземному ходу. Мы рассчитывали захватить кого-нибудь из жрецов и попытаться выведать у него, как пробраться в Черный Замок, и хотя бы приблизительно понять, что ждет нас там.

— И это после того, как мы один раз уже воспользовались ходом? — Тарган осуждающе покачал головой. — Представляю, как вас там встретили! Скажу больше: я удивляюсь, как вы вообще остались живы!

Киммериец, молча следивший за их разговором, не переставая жевать, хмыкнул, и Мэгил, заметив это, бросился защищать друга.

— Вовсе нет! — запальчиво воскликнул он. — Конан сказал, что подвал наверняка пуст и никому не будет до нас дела. Он не ошибся!

— Кто ж тогда так потрепал вас? — насмешливо спросил Тарган. — Когда я вас разбудил, вы выглядели так, словно кто-то всю ночь гонял вас по улицам Сура-Зуда и лечь вам удалось как раз в тот миг, когда я отпирал входную дверь.

— В общем-то, ты недалеко от истины. — Мэгил задумчиво поскреб в затылке и обменялся с Акаямой смущенным взглядом. — Понимаешь, — бывший жрец помялся, — мы, похоже, совсем напрасно забыли о Рогазе. Она-то знала, что Конан на свободе!

— И кто это был? — уже совершенно другим тоном спросил зуагир.

— Хараг, — коротко ответил киммериец.

— Хараг? — удивился Тарган. — Так ведь он жрец, а не воин!

— В данном случае это не имело никакого значения. — Мэгил покачал головой. — Судя по всему, он воспользовался колдовством Затха, а может, Рогаза помогла ему... Не знаю. Только перед нами он явился в облике каменной крысы с лицом Харага. — Тарган оша-

рашенно молчал, ожидая продолжения. — Мне кажется все-таки, что это Рогаза перевоплотила его. Он сам не решился бы на такое.

— Ты думаешь, он не понимал, что делает?

— Не совсем... — Киммериец задумчиво смотрел в окно. — Но крысиная злобность проявилась в его новой натуре сполна. Он пришел, чтобы убить меня. Именно меня, понимаешь?! — Конан посмотрел Таргану в глаза. — И все-таки, едва увидев Рамсиса, он узнал его и убил, хотя тот и пытался грозить ему каким-то договором. Но, видать, крысиная ненависть взяла верх над осторожностью.

— И насколько он был опасен? — продолжал спрашивать зуагир.

Киммериец пожал плечами.

— Насколько опасен? — повторил он и усмехнулся. — Суди сам: он лишь взмахнул рукой, и голова Рамсиса, кувыркаясь, полетела в окно.

Как только в комнате прозвучало имя Рамсиса, Фан, до сих пор никак не напоминавший о своем присутствии, встрепенулся, взъерошил перья, расправил крылья и заклекотал.

Мэгил резко обернулся.

— Да, да, Фан! Успокойся! — с усмешкой молвил он. — Твоего врага больше нет!

— Похоже, он обрадовался? — удивился Тарган, удивленно глядя на птицу.

— Ты прав, — спокойно согласился Мэгил, — в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что именно Рамсис лишил Фабиана рук, после чего он уже ни при каких обстоятельствах не смог бы стать человеком.

Он хотел добавить еще что-то, но в это мгновение через открытое настежь окно донесся далекий рокот барабанов, и Мэгил невольно вздрогнул и обернулся, а киммериец замер и опустил руку с поднесенным уже ко рту куском.

— Опять начинается, — мрачно пробормотал Зул и залпом осушил кубок.

— А ты что думал? Завтра последний день,— мрачно изрек Конан, поднимаясь из-за стола.

— Ты куда собрался, парень? — Мэгил смотрел на него непонимающими глазами.

— Мы ведь вчера так и вернулись ни с чем...

Проверяя оружие, северянин сокрушенно покачал головой: острие его верного клинка было изрядно попорчено в нескольких местах. Все-таки он собрался уже вложить меч в ножны, но тут Зул с Акаямой подхватили его под руки и стиснули в могучих объятиях.

Конан даже не шевельнулся. Он спокойно посмотрел на обоих, перевел взгляд на тревожно вглядывавшегося в его лицо Мэгила, который словно выискивал в облике друга признаки безумия, на подчеркнуто спокойного Таргана, на Фана, нервно переминавшегося на спинке кресла, и усмехнулся:

— Слушай, Мэгил, ты всерьез думаешь, что я спятил?

— Нет! Конечно, нет! — поспешил успокоить его жрец. — Но, по-моему, ты не в себе.

— Что ж, и на том спасибо. Так, значит, не в себе? Но почему?

— Он не понимает! — воскликнул Мэгил, всплеснув руками, и вдруг спросил: — Скажи, что тебе там делать?

— Завтра нам нужно пробраться внутрь Черного Замка,— стараясь сохранять спокойствие, ответил Конан,— иначе можно отправляться по домам прямо сейчас, и поэтому я хочу знать, что там происходит?

— Фан справится с этим гораздо лучше тебя! — возразил жрец.

— Я хочу видеть все своими глазами,— проникновенно объяснил Конан.

— Ладно, допустим,— сдался Мэгил.— С чего ты взял, что сможешь попасть Черный Замок?

— Церемония рассчитана на семь дней, в течение которых они должны высосать все силы из горожан.

Однако пирамида еще не полна. Впереди еще два дня, и они должны опустить мост.

— Похоже, ты прав,— согласился Акаяма.

— Да как же ты не понимаешь? — вновь вспыхнул жрец.— Ты на голову выше самого рослого жителя этого города. Тебя узнают, как только ты попадешь за ворота Черного Замка!

— Кром! Ты, похоже, и впрямь думаешь, что я не в себе! — Конан расхохотался.— Поверь, приятель, я все не собираюсь расставаться с жизнью прямо сейчас.

— Но как же ты проберешься туда? — спросил Акаяма недоуменно, но руку киммерийца все-таки выпустил.— Да еще среди бела дня?

— Прикинусь калекой безногим,— ухмыльнулся киммериец, пожимая плечами.— Лицо закрою капюшоном...

— Мы пойдем с ним! — заявил вдруг Акаяма, и они с Зулом заговорщически перемигнулись.

Мэгил в отчаянии всплеснул руками. Ну что тут сделаешь?! Дураки плодятся, что грибы после дождя!

— Нет! — сухо отрезал Конан, сверкнув глазами.— Я возьму секиру. У тебя ведь есть еще одна? — обратился он к Зулу и, когда тот кивнул, закончил: — Спрячу ее в ногах. Если что — вырвусь! Ты меня еще плохо знаешь! — ответил он, с ухмылкой глянув на пригорюнившегося жреца.

Мэгил лишь сокрушенно покачал головой и вопросительно посмотрел на Зула. Негр кивнул.

— Ну, раз со всем разобрались,— сказал Конан,— не будем терять времени даром. Барабаны бьют не просто так! И не грусти,— он подмигнул Мэгилу,— у меня прекрасное настроение! Смотри, какое утро! Я чувствую, что все сегодня должно удаваться!

Киммериец был вором и воином, но при случае, когда возникала необходимость, мог и смастерить кое-что, хотя к серьезному занятию каким-либо ремеслом и относился пренебрежительно.

Конан уселся на пятки, предварительно подложив под голени пару нетолстых подушек, и с помощью друзей натянул на поджатые ноги большой бурдюк из-под вина. Две маленькие подушки он туго обшил кожей от другого бурдюка, и получились достаточно удобные опоры для рук. Примерно так выглядел убогий калека, встреченный им когда-то в Аренджуне.

Однако это была только половина дела. Оставалась еще рукоять секиры, упорно торчавшая почти вровень с головой, но тут уж ничего поделать было нельзя: секира без рукояти ни на что не годится.

Вскоре весьма довольный собой киммериец бодро заковылял к разводному мосту. Его могучие руки работали не останавливаясь, так что вскоре он уже оказался перед входом на мост и без колебаний направился дальше.

Едва дверь закрылась за киммерийцем, как Мэгил обернулся к своим спутникам:

— Нельзя было отпускать его одного, да еще с натянутым на ноги мешком.

— Что ты предлагаешь? — хмуро поинтересовался Зул.

— Пойти следом, — просто ответил Мэгил. — Мы ведь согласились только не сопровождать его, но разговора о том, чтобы не проследить за ним, не было!

— Узнаю жреческие замашки! — ухмыльнулся Акаяма. — С тобой, похоже, нужно держать ухо востро!

— Ты считаешь, что я не прав?

— Я за! — сразу же отозвался Акаяма.

— Все за, если уж на то пошло, — пробурчал Зул.

Мэгил удовлетворенно кивнул.

— Фан! — подозвал он сокола, и тот повернул к нему голову. — Лети следом, ни во что не вмешивайся. Выбери местечко поудобней, спрячься и наблюдай. Понял? Лети!

Сокол выпорхнул в окно.

— Теперь мы, — сказал жрец, проводив Фана взглядом.

— Ты предлагаешь всем нам отправиться? — Тарган скептически покачал головой. — Не советую этого делать. Думаю, из нас четверых только ты да я можем попытаться рискнуть. Зул же с Акаямой будут не менее заметны в толпе, чем сам Конан.

— Я и не предлагаю никому идти следом, — спокойно возразил Мэгил. — Я предлагаю вам, — он посмотрел на Зула с Акаямой, — остаться у входа на мост, а мы с Тарганом расположимся у второго конца моста — он со своим луком может оказаться весьма кстати. Ну, а что делать дальше, там видно будет.

* * *

В пронзительно-синем небе сиял золотой солнечный диск, изливая тепло и свет на мир, раскинувшийся внизу. Настроение было великолепным. Душа пела, и Конан передвигался по мосту едва ли не вприпрыжку. Стражники у входа, мимо которых он промчался мгновение назад, долго, качая головами и онемев от изумления, смотрели ему вслед. Безногий инвалид с плечами едва ли не шире собственного роста скакал по мосту, как заяц!

— Во дает! — восторженно произнес наконец один из них.

— Ничего особенного, — равнодушно пожал плечами его товарищ, старавшийся казаться невозмутимым, — попрыгай так с детства, и у тебя руки станут что твои ноги.

Киммериец видел, какими взглядами провожали его стражники у входных ворот, и, избежав на мост, остановился, силясь понять, что могло их так удивить. Быстро сообразив, в чем дело, он умерил шаг и ко вторым воротам у входа в Черный Замок подобрался уже как и подобает любому порядочному инвалиду — чинно и неспешно переваливая свое искалеченное тело.

Здесь тоже стояли двое стражников. Один из них, заметив приближавшегося калеку, встал посреди дороги, перегородив ее своей могучей фигурой и упреив

толстые руки в бока, и насмешливым взглядом уставился на киммерийца.

— Откуда скачешь, сучок обрубленный? — грубо осведомился он и расхохотался раскатистым басом, до нельзя довольный своей шуткой.

— Я прибыл издалека, пынох, — весьма живописно прошамкал Конан, на редкость удачно изображая беззубого старца, — из шамого Ашгарда и пошмотреть хошу на жрелище, што поштоитша в ночь полнолуния.

За щеки и губы киммериец понасовал скрученных жгутом тряпиц и потому отчаянно шепелявил и пришепetyвал, словно одновременно с ногами лишился и всех зубов.

— Из Асгарда, говоришь? — озадаченно почесал в затылке стражник. — Далеко! — Он с уважением посмотрел на скорчившегося у его ног калеку, но вдруг улыбнулся, словно обрадовался посетившей его необыкновенно удачной мысли. — Скачи обратно, удалец, здесь и без тебя полно народа! Затопчут!

— Не препяштуй мне, добрый воин! — плаксиво заканючил Конан.

— Проваливай! — Удачных мыслей больше не приходило в голову. Разговор сразу надоел стражнику, и он решил прекратить его. — Проваливай, говорю! Иначе... — так и не докончив фразы, он вытащил из ножен широкий, но не очень длинный меч и принялся поигрывать им.

— ...Инаше поштенная Рогажа будет недовольна, — прошамкал калека, на которого вся эта демонстрация силы, как видно, не произвела должного впечатления.

Во взгляде верзилы промелькнуло недоверие, смешанное с испугом, и Конан подумал, что не ошибся, упомянув о старой колдунье. Он давно уже подметил, что жители города, вплоть до стражи и жрецов, предпочитали даже не упоминать вслух имени ведьмы. К радости растерявшегося стража, из ворот показался жрец, который смиренно произнес:

— Убери свой меч, Морог. Пусть идет. Затх не делает различий между своими детьми! — Верзила облегченно вздохнул и с показным неудовольствием уступил дорогу. — Ты, Морог, лучше проследи, чтобы убогого не затоптали. Пусть наш брат по вере полюбуется на церемонию — сейчас должны казнить осквернителей!

— Тех, что вчера... — начал было говорить стражник, но жрец перебил его.

— Да, сын мой, — в голосе его слышалось прежнее смирение, но в глазах мелькнул злой огонек, — тех, что вчера осмелились бросить вызов власти повелительницы нашей, могущественной Рогазы! Быть может, гость наш сподобится ее милости, и она поставит его на ноги. У тебя есть ноги, несчастный, или ты лишился их? — Он склонил голову и обратился к киммерийцу.

— Ешч, гошпозин! Только не хожат мои ноженъхи! — в смертельной тоске прошамкал Конан и опустил накрытую капюшоном голову на сцепленные руки, и могучие плечи его затряслись, словно от рыданий.

— Укрепись духом, сын мой, — жрец сложил ладони в молитвенном жесте, — и надейся. — Он опустил глаза на сидевшего у его ног калеку и только теперь заметил рукоятъ секиры, торчавшую едва ли не над головой киммерийца. — Что это у тебя под одеждой, сын мой?

— Ах, швятой отеш, это шобахи! — с горечью вздохнул северянин.

— Что собаки? — не понял жрец.

— Прохлятые жубаштые твари, — объяснил Конан, — они так дошашдают нешашному халехе!

— Откуда ж у тебя такая красивая палка, ниций? — Неясные пока подозрения шевельнулись в голове жреца. — Резная, с серебряной насечкой... С плетеной кожаной петлей на конце...

— Шмотритель Хеврон на пути шуда приютит меня в Шадижаре, — поспешил развеять его сомнения киммериец. — Он подарил мне эту палху. Там ше я ухре-

пилла в желании жахоншить полонничество шуда и полушил от него эту одежду.

— Так ты знаком с достойнейшим Хевроном? — искренне удивился жрец, и мысли его тут же перекинулись на другое.

— Да, — скромно ответил он, — ешли можно нажвать жнахомштвом двухдневный отдых в храме.

Объяснения калеки выглядели вполне правдоподобно, и это окончательно успокоило жреца. Верзила же стражник, стоя рядом и слушая их разговор, уже давно переминался с ноги на ногу. Ему не терпелось, распиная толпу, пробить себе, а заодно и калеке, дорогу к пирамиде, чтобы оказаться поскорее в первых рядах и не пропустить зрелища. Поэтому, как только жрец махнул рукой, он принялся бесцеремонно расталкивать стоявших впереди людей.

— Пропустите убогого! — громко возвещал он. — Дайте пройти паломнику!

Сперва киммериец подивился про себя той безропотности и безразличию, с которым люди сносили бесцеремонные тычки верзилы-стражника, равно как и той легкости, с какой он прокладывал себе путь, но почти сразу припомнил разговор с Мэгилом и тут же уверился в его правоте. Шестой день из несчастных тянули силы, и, похоже, теперь их хватало лишь на то, чтобы тупо наблюдать за происходящим.

Тем не менее шум, производимый стражником, был услышан, и церемонию, которой Конан не видел, приостановили. Рогаза повернулась и недовольно уставилась на появившегося из-за спин горожан стражника.

— В чем дело, Морог? — грозно спросила она. — Почему осмелился ты прервать священное действо?

— Прошу прощения, повелительница, — потупился он, — но отец Тронг решил испросить для этого нищего калеки твоей милости.

Пока они разговаривали, Конан огляделся по сторонам. Это было обширное пространство, пожалуй, не меньше центральной площади Сура-Зуда. На возвыше-

нии перед входом в цитадель легко уместились все полторы сотни пленных воинов-зуагиров и наемников Тефилуса, среди которых киммериец сразу увидел Шома с Нуком. Лица их были мрачны, но глядели почти все с вызовом, и Конан невольно почувствовал уважение к этим людям, которые и на пороге смерти не желали поступиться своей гордостью.

Руки их оставались свободными, но на левой ноге каждого красовался стальной браслет с кольцом, сквозь которое продета была общая цепь. Оба конца цепи крепились к кольцам, вделанным в каменные жезлы толщиной в ногу Конана и высотой локтей в десять. Таких жезлов на возвышении киммериец насчитал десять штук, и расставлены они были по самой его границе.

— Почему ты решил, Тронг, что я удостою его такой чести, — проскрипела тем временем старая образина, и многочисленные зубы и черепки на ожерелье, болтавшемся на морщинистой шее колдуньи, мелодично зазвенели, — ее заслуживает далеко не каждый! — Она подняла вверх длинный кривой палец с отвратительно закрученным спиралью ногтем.

— Полмира прошел он ради этой чести, прибыв из далекого Асгарда, — ответил жрец, — и уважаемый Хеврон направил его сюда, посчитав, что проделать такой путь — подвиг для безногого. Я подумал, — продолжал Тронг, — что если домой он вернется на своих двоих, рассказывая по пути о силе и могуществе Затха, то это принесет нам немалую пользу. — Он склонил голову перед своей безобразной владычицей. — Я готов понести любое наказание, повелительница, если ты сочтешь мой поступок неверным, — смиренно закончил он.

Гордым взглядом обвела она притихшую толпу, и в этот миг в ее страшном облике было столько величия, что Конан поверил в рассказанную ему когда-то Сурией сказку о возлюбленной Сета, самой прекрасной из земных женщин, и это подсказало ему мысль, быть

может, и не слишком удачную, но понравившуюся ему безмерно.

— Успокойся, сын мой! — Она простерла руку над жрецом. — Ты поступил правильно. — Она вновь устремила свой пронзительный взгляд на Конана. — Правду ли сказал о тебе Тронг?

Нарочито медленно Конан поднял на нее взгляд, так, однако, чтобы лица его по-прежнему не было видно, и отпрянул назад, словно пораженный увиденным.

— Истинно так, — язык его невольно заплетался от вполне понятного волнения, — храшавиша! — প্রশামকাল он восторженно.

Лицо ее исказилось бешеной злобой, сделавшись еще страшнее, так что она стала похожа на старую обезьяну, сморщенную и облезлую, жить которой осталось два вдоха.

— Если ты пришел, чтобы посмеяться надо мной, — с неожиданной яростью прошипела она, — то знай: я привыкла смеяться в одиночестве, после всех остальных, и привычек своих менять не намерена!

— Што ты, поштенная! — в испуге вскричал нищий и отчаянно замахал руками. — Я не пошмел бы шмелятьша над той, от хого жду помощи. Но взхлянув на тебя, я увидел вдруг твои истинный облик. — Он молитвенно сложил перед собой руки. — Тот, што ты ношила хохда-то и што еще вернетша х тебе!

На этот раз уже она отпрянула от него, как от зачумленного, гадая, кто он — блаженный, в приступе внезапного прозрения увидевший ее почти забытую, затаенную мечту, или неведомый враг, пришедший, чтобы посмеяться над ней.

— Ну, так скажи, убогий, — воскликнула она, — что ты видишь, и коли не солгал, я щедро награжу тебя во славу Затха! Но берегись, — прошипела она, — если решишь посмеяться надо мной! — Она вперила в нищего пронзительный взгляд. — Посмотри же на меня!

Конан понял вдруг, что попался. Мысль, только что казавшаяся необыкновенно удачной, завела его в ло-

вушку, из которой он не видел иного выхода, кроме драки. Он медленно, едва ли не против воли, поднял голову и взгляд его встретился со взглядом старухи, хотя та по-прежнему не могла видеть его лица.

— Что же ты замолчал, провидец? — проскрипела колдунья. — Что ты видишь?

— Молши! — Нищий взмахнул руками. — Ты мне мешаешь!

Она умолкла впервые, быть может, за долгие годы, если не века, удивившись чему-то.

— Я вижу мрах! — среди гробовой тишины возвестил киммериец и опять замолчал.

Тьма не была однородной. Она словно наплывала волнами, колеблясь полупрозрачным дымком на легком ветру и все-таки оставаясь первозданной чернотой вечной ночи. Накатываясь и отступая, волны тьмы словно омывали Нечто, уже появившееся в самом центре непроглядного пятна.

— Я вижу шилуэт прехрашной женщины, но еще не ражлишаю шерт ее, — возвестил киммериец хриплым голосом, словно пребывал в невероятном напряжении.

Ничего на этот раз не ответила Рогаза, лишь невольно подалась вперед, и уродливые руки ее сжали узловатыми пальцами страшный посох, невольно выдав волнение ведьмы.

И тогда Конан увидел ее...

Ее нагое тело было, пожалуй, даже неестественно прекрасно. Как ни странно, она не обладала умопомрачительными формами Мелии, но она была тем образцом красоты, что раз в тысячелетие создают боги, словно говоря: смотри, каким ты должен стать, человек!

Киммериец еще выше поднял голову, так что стала видна нижняя часть его лица.

— Ты можешь хажнить меня, но мне не выразить шловами, хах ты прехрашна! — প্রশামকাল он восторженно.

— Да будет так! — воскликнула Рогаза и зашлась в приступе безумного хохота. — Я вижу в том знамение Затха! — Насмеявшись, колдунья вперила пронзительный взгляд в застывшую фигурку калеки. — Скажи мне, человек, — обратилась она вновь к Конану, — как давно ты лишился ног?

— Мои ноги и шейшаш при мне, — тяжело вздохнул киммериец, вкладывая в голос всю неизбывную тоску, на какую только был способен, — но не слышат они меня!

— Молчи! — властно воскликнула она, вытянув к нему руку, и закрыла глаза.

— Да, я вижу... — медленно начала колдунья и вдруг вздрогнула. — Но ведь ты здоров! Я вижу, что ноги твои затекли, но это и неудивительно, однако ходить ты будешь! Поднимите его. — Ведьма махнула рукой своим воинам, и двое из них тут же бросились выполнять приказ своей владычицы.

Они подхватили киммерийца под мышки и подняли. Он так и повис у них на руках.

— Срежьте же с него этот мешок, олухи! — приказала она.

Еще двое подбежали к ним и быстрыми и точными движениями кинжалов срезали с ног киммерийца кожаную оболочку. Ноги его тотчас повисли безвольными плетями, и, если бы его сейчас отпустили, он бы мешком повалился на землю. Конан почувствовал, как мириады острейших игл впились в ноги, кровь побежала по жилам, накатываясь горячими волнами. Он понял, что скоро сможет стоять, и старался понемногу распрямлять ноги, но так, чтобы движения эти были неявными, а потому, естественными.

Он намертво вцепился в шеи воинов, поддерживавших его. Толпа благоговейно замерла, ожидая, чем закончится чудесное выздоровление. Хотя люди обессили и оступили за последние дни, но сегодняшнее необыкновенное событие, когда им предстояло стать

свидетелями настоящего чуда, на время вернуло их к нормальному состоянию.

— Чего бы ты хотел, — вдруг проскрипела Рогаза, обращаясь к киммерийцу, — когда способность ходить вернется к тебе? Проси!

Конан обвел взглядом благоговейно взирающую на него толпу. Совсем рядом, в десятке шагов перед ним, заканчивался строй пленников, которым, быть может, всего через несколько мгновений предстояло расстаться с жизнями во славу Затха. Он поднял голову и перевел взгляд на пирамиду. Вот на шестой по счету площадке пирамиды, открывшейся сегодня, в немом отчаянии застыла «Мелия», а на ступень ниже... Милла! Конан обмер — этого он никак не ожидал. Замок, горожане, стража, жрецы... Чего он мог попросить? Только одного — свободы для двух молодых женщин и полутора сотен мужчин, наперед, правда, зная, что просьба его совершенно бессмысленна.

— Ошвободи пленных, крашавитпа! — все-таки пропamкал он.

— Что?! — прошипела колдунья.

На миг Рогаза даже опешила, не говоря уж о заводновавшейся в ожидании чего-то страшного толпе и выстроившейся на возвышении жреческой братии, которая изумленно таращилась на убогого нищего, осмелившегося просить, нет, требовать у их владычицы помиловать осквернителей!

— Да кто ты такой?! — пронзительно завизжала она.

Внезапно калека опустился на ноги, ухватил покрепче стражников, на загривки которых только что опирался, и, двинув их друг о друга лбами, толкнул вперед, так что незадачливые вояки полетели в пыль, да так и остались лежать без движения. Нищий же одним быстрым движением сбросил с себя жреческое одеяние и вдруг предстал перед толпой полуголым красавцем-варваром с огромной секирой в руках.

— Ко-она-ан! — истошно закричала Милла и, упав на колени, залилась слезами.

Те двое, что освобождали киммерийца из мешка, бросились на него, на бегу выхватывая короткие, широкие мечи, но секира, крутанувшись над головой варвара, пропела короткую боевую песнь, и два обезглавленных трупа повалились к его ногам. Стража рванулась вперед, но Рогаза жестом остановила их.

— А ты мне нравишься, варвар, — проскрипела ведьма, подойдя на пару шагов ближе, чтобы лучше рассмотреть его. — Не побоялся прийти сюда... Один... — Она окинула его одобрительным взглядом. — Оставайся со мной, и ты достигнешь высот, которые тебе и не снились!

— Нет! — Киммериец выплюнул опостылившие тряпки и медленно покачал головой.

— Почему? — спросила она, еще надеясь переубедить его.

— Просто нет! — ответил северянин, пожимая плечами.

— И все же? — продолжала настаивать она.

— Потому что почитаю лишь Крома, — с достоинством ответил варвар.

Она молчала, молчал и Конан. Наконец старая ведьма подняла голову и с грустью посмотрела на него.

— И что ты намерен делать теперь, когда понял, что попал в ловушку, из которой нет выхода? — вкрадчиво спросила она.

— Я хочу предложить тебе кое-что, — пожав плечами, ответил киммериец.

Колдунья изумилась так, что на миг стала похожа на обычную старую женщину — безмерно старую и смертельно уставшую.

— И что же это? — грустно спросила она, словно наперед знала, о чем пойдет речь.

— Ты можешь, — начал говорить Конан, — руководствуясь милосердием Затха, освободить пленных по доброй воле, и тогда я просто уйду, а люди будут славить твою доброту.

— Щедрое предложение, — издевательски произнесла она, — а если я не соглашусь?

— Тогда я освобожу их силой, — ровным голосом ответил он, — и твоя власть сильно пошатнется.

Он оглядел строй пленников и увидел устремленные на него глаза, в которых смертельная тоска сменялась вдруг робкой надеждой. Они знали, как могуч киммериец, но он был один, а стражников многие десятки... И оставалась еще цепь толщиной в руку — что делать с ней?

— Ха-ха-ха! — расхохоталась колдунья, и ее смех охотно подхватили многочисленные жрецы и даже воины, хотя никто из них уже не рвался в бой. — Не слишком ли сильно сказано?!

— Что сказано, то сказано, — пожал могучими плечами молодой варвар, — а я не привык отказываться от своих слов.

— Прекрасно звучит, красавчик! — Колдунья снова расхохоталась и, вторя ей, толпа разразилась могучим хохотом, который, наверное, был слышен даже внизу, на самом дне исполинского каменного колодца. — Но сказать — это лишь полдела, — отсмеявшись продолжила ведьма, — а выполнить обещанное бывает слишком трудно. — Она вперилась в лицо киммерийца пронзительным взглядом. — И как же ты намерен действовать, мой храбрый воин?

— Сперва ответь на мой вопрос, — сказал он, дождавшись, когда смех утихнет.

— Мне жаль, варвар, но ты умрешь, — произнесла она так тихо, что никто, кроме стоявших рядом, не услышал ее.

И киммерийцу показалось, что в словах ее прозвучало искреннее сожаление.

— Значит, нет? — Конан досадливо поморщился. — Так смотри!

Варвар поднял свою чудовищную секиру. Двойной серп ее, слепя окружающих бликами, начал описывать круги над головой черноволосого гиганта. Всесокруша-

ющее лезвие все ускоряло свой полет, и боевая песнь клинка постепенно становилась звонче, угрожая и предостерегая. Каждые два-три удара учащенно бившегося сердца Конан резко разворачивался, и тогда тем, кто стоял позади него и уже примеривался, как бы полочеe нанести удар в спину, приходилось отскакивать, досадливо шипя. Зачарованные необычным зрелищем, воины не замечали незаметных передвижений киммерийца. Не замечали до тех пор, пока он не оказался в пяти шагах от цепочки скованных пленников.

Не понимала этого и древняя колдунья, молча следившая за молодым варваром, посмеявшимся противопоставить ее воле свою. Однако, когда Конан приблизился, Рогаза, еще не понимая, чего опасается, нутром почуяла исходящую от него угрозу.

— Убить его! — завизжала она, тыча в Конана узловатым пальцем. — Немедленно!

Точно стая изголодавшихся волков, стража бросилась на него одновременно со всех сторон, но было уже поздно.

— Йе-хей! — пронесся над забуллившей толпой боевой клич, перекрывая все прочие звуки.

Секира в руках варвара грозно взвыла, точно жаждущий крови дикий зверь. Мгновенно удесатерив скорость полета и в который уже раз заставив испуганно отпрянуть храмовых стражников, сверкающей на солнце молнией она обрушилась на каменный жезл. Удар пришелся по цепи, и в следующий миг клинок вновь взлетел в высоту, продолжая набирать обороты. Каменные брызги разлетелись во все стороны, вонзаясь в тела людей, нанося стоящим рядом неглубокие, но болезненные раны. Столб развалился надвое и с грохотом рухнул на гранитные плиты. Железный стержень с закрепленным в нем кольцом, не удерживаемый более ничем, вывалился из своего ложа и, коротко звякнув, упал.

— Вперед! К мосту! — взревел киммериец.

И только тут до смертников дошло, что им даровали шанс выжить. Они бросились вперед, один за дру-

гим соскальзывая с цепи, и Рогаза с ужасом поняла, что не может их остановить. Проклятый варвар не шутил! Теперь их можно только убить — второй раз в плен они не сдадутся!

— Что стоите, паучий корм?! — заверещала она, и глаза колдуньи вспыхнули такой ненавистью, словно вся нечисть мрачного царства Нергала решила в этот миг взглянуть на мир сквозь ее глазницы. — Убейте варвара! — визжала ведьма. — Убейте пленников, или, клянусь Затхом, займете их место!

Толпа стражников, до сих пор сдерживаемая страхом перед грозным киммерийцем, нахлынула, словно океанская волна. Воины Рогазы предпочли гибель от секиры варвара медленной и мучительной смерти, которой одаривала провинившихся перед ней Рогаза.

— Нет, Конан! Уходи! Они убьют тебя! — услышал он истошный, исполненный отчаяния вопль Миллы.

И тогда киммериец, который начал было пробиваться к пирамиде, понял, что девушку сейчас ему не спасти.

— К мосту! — вновь взревел он.

Толпа только что спасенных пленников ринулась вперед, сметая все на своем пути. Они были безоружны, эти полторы сотни разъяренных мужчин, но представляли собой грозную силу. Глаза их горели яростным огнем, и каждый понимал, что для воина смерть в бою неизмеримо почетней позорного расставания с жизнью у пыточного столба. Поэтому они без раздумий бросились на стражу. Многие при этом погибли, но многим и удалось уйти.

Конан оглянуться не успел, как остался один.

— Мост! Мост поднимайте! — стоя на возвышении, визжала омерзительная старуха, и на какой-то миг киммерийцу нестерпимо захотелось добраться до нее. — Живьем! — продолжала командовать она. — Живьем взять варвара! Несите сети, олухи! Не дайте ему уйти! — словно почувствовав близость желанной победы, заверещала ведьма, тыча в северянина кривым пальцем.

— Уходи, Конан! Уходи! — рыдала Милла, но голос ее не был слышен за шумом боя.

В тот же миг вздрогнуло чрево горы, словно те темные силы, что скрывались внутри, вздохнув, пробудились от сна, намереваясь прийти на помощь своей повелительнице. Угрожающе лязгнули цепи, и киммериец понял, что пришло время выбора: жить ему или умереть.

— Кром! — взревел он, и крик его, отразившись от каменных стен, грозным эхом прокатился по отвесным склонам, поколебал покрытые снегом вершины гор, заставив содрогнуться, казалось, само основание мира.

Стражники наступали со всех сторон, но верная секира, с восторгом поющая боевую песню, с наслаждением вгрызалась в плоть, требуя новой и новой крови.

— Скорее, Конан! Прыгай! — перекрывая шум боя, донесся до его ушей голос Зула.

Киммериец мельком взглянул на мост. Крылья его медленно, но неотвратимо поднимались все выше, и разрыв между ними, под которым лежала бездонная, как казалось сверху, пропасть, становился все шире. Северянин оглянулся в последний раз, увидел стрелков с арбалетами в руках, торопливо выбиравших удобную позицию для стрельбы, и понял, что времени на выбор у него не осталось. Впрочем, выбор и так был сделан. Старая колдунья металась на возвышении, изрыгая проклятия, но звук ее голоса почти не долетал сюда.

Гигантскими шагами Конан начал стремительный разбег и теперь от того, сохранил ли он достаточно сил для прыжка, зависело все. Он ускорял бег, взлетая вверх, по продолжавшему неумолимо подниматься крылу моста. Вот он уже посреди него... Вот преодолел половину оставшейся части...

И в это время первая стрела высекала искры у его ног и ушла в высокое синее небо. Киммериец стиснул зубы и яростно зарычал от собственного бессилия, но продолжал бежать. Неожиданный порыв ветра рванул

его густую шевелюру, охладив разгоряченное лицо, а заодно отклонив и стрелы, одна из которых высекала искры у него над головой...

— Брось ее, Конан, — кричал Зул, — или отправиться к Нергалу!

Но киммериец и не подумал следовать совету друга. Наоборот. Он обеими руками ухватился за рукоять секиры и поднял верно послужившее ему оружие высоко над головой, словно зная, расставшись с которым, навек покрыл бы себя неслыханным, несмываемым позором.

— Он сошел с ума... — побелевшими губами прошептал Зул.

Конан необыкновенно удачно рассчитал разбег, а может быть, ему просто повезло, но он умудрился оттолкнуться от самой кромки крыла и взмыл над пропастью.

— Не допрыгнет, — мрачно изрек появившийся рядом с Зулом Таргана.

Конан, вложив в это движение все оставшиеся силы, рубанул секирой, словно перед ним было не пустое пространство, а последний противник, самый грозный и несокрушимый. Лезвие со свистом рассекло воздух, и Конан выпустил рукоять. У Зула от изумления расширились глаза. Ему показалось, что его друг подпрыгнул, вторично оттолкнувшись, правда на этот раз от воздуха! И все-таки он ясно видел, что до кромки еще слишком далеко...

* * *

Этим утром Халдон проснулся в прекрасном настроении. На самом деле он давно потерял счет времени, но почему-то был уверен, что это именно утро. Даже то, что на завтрак он доел последний кусок черствого хлеба и выпил последний глоток воды, не огорчило его. Наоборот. Тот же внутренний голос подсказал ему, что испытание выносливости кончилось, а вместе с ним пришел и конец его наполовину добровольному заточению.

Как только он понял это, тут же собрался и медленно пошел к выходу. Он передвигался короткими перебежками, используя для укрытия каждую выемку, каждую щель, и все в это утро складывалось для него как нельзя лучше. Зуагиров навстречу не попадалось, и это был хороший признак. Однако такое везение не расхолаживало жреца, а в какой-то мере даже заставляло собраться, потому что он понимал: хоть один пост у выхода должен остаться, и пост этот ему так или иначе придется пройти.

Внезапно снаружи до слуха его донеслись возбужденные голоса, и жрец мгновенно насторожился. Что-то важное происходило там, куда он шел. Он сделал один осторожный шаг, другой. Медленно выглянул из-за угла. Пятеро стояли, задрав головы и смотрели вверх, словно увидели там нечто необычайно интересное. Он тоже посмотрел туда, но ничего не увидел и равнодушно пожал плечами. В сотне шагов впереди нервно перебирали копытами стреноженные кони.

Он поудобнее переложил метательные ножи, перекинул один из них в правую руку, привычно взвесил его, примериваясь, прикинул расстояние и прицелился. Дальнейшее не заняло и пяти ударов сердца. Его рука отработанными движениями посылала вперед клинок за клинком. Зуагиры стояли выстроившись в ряд, как мишени на тренировочном плацу, и промазать было просто невозможно. Он и не промазал.

Халдон довольно улыбнулся, подошел к убитым и, вынув ножи, аккуратно вытер их о халаты мертвецов и уложил в ножны. Затем он направился к коням. Он прошел уже половину пути, когда что-то заставило его насторожиться. Он остановился и прислушался, но ничего, кроме какого-то странного свиста, не услышал. Свист быстро усиливался, словно что-то быстро приближалось, стремительно рассекая воздух. Теперь он слышал, что звук идет сверху. Быть может, свистит именно то, что разглядывали зуагиры?

Он поднял голову, но так и не понял, что это сверкнуло, ослепив его на миг. Тяжелая секира с хрустом проломила лобную кость и, разбрызгивая в стороны мозги и кровь, разделила тело жреца на две равные половинки, которые еще немного постояли, покачиваясь каждая на своей ноге, словно ожидая, пока внутренности вывалятся в пыль, и рухнули в кровавую кашу.

* * *

— Руку! Руку давай! — забыв обо всем на свете, кричал Зул.

Он потянулся навстречу другу так, что сам едва не свалился вниз, и Мэгил, не в силах больше ничем помочь, схватил его за ноги и навалился на них всем телом.

Киммериец видел перед собой протянутую руку и серое лицо друга с побелевшими, словно лишившимися зрачков, глазами. Он чувствовал, как замедляется его полет и неодолимая сила влечет его тело вниз. Могучий негр схватил Конана за руку, отчаянно рванул на себя, и хотя удержать не смог, этого дополнительного усилия хватило, чтобы киммериец пролетел лишних пол-локтя и вцепился левой рукой в казавшуюся недосигаемой кромку.

Конан, раскачиваясь, висел над пропастью, почувствуя, что пальцы Зула вцепились в него.

— Руку! Руку давай!

Варвар задрал голову. Мир перед глазами перестал раскачиваться, и он увидел устремленные на него полные тревоги взгляды Зула и Таргана. Он поднял руку, и друзья тотчас схватили его и потащили вверх. Это было как нельзя кстати, ибо киммериец почувствовал вдруг, что силы его, как ни велики они были, на исходе, и, чтобы выжить, ему нужна хотя бы крошечная передышка, но такой передышки ему не дали.

— Скорее! Пора уходить — они начали опускаться мост, — прокричал Мэгил, но Конан, закинув ногу на кромку моста и с помощью друзей подтянувшись на руках, уже и сам почувствовал это.

Они подхватили его под руки и рывком подняли как раз в тот миг, когда очередная стрела ударилась в кромку моста. Тарган выругался, пожелав Эрлику не оставить наследника, и, схватив лук, выстрелил, но арбалетчик успел уже скрыться.

— Сбежал, тварь... — сквозь зубы процедил Тарган.

— К Нергалу! Уходим!

Киммериец дернул зуагира за руку, все четверо побежали вниз, и ноги, казалось, сами понесли их. Сзади все еще доносился визг ведьмы, хотя слов было не разобрать. Пожираемый расстоянием, он слышался все хуже, и вскоре они перестали обращать на него внимание. Внизу их уже поджидал Акаяма с десятком зуагиров. Тут же нетерпеливо перебирали копытами пять оседланных коней.

— Люди успели уйти? — спросил киммериец, вскакивая на гнедого.

— Не беспокойся, — ответил Акаяма, разворачивая коня, — они уже далеко!

Они ударили коней, те с места сорвались в галоп, вихрем пронеслись по улицам Сура-Зуда и, вырвавшись за городские стены, быстро преодолели пустое пространство и скрылись в густом лесу. Конан не знал дороги, но зато ее знали зуагиры Таргана. Они уверенно вели отряд и вскоре, влетев на большую поросшую мхом поляну на берегу реки, спешились.

Десятки рук вцепились в Конана со всех сторон, стащили с коня и понесли к костру. Рядом, на огромном валуне, с зуагиров сбивали кандалы. Каменные брызги разлетались во все стороны, жалея незащищенные тела, точно рой рассвирепевших ос, но никто из недавних смертников не обращал на это внимания.

На костре доходила туша быка, дразня умопомрачительным ароматом жаркого, а рядом спешно закладывалось еще несколько костров — теперь ведь нужно было накормить не два десятка, а гораздо больше людей. Под ликующие крики киммерийца начали качать, а

затем Тарган поднес другу огромный рог, до краев наполненный молодым пенистым вином.

— За тебя, киммериец! — вскричал он. — То, что ты сделал для нас сегодня, ни я, ни мои люди никогда не забудут!

— Славься, Конан! — вскочив на ноги, закричали зуагиры.

— Качать его! — опять крикнул кто-то, но северянин замахал на них руками.

— Хватит, хватит! — отбивался он. — Сегодня я налетался уже досыта!

— Слушай, — спохватился вдруг Тарган, — хочу спросить тебя: что ты чувствовал, когда был там, один?

— О-о-о! — покачал головой киммериец. — Чего я только не чувствовал!

— Ну а все-таки? — не отставал зуагир, и все затихли, ожидая ответа.

— Ты знаешь, — Конан утер губы и посерьезнел, — когда жрец прицепился ко мне, у меня вдруг возникло давно забытое чувство, словно я, как в далеком детстве, бегу по подтаявшему льду, готовому в любой миг проломиться под ногами.

— А такое было? — поинтересовался Мэгил.

— Было, — кивнул киммериец.

— И как? — ухмыльнувшись, спросил жрец. — Искупался?

— Нет, — Конан покачал головой, — я вдруг понял, как и тогда, что если остановлюсь, то пропаю. Что единственное для меня спасение — бежать вперед.

— А ты был неглупым мальчишкой, — рассмеялся Мэгил, и сидевшие вокруг зуагиры тоже захохотали.

Все вдруг на какое-то время стало как прежде. Слово среди захлестнувшего людей бурного водоворота событий им посчастливилось отыскать островок безмятежности и покоя. Они не думали, как долго это продлится, просто радовались происходящему, и даже невозмутимый киммериец улыбался чуть шире обычного.

— Признайся,— с ухмылкой спросил Конан, подмигивая бывшему жрецу,— что я не сильно сдал с тех пор.

— Признаюсь,— охотно согласился тот,— так что было дальше?

— А дальше я понял,— вновь заговорил северянин,— что, как только попытаюсь смыться, мне конец. Слишком тесно, слишком много вокруг стражи, а пьяные зеваки сбились в такую плотную толпу, сквозь которую не продерешься,— закончил он, с наслаждением осушая второй рог.

— Прежде тебя это не сильно смущало,— с ухмылкой заметил Зул.

— Теперь тоже,— не слишком уверенно кивнул киммериец,— но я привык трезво оценивать свои возможности.

Тут Конан моргнул и понял, что вряд ли сумеет сейчас что-то трезво оценить, ибо опьянел больше, чем рассчитывал. Он пожал плечами. Ну и пусть! К Нергалу!

— Но как же так? — продолжал допытываться Мэгил.— Ведь, уходя все дальше от моста, единственного пути к бегству, ты все прочнее увязал в этой ловушке!

— Верно.— Конан довольно улыбнулся, кивнул, и его слегка качнуло вперед.— Жрец мыслил примерно так же, и это его успокоило.

— Откуда тебе знать? — не понял Зул.

— Это старый прием,— усмехнулся киммериец, опорожняая очередной рог.— Если чувствуешь, что угодил в западню, иди прямо в пасть. Враг успокоится и непременно допустит оплошность. Так оно и вышло. Мы удалялись от моста, и он чувствовал себя все увереннее. Я понял, что он успокаивается, а это было как раз то, что нужно.

Тарган ничего не сказал на это, лишь молча покачал головой, зато его зуагиры слушали киммерийца, позабыв и о еде, и о вине.

— Похоже, что на этот раз ты не ошибся,— сказал Зул.— И все-таки ты шел, преследуя какую-то цель, или просто повезло?

— И мысль была, и повезло,— ухмыльнулся киммериец и откинул прочь объемистый рог.— Фу! Больше не могу!

С этими словами он подхватил с земли бутылку с красным пуантенским и принялся откупоривать пробку. Акаяма молча жевал, с интересом наблюдая за приятелем. Мэгил покачал головой.

— Ты же говорил, что больше не можешь? — спросил он наконец.

— Помногу не могу,— уточнил киммериец, прикладываясь к горлышку.

— Ну, на что ты рассчитывал, и в чем тебе повезло? — упорно продолжал гнуть свое Мэгил.

— Я рассчитывал на небольшую панику среди храмовой стражи.— Конан еще раз глотнул из бутылки и одобрительно причмокнул.— Понимаешь? — Он посмотрел в глаза жрецу.— Небольшая паника, которая отвлекла бы от меня их внимание и позволила мне ускользнуть.— Несмотря на выпитое, Конан продолжал говорить четко, не запинаясь.— И тут я понял, что единственная возможность осуществить задуманное — освободить пленников. Своим бегством они создадут...

Тут он на время замолчал, подыскивая нужное слово, и ехидный Мэгил закончил его мысль:

— ...Легкую, непринужденную обстановку.

— Во! — Киммериец ткнул в него пальцем.— Он меня понимает. Я освобождаю наших людей, они отвлекают от меня внимание стражи, и мы вместе уходим. Согласитесь,— он обвел зуагиров веселым, слегка помутневшим взглядом,— все получилось как нельзя лучше!

— Чего проще?! — Зул восторженно покачал головой.— Как только мы раньше не догадались?

— Ну так! — Конан столь энергично пожал плечами, выражая свое удивление, что его качнуло назад

гораздо сильнее, чем он рассчитывал, и он, нахмурившись, недобро уставился на бутылку, словно подозревая ее в злом умысле. Припав к горлышку, он сделал несколько хороших глотков, после чего неожиданно заявил: — И тут мне повезло. С меня сняли мешок, и я почувствовал, что даже шага сделать не могу.

Ответом ему послужил оглушительный взрыв хохота.

— Вот уж повезло так повезло! — утирая слезы кулаком, повторял Нук.

Сотня молодых, здоровых мужчин, опьяненных радостью и вином, никак не могла успокоиться.

— Нет, в самом деле! Если бы старая карга не решила осчастливить меня, вернув несчастному калеке способность ходить, все могло бы обернуться гораздо хуже, а так я преспокойно повис на бычьих шеях стражников и принялся ждать, когда кровь разбежится по телу. А теперь представьте себе, что бы со мной случилось, если бы я сперва выдал себя, а уже потом попытался бежать!

— И все-таки ты едва не опоздал, — заметил Акайма, впервые оторвавшись от жаркого.

Похоже было, что он единственный среди всех не потерял способности трезво оценивать рассказ киммерийца.

— Да, — кивнул северянин, — старая карга здорово обозлилась на меня.

— Немудрено, — с усмешкой пожал плечами Мэгил. — Быть может, впервые в жизни она решила сделать доброе дело — и такая неблагодарность!

— Главное, что тебе это удалось, — заметил рассудительный Акайма.

— Да, — кивнул киммериец, — я бежал по поднимавшемуся пролету моста, и мне казалось, что у меня жилы лопнут! — Он вновь приложился к бутылке.

— А что ты почувствовал, когда бежал вниз и понял, что спасся?

— Ты не поверишь, — усмехнулся Конан, — но я понял, что под гору бежать гораздо легче.

Зуагиры вновь грохнули со смеху.

— Да, прыжок вышел знатным. — Тарган восхищенно посмотрел на друга. — Чего бы я ни отдал, чтобы вновь полюбоваться на него! Вот секиру ты поздно вато выбросил — она чуть не угробила тебя. Неужели ты надеялся перескочить вместе с ней?

Киммериец усмехнулся.

— Похоже, ты до сих пор думаешь, что я жизнь готов был положить, лишь бы вернуть ее тебе?

— Ну, — начал Зул, — жизнь, не жизнь, но...

Конан расхохотался.

— Нет, друг мой, дело в другом, — изрек он, вновь отхлебывая из бутылки. — В твоей секире была вся моя надежда! Если бы не она, от меня мокрого места не осталось бы.

— Как так? — не понял Тарган, и остальные зуагиры насторожились.

— Это очень древний способ. — Теперь варвар прикладывался к горлышку почти непрерывно. — Меня обучил ему один аргосец. Если правильно отбросить поднятый над головой груз... — Конан вскочил и резко взмахнул над головой бутылкой, показывая, как нужно держать груз, и сладкая, ароматная жидкость полилась ему на голову. — А, Кром! — выругался он и прильнул к горлышку губами, но бутылка оказалась пуста. Киммериец пожал плечами и, кинув ее в траву, как ни в чем не бывало продолжил: — ...То пролететь можно немного больше.

Сказав это, он, на ходу раздеваясь, неверной походкой направился к реке.

— Ты куда, Конан? — забеспокоился Мэгил.

— Хочу искупаться! — бросил он на ходу. — Какой-то прихвостень Нергала облил меня вином, и голова от этого стала липкой, как горшок с медом! — Тут он остановился, потрогал мокрую голову и тряхнул гривой смоляных волос. — Точно, — задумчиво отметил он, — и гудит, как в пустом горшке. Надо освежиться, — заключил он, сбрасывая с себя

остатки одежды, и с разбегу бросился в бурный ледяной поток.

* * *

Старая колдунья нервно шагала по комнате. Неисчислимую бездну лет ждала она, когда дух сына, так неосторожно покинувший свое тело, сможет воссоединиться с ним, и время это пришло. Казалось бы, все идет как надо — каких-то семь дней, и мечта наконец сбылась! Но с самого начала что-то не заладилось...

Ей бы забить вовремя тревогу, но она, привыкнув за века к беспрекословному повиновению каждого жителя города и полной недоступности его для посторонних, и подумать не могла, что кто-то осмелится не только проникнуть в самое сердце ее владений, но и оспорить ее власть.

Однако невозможное случилось...

Только теперь она по достоинству оценила слова Харага. Молодой жрец оказался прав. Нужно было сразу изловить Конана и всех его людей, а не ждать, когда он осмотрится и решится на отчаянный шаг. С другой стороны, права была и Сурия: киммериец оказался необычайно хорош. Если бы ее ученице удалось подчинить себе варвара, помощь его могла бы стать неоценимой, а за наградой бы дело не стало! Жаль, не получилось.

Она остановилась и задумчиво посмотрела в окно. Как ни крути, а приходилось признать, что в последнее время она стала слишком неосторожной. Близость такого долгожданного могущества ослепила ее. Как она могла позволить себе такую беспечность?

Она же чувствовала, что чужаки проникли в город! Хараг даже послал отряд, чтобы проверить, все ли в порядке внизу. Он не сказал ей, что люди его не вернулись, она узнала об этом лишь давешней ночью! Конечно, он виноват, но и она должна была сама поинтересоваться, чем кончилось дело, но решила не обращать ни на что внимания и сосредоточиться на глав-

ном, в твердой уверенности, что уж здесь-то, в сердце своих владений, справится с кем угодно!

Даже когда проклятые дикари, почувствовав свое бессилие, пошли на штурм, она не обеспокоилась, хотя и насторожилась, предпочтя закончить церемонию в Черном Замке. Ей и в голову не пришло, что после столь сокрушительного поражения этот Конан явится в ее дом. Мало того, отберет ее рабов и прольет кровь ее слуг!

И Сурия! Рогаза в ярости сжала костлявые кулаки, и глазки ее злобно сверкнули. Проклятая девчонка сбежала с варваром! Теперь это ясно как день. Она застонала от ярости и бессилия и разразилась проклятиями.

Рогаза вынуждена была признаться себе, что бегство — нет! измена! — Сурии гораздо сильнее задело ее, чем ей самой того бы хотелось. Привычка во всем полагаться на молодую помощницу привела к тому, что теперь колдунья почувствовала себя калекой, ибо нарушились все привычные связи. Теперь ей приходилось самой думать обо всем!

В какой-то миг у нее мелькнуло сожаление о Хараге. Будь хотя бы он сейчас с ней, и на жреца можно было бы переложить часть работы. Он хоть и не был особенно сведущ в делах Сура-Зуда, но, по крайней мере, не боялся высказывать вслух свои мысли.

С другой стороны, она ведь предоставила ему возможность разобраться с варваром, сделав тело жреца неуязвимым, а этот глупец умудрился погибнуть! Интересно, как?! Она задумалась, но ничего путного в голову не приходило. Да, дерьмовым он оказался колдуном, зато стал самым настоящим трупом. Она противно захихикала и подумала, что, когда все кончится, нужно будет непременно отыскать его окаменелые останки и установить на постаменте на площади перед дворцом, в котором он встретил свою нелепую смерть.

Рогаза подошла к окну и выглянула наружу — последние трупы стража сбрасывала с крепостной стены.

Не беда, что город почти опустел. Остались всего одна ночь и всего один день, а когда Спящий проснется, у него не будет больше недостатка в подданных: весь мир падет к его ногам!

Все! Она трижды ударила жезлом в дверь, которая тут же отворилась, пропуская внутрь стражника.

— Я весь внимание, повелительница. — Верзила согнулся в почтительном поклоне.

— Немедленно отправляйся к начальнику стражи, — приказала она. — Пусть поднимет мост и удвоит караулы!

Солдат вздрогнул, поймав на себе пронзительный взгляд колдуньи, и вытянулся, глядя перед собой в никуда.

— Слушаюсь, повелительница! — отсалютовав коротким мечом, пророкотал он густым басом.

Спрятав меч, стражник грохнул бронзовым наручем о грудной панцирь, четко, по-военному развернулся и вышел. Какое-то время Рогаза слышала его удаляющиеся по коридору шаги, сопровождаемые бряцанием оружия, но потом стихли и они. Вроде бы здесь все в порядке.

И все-таки что-то продолжало тревожить колдунью. Уж больно силен оказался проклятый варвар. Перед глазами ее сама собой всплыла картина, когда киммериец на ее глазах взял двух гвардейцев за головы, облаченные в прекрасные доспехи, и шутя, между делом, словно малых детей, двинул друг о друга лбами, а они так и остались лежать, не в силах подняться.

И все-таки было еще что-то, чего она никак не могла вспомнить, хотя и знала, что должна. Она опять заходила по комнате, терзая себя бесплодными размышлениями. Ускользнувшая мысль упорно не возвращалась. Видно, это старость... Рогаза расхохоталась: ей ли, обманувшей саму смерть, сетовать на старость?! И вот тут-то она вспомнила...

Ну конечно же, Могильщик! Как она могла забыть о нем?! Ведь Хараг рассказывал ей о Могильщике Солн-

целикого и сопровождавших его воинах, а она все это пропустила мимо ушей. Теперь же, чем больше Рогаза думала о завтрашнем дне, тем больше опасений внушал ей Могильщик и тем меньше думала она о Конане, который смерчем пронесся по Черному Замку, уведя с собой Осквернителей. Вместе с ними — и живыми, и мертвыми — ушла и Сила, которую они несли в себе. Которую должны были отдать Спящему. И все-таки Конан казался ей меньшим злом, чем невесть откуда взявшийся Могильщик. Не зря Митра отмерил ему уже третий жизненный срок. Она ясно увидела это, лишь мельком взглянув издали на его фигуру. Значит, он знал свое дело и делал его хорошо...

Конечно, скверно было, что остался в живых проклятый варвар, но во сто крат больше беспокоило колдунью то, что сумел уйти от смерти Могильщик! Ведьма не могла знать, но нутром чуяла, что он сыграл не последнюю роль в смерти Харага, и была почти уверена, что если во время завтрашней церемонии и возникнут трудности, то главным ее противником окажется именно он, Могильщик Солнцеликого, а вовсе не варвар-северянин! Значило ли это, что на стороне ее врагов будет сражаться сам Митра? Пусть не во плоти и не явно, а руками Могильщика, но тем не менее? Она покачала головой. Весьма похоже на то, и если так, то дело, пожалуй, обстоит гораздо хуже, чем она себе представляла. Но если сам Митра встал на ее пути, не вправе ли и она обратиться за помощью к бывшему своему возлюбленному? Пусть не ради себя, так ради их сына!

* * *

Когда Конан наконец проснулся, вечерело. По давней привычке он не стал сразу подниматься, а прислушался, потом осторожно приоткрыл глаза и уставился на сидящих у костра.

— Слушай, Мэрил, — узнал он голос Зула, — а почему ты решил вдруг стать жрецом?

Тот пожал плечами и задумался.

— Ты знаешь,— заговорил он, поразмыслив,— мне всегда хотелось творить что-то прекрасное.— Он вновь замолчал, мечтательно уставившись на звезды.— В разное время это принимало разные формы, пока я не понял, что самое прекрасное — это служить Подателю Жизни, делать мир добрее и чище.

— Не обижайся,— вновь заговорил Зул,— но я слышал, как киммериец называл тебя иногда бывшим жрецом... Значит, ты все-таки ушел из братства?

— Так оно и есть,— невесело усмехнулся Мэгил, хотя и видно было, что воспоминания эти неприятны ему.

— Но почему? — продолжал допытываться негр.

Мэгил долго молчал, потом вздохнул:

— Ты понимаешь, живя в стенах храма, я постепенно осознал одну неприятную для себя истину. Служение Митре, как оказалось, не имеет ничего общего с храмовыми службами, священными обрядами и всем прочим, что принято среди мирян отождествлять с верой в Подателя Жизни. Вся жреческая братия — просто кучка ловкачей, извлекающих выгоду из доверчивости простых людей.

— Вот как?..— растерянно пробормотал Зул и обменялся недоумевающим взглядом с Акаямой.

Мэгил пожал плечами, но ничего не ответил.

— Что же ты сделал, когда понял это? — прервал затянувшееся молчание Зул.

— Я стал служить самому Митре,— ответил бывший жрец так просто, словно речь шла о выпитом бокале вина.— Сейчас он пожелал, чтобы я помешал обряду пробуждения Спящего. Именно поэтому я здесь.

— А я-то думал...— протянул Зул.

— Да... Мелия,— задумчиво произнес жрец.— Конечно, и она тоже, но все-таки в первую очередь...

Они надолго умолкли, и прислушивавшийся до того к их разговору киммериец, которому надоело скучать в одиночестве, уже собрался встать, когда Зул вновь нарушил тишину.

— Ты говоришь что в разное время по-разному стараясь служить прекрасному...— начал он.— А что тебе нравилось больше всего?

— Когда-то, когда я был совсем молодой,— мечтательно заговорил Мэгил,— я писал стихи...

— Нет, правда?! — обрадовался негр, и киммериец увидел вдруг, как блеснули в темноте его белоснежные зубы.

— Конечно, правда,— рассмеялся жрец.— Я и теперь иногда развлекаю себя стихосложением, хотя, конечно, это уже не то. Как и любым искусством, поэзией нужно заниматься постоянно и относиться к этому занятию серьезно, но ни в коем случае не превращать его в скучную, унылую работу, в тяжелый труд. Ты понимаешь, о чем я?

— А сейчас можешь сочинить что-нибудь? — с надеждой в голосе спросил Зул.

— Что ж, попробую,— усмехнулся жрец,— но, прошу, не суди меня слишком строго.

Зул с готовностью кивнул и тут же застыл с открытым от напряжения ртом и выпученными глазами. Киммериец тоже замер, решив не мешать им. Пауза затянулась, и тут Конан вовремя вспомнил, что все равно никогда не понимал стихов, и потому сказал себе, что дальше тянуть не стоит. Он бесшумно встал и в это мгновение услышал вдруг первые строки:

Все вокруг давно уснуло,
Мрака пала пелена...

На мгновение Мэгил умолк, недовольно морщась, помогая себе в поисках рифмы энергичным прищелкиванием пальцев. Зул смотрел на поэта восторженными глазами. Акаяма деловито обгладывал баранью ногу, насмешливо поглядывая на жреца, сидевшие вокруг зуагиры благоговейно притихли. Напряжение достигло предела. Конан решительно шагнул вперед, заканчивая за друга четверостишие:

Ночь черна, как зад у Зула,
И не видно ни хрена!

Тут киммериец споткнулся и чуть не полетел головой в огонь. Его подхватили под руки и усадили к костру. Ответом на грубоватый юмор варвара был громовой взрыв хохота. Лишь Мэгил осуждающе качал головой — испортить такой шедевр!

— Кром! Бездельники! — бушевал киммериец. — Сидят тут, наливаются вином, вместо того чтобы навести в лагере порядок!

Беззвучно трясаясь и не в силах вымолвить ни слова, Зул протянул другу объемистую бутылку. Тот, мгновенно сменив гнев на милость, уселся поближе к огоньку и приложился к горлышку. Лишь когда добрая половина содержимого перелилась в бездонный желудок варвара, он опустил бутылку на землю, вытер губы и оглядел друзей.

— Когр здесь? — спросил киммериец, когда взгляд его остановился на Таргане.

Зуагир молча кивнул.

— Надеюсь, он сыт и не станет капризничать, как в прошлый раз? — вновь поинтересовался Конан.

— Не беспокойся, все будет хорошо, — уверил его Тарган.

— Тогда советую не терять времени даром и как следует поесть. Мы выступим, как только солнце скроется за вершинами гор, — известил друзей киммериец и, подавая пример, принялся за жаркое.

— Стоит ли торопиться? — с сомнением произнес Мэгил. — Нам нужно попасть туда лишь к завтрашней полуночи.

Киммериец окинул друга скептическим взглядом:

— Когда же ты собираешься отправляться?

— Завтра вечером... — бодро начал жрец, но, увидев, как пренебрежительно хмыкнул киммериец, осекся. — Что-то не так?

— Хочешь, я скажу тебе, что будет завтра вечером? — вкрадчиво начал киммериец, проглотив кусок, и, не дождавшись ответа, продолжил: — Стражники спокой-

ненько подождут, пока вся сотня не переберется на тропу, а досле, не торопясь, тщательно прицеливаясь, перебьют нас, как куропаток, с той лишь разницей, что куропатки могут попытаться улететь, а мы нет. — Он усмехнулся. — Разве что спрыгнем вниз...

— Ну, хорошо, — с досадой в голосе согласился жрец, — я уже понял, что ты прав и идти придется в темноте, но почему непременно сейчас, а не утром? Все-таки ждать гораздо меньше...

— Утром? — ухмыльнулся киммериец.

— Да! — стоял на своем жрец.

— Когда камни покроются росой и станут скользкими, как подтаявший лед? В нас даже стрелять не придется!

— Но что мы будем делать все это время? — спросил Мэгил, хотя уже понял, что киммериец прав.

— Есть, пить и спать. Ты можешь сочинять стихи, — великодушно разрешил северянин, но, подумав, пояснил: — Ночь уйдет на то, чтобы по найденной Фаном тропе перебраться к Черному Замку и найти надежное укрытие. Затем отправимся спать. Фан будет наблюдать за церемонией последнего дня и, если что-то ему не понравится, немедленно разбудит нас.

* * *

Когда солнце скрылось за вершинами, гигантский провал, укрывшийся в сердце гор, показался им чудовищной пастью Черного Бога, в нетерпении поджидавшего их, чтобы поглотить отряд. Вековые сосны толпились у самого края пропасти, скрывая людей от чьих бы то ни было взглядов, но чувствовали они себя от этого ничуть не лучше. Хотя зуагиры и кочевали всю жизнь по обширной степи, раскинувшейся на бескрайней равнине, что лежала между Кезанкийскими и Карпашскими горами, все в самих горах было для них чужим и пугающим. Спасенные солдаты Бруна, возглавляемые теперь Шомом и Нуком, тоже явно не были горцами.

Лишь киммериец со своими друзьями чувствовал себя легко и свободно. Его интересовало лишь предстоящее дело, а вселявшая в остальных такой ужас пропасть была для него всего лишь досадным препятствием, неприятным, но преодолимым.

— Где тропа? — деловито поинтересовался Конан.

— Посмотри на Черный Замок, — начал объяснять жрец. — Он построен на естественном уступе. Теперь погляди на его левую стену. Видишь? — спросил он, указывая рукой вдаль. — У самого основания, пожалуй даже несколько ниже него, небольшая площадка, а прямо под ней торчит массивная деревянная опора? — Конан кивнул, и Мэгил продолжил: — Посмотри, от площадки тянется ниточкой неширокий уступ, а под ними чернеют точки крепления опор, давно прогнивших и обвалившихся. Судя по всему, это и есть тот путь, о котором ты говорил.

Конан вновь кивнул, показывая, что все видит, хотя его уже заботило другое.

— Я вижу, — заговорил он, — что тропа начинается несколько ниже того места, на котором мы стоим. — Он обернулся к соколу, сидевшему на ветке молодой сосенки. — Фан, ты видел это?

Киммериец ждал ответа, словно задал свой вопрос человеку, но сокол лишь заклекотал и посмотрел на Мэгила.

— Он говорит, — начал объяснять жрец, — что тут ничего не стоит свернуть себе шею, но он уверен, что ты справишься.

Киммериец хмыкнул:

— Благодарю за доверие, но в том, что я пройду где угодно, — он ткнул себя пальцем в широкую грудь, — и сам не сомневаюсь! Я говорю о других.

Мэгил картинно развел руками, красноречиво показывая, что, как бы он ни хотел, ему нечего добавить к уже сказанному. Тогда северянин, осторожно ступая и прячась за стволами деревьев, подошел к самому краю пропасти. В стремительно сгущавшихся сумерках он

еще раз окинул быстрым взглядом весь путь, которым им предстояло пройти, чтобы добраться до Черного Замка, и задумался. О чем он думал, никто не знал. Наконец он повернулся и пошел обратно.

— Сделаем так, — сказал он.

Зуагиры и солдаты Бруна слушали, обступив его и Мэгила плотной стеной, стараясь не пропустить ни слова. Фан уселся на ветке над их головами и, свесив голову набок, замер.

* * *

— Я выполню твою просьбу, Рогаза. — Голос Сета звучал мрачно, но в то же время торжественно. — Я сделаю это в память о том, что некогда связывало нас.

— Ты говоришь так... — начала Рогаза.

— ...Как будто все уже в прошлом, ты хочешь сказать? — Повелитель Ночи усмехнулся, однако в голосе его не было и следа веселости. — Впрочем, так ведь оно и есть. Посмотри на себя!

Его голос был похож на хлесткую пощечину, на удар плетью. Именно так и восприняла его колдунья.

— Это потому, — она злобно сжала кулаки, — что ты подло обманул, посмеялся надо мной! — с горечью воскликнула она.

— А чего ты ждала? — Теперь голос выражал явное удивление. — Вспомни-ка те времена, когда ты была прекрасна, как сама ночь! Я, величайший из богов, молил тебя о любви, как простой смертный, а ты смотрела на меня и смеялась! Твоя гордыня была безгранична!

— Да, — медленно проговорила старуха. Теперь, когда, задавленная воспоминаниями, злость ушла, она уже казалась лишь жалкой и беспомощной, — красота и сила... Они пьянят сильнее вина.

— Верно, — согласился голос, — и это можно было бы простить деревенской простушке, но Рогаза никогда не была наивной дурочкой. Ты всегда точно знала, чего хочешь, и добивалась своего. Я до сих пор помню этот

постыдный торг — ночь твоей любви в обмен на бессмертие!

— Тогда тебе это не казалось ни постыдным, ни глупым, ни чрезмерным. — С горечью заметила колдунья. — Вспомни-ка, как ты ухватился за вырванное у меня согласие.

— Верно, — вновь не стал спорить голос, — я любил тебя всей душой, но мое чувство вызывало лишь твой пренебрежительный смех. Вот почему я сразу ухватился за твое предложение. Только так я мог показать тебе, чем ты пренебрегла в своей неразумной гордыне.

— Ты просто обманул меня! — в отчаянии воскликнула старуха.

— О, нет! — возразил голос. — Никакого обмана! Припомни-ка получше! Бессмертие! Разве не этого ты потребовала?

— Я имела в виду... — начала она.

— ...Вечную молодость? — докончил за нее голос. — Извини, но это товар совсем иного сорта. — Он рассмеялся, но тут же заговорил серьезно: — Конечно, я мог бы одарить ею свою подругу, верную, любящую, заботливую. Больше того, сделал бы это с радостью! — воскликнул он. — Но при чем здесь женщина, продавшаяся мне на ночь, будь она даже матерью моего будущего сына?

— Что ж, — вздохнула она. — Твоя месть удалась в полной мере...

— Не могу сказать, что рад, — изрек голос после непродолжительного молчания. — Но я доволен.

— Если бы все можно было повторить! — простонала старуха.

— Что ж, я вижу, урок пошел тебе на пользу, — вполне серьезно заметил он. — Я запомню твои слова.

— Я могу помочь тебе не забыть их? — боясь поверить в услышанное, старуха прижала к безобразной груди костлявые руки, и в затаившихся в глубине страшного черепа глазах зажегся огонек надежды.

— Можешь, — ровно ответил голос.

— Как? — чуть не закричала она.

— Позаботься о нашем сыне, — ровным голосом ответил Сет. — И если сделаешь это хорошо, — он помедлил, — я подумаю...

— Смотри же, — торопливо зашептала она, поднимая костлявый палец, — не забудь свои слова.

— У меня нет такой привычки, — все так же ровно ответил он.

— Ты обещал... — напомнила колдунья о том, с чего начался их разговор.

— Я помню, — спокойно изрек голос. — Моя сила пребудет с тобой. Сумей лишь воспользоваться ею.

— Постой! — крикнула она, почувствовав, что контакт прерывается, и тут же ощутила, что он вернулся. — Покажись мне на прощание, — воскликнула она, — хотя бы на миг! Я совсем забыла, какой ты!

— Нет! — Голос его стал резок и суров. — Это слишком опасно. Хочу сказать лишь одно: никто не должен знать, что Спящий — мой сын. И уж тем более о том, что Незримый — его ловко пойманная душа. Я дал слово Солнцеликому, что не стану вмешиваться в это дело...

— Так ты в сговоре с Митрой? — воскликнула колдунья, разом позабыв обо всем. — Против собственного сына?

— Нет! — отрезал он, и Рогаза сразу почувствовала и поверила, что так оно и есть. — Мне пришлось пойти на это, чтобы он тоже не вмешивался.

— И ты поверил, что он сдержит обещание?! — недоверчиво переспросила она.

— Можешь не сомневаться, — уверил ее голос. — Он крайне редко и неохотно помогает людям.

— Но почему?! — воскликнула старуха, выглядевшая искренне удивленной.

— О том мне не ведомо, — равнодушно ответил голос.

— Что ж, за меня ты можешь быть спокоен, — после некоторого молчания молвила Рогаза. — Сын — един-

ственное, что поддерживало меня все эти годы, отвращая от непоправимого решения, и дело вовсе не в том, что твое колдовство не позволяет мне расстаться с жизнью, пока жив мой сын, а он, в свою очередь, не умрет, пока жива я... Хотя бы и в таком виде. — Горестным, быстрым взглядом она окинула свое уродливое тело. — Не сомневайся, я нашла бы способ.

— Да, я знаю, — ровным голосом ответил он. — В этом деле, как, впрочем, и во всех иных, ты была великолепна, а твоя идея насчет истинного Затха, или Спящего, просто неподражаема. Твой расчет оказался верен. Тайна притягивает, как магнит. К сожалению, и умных, и дураков одинаково... С другой стороны — есть из кого выбирать. Как бы там ни было, но тебе удалось собрать вокруг себя горстку честолюбивых недоумков, возомнивших себя будущими властителями мира. — Он вновь замолчал. — Что ж, теперь тебе осталось достойно завершить хорошо начатое дело. Во всем этом лишь одно плохо: ты так и не смогла обмануть Могильщика. Он лишь в самом начале верил, что от Мелии зависит многое, но очень скоро понял, что главное — Талисман. Счастье еще, что он не догадался об истинном положении дел.

Она услышала последние слова и одновременно поняла, что на этот раз контакт прерван окончательно и настаивать бесполезно. Впрочем, все, что она хотела спросить, она спросила. Спросила и получила ответ. Ей обещана помощь.

* * *

Голова Конана показалась над кромкой обрыва.

— Там можно пройти, — сказал киммериец и тут же добавил: — Но только не тебе. — Он с жалостью посмотрел на Акаяму, который сразу приуныл.

Он, правда, ожидал именно таких слов, прекрасно понимая, что не ему с его комплекцией лазать по горам. Поэтому он лишь горестно вздохнул, но спорить не стал.

— Давайте веревку, — скомандовал тем временем киммериец. Он обмотал себя двумя витками вокруг пояса и затянул на поясе замысловатый узел. — Как только закреплю этот конец, дам знать, — сказал он и сразу исчез в темноте, но тут же вернулся, чтобы добавить: — Если кто сорвется, вниз лететь молча. — Он обвел всех суровым взглядом. — Кто не уверен в себе, оставайтесь или заткните рот кляпом.

Зуагиры лежали на краю обрыва и наблюдали, как ловко передвигается их вожак. Иногда вдруг киммериец повисал на одной руке, и тогда тело его начинало медленно, равномерно раскачиваться. Потом он менял руку, и все повторялось сначала.

— И как он не устанет болтаться на одной руке? — изумленно прошептал кто-то из зуагиров. — Я бы давно сорвался.

— Дурень, — наставительно произнес Зул, — он так отдыхает, осматривается.

— Отдыхает... — недоверчиво повторил тот же голос, но спорить не стал и замолк.

Темный силуэт между тем продвигался все дальше по отвесной стене, пока наконец не достиг тропы. И тогда они увидели, как варвар ловко подтянулся, встал на ноги и, окончательно слившись со скалой, сделал первый шаг. Вскоре последовали три долгожданных рывка, и зуагиры быстро закрепили второй конец каната на ближайшем стволе.

— Храни меня, Эрлик! — прошептал кто-то за спиной жреца.

Мэгил, обернувшись, увидел, как молодой парень, судорожно цепляясь за веревку руками и ногами, скользнул вниз. Через несколько мгновений напряженного ожидания они услышали недалеко впереди едва слышное топтание и ощутили три условных рывка. Мгновенно скользнувший за ним Зул сразу растворился в темноте. Следом за ним отправился и сам Мэгил, после него Тарган. Один за другим люди перебирались на тропу, пока на обрыве не остались стоять лишь Ака-

яма с шестью панически боявшимися высоты зуагирами.

Карниз, на который они перебрались, трудно было назвать тропой. Он был неравной ширины, во многих местах зиял проломами. Через некоторые из них можно было легко перешагнуть, через иные приходилось перепрыгивать, а с некоторыми мог справиться лишь киммериец. Их приходилось преодолевать с помощью веревки. Счастье еще, что мест таких было не слишком много.

Медленно, но верно они двигались вперед, и перевалило далеко за полночь, когда Конан ступил наконец на площадку у стены Черного Замка. Она оказалась не слишком широкой, всего-то около пяти шагов, зато протянулась вдоль всей левой стены, уходя под основание выступа, так что даже с самого ее края нельзя было разглядеть верхней кромки стены.

Площадка понемногу поднималась к каменному колодцу и смыкалась там с ровной горизонтальной поверхностью, протянувшейся вдоль задней стены замка, отделяя ее от уходящей отвесно вверх скалы. Конан покачал головой. Видно, тот, кто строил некогда эту твердыню, опасался даже нападения сверху, с покрытых вечным льдом горных вершин.

Киммериец огляделся. Зул с Мэгилом и Тарган были тут же. Вчетвером они прошли вперед и добрались до правой стены замка. Дальше идти было некуда. Ровная, как стол, поверхность отвесно обрывалась вниз. Далеко впереди, по противоположной от них стене, свившись спиралью, уходила вниз дорога, которая вела в Сура-Зуд, и лишь этой дорогой можно было выбраться из города.

Они двинулись обратно, но примерно на полпути киммериец задрал голову вверх и отошел к скале. Он увидел верхнюю кромку стены и на ее фоне — башни цитадели Черного Замка. Все в порядке. Впрочем, нет. В самом углу, там, где четко виднелась стена, что-то мелькнуло и тут же пропало, и Конан понял, что это

голова стражника. Он забеспокоился. Не хватало еще, чтобы их заметили!

Конан обернулся к друзьям, приложил палец к губам, махнул рукой, и все трое быстро, но так же бесшумно, как и прежде, вернулись к своим. Лагерь уже был разбит. Им предстояло провести в безделье остаток ночи и весь следующий день, а потому располагаться следовало с удобствами, и зуагиры Таргана все еще продолжали носить бурдюки с вином и мешки с едой, переправляемые по канату Акаемой.

* * *

— Итак, — Мэгил в упор посмотрел на киммерийца, словно тот знал, но скрывал ответы на все интересующие жреца вопросы, — я считаю, что мы должны заранее решить, каким путем будем выбираться.

— Меня так это совершенно не заботит. — Северянин пожал могучими плечами и откинулся на спину. — Придет время, выберемся.

По всему было видно, что он думал совсем об ином.

— А меня заботит. Пойми, Конан, нас сто человек, и все мы будем в разных местах. Предположим, мы добились своего и пора уходить. Что делать тем, кто находится далеко от мудрого киммерийца?

— А в самом деле, Конан, — поддержал приятеля Зул, — победим мы или проиграем, но я не хочу умирать, если есть возможность спастись. Да и остальные, уверен, тоже.

Конан потянулся, сел и окинул насмешливым взглядом друзей и человек тридцать не занятых делами зуагиров, расположившихся вокруг.

— Путь у нас по-прежнему один — через мост, — просто объяснил он.

— Мост поднят, — напомнил Мэгил.

— Кром! — не выдержав, выругался киммериец. — Капризный же вы народ, жрецы! Все-то вам нужно подать на подносе! — Он посмотрел на друга веселыми глазами. — Я привык действовать иначе: если мне нужно

пройти по мосту, я иду по нему. Если мост поднят, я опускаю его. — При этих словах зуагиры заулыбались, а Конан самозабвенно продолжал: — Если мне пытаются помешать опустить мост, я убиваю тех кто мешает, опускаю мост и иду по нему. Если на мосту меня ждет засада, я перебью тех, кто мешает мне опустить мост, потом опущу его, пройду по нему, расправлюсь с сидящими в засаде и отправлюсь дальше. Если...

— Хватит, хватит! — замахал руками Мэгил. — Я уже все понял!

— Молодец! — с серьезным видом похвалил его киммериец. — Ты все схватываешь на лету!

— Да я вообще сообразительный, — хладнокровно ответил жрец, чем вызвал среди зуагиров настоящую бурю восторга. — Значит, если я правильно тебя понял, задача наша проста — нужно всех перебить и спокойно уйти.

— Ну... Примерно так, — согласился киммериец.

— А если не получится через мост? — стоял на своем Мэгил.

— Любишь ты это дурацкое «если», — поморщился киммериец.

— Признаться, да, — усмехнулся жрец.

— Ну, хорошо, — сдался Конан. — Если эти молодые зубоскалы перестанут гоготать, как стадо павуинов на родине Зула, и нам удастся сохранить это место в тайне от прихлебателей Рогазы, если мы сумеем завтра бесшумно забраться по стене, если ни у кого не возникнет и тени подозрения о том, каким путем мы попали в Черный Замок, если мы сумеем так же потихоньку отступить сюда и отсидеться дотемна... Я ничего не забыл? — Он наморщил лоб. — Так вот, если все это удастся, ночью мы уйдем тем же путем, что и пришли.

Мэгил досадливо крикнул.

— Они выльют нам на головы горячую смолу, — хмуро сказал Зул.

— Пусть льют, — благодушно разрешил Конан, — на нас она не попадет.

— Они спустят по веревке людей, — добавил Тарган.

— Пусть спускаются, — равнодушно ответил киммериец, — на этот случай у твоих людей припасено немало стрел.

— Они спустятся со скалы и нападут на нас в пешем строю.

— Пусть нападают, — Конан зевнул, — там узко. Мы с Зулом перекроем проход и тогда... — Он кивнул в сторону пропасти. — Внизу достаточно места для покойников.

Жрец посмотрел на Зула, и тот широко улыбнулся, обнажив два ряда ослепительно белых зубов, всем своим видом показывая, что так оно и будет. Мэгил закусил губу, но он твердо решил выжать из киммерийца все, что ему надо, а потому заговорил опять.

— Хорошо, — согласился он после паузы и тут же спросил: — А как ты вообще собираешься действовать в замке?

— Кром! — Конан старательно изобразил на лице удивление. — Я-то думал, ты мне об этом сейчас расскажешь!

— Не-е-е! — задумчиво протянул Мэгил, мотая головой. — У тебя это получается гораздо лучше.

— Ну, ладно, — смилостивился киммериец, — слушай, недотепа. Первым на стену лезу я.

— Само собой, — с готовностью согласился жрец.

— Не перебивай! Вторым полезешь ты.

— Это почему же? — насторожился жрец.

— Ты будешь указывать мне путь, — злорадно процедил северянин, с удовольствием наблюдая, как вытягивается лицо служителя Митры. — Следом заберутся Тарган с Зулом. Они будут охранять двух любопытных олухов. За ними полезут остальные. Мы снимем часовых, тех, что наверху. Лучники распределятся вдоль всей стены, замаскировавшись под храмовую стражу. Десять человек займут подъемный механизм моста, еще десять их прикроют.

— Не много ли? — засомневался жрец.

— Не забывай, — напомнил Конан, — что от них зависит наша жизнь. Я с Тарганом пойду за Миллой, ты с Зулом займешься Рогазой, еще десять зуагиров поддержат нас. Остальные будут тихо сидеть на стенах и отстреливать самых рьяных. Все?! — спросил Конан, глядя на друга.

— Все, — поразмыслив, кивнул Мэгил.

— Вот и хорошо, — благодушно ответил северянин. — Я хочу спать.

Он широко зевнул, завернулся в одеяло и сладко причмокнул губами, видимо предвкушая завтрашнюю забаву.

— Как же ты будешь спать, киммериец? — неожиданно поинтересовался язвительный жрец.

— А что? — не понял Конан, но все-таки обернулся.

— С нами же нет ни Миллы, ни Сурии... — со смиренным видом напомнил Мэгил.

Тяжелым взглядом киммериец прошелся по хохочущей толпе.

— Если меня еще раз потревожат, — прорычал он, — кто-нибудь точно упадет вниз!

И хотя Мэгил знал, что это всего лишь ответ на его колкость, он не стал искушать судьбу и на всякий случай замолчал, правда с весьма довольным видом.

Глава шестая

Взмахнув крыльями, Фан сделал круг над головами замерших на узкой площадке людей и устремился в пронзительную синеву, навстречу ласковым солнечным лучам. Почти мгновенно он поднялся так высоко, что стал почти не виден, потом серым пятном метнулся к скалам и пропал.

Из-за высокой, сложенной из огромных глыб черного гранита стены не доносилось ни звука. В воздухе висела мертвая тишина. Весь день за зловещими стенами Черной Крепости длилась кровавая церемония Последнего Дня, но на сей раз без барабанного боя. Лишь чей-то демонический хохот да душераздирающие крики безымянных жертв, от которых кровь стыла в жилах, доносились из-за стены.

Все это происходило днем. К вечеру все стихло. Солнце начало клониться к закату, даря людям свое последнее тепло. Скоро взойдет луна, и настанет время церемонии Пробуждения. Какое именно время выберет Рогаз, Мэгил не знал, а потому предпочел поторопиться.

Желание его в точности совпало с намерениями Конана, которого мало волновала сама церемония, ему было важно освободить обеих девушек, и Миллу, и Сурию. Умом он понимал, что злобная колдунья заслужила смерть, однако не хотел оставлять ее на растерзание Рогазе.

Осторожно выглянув из-за угла, киммериец пошел вперед. За ним, держа оружие наготове, двигались зуагиры. Добравшись до места, находившегося как раз напротив середины цитадели, киммериец поднял руку, и отряд мгновенно остановился.

— Быстро! — едва слышно прошептал киммериец и жестом указал, что нужно делать.

Двое воинов Бруна, которые несли на плечах длинный и плоский деревянный ящик шириной в пару локтей, опустили его на землю. Отработанными движениями северянин распустил ременные петли и откинул крышку. Когр поднял голову и зашипел, но не злобно, а, скорее, приветливо: они с Конаном были старыми друзьями. Его черный раздвоенный язык заметался взад-вперед, ловя чужие запахи. Ему не нравилось сидеть в ящике, и теперь огромный ящер, которого зуагиры называли варханом, волновался, но, увидев киммерийца, замер, успокаиваясь.

— Спокойно, Когр, — ласково проговорил молодой варвар. — Спокойно, мальчик.

Конан погладил вархана по мощной пупырчатой лапе с острыми когтями и, быстро накинув на него специальный широкий кожаный пояс с укрепленным на нем канатом, принялся завязывать многочисленные тесемки. Покончив с этим делом, он дружески потрепал ящера по голове.

— Ну, парень, давай! — прошептал киммериец. — Видишь, какая кладка? Мне здесь не за что уцепиться.

Умное животное обернулось, посмотрев на северянина одним глазом, и, с тихим хрустом вонзая острые когти в гладкую поверхность, полезло по отвесной стене, камни которой были так плотно пригнаны друг к другу, что порой даже стыков было не различить. Конан теперь смотрел только вверх, потихоньку вытравливая тонкий, но крепкий канат, укрепленный на поясе зверя. Со противным скрежетом, от которого озноб непрерывно пробегал по телу, острые когти ящера впивались в черный камень. Двигаясь медленно, он поднялся уже

настолько, что лишь кончиком хвоста касался земли, и теперь морда его находилась на одном уровне с лицом киммерийца. Он повернулся к северянину и на миг застыл, сделавшись похожим на каменное изваяние. Некоторое время зверь и человек не отрываясь смотрели друг другу в глаза, словно соревнуясь в выдержке, потом черный язык ткнулся в нос киммерийца, и зверь полез дальше.

Постепенно вархан взбирался все выше и выше, и вскоре его крапчатое, покрытое волдырями и бородавками тело поднялось уже до середины стены, настолько слившись с ней, что стало казаться простым наростом на камне. Скрип когтей тоже затих, и только каменная крошка, временами сыпавшаяся сверху, подсказывала, что там, наверху, что-то происходит.

Наконец ящер достиг верхнего края стены и скрылся за парапетом. Киммериец прислушался: ни звука не доносилось сверху. Тогда он осторожно потянул за канат и почувствовал упругое сопротивление. Повис на канате своим немалым весом — то же самое. Значит, все нормально. Осторожно, но быстро Конан полез вверх. Он уже ухватился рукой за кромку стены и начал подтягиваться, чтобы выглянуть наружу, когда услышал голоса.

— Скоро начнется, — сказал первый голос, низкий и сипловатый, — теперь уже скоро.

— Это хорошо, — ответил второй, еще более низкий и совершенно осипший, — надоело торчать на этой стене. Скорее бы вниз, на равнину, а еще лучше в город, где много еды, много вина...

— И девок! — подхватил его напарник и довольно расхохотался. — Ничего, осталась всего одна ночь! Скоро всего этого у нас будет в избытке!

— Скорей бы уж, — проворчал первый, — а то засиделись на месте.

— А ты пойдй разомнись. — Второй, видно, понял слова приятеля буквально.

— И то верно, — согласился тем не менее первый.

Конан услышал, как кто-то тяжело оттолкнулся от стены и направился вдоль парапета. Звук шагов нарастал, идущий приближался.

— Эй, Борк,— стражник, направлявшийся в сторону киммерийца, впервые обратился к приятелю по имени,— ты погляди-ка, что за тварь. Похожа на ящерицу, но уж больно здоровая.

— Проткни ее мечом, и дело с концом,— равнодушно ответил Борк.

Киммериец понимал, что нужно перебраться через парапет и напасть первым, однако при всем желании проделать это достаточно быстро не мог. Он прекрасно знал, что произойдет дальше. Как только Борк увидит его, он тут же поднимет тревогу, и тогда придется вступать в бой, а его люди даже не начали еще подниматься! Кром! Сейчас любопытный стражник обнаружит его, обрежет веревку и поднимет тревогу, а это значит, что, если он всерьез хочет остаться в живых, нужно выбираться наверх, но делать этого нельзя! Однако и болтаться здесь больше нельзя: скоро руки устанут, и он вообще не сможет драться.

Кром! Киммериец снова выругался и, нагнувшись, быстро обмотал левую ступню несколькими витками веревки, на которой висел. После этого прижал ее свободный конец носком правой ноги и осторожно отпустил руку.

Теперь ему нужно было лишь придерживаться за канат, чтобы не потерять равновесия. Он быстро посмотрел вниз и сделал зуагирам знак, что не может пока выбраться и нужно подождать.

Шаги тем временем вновь начали приближаться: видимо, более молодой стражник решил все-таки выяснить, в чем тут дело. Конан напрягся, сжимая в правой руке несколько колец каната, на котором висел сам, с наспех связанной петлей на конце. Он готовился к решающему броску.

— На нем какой-то кожаный пояс,— услышал киммериец хриплый голос молодого, в котором на этот раз

кроме вполне естественного удивления послышалась и настороженность.

— Значит, это зверь Рогазы.— И не подумав двинуться с места, все так же равнодушно отозвался Борк.— Оставь его в покое, приятель, если, конечно, не желаешь спуститься со стены, но не на ту равнину, где много вина и девочек, а на Серую.

Он хрипло расхохотался, весьма довольный своей шуткой, но молодой не обратил на его слова никакого внимания. Что-то, видно, не давало ему покоя, и он двинулся вперед, желая получить на свои вопросы немедленные ответы.

Конан прижался к стене, вытравил свободный конец веревки и отвел руку для броска. Наконец шаги замерли, но по их звуку киммериец понял, что охранник не дошел пары шагов до хвоста вархана. «Значит, веревку он не видит»,— подумал северянин и присел на своей зыбкой опоре. Что ж, если любопытный сейчас решит выглянуть за кромку стены, Конан знал, что ему делать...

В тот миг, когда голова в бронзовом шлеме показалась над краем парапета, киммериец резко выпрямился и, накинув петлю на шею стражника, повис на ней. Петля мгновенно затянулась, здоровенный детина навалился грудью на камень, и лицо его свесилось над краем стены. Выпученными, быстро наливающимися кровью глазами он, словно чему-то удивляясь, уставился в лицо варвара. Впрочем, Борку со стороны тоже показалось, что его молодой напарник увидел внизу нечто интересное.

— Эй, парень! Ты что там увидел?! — услышал киммериец голос Борка, а вслед за тем раздались тяжелые шаги.

Борк оказался осторожнее, а может быть, просто опытнее своего товарища. Впрочем, это и неудивительно: уж больно долго и слишком сосредоточенно напарник его рассматривал происходящее внизу. Правда, на взгляд Борка, вообще не надо было подходить к огром-

ному ящеру, который наверняка сбежал из подвалов Рогазы. Именно поэтому он не спешил поднимать тревогу, справедливо рассудив, что парень сам напросился на неприятности.

Сам он, хоть и прожил более долгую, чем напарник, жизнь, на тот свет не торопился. На Серых Равнинах ждать его было некому, а потому он осторожно, держась поодаль, обогнул ящера и зашел спереди. Тварь не проявляла признаков жизни, и Борк уже всерьез задумался, а не шутка ли это? От скуки и безделья молодые идиоты порой устраивают в казармах и не такое. И как он с самого начала не догадался! Парень-то как раз один из шутников! Подложили на парапет чучело, хитрый мальчишка сговорился с приятелями, прикинулся мертвеньким, и теперь дружки его затаились неподалеку и ждут, когда он, опытный воин, начнет метаться, как новобранец-первогодка, и звать на помощь. Ну нет! Стражник усмехнулся. Он не доставит соплякам такого удовольствия!

— Эй, Борк! Что это вы там затеяли?! — услышал он голос за спиной и резко обернулся.

Приятель недоумка, дежуривший неподалеку, уже почти дошел до угла и теперь смотрел на Борка, силясь понять, что же там происходит. «Ага! Вот и второй! — усмехнулся про себя стражник. — Шутники!»

— А ну, проваливай отсюда! — рыкнул он и для убедительности добавил: — Кал вороний!

Он грозно свел брови, и парень не стал спорить, а пожал плечами, спокойно развернулся и пошел прочь. «Вот так-то лучше?» — подумал Борк. Отчего-то он рассердился и подумал, что, неплохо было бы подхватить шутника за ноги да кувырнуть его вниз, чтобы знал! Но, пожалев молокососа, он решил рассмотреть чучело и нагнулся к самой его морде.

— Что скажешь, приятель? — с ухмылкой поинтересовался он.

Ящер, естественно, продолжал молчать. Тогда Борк посмотрел на напарника, собираясь задать ему трепку,

и тут только заметил веревку на шее парня. Глаза стражника округлились от удивления, и у него впервые мелькнуло страшное подозрение, так и не успевшее оформиться в осознанную мысль о том, что все это вовсе не шутка... Голова ящера вдруг резко дернулась вперед, пасть с мощными роговыми пластинами челюстей распахнулась, и острые зубы впились в горло Борка. Когр резко тряхнул головой, и труп незадачливого охранника повалился на камень.

Конан быстро закрепил три абордажные кошки в паре шагов одна от другой и, оттащив тела убитых в сторону, освободил от веревки Когра. Вархан тут же спустился с парапета и замер у ног Конана, словно сторожевой пес, готовый по команде хозяина без раздумий броситься на врага. Затем варвар надел на себя шлем задушенного стражника и накинул его плащ. Теперь, пока на стену не заберутся остальные, он, случайно попавшись на глаза страже, не возбудит ничьих подозрений.

Голова Мэгила первой появилась над краем стены. За ним взобрался Зул, третьим — Тарган. Зуагир первым делом положил на тетиву причудливо изогнутого лука стрелу и замер, готовый мгновенно выстрелить. Конан тут же сбросил ставшее ненужным облачение храмового стражника и принялся наблюдать, как зуагиры поднимаются наверх. Их уже собралось больше десятка, а это значило, что можно идти вперед: вряд ли стража на стенах была многочисленной. Конан потихоньку пошел вдоль внутреннего парапета, и, едва лишь он сделал первый шаг, Когр двинулся рядом, видимо намереваясь ни на локоть не отставать от своего двуногого товарища.

Киммериец пошел вправо и уже почти поравнялся с башней, что вздымалась выше остальных, как вдруг упал лицом вниз и, мгновенно развернувшись, показал друзьям знаками, чтобы они затаились и приготовились к стрельбе. Сам же он быстро и бесшумно пополз вперед. В несколько мгновений добрался он до угла и

замер, подготовив веревочную удавку, но, как оказалось, напрасно. Едва из-за поворота показалась фигура стражника, стрела кого-то из зуагиров, коротко пропев погребальную песню, вошла парню в горло. Проклиная все на свете, варвар втащил убитого за угол.

Осторожно приподнявшись над внутренним парапетом, гораздо более низким, чем наружный, Конан увидел, что напарник убитого стражника неспешно бредет в их сторону и скоро появится из-за угла. Киммериец выругался сквозь зубы и принялся напяливать на себя одежду покойника. К счастью, это ему удалось сделать достаточно быстро. Он даже успел проползти на несколько шагов за угол и улечься там, прикидываясь холодным трупом. Вархан благоразумно не тронулся со своего места.

Шаркающие неторопливые шаги резко сменились тяжелым топотом: стражник заметил «покойника». Киммериец замер, приготовившись к рывку, и вдруг услышал знакомый уже тонкий свист. Вскочив на ноги, он увидел, как стражник захрипел, схватился за пронзенное стрелой горло и тяжело повалился на пыльные камни. Снова просвистела стрела. Раз, другой, третий... С проклятиями бросился он назад. Он столько сил положил на то, чтобы хоть одного из обитателей Черного Замка взять живьем, а эти мстительные олухи, похоже, перестреляли всех, кто находился наверху.

Когда Конан подбежал к Таргану, глаза его метали молнии. Он открыл было рот, чтобы высказать зуагиру все, что думает о нем и его людях, но не успел. Что-то остановило его. Быть может, взволнованный вид Мэгила, который стоял рядом, нервно кусая губы, а быть может, посеревшее от ярости лицо Зула. И вместо гневной тирады, что он приготовил для своих друзей, с губ северянина сорвалось лишь взволнованное:

— Что случилось?

— Они уже начали, Конан, — сказал Тарган. — Мы никак не могли сообщить тебе об этом, но посчитали

необходимым как можно быстрее занять крепостную стену.

— Правильно, — тут же согласился киммериец и, не сказав больше ни слова, быстрым шагом направился назад, туда, где поджидал его Когр.

Северянин поднял голову и увидел бледный диск ночного светила, которое уже появилось в небе, хотя солнце еще не зашло. Кром! Конан быстро пошел дальше, слыша позади шаги вархана. Проскочив мимо крайней башни цитадели, он увидел пирамиду и девушек, прикованных к ней на двух последних площадках. Но если Сурия в облике Мелии была необходима Рогазе, то зачем старой карге понадобилась Милла, Конан понять не мог. Однако обе девушки находились там, и обе почти одновременно увидели киммерийца.

Лицо Сурии озарилось гордостью и торжеством, и было в ее взгляде еще что-то весьма похожее на злобную радость от сознания того, что Конан пришел расправиться с ее обидчиками. Киммериец взглянул на Миллу, лицо которой мгновенно запылало от возродившейся надежды. И столько было в этом взгляде любви и нежности, что Конан подивился про себя силе ее чувства, а еще больше кротости. Как могла она, находясь всего лишь на шаг от смерти, не испытывать и тени той жажды мщения, которой светились глаза колдуньи?

Конан тряхнул головой, сбрасывая с себя это наваждение, и, глядя на обеих, приложил палец к губам. Обе отчаянно закивали, и он отвернулся, так и не увидев, как сначала удивленно поднялись брови Сурии, заметившей, как зачем-то кивает и стоявшая на нижней ступени девушка, а потом жемчужные зубки молодой ведьмы закусил пухлую губу и прекрасные глаза недобро прищурились.

Киммериец осторожно выглянул из-за края парапета и посмотрел вниз. У подножия пирамиды собрались толпы жрецов, а вот стражников в сверкающих доспехах было совсем мало. Конан обвел взглядом

стену: его люди стояли с луками наизготовку, и большинство из них старательно пряталось, прижимаясь к наружному парапету. Он зашагал вперед. Зул с Тарганом шли рядом с киммерийцем, сзади поспешал Мэгил, Когр плелся следом. Вот наконец показался и спуск вниз — просто каменные ступени, ведущие в темноту зияющей в полу дыры. После яркого света еще не завершившегося дня в этой темноте легко было напороться на меч.

Конан остановился на миг, и вархан, обогнав его, скользнул по ступеням и скрылся в темноте. Киммериец бросился следом, на ходу выхватывая из ножен меч, но успел услышать лишь сдавленное шипение и краем глаза увидеть рухнувшее ему под ноги тело. Вархан пополз дальше, и Конан поспешил за ним.

Впереди неярко светилось пятно двери, и Когр замер у выхода. В этот миг киммериец поверил в то, что рассказы о варханах, которые по сообразительности не уступают собакам, были правдой. Прежде у него не было возможности проверить это, но теперь киммериец видел, что зверь затаился и ждет хозяина, чтобы узнать, что делать дальше. В несколько шагов Конан оказался рядом. Нагнувшись, он потрепал вархана по голове, а затем осторожно выглянул в проем двери. Посмотреть было на что. Два невысоких золотых алтаря стояли посреди открытого пространства, а на них...

— Око Затха, — услышал киммериец голос за спиной и, обернувшись, увидел Мэгила. — Око Затха и Талисман Силы, — повторил жрец.

— Знаю, — коротко бросил Конан. — Ты лучше расскажи мне, что это за птицы.

Он указал на две исполинские фигуры, которые расположились у подножия пирамиды, словно охраняя расставленные между ними алтари. Мэгил посмотрел вправо, влево и зрачки его расширились.

— Не может быть... — прошептал он побелевшими губами.

— Что не может быть? — резко спросил киммериец и требовательно посмотрел на друга, чувствуя, как растут его тревога и растерянность.

Две огромные птицы, не менее чем в два роста киммерийца каждая, стояли друг напротив друга в десяти шагах от того места, где начинались открывшиеся в пирамиде ступени, ведущие к ее вершине. На самом верху восседал Спящий, глаза которого, пока еще незрячие, были устремлены на предназначенных ему в жертву девушек. Птицы, словно два могучих стража, застывшие у подножия пирамиды, выглядели гигантами даже возле высившейся рядом с ними зловещей громады. Они были совершенно разными, эти два исполина, настолько разными, что каждый из них словно бы исключал саму возможность существования другого. Они были как день и ночь, как лед и пламя, как любовь и ненависть, как Добро и Зло...

Рядом с Оком Затха, опираясь на мощные кривые лапы с загнутыми, как туранские клинки, когтями, стояла омерзительного вида тварь, тело которой покрывали грязно-черные взъерошенные, неопрятные перья. Ее огромные крылья грозно топорщились, небольшая голова со страшным клювом нелепо торчала на голой, похожей на змею, бледно-синюшной шее и с ненавистью взирала единственным глазом на расположившегося у другого угла пирамиды соперника. Слово добавляя последний штрих к произведенному впечатлению, Конану ударил в нос характерный трупный запах, который налетевший порыв ветра тут же унес прочь. Этого тем не менее оказалось вполне достаточно, чтобы даже не отличавшийся чрезмерной брезгливостью Конан почувствовал приступ тошноты и очумело затряс головой.

Вторая птица, не уступавшая по размерам первой, имела хотя и грозный, но вполне обычный вид. Это был исполинский орел, величественно укутавшийся в роскошное белое оперение, со спокойной уверенностью встречавший взгляд своего злобного врага.

— Благородный Кэрдакс,— с благоговением произнес жрец за спиной киммерийца,— и его извечный противник — падалыщик Глор, который не гнушается и живой человечиною.

— Мне плевать на их имена! — резко бросил северянин. — Скажи лучше, кто они и чего от них ждать?

— Древние божества то ли атлантов, то ли их потомков,— ответил Мэгил,— олицетворяющие собой Жизнь и Смерть, Любовь и Ненависть, Свет и...

— Я понял тебя,— не очень-то учтиво оборвал друга киммериец. — Я спрашиваю, чего от них ждать?

— Праздный вопрос,— в тон ему ответил жрец.

— Я не об этом. — Обернувшись, киммериец досадливо поморщился. — Они живые, или могут ожить, или...

— Думаю, это статуи, каменные изваяния древних божеств, необходимые для обряда, чтобы ни силы Добра, ни силы Зла, ни древние, ни ныне существующие, не смогли вмешаться в него.

— Брось,— оборвал его киммериец,— камень так не воняет.

— Тогда не знаю,— развел руками жрец. — Пусть не камень, а нечто иное,— сказал он, прекрасно понимая, что слова его ничего не объясняют. — Во всяком случае, я думаю, что это не настоящие Кэрдакс и Глор. Это было бы уж слишком. Они наверняка сгнули в незапамятные времена. Я даже имена-то эти вспомнил с трудом, а об остальном мне и вовсе ничего не известно.

Конан пожал плечами и отвернулся.

— Наконец-то настал день,— затынула тем временем старуха своим скрипучим голосом,— когда суждено исполниться древнему пророчеству и Спящий проснется! Время Полной Луны пришло, а значит, пришло время начать обряд Пробуждения!

Она подняла свой уродливый посох, нацелив его в ночное светило, висящее над головой.

— *Зухана ака!*

Она выкрикнула всего два слова, но киммерийцу показалось вдруг, что черепок крысы, венчавший ее

посох, злобно ухмыльнулся беззубой пастью, а два рубина, вправленные в его пустые глазницы, вспыхнули злым торжеством и тут же потухли. В тот же миг Конану почудилось, что Кэрдакс в гневе отпрянул, а вонючий Глор победно посмотрел на извечного врага. Киммериец зажмурился и потряс головой, а когда открыл глаза, то увидел, что обе фигуры спокойно стоят в прежних позах.

Испустив последний предзакатный луч, солнце скрылось за вершинами Карпашских гор, и тьма пала на мир. Полная луна вдруг вспыхнула голубоватым, призрачным светом, удесятерив свое сияние. Подчиняясь злой воле колдуньи, взор Ока Ночи упал вниз, мгновенно достигнув двух горящих ненавистью крысиных глаз, которые принялись жадно впитывать силу ночного светила. Потоки краденой мощи заструились по позвонкам посоха, заставляя их вспыхивать один за другим, и тогда старуха подняла посох еще выше и, разразившись демоническим хохотом, ударила в Око Затха.

Едва истекающее холодным синим пламенем копытце, вросшее в нижний конец посоха, лягнуло талисман, раздался оглушительный звон, словно весь хрусталь мира раскололся разом в одном месте. Однако звук этот, длившийся, как показалось киммерийцу, нескончаемо долго, не казался праздничным, воздушным перезвоном. Он не успокаивал, а тревожил. Погребальными колоколами прозвучал он для замерших в оцепенении людей, тревожным, зовущим в бой набатом — для Конана.

В тот же миг, словно исчерпав все свои силы, свет луны погас, сама она превратилась в тусклый диск, однако каким-то образом люди продолжали видеть окружающее.

Киммериец услышал истошный девичий визг и, быстро посмотрев вверх, увидел искаженное страхом лицо Миллы и не меньше ее напуганную Сурию. Сброшенное кем-то чучело Затха полетело вниз, но Конан сразу понял, что вовсе не оно напугало девушек. Обе

пленницы повернулись, насколько им позволяли цепи, и в ужасе смотрели, как шевелится бесформенная масса на вершине пирамиды, как вытягивается она вверх, словно Некто, погребенный под бесчисленными покрывалами, теперь сбрасывает их, чтобы освободиться и предстать миру, увидеть его после столь долгого перерыва...

Наконец последние покровы спали, и зловещая фигура встала в полный рост. Однако очертания ее оказались смазанными, словно она все еще находилась под покровом, напоминающим кожу со странными выпуклыми бороздами. Но вот кожаные полотнища медленно зашевелились, раздвигаясь, освобождая то, что находилось внутри.

— Великий Эрлик, — услышал он за спиной, — да кто же это?

Больше всего существо походило на вставшего на задние лапы Когра. По крайней мере, у него было такое же пупырчатое зеленовато-серое тело и такая же пасть, только чуть короче, два глаза и странная дыра во лбу. На миг он повернулся, словно специально для того, чтобы все увидели шипастый гребень, начинавшийся надо лбом и тянувшийся дальше вдоль всего позвоночника. Две пары невероятно мощных рук находились по бокам бочкообразного тела, а то, что поначалу казалось странной кожаной накидкой, было парой сильных крыльев. Мощные кривые ноги заканчивались копытами.

Монстр стоял покачиваясь, видимо еще не придя в себя после долгого беспмятства, и медленным взглядом обводил собравшихся внизу людей, пока наконец взгляд его не остановился на Сурии. В тот же миг пасть его приоткрылась, и ярко-красный язык медленно облизал рот, покрывая губы липкой, тягучей слюной. Он был голоден, он был страшно голоден и совсем рядом увидел еду. Ужас, охвативший молодую колдунью, оказался столь велик, что переборол силу заклятия, и девушка пронзительно завизжала, едва не лишившись чувств.

— Сожри ее! Сожри! — восторженно взывала колдунья.

Конан взглянул вниз и увидел, как, извиваясь от восторга, беснуется у подножия пирамиды мерзкая старуха, бездну лет назад породившая гнусного монстра.

Рогаза знала, что сын ее еще не пробудился окончательно. Око Затха — его магический глаз, его сердце — лежит тут, внизу. Лишь когда он займет свое место во лбу возрождающегося полубога, Затх обретет часть прежней мощи. Тогда дух его, Незримый, сможет беспрепятственно вернуться в свою обитель — вновь занять так давно и так неосмотрительно покинутое тело.

— Сожри обеих! — размахивая руками, визжала старая карга, и Конан бросился вперед, проклиная себя за то, что потерял столько времени.

Его друзья поняли это как сигнал к началу действий и рванулись следом. Лучники на стенах вовсю заработали, наполнив воздух тучей стрел, каждая из которых находила свою цель. Два отряда бросились к воротам. Остальные устремились за киммерийцем. Стража, не ожидавшая такого поворота, не успела даже сообразить, что случилось, как вся полегла под стрелами зуагиров, да и жрецы совсем ненамного пережили их. Лишь несколько человек успели прошмыгнуть в цитадель и укрыться за ее надежными стенами.

Киммериец добежал лишь до подножия пирамиды, а весь внутренний двор уже был усеян трупами. В живых оставалась лишь бесноватая старуха, ошеломленная столь внезапным нападением и теперь молча обводившая невесть откуда взявшихся врагов ненавидящим взглядом. То ли стрелы зуагиров не брали колдунью, то ли была она настолько омерзительна, что воины Таргана избегали даже смотреть на нее, предоставляя почетное право убить старую ведьму кому-то из своих товарищей, но была она жива, и это не предвещало ничего хорошего.

— Тарган! Останься с Мэгилом! — прокричал киммериец, взбегая по ступеням пирамиды.

Он буквально взлетел наверх и бросился к Милле, до которой было ближе. В это время Затх склонился над краем срезанной вершины, пытаясь схватить Сурию огромной трехпалой рукой, но движения его были неуклюжими, к тому же он явно не дотягивался. Тогда он выпрямился и испустил чудовищное по силе рычание.

Ключом, с помощью которого он снял оковы с Мелли, северянин отомкнул замки на руках Миллы и резко обернулся: по ступеням медленно поднимался Когр. Вархан задрал голову и зашипел на рычащую тварь. Словно принимая вызов ящера, Затх пригнулся и прыгнул вниз, прямо на площадку, на которой стояли киммериец с девушкой.

— Убей! — завизжала внизу старуха. — Убей их всех!

Затх спрыгнул в пяти шагах спиной к северянину, но тот не стал дожидаться, когда противник обернется, а, собрав всю силу, обрушился на врага. Тяжелый двуручный меч вонзился в самое сердце твари, и оглушающий, полный боли рев вырвался из омерзительной глотки. Киммериец уперся ногой в грудь монстра и, отбросив его резким толчком, освободил клинок. Ломая крылья, поверженный гигант кубарем покатился по склону пирамиды.

Конан вытер меч, бросил его в ножны за спиной, а плащ, вымазанный поганой кровью монстра, скинул вниз. Милла смотрела на него округлившимися от изумления глазами, не в силах вымолвить ни слова, но киммериец даже не взглянул на нее. Он понимал, что сейчас старуха опомнится, и тогда... Кто знает, что еще имеется у нее в запасе? Пора освобождать Сурию и сматываться.

— Охраняй ее! — показав на Миллу, крикнул он Когру и бросился наверх.

Сурия встретила его таким взглядом, что сердце молодого варвара бешено забилося в могучей груди. Он бросился к молодой ведьме, но едва успел отомкнуть один из замков, как донесшиеся снизу крики заставили

его остановиться. Он взглянул вниз и обомлел. Затх, только что насквозь пронзенный его мечом, как ни в чем не бывало стоял перед колдуньей, которая взяла с одного из алтарей фиолетовый кристалл удлиненной формы, похожий на сильно вытянутый конус и одновременно на клинок ритуального ножа без рукояти. В мертвой тишине Рогаза подняла кристалл и вставила его в дыру во лбу Затха. В тот же миг луна погасла, словно на нее набросили густую вуаль, и странный призрачный свет озарил все вокруг, заставив предметы отбрасывать неестественные тени, напоминавшие живые существа из вещего сна Конана.

Киммериец молча отдал Сурии ключ и, так и не взглянув на девушку, бросился вниз, в то время как Милла в оцепенении провожала его растерянным, полным отчаяния взглядом. Все дальнейшее для нее происходило как в тумане. Она видела, как сражается с проклятой тварью ее Конан. Она видела, как Мэгил и Рогаза застыли с двух сторон золотого алтаря, на котором что-то стремительно разгоралось, набирало силу, а зуагиры на стенах и во дворе замерли, не в силах помочь сновавшим по двору товарищам, потому что стрелы их отскакивали от толстой шкуры монстра. В старуху же они просто не попадали. А потом случилось то, о чем она совсем забыла, но чего подсознательно ждала все это время: из замка начали появляться Мертвые, и в этот миг...

— Я убью тебя, тварь! — вздрогнув, услышала она прозвучавший над самым ухом голос Сурии.

* * *

В то время как Конан устремился наверх, Мэгил, позабыв обо всем, отчаянно бился, стараясь уложить как можно больше стражников, чтобы в самый ответственный момент никто не смог помешать ему совершить задуманное. Но вдруг он остановился. Да что же он делает?! Вокруг полно воинов, и даже сейчас, когда бой в самом разгаре, младенцу ясно, что зуагиры

одерживают верх. Так зачем же здесь он? И Мэгил бросился к Талисману, но почти сразу вновь остановился.

Страшный рев донесся откуда-то сверху. Жрец поднял глаза и оторопел, увидев, что монстр спрыгнул к киммерийцу, явно намереваясь покончить с ним. Но киммериец, как всегда, оказался на высоте. Конечно, Мэгил знал, что Конан — великий воин, но того, что увидел, жрец не ожидал. Как зачарованный смотрел он на падающее тело, мгновение назад казавшееся ему несокрушимым, и не мог поверить в случившееся.

Колдунья отвратительно заверещала, и звук ее голоса заставил слугу Митры очнуться. Все его друзья сражаются, приближая желанный миг победы, а он, сильнее прочих рвавшийся сюда, наблюдает за ними со стороны! А ведь он единственный, кто может хотя бы попробовать совладать с колдуньей, отвлечь ее на себя, пока она не оправилась от потрясения и не взялась за дело по-настоящему. И как знать, на что способна старая карга, веками копившая злобу и оттачивавшая свое колдовское искусство?! Во всяком случае ясно одно: пока Рогаза пребывает в растерянности, он должен завладеть Талисманом Силы!

Жрец бросился вперед, к алтарям, отсвечивавшим темным золотом в потоках странного, призрачного света, который исходил от пирамиды. И вдруг он вновь остановился, увидев, как убитый Конаном Затх зашевелился и начал медленно вставать на ноги. Проклятый монстр пришел в себя, хотя клинок неминуемо должен был пробить сердце чудовища! Несколько мгновений он стоял, глухо рыча и держась одной парой рук за грудь, а второй за голову, страдая, как видно, от невыносимой боли, потом тело его начало медленно раскачиваться, и слюна закапала из раскрытой пасти. Наконец Затх неспешно выпрямился, увидел колдунью и шагнул к ней, сперва неуверенно, потом быстрее, будто от этого зависела его жизнь.

— Они дорого заплатят! — злобно прошипела старуха и, взяв фиолетовый кристалл, вложила его в отверстие на лбу чудовища.

Мэгил с ужасом увидел, как над двумя налитыми кровью глазами монстра злобещим фиолетовым свечением начинает наливаться третий.

В это время Зул, подкравшись, бросился на монстра сзади, но тот, непостижимым образом угадав появление нового врага, резко и не глядя, словно ненароком, ударил его наотмашь тыльной стороной трехпалой ладони, угодив человеку в висок. Тело могучего негра, силой не уступавшего Конану, отлетело на несколько шагов и тряпичной куклой безвольно рухнуло к когтистым лапам Кэрдакса.

— Убей их! — торжествующе воскликнула колдунья. — Убей их всех!

И тогда монстр взлетел...

Мэгил вновь проклял себя: опять, вместо того чтобы помогать друзьям, он стоит и наблюдает. Он бросился вперед. Талисман Силы! Именно он должен опрокинуть планы колдуньи! Мэгил верил в это, не мог не верить. Неужели столько усилий было потрачено, чтобы добиться никому не нужную вещь? Ему оставалось пробежать всего десять шагов, когда колдунья обернулась, и, увидев Мэгила, резко вытянула вперед костлявые руки. Жрец почувствовал вдруг, что натолкнулся на невидимую преграду, совершенно прозрачную, но непреодолимую, и не может сделать вперед ни шага.

Впервые за долгие годы он не сдержался и позволил злости овладеть им. Он знал, что Слуга Митры не должен злиться, но ничего поделать с собой не смог. Быть может, именно закипевшая в душе ярость подсказала ему, что делать: если он сам не может добраться до камня, значит, камень должен прийти к нему! Он сосредоточился и поднял руки почти так же, как это сделала колдунья, но его ладони нацелились в камень, который лежал на ближайшем к Кэрдаксу алтаре.

Жрец мгновенно отрешился от происходящего вокруг и попытался вызвать знакомое ощущение сопричастности всему живому, существующему на земле. Он успокоил дыхание, прислушался к ощущениям и в тот же миг почувствовал свое родство с каждой травинкой и каждым человеком. Вместе с этим чувством пришло и ощущение величия мира, а также неповторимость и могущество любой его частицы. Он почувствовал себя крошечной песчинкой и тогда ощутил родство даже с камнем окружавших его гор. А когда наконец уверовал всем своим естеством, что это действительно так, испросил помощи у окружающего мира. Почти сразу, намного быстрее, чем подобное происходило с ним прежде, он услышал отклик и ощутил, как насыщается льющейся откуда-то сверху силой его тело, проясняются мысли и уходит гнев...

Жрец потянулся к камню и мгновенно почувствовал его упругое прикосновение, но не смог удержать его. Закусив губу, Мэгил вобрал в себя новую порцию Силы, вновь потянулся к Талисману, и на этот раз все удалось, но камень оказался чересчур тяжелым. Мэгил набрал еще Силы. «Вверх! Вверх! Поднимайся!» — беззвучно приказывал он и, когда представил, что это происходит на самом деле, вдруг увидел, что Талисман воспарил над своей опорой и, покачиваясь, повис в локте над поверхностью алтаря. Жрец потянул камень к себе, и тот откликнулся, но в тот же миг злая воля колдуньи вмешалась, мощной преградой встав на пути камня. Мэгил потянул сильнее, вплотную приблизившись к опасному пределу, но камень так и не сдвинулся с места.

«Откуда у нее столько сил?» — подумал жрец. Ему, имевшему доступ к Светлой Силе Митры, эта мысль не давала покоя. Он не мог знать, что Сет обещал Рогазе свою поддержку и именно черная мощь Повелителя Ночи встала сейчас на его пути. Мэгил побоялся еще увеличить изливавшийся через него поток, чтобы не сгореть в нем, и решил ждать, надеясь измотать проклятую ведьму.

* * *

Рискуя свернуть себе шею, Конан несясь вниз огромными прыжками.

— Тарган! Мост! — взревел он, перекрывая шум боя, и почти мгновенно услышал, как заработал подъемный механизм, опуская тяжелые, каменные крылья.

Как бы ни обернулось дело, киммериец не желал оказаться запертым здесь. Милла на свободе, Сурия, наверное, тоже уже отомкнула второй замок и освободилась, а больше его ничто здесь не держит. Что бы там ни говорил Мэгил о высоких материях и высших интересах, а жизнь у человека одна и отдавать ее за просто так, пытаясь убить тварь, которую, быть может, и убить-то нельзя, он не собирался. Тем более во имя Митры, который, хотя и числился Светлым Богом, похоже, не очень-то заботился о своих слугах, посылая их на верную смерть.

Конан уже спустился вниз и начал пробивать себе дорогу, сокрушая всех и каждого, кто вставал у него на пути. Однако очень скоро киммериец заметил, что кое-кто из убитых вдруг встает и снова бросается в бой.

— Это Мертвые! — заорал Конан. — По глазам бейте! По глазам! Даже трупам нужно видеть!

Бой вспыхнул с новой силой.

* * *

Сурия открыла второй замок и с отвращением сбросила кандалы на землю. Следующим движением она сорвала с груди фигурку ненавистной Иштар и, кинув ее вниз, мгновенно обрела свой прежний облик. Она лишь мельком взглянула на бой, кипевший внизу: что там происходит, у нее еще будет время разобраться. Но это после. Сейчас ее заботило другое. Эта девка, Милла, неожиданно из рабыни превратившаяся в опасную соперницу! Чем она приворожила киммерийца? Какого зелья подлила в питье?!

Молодая колдунья потянулась к доходившим почти до колена изящно переплетенным ремешкам, удержи-

вавшим сандалиии, где был искусно спрятан узкий стилет — великолепное оружие, способное насквозь проткнуть мерзавку. Затем Сурия посмотрела вниз. Милла, прижав к груди стиснутые кулачки и затаив дыхание, следила за разворачивающимся внизу сражением. Сурия злобно ухмыльнулась, села на край площадки и начала осторожно спускаться.

Милла была настолько поглощена увиденным, что не услышала, как ревнивица возникла у нее за спиной, и лишь громкий крик: «Я убью тебя, тварь!» — вернул ее к действительности. Она вздрогнула и резко обернулась.

— Умри, сука! — прошипела Сурия и бросилась на соперницу, но чуть-чуть опоздала.

Отчаянно вскрикнув, Милла успела перехватить занесенную для удара руку, но не устояла на ногах, и, судорожно вцепившись друг в друга, обе повалились на площадку. Соперницы, как дикие кошки, визжа, царапаясь и кусаясь, катались по площадке, не отпуская друг друга. Наконец Милле каким-то чудом удалось отпихнуть Сурию и вскочить на ноги. Но до спасения было еще далеко. Милла увидела, что стоит на самом краю площадки, а Сурия застыла напротив с зажатым в руке ножом.

Как только колдунья поняла, что никуда ее соперница бежать не может, она зло усмехнулась. Лицо ее в странном светящемся полумраке исказилось и стало похожим на злую карнавальную маску. Сурия занесла над головой руку с кинжалом и злобно рассмеялась. Милле даже почудилось, что глаза ее светятся злобным зеленым огнем, и от ужаса, мгновенно охватившего ее, девушка вскрикнула и закрыла лицо руками, не в силах даже защищаться.

Она не услышала раздавшиеся рядом странные скребущие звуки, и лишь слабый вскрик заставил девушку отнять руки от лица. Сурия, беспорядочно размахивая правой рукой с зажатым в ней стилетом, тщетно пыталась оттолкнуть вцепившегося ей в горло

Когра. Того самого вархана, которому Конан наказал стеречь ее перед уходом и которого она так боялась! Острая сталь вонзилась в мягкое подбрюшье зверя. Раз, другой, третий... Но и тогда ящер не разжал челюстей, а наоборот, зашипев, сжал их еще крепче и, вырвав гортань жертвы, упал на камни.

Сурия была еще жива. Она еще попыталась сжать в руке кинжал и броситься на Миллу, но силы покинули ее. Колдунья откинулась на стену пирамиды, схватившись рукой за изуродованное горло, и с ненавистью посмотрела на свою живую соперницу. Еще через мгновение руки ее безвольно опустились вдоль тела, и она повалилась вниз по ступеням.

* * *

Внезапно раздавшийся топот копыт заставил Конана насторожиться. Он быстро разделался с очередным противником, отскочил в сторону, чтобы ненароком не угодить под случайный клинок, и, быстро оглянувшись, всмотрелся в темноту. Звук был таким, словно отряд кавалерии галопом мчался из Сура-Зуда в Черный Замок, но, когда первые всадники показались в освещенном призрачным светом внутреннем дворе, он вздохнул с облегчением. Акайма с десятком оставшихся в его распоряжении зуагиров привел полторы сотни коней — всех, что оставались в конюшне.

Киммериец посмотрел на вершину пирамиды, но никого там не увидел и удовлетворенно кивнул: значит, обе девушки успели уже спуститься вниз. Что ж, оно и к лучшему. Теперь надо уговорить Мэгила плюнуть на его безумную затею, и тогда утреннюю зарю они встречали бы в лагере зуагиров, далеко от этого проклятого всеми богами места! Взгляд его продолжал шарить вокруг. Наконец он увидел своего друга и похолодел...

Бывший жрец неподвижным изваянием застыл в десяти шагах от алтаря с покоящимся на нем Талисманом. Напротив него на таком же расстоянии от

алтаря и точно в такой же позе стояла Рогаза. Талисман, находившийся между ними точно посередине, парил над алтарем и постепенно наливался жаром, все больше раскаляясь. Он уже походил на маленькое подобие дневного светила и начал освещать все вокруг, но не тем мертвенным, призрачным светом, что исходил от пирамиды, а согревающим все живое светом Солнца. Кэрдакс и Глор мрачно взирали на противников, и на краткий миг Конану показалось, что каждый из них помогает одной из сторон, но он тут же отбросил эту абсурдную мысль.

— Что это? — оторопело прошептал Акаяма.

Конан резко поднял голову, проследив за взглядом друга, и когда увидел то, что вызвало его недоумение, невольно оторопел.

— Спящий проснулся, — еле прошептал он и тут же взревел: — Кро-ом!

Акаяма продолжал ошалело смотреть вверх, туда где летал Проснувшийся. Так хорошо до сих пор исполнявшие свое дело стрелки-зуагиры, словно гонимые смертельным страхом зверьки, метались по крепостной стене, пытаясь кто укрыться, а кто подстрелить тварь, что парила над ними и, настигнув, одного за другим подхватывала и бросала вниз. Двор, только что усеянный трупами стражников, теперь наполнялся телами вольных сынов бескрайних степей Заморы. «Если так пойдет и дальше, — подумал Акаяма, — то скоро на стенах не останется ни одного живого человека. Да что же, они остатки ума потеряли от страха?!»

— Вниз! Вниз уходите! — закричал он и, перехватив за середину древко копья, рванулся следом за киммерийцем.

Конан на бегу подобрал второй меч.

— О-о-о-а-а! — услышал он позади себя знакомый клич Акаямы. Зуагиры умело маневрировали, избегая близкого боя с врагами, выбирали момент, выпускали стрелу и начинали искать новую позицию для следующего выстрела. Сам Конан без устали работал обо-

ими клинками и хоть медленно, но неотвратно шел вперед, на помощь другу, застывшему в смертельном поединке.

Этого было бы достаточно для того, чтобы справиться с любым противником, будь он человеком, но их противники не были людьми, они уже были Мертвыми, а у лишнего жизни нечего отобрать... Зуагиры помнили, сколько забот причинила им троица Мертвых у входа в пещеру, а теперь их было больше трех десятков, и все-таки они дрались. Дрались с яростью обреченных, которые не могут уйти, хотя путь на волю открыт.

Тарган с огромным луком в руках защищал киммерийца сзади, но в один из моментов обернулся, привлеченный криком падающего со стены зуагира, выругавшись, вскинул огромный лук и прицелился в парящего над стенами монстра.

— Брось! — не оборачиваясь, крикнул киммериец. — Лишь зря потратишь стрелы!

Но Тарган уже отпустил тетиву. Конан невольно остановился и проводил стрелу взглядом. Сколько уже таких стрел, выпущенных людьми Таргана, не менее верно нацеленных, затупило каленые наконечники либо просто отскочило от дубовой шкуры монстра! Однако на этот раз получилось иначе. То ли стрела была особой, то ли зуагир вспомнил какой-то секрет и все точно рассчитал, или это была простая удача, но стрела угодила точно в подкрылье и, пробив тонкую в этом месте шкуру, ушла глубоко в тело.

Дикий, исполненный боли вопль заставил вздрогнуть и живых, и Мертвых. Все одновременно обернулись и, задрвав головы, начали наблюдать, как медленно, неуклюже взмахивая одним крылом, планировал Затх. Потеряв скорость и высоту, он вдруг камнем упал на землю, но тут же вскочил и, глухо рыча, направился к Талисману Силы, расшвыривая встававших на его пути зуагиров, как котят. Конан понял, что не успевает. Всего несколько десятков шагов оставалось ему до Рогазы, Талисмана, Мэгила, а он,

Конан, при всей своей неистовой силе, не мог так же легко расчистить себе путь.

Мэгил почувствовал, что киммериец пробивается к нему.

— Конан! — закричал он, ни на мгновение не позволяя себе расслабиться. — Если можешь, сделай что-нибудь! Или спасай себя — я гибну!

— Кро-о-о-ом! — взревел киммериец и, словно превратившись в дикого зверя, ринулся на помощь другу.

* * *

Обширны и удобны были чертоги, в незапамятные времена воздвигнутые на вершине горы Бен Морг. Такой и подобает быть обители грозного бога, чье имя — Кром — свято почиталось племенем живущих среди далеких северных гор киммерийцев, дальних потомков исчезнувшего в незапамятные времена с лика земли племени атлантов. Однако ни строгость убранства, ни суровый облик самого хозяина этого места не мешали бесконечно длившемуся пиру. Огромный, уставленный не слишком разнообразными, но обильными яствами и великолепным набором хмельного стол уходил в темноту, а вдоль него разместились пирующие.

Некоторые из собравшихся здесь были могучи и статны, как молодые дубы, их ясные лица светились задором и отвагой. Однако было их немного. Примерно столько же сидело тут крепких и рослых воинов, чьи головы уже припорошила седина, но которых язык не повернулся бы назвать стариками: в силе и выносливости они, пожалуй, могли бы поспорить и с гораздо более молодыми сотоварищами. Самую же многочисленную группу представляли люди среднего возраста, которых никак уже нельзя было причислить к первым, но в то же время и до вторых им было еще очень далеко. Это были полные сил воины, кому стремились подражать юноши, кого ставили в пример старики и кому старались не уступать в доблести друзья.

Пирующие дружно выкрикивали бесчисленные здравицы в честь своего хозяина, который счел их жизни достойными иного конца, нежели бездумное блуждание в холодном полумраке Серых Равнин. Он поселил их здесь, дабы в бесконечном пиршестве и воспоминаниях о былых подвигах проводили они время, и это хоть в какой-то мере скрасило бы их безвременную кончину.

Сам же Повелитель Могильных Курганов и глава этого шумного застолья сидел, как и полагается, во главе стола и мирно подремывал под веселые тосты и смех сотрапезников. Однако всякий раз, когда произносилось имя его и звучала очередная здравница в его честь, он, не открывая глаз, благосклонно кивал, но тут же вновь замирал, словно прислушиваясь к чему-то. Дремота его длилась уже несколько дней и началась сразу после того, как суровый бог киммерийцев почувствовал вдруг безотчетную тревогу и понял, что скоро должно произойти что-то важное. Такое, хоть и нечасто, случалось с ним и прежде, и он помнил, что это предчувствие еще ни разу не обмануло его. Ведали об этом и сотрапезники грозного бога и теперь с интересом гадали, что произойдет на этот раз?

Впервые сон Крома был потревожен, когда Конан вырывался из ловушки, в которую угодил, придя выручить своих друзей, и северный бог с удовольствием наблюдал, как человек пробивается сквозь плотный строй себе подобных. Он досмотрел, чем кончится дело, и удовлетворенно хмыкнул. Что ж, неплохо, весьма неплохо! Столько было в действиях парня энергии и уверенности в победе, что у Крома даже сомнения не возникло в том, что он выберется из передраги. Так оно и вышло. Не зря, значит, пару десятков зим назад вдохнул он жизнь в тело этого мальчишки, уже тогда предвидя, что быть ему могучим воином и будущим его сотрапезником!

И во второй раз клич молодого киммерийца, разбудивший Крома, не был призывом о помощи, и лишь взглянув на происходящее краем глаза, суровый бог

сказал себе: «Он справится!». Не был призывом и третий клич, но на этот раз Кром понял: парню не уйти от своей участи. Конечно, он может спастись, но, следуя законам воинской чести, никогда не сделает этого, не предаст друзей, которые рассчитывают лишь на него, Конана! Слишком уж много нечисти сразу выступило против него!

И тогда Кром вдруг встрепнулся и резко встал, словно не мирно дремал все это время во главе пиршественного стола, а лишь ждал важного известия. Рука его привычно легла на тяжелый боевой молот, и мгновенная тишина повисла под мрачными сводами его чертогов. Замер смех и умолкли голоса, а напряженные и заинтересованные лица обратились к нему. Кром поднял левую руку, призывая к вниманию, хотя все и так приготовились ловить каждое произнесенное им слово.

— Один из будущих наших сотрапезников в большой беде, — обратился он к пирующим, обводя их долгим взглядом, — но всемогущий Рок, который одинаково правит судьбами и людей, и богов, нашептывает мне, что время его еще не пришло... И потому я спрашиваю вас: а не размяться ли нам?

— Хэ-эй! — взревели пирующие, и каждый потряс тем оружием, которое особенно любил при жизни.

— Мне понадобится тридцать мечников.

Едва Повелитель Могильных Курганов успел произнести эти слова, как по правую руку от него вырос отряд в тридцать человек, молодец к молодцу — те, кто успел раньше других занять желанное место.

— Смотри, Монур, не подкачай! — напутствовал кто-то.

— Не беспокойся, Ринаг! — отвечали из строя.

— Рихон! — крикнул один из молодых весельчаков. — Если дашь себя убить, назад не возвращайся!

* * *

Конан рвался вперед, но видел, что не успевает. Затху осталось всего два шага до Мэгила, а жрец даже на мгновение не мог отвлечься, чтобы спастись!

Внезапно киммериец увидел, как врагов стало вдвое больше. На миг он опешил, но лишь на краткий миг, и уже готов был рвануться вперед, но его остановили.

— А ну-ка, парень, погоди, — услышал он грозный голос.

Огромного роста, на голову выше самого Конана, могучий воин с усмешкой посмотрел на него и легко и бережно, словно пушинку, опустил чудовищный боевой молот. Его длинные черные, как вороново крыло, волосы, прихваченные на уровне лба узким стальным ободом, свободно падали на плечи. Крупный нос с горбинкой придавал скуластому лицу суровое выражение, но в холодных, как лед, синих глазах киммерийцу почудились сдерживаемые искорки озорной веселости.

— Кто ты? — настороженно спросил киммериец.

— Разве ты уже забыл, кого только что призывал в пылу боя? — сдержанно улыбнулся здоровяк.

— Кром... — изумленно выдохнул Конан, не в силах поверить собственным ушам.

— То-то же, — снисходительно кивнул грозный бог.

— Но я никогда не просил тебя о помощи, — произнес киммериец, — хотя имя твое поминал часто.

Как ни удивительно было случившееся, а Конан сразу и безоговорочно поверил в то, что это правда.

— Знаю, парень, — кивнул Кром, — но я приглядываю за теми, кто не забывает своего бога.

— А кто это?

Северянин обвел взглядом внутренний двор. Он видел, что друзья его замерли неподвижными изваяниями и лишь воины Крома продолжали сражаться с Мертвыми, да Проснувшийся медленно отступал, хотя во взгляде его и не было страха.

— Все они славные воины, — ответил бог, — расставшиеся с жизнью до срока, но доблестью своей заслужившие жизнь после смерти.

Пока он говорил это, киммериец быстрым взглядом окинул поле боя. Он увидел, как теснили воины Крома

Мертвых, как падали те под их ударами, и больше уже не вставали, пока наконец не пали все. И тогда к ним подошел рослый молодой парень, чем-то похожий на него самого, и, с интересом окинув киммерийца взглядом, обратился к своему грозному вожаку:

— С тварями покончено, повелитель! Остались старуха и тот, с крыльями, но эти двое не для нас.

— Знаю,— кивнул Кром.— Возвращайтесь.

Воин шагнул прочь, но обернулся к Конану.

— Держись друг.— Он ободряюще улыбнулся.— Не могу пожелать тебе скорейшей встречи с нами, но надеюсь, что она состоится.

— Ты уходишь, повелитель? — спросил киммериец.

— Да,— коротко ответил тот.

Конан ничего не сказал, лишь тяжело вздохнул, и Кром улыбнулся прекрасной улыбкой сурового, но умного и справедливого человека.

— Я мог бы ответить на все твои вопросы,— сказал он,— но не имею права подарить тебе даже память о нашей встрече, иначе ты неизбежно погибнешь, надеясь и в будущем на мою помощь.

Прежде чем Конан успел возразить, он понял, что Кром прав: в каждом деле следует рассчитывать только на себя, да еще, пожалуй, на помощь верного друга.

— Я сделал все,— вновь заговорил он,— что мог сделать, не нарушая уклада, которому должны подчиняться даже боги. Осталось последнее.

Он шагнул к продолжавшему наливать ослепительным золотым сиянием Талисману, и в тот же миг тьма перед ним сгустилась и приняла очертания человеческой фигуры с головой шакала, которая шагнула навстречу грозному Крому:

— Ты не посмеешь сделать это!

— Я смею все, чего мне хочется, и не тебе, шакал, указывать мне! — прорычал Кром, не замедляя шага.

Сет начал медленно пятиться и остановился лишь тогда, когда справа от него оказался Талисман Силы. Глор грозно вытянул шею и, распространяя трупный

запах, хрипло закричал, забил крыльями, единственным своим глазом злобно уставившись в лицо Крому.

— Если ты попытаешься сделать это, мы враги! — воскликнул Сет.

— Мы никогда не были друзьями, пес,— спокойно ответил Кром, продолжая шагать вперед, и в тот же миг яркая вспышка озарила все вокруг, и Митра возник по другую от Сета сторону Талисмана, и Кэрдас вдруг вздохнул свободно, заклекотал и забил крыльями.

— Не смей трогать его! — воскликнул Солнцеликий.

— Ага, и почитатель Добра здесь,— усмехнулся Кром, не замедляя шага,— как странно совпали ваши стремления!

— Ты все равно не сможешь уничтожить его, упрямец! — в отчаянии воскликнул Митра.

Кром остановился в паре шагов от алтаря.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться,— спокойно заметил он.

Он подбросил на руке свой молот, коротко размахнулся и опустил на алтарь, как на наковальню. Митра довольно расхохотался, наблюдая за его напрасными усилиями, а Сет, похоже, в последний миг догадался, что задумал суровый северянин, но было уже поздно. Он в отчаянии схватился за голову и завыл от тоски.

Крохотное пылающее солнце, словно выпущенный из пращи камень, вырвалось из-под молота и, пробив бок пирамиды, глубоко вонзилось в нее. Темное нутро пирамиды тут же вспенилось и забурило, будто накопленная им злая мощь набросилась на светлую силу Талисмана, пытаясь подчинить ее себе, поглотить. В тот же миг словно оборвалась какая-то невидимая нить, за которую тянули с двух сторон Рогаза и Мэгил, и слуга Митры и колдунья повалились навзничь.

С тяжелым, полным отчаяния стоном фигура Владыки Света растаяла в сгустившейся темноте, теперь вновь освещаемой лишь призрачным светом пирамиды. Темный Бог, одарив Крома мрачным взглядом, молча

последовал примеру Подателя Жизни и растворился во тьме, которая на прощание исторгла из себя:

— Ты-ы пожалееш-шь об этом-м...

Повелитель Могильных Курганов в ответ на эту угрозу громко расхохотался и, в последний раз ободрив киммерийца взглядом, шагнул в ночь, оставив после себя лишь искрящийся силуэт, который быстро рассеялся во тьме.

Бой, однако, на этом не закончился, и, оставшись в одиночестве, Конан тревожно оглянулся, но тут его внимание невольно привлекла пирамида. Огромная рваная дыра на ее теле быстро затягивалась. Оголенная плоть угрожающе бурлила и клокотала, словно закипая, и неожиданно начала исходить клубами грязно-серого дыма. Облако быстро увеличивалось в размерах и вдруг бешено закружилось. Оно вращалось, все набирая обороты, а потом начало белеть в отдалении и собираться в центре непроглядной тьмой. Как только это случилось, вращение, от которого уже начало рябить в глазах, замедлилось.

Белая часть облака сползла с поверхности клубящегося шара и начала собираться воедино. В то же время тьма пыталась помешать ей сделать это, стремясь помешаться с ней. Отчаянно сопротивляясь, белый сгусток, пройдя сквозь череду изменений и превращений, принял наконец форму прекрасного девичьего тела. Как только это произошло, ослепительно яркий белый луч вырвался из середины еще не затянувшейся на боку пирамиды раны, и видение, резко взмахнув рукой, отбросило липнущий к ней поганый сгусток черноты.

Черная тварь тут же прилепилась к ране на боку пирамиды, словно стремясь быстрее напиться ее черной кровью, и Конан перестал обращать на нее внимание. Тем временем душа девушки медленно пошла к Кэрдаксу, даже не глядя на угрожавшую ей колдунью. Они оказались примерно одного роста — благородный Кэрдакс и слабо мерцающий девичий силуэт, в котором Конан без труда узнал Зиту. Она подошла к вели-

чественному орлу и погладила его гладкие белые перья. В тот же миг освободившаяся наконец душа начала таять, призрачное, волшебное сияние померкло, и видение пропало.

— Так оставайся же в нем навсегда! — услышал вдруг киммериец голос друга за спиной и, резко обернувшись, увидел, как Мэгил отскочил от Глора, а тот гнусно заверещал.

Стервятник попытался сойти со своего пьедестала, чтобы растерзать человека, который осмелился навсегда спаять его плоть с Незримым. Дух Затха вовсе не собирался надолго занимать тело древнего божества. Если бы его собственное, только что пробужденное тело могло справиться с Кэрдаксом! Он без раздумий вернулся бы в него, но четырехрукому верзиле с крыльями вампира не по зубам был вдвое превосходивший его силой орел. Зато на это способен был Глор! Но оставаться в нем навсегда...

Теперь же Затх оказался навечно заключенным в тело стервятника, и ему оставалась только мечь. Точно обезумев, он рвался с места, стремясь как можно скорее утолить свою ненависть, но ноги его словно вросли в камень, на котором стояли. То же самое происходило и с Кэрдаксом, но в отличие от своего бесновавшегося противника гордый орел терпеливо ждал, когда силы вернуться к нему настолько, что он сумеет сойти с удерживающего его пьедестала.

Холодный, липкий ужас обьял тело киммерийца, предвещая нечто ужасное и непоправимое. Не понимая, что он делает и зачем, Конан бросился вперед, на стоящего в десяти шагах от ведьмы Проснувшегося, которому уже никогда не стать Затхом. Уже подбегая, он увидел вдруг, как невеста откуда взявшийся Зул напал на монстра сзади, но тот схватил его друга за плечо и ударил о стену. Северянин с ужасом увидел, как от чудовищного удара о камень раскололась голова могучего негра и белый мозг брызнул на черные стены.

— Кро-ом! — взревел киммериец, не в силах сдержать ярости и сжигавшей его душевной боли, и, вложив в удар всю свою силу и накопившуюся в душе злость, опустил могучий кулак на голову монстра.

Огромное неуклюжее тело откинулось навзничь, уродливые копыта оторвались от земли, чудовище отлетело на пять локтей, упало на каменные плиты и осталось лежать без движения. Конан, однако, знал уже, что продлится это недолго. Он окинул лежащего ненавидящим взглядом и увидел, как пульсирует в такт ударам сердца третий глаз Проснувшегося. Неясная догадка шевельнулась в мозгу северянина, и он медленно достал из ножен кинжал.

— Не-ет! — выронив от ужаса посох, завизжала колдунья и бросилась на киммерийца, подсказав ему тем самым, что его догадка верна.

Стоявший у моста Акаяма с разбега метнул копье. Одновременно с этим Конан, не обращая внимания на несущуюся к нему Рогазу, вонзил кинжал в глаз чудовища и, налегая на него, как на рычаг, выдрал кристалл. Проснувшийся начал яростно отбиваться, но потеря глаза лишила его почти всей силы.

— Ты не там носишь сердце, тварь! — воскликнул киммериец и с размаху вбил острое кристалла в грудь чудовища, в то место, куда один раз уже вонзил клинок из стали.

Видя, что не успевает, ведьма остановилась, угрожающе вскидывая руку, но тут же осознала, что посоха в руках нет. Она в ужасе схватилась за голову, и в этот миг копье, пущенное рукой Акаямы, пронзило ее тело. Старая ведьма вскрикнула, успев лишь подумать, что случилось невозможное и она умирает, и медленно повалилась под ноги Глора, не отрывая взгляда от его единственного глаза.

— Убей их, — прошептала губы колдуньи, и она испустила дух.

В новом приступе бешенства Глор заметался, но по-прежнему не мог сойти со своего места.

— Уходите! Уходите все! — махнул рукой киммериец. — Немедленно!

— Конан! — откуда-то сверху донесся девичий голосок.

— Кром! — увидев ее, выругался киммериец.

— А ты?! — вскричал Акаяма. — Неужели ты мог подумать, что мы бросим тебя?!

— Уходите! — стараясь выглядеть спокойным, повторил северянин, хотя внутри у него все клокотало. — Я не останусь надолго, лишь заберу Миллу и сразу догоню вас. Мне никто для этого не нужен. — Он увидел сомнение в глазах друга и мягко толкнул его в необъятную грудь. — Езжай спокойно. Со мной все будет хорошо. — И, считая обсуждение законченным, обернулся и крикнул: — Тарган, уводи людей! Я заберу девушку и догоню вас!

Не сказав больше ни слова, Конан бросился вперед, к пирамиде, которая теперь не просто светилась, а тревожно пульсировала, и одним махом взлетел почти на самый верх. Снизу донеслось ржание коней и топот грохотавших по мосту копыт, гулко отдававшийся в ночной темноте, но он даже не обернулся.

Милла подняла на него страдальческий взгляд, и Конан невольно замер, глядя на плачущую девушку, которая держала на коленях страшную голову вархана.

— Сурия пыталась убить меня... — прошептала она сквозь слезы. — Я его так боялась, а он бросился меня защищать и погиб сам, — пролепетала она и вновь разревелась. — Он умирал у меня на руках и плакал, как ребенок, — причитала она, глядя морду Корга.

— Идем, идем, милая. — Конан мягко поднял девушку и повел за собой. — Ему уже ничем не поможешь, а нам нельзя здесь оставаться. Чувствуешь, как все дрожит под ногами?

Они быстро побежали вниз.

— Скорее! — яростно заорал киммериец. — Разве вы не видите, что творится?

Мэгил гарцевал на коне, держа на поводу еще двух. Северянин посадил девушку, одним махом влетел в седло сам, и они понеслись догонять друзей.

— Акаяма забрал тело Зула! — прокричал жрец.

— Знаю, — кивнул Конан, — иначе просто так не ушел бы отсюда.

Три всадника вихрем пронеслись по мосту и ворвались в город как раз в тот миг, когда над укрытыми снегом вершинами гор ослепительно брызнуло солнце. Вихрем промчались они по центральной площади, попетляли по узким улочкам, ведущим к северным воротам, и, выехав наконец из ненавистного города, свернули налево, к спуску.

Они мчались по хорошо знакомой дороге, но не могли оторвать взглядов от Черного Замка, маячившего впереди и слева, откуда теперь доносился грозный гул. Земля вдруг затряслась, как в лихорадке, а кони занервничали и, чуя беду, заартачились, не желая нести всадников дальше. Укрощая стремительный бег скакуна, Конан натянул поводья, и в это мгновение ослепительно-белый луч света ударил в небо, словно светлая сила Талисмана вырвалась наконец на свободу. Тяжело взмахивая крыльями и теряя оперение, Глор взлетел и принялся медленно набирать высоту, а замок со страшным грохотом начал разваливаться на куски и рушиться в пропасть.

— Мы не успели! — прокричал Мэгил. — Замок разваливается, обломки его неизбежно завалят проход! И проклятая тварь! — Он указал рукой на Глора, который тоже заметил их и устремился к людям. — Стервятник остался жив!

Девушка испуганно озиралась, с надеждой глядя на своих спутников. Конан мрачно кивнул и, развернув коня, пустил его вскачь. Жрец и Милла поскакали следом, не понимая, что у него на уме.

— Куда ты?! — кричал вслед киммерийцу Мэгил.

— В лес! — коротко бросил тот.

— Но ведь там... — начал было жрец, но взмахом руки Конан оборвал его.

— Там река! — прокричал он, пересиливая шум ветра. — Она ведет куда-то, скорее всего, в Коринфию! И там лес! А Глор, сдается мне, решил поохотиться! В лесу это будет для него несколько труднее!

Они погоняли коней, и Конан поминутно оглядывался, каждый миг ожидая нападения, но его все не было. Глор догонял их, но медленнее, чем того можно было ожидать. Они успели ворваться в лес и скрылись в его чаще. Только тогда мрачное божество, направляемое черной волей Незримого, сумело миновать городские стены.

— Куда теперь?

Мэгил придержал коня и обернулся к киммерийцу. Конан натянул поводья, и следом за ним остановилась Милла. Кони храпели, отфыркивались и беспокойно перебирали копытами.

— Помнишь то место у реки, где мы останавливались вчера? — спросил Конан. — Там был небольшой плот — он наш единственный шанс.

— Ты уверен? — Мэгил забеспокоился. На его взгляд, спуск по этой реке на утлом плотике был верным самоубийством. — Быть может, замок не обрушился?

Сзади донесся грохот камнепада. Сердце киммерийца успело отсчитать не менее двух десятков ударов, прежде чем почва у них под ногами перестала содрогаться от чудовищного удара.

— Теперь уже все, — мрачно произнес он.

— Да, теперь все, — обреченно согласился жрец.

Над головами у них зависла огромная тень и унеслась вперед.

— Что это было? — затравленно озираясь, прошептала Милла.

— Спокойно, девочка, — Конан сжал ее руку, — это Глор решил полакомиться человечинкой, — мрачно пошутил киммериец. — Я думаю, что дальше нам лучше двигаться пешком.

Он спрыгнул с коня и помог спуститься девушке. Когда он обернулся, Мэгил уже стоял рядом и держал гнедого под уздцы.

— Быть может, оставить их здесь, Конан? — спросил он.

— Нет, — киммериец упрямо мотнул головой, — если Глор не уберется, они отвлекут его на первое время. Это нам сильно поможет. Если повезет, этого времени хватит, чтобы спуститься по течению на безопасное расстояние.

Плот они нашли на том самом месте, где видели его вчера. Четыре накрепко связанных бревна и рулевое весло. Видно, у кого-то из жителей этой крошечной страны тоже появилась мысль о бегстве, но так и осталась неосуществленной. «С другой стороны, — подумал киммериец, — ничто иное просто не сможет проплыть по этой узкой и быстрой реке». Конан принялся спихивать плот, но это оказалось нелегким делом даже для него. Ему пришлось действовать в одиночку, в то время как Мэгил внимательно следил за небом, а Милла пряталась под ветвями деревьев. Впрочем, от девушки в любом случае было бы мало проку. Падавшая с гор ледяная вода обжигала, превращая тело в бесчувственную деревянную колоду, но киммериец не сдавался, и плот понемногу уступал.

— Все, — киммериец устало сел на поваленное дерево. — Как только Глор пролетит, гони коней вверх по течению. Надеюсь, эта тварь не сразу заметит, что кони без седоков.

Ждать пришлось недолго. Большая тень промелькнула над головами, и уродливое тело зависло над поляной, выслеживая беглецов. Голая шея стервятника выгнулась вниз, отвратительная одноглазая голова упорно искала Конана. Огромные крылья подняли настоящий ураган, заставив заколыхаться кроны деревьев, отвратительный трупный запах ударил в нос. Так ничего и не увидев, монстр развернулся и полетел прочь. Жрец тотчас погнался коней. Услышав глухой перестук копыт, тварь тут же вернулась и полетела над лесом, гоня перед собой перепуганных животных, которых еще не видела, но зато прекрасно слышала. Люди кинулись к

плоту. Как только жрец с девушкой встали на нос плота, он сам собой снялся с отдели, и киммериец, приготовившийся толкать, едва успел вскочить на него.

Их тут же подхватило стремительным потоком и понесло вперед, так что Конану почти не приходилось править веслом, и он не выпускал его из рук лишь ради страховки. В одно мгновение они пронеслись на несколько сот шагов вперед и ворвались в узкое ущелье. Здесь плот начало нещадно болтать из стороны в сторону. Теперь уже киммерийцу приходилось работать вовсю, чтобы их жалкую посудину не разбило и не развернуло поперек потока, заклинив между стенами. Вдобавок ко всему Глор уже увидел, что попался на нехитрую уловку, и в ярости бросился в погоню. Единственным, что теперь спасало беглецов от неминуемой смерти, было то, что ущелье оказалось слишком узким для стервятника, который не мог лететь здесь, не рискуя сломать крылья. Он лишь изредка пикировал, пытаясь прихватить клювом кого-нибудь из троих людей, заставляя Миллу отчаянно визжать. Раз за разом повторяя эти попытки, он тут же уносился ввысь. Киммерийцу уже начало казаться, что так и будет продолжаться до тех пор, пока они не спустятся на равнину по ту сторону гор, когда грозный гул впереди заставил его насторожиться.

Водопад! И без того бурная река резко пошла под уклон и превратилась в бешено ревущий поток, и киммериец бросил ставшее бесполезным весло. Глор пикировал в последний раз, пытаясь подхватить хоть одного из беглецов, но, видимо, на этот раз решил не рисковать и пролетел слишком высоко. Конан прижал к себе девушку: водопад водопадом, но пока они живы, есть шанс уцелеть.

Неожиданно упавшая сверху тень заставила его резко обернуться. Он вырвал рулевое весло и приготовился обрушить его на голову стервятника, но, оглянувшись, тут же выбросил его в воду и как сумасшедший заорал Мэгилу в ухо:

— Это Кэрдакс! Хватайся за него!

Они стремительно приближались к перегибу, за которым поток низвергался отвесно вниз. Однако Кэрдакс, сложивший крылья и камнем падавший сверху, двигался еще быстрее, хотя и был дальше.

— Он не успеет! Не успеет, Конан! — в ужасе простонала Милла.

— Успеет! — отрезал киммериец.

Едва Конан оттолкнулся от плота, рассыпавшиеся бревна ухнули вниз, в ревущую водяную бездну, обдав его на прощание ледяными брызгами. Варвар устремился вверх, вцепившись правой рукой в лапу Кэрдакса, а левой прижимая к себе насмерть перепуганную девушку. На второй лапе птицы висел Мэгил.

— Конан! Он не отстает! — Милла судорожно цеплялась за киммерийца, а округлившимися от ужаса глазами глядела на стремительно приближавшуюся зловещую фигуру.

Глор резко спикировал и, вцепившись в спину орла когтями, принялся рвать ее. Кэрдакс резко вскинул голову, и его мощный клюв сомкнулся на ноге монстра. Глор отвратительно заклекотал и, отпустив жертву, взмыл в высоту. Но рана, нанесенная орлу, была слишком велика. С трудом взмахивая крыльями, Кэрдакс резко пошел вниз. Он почти падал, когда Глор вновь ринулся в атаку, целясь когтями в развороченную спину своего врага.

Конан видел, как стремительно надвигается земля, но было еще слишком высоко. Если атака окажется удачной, они разобьются о камни. Огромная тень, словно саван, накрыла их. Милла опустила голову, чтобы не видеть этого ужаса, и закусила губу, чтобы не закричать. Из последних сил Кэрдакс рванулся в сторону, и Глор промахнулся. Пролетев на десяток локтей вниз, он расправил крылья и, задрав уродливую голову, раскрыл чудовищный клюв. Гнусный падалыщик победно заклекотал и попытался схватить девушку, обдав ее смрадной волной, но с первого раза сделать это не су-

мел. От страха Милла завизжала, ибо увидела во взгляде единственного устремленного на нее злобно горящего глаза свою смерть.

Что-то камнем упало с высоты. Фан, о котором все и думать позабыли, стремительно ринулся вниз, и когти его вцепились в единственный глаз уroda. Глор забил крыльями и, зависнув на одном месте, замотал головой, пытаясь сбросить сокола, но, потеряв ориентацию, рухнул вниз. Фан попытался оставить свой кровавый налет, но его острые когти слишком глубоко впились в кость монстра.

Кэрдакс неслся следом, с трудом планируя, и только у самой земли, когда смерть казалась уже неминуемой, собрав последние силы, сумел чуть выровняться. Конан спрыгнул, когда до земли оставалось полтора его роста. Им сильно повезло, что на пути не попалось камней. Они прокатились по поляне, и высокая трава смягчила их падение.

Конан сразу вскочил на ноги, тревожно озираясь. Он увидел, как, очумело трясая головой, девушка села, осматриваясь, боясь поверить в то, что все уже кончилось. Он увидел с трудом поднимавшегося Мэгила и Кэрдакса. Огромная гора белых перьев слабо пошевелилась, повернув к ним голову, и, обессиленно распластавшись, посмотрела на людей затуманенным взором. Увидев, что все целы, орел слабо заклекотал, забил крыльями и затих. И как только это произошло, искрящийся в лучах солнца туманный силуэт отделился от птицы, и душа прекрасной Зиты предстала перед ними. Она шагнула к киммерийцу, встала на цыпочки и, дотянувшись до его губ, подарила невесомый поцелуй.

— Мог бы и нагнуться. — Она смешливо прищурилась, но тут же посерьезнела. — Когда-то, хоть и не по своей воле, я едва не отобрала у тебя жизнь, теперь возвращаю свой долг. Жаль, что так все обернулось. Прощай! — Она улыбнулась и, подняв руку, помахала ею.

— Постой!

Конан шагнул к ней, но сидует таял и отдалялся, пока не пропал вовсе. Киммериец опустил голову и некоторое время молчал. Он и сам уже не знал, что хотел сказать ей. Наверное, безотчетная грусть толкнула его вперед.

Милла шагнула к нему сзади и, сузив глаза, больно ущипнула в спину. От неожиданности киммериец отскочил в сторону.

— Ты что?! — удивленно воскликнул он, потирая больное место.

— Запомни, — она мстительно сжала кулачки, — еще одна прозрачная девка, и я ей, — тут она осеклась, сообразив, что угроза ее по отношению к бесплотному призраку должна выглядеть достаточно нелепо, — и я тебе глаза выпарапаю!

Конан опешил:

— Да что ж я без глаз делать стану?

— Мне ты и такой сгодишься, — наплась она, — зато на других пялиться не будешь!

Глор отыскался неподалеку. Его неестественно выгнутая шея все еще держала на себе уродливую голову с разможенным черепом. Единственный глаз вытек, и на песке возле открытого клюва адела лужица крови.

— Он мертв? — спокойно спросил Конан.

— Он мертв, — так же спокойно ответил Мэгил.

Трупик Фана, обнаружившийся тут же, казался крошечным по сравнению с телом уничтоженного им гиганта. Они решили похоронить его здесь же, прямо на месте гибели.

— Как странно, — задумчиво произнес киммериец, укладывая на могилу последний слой дерна, — он был законченным трусом, скисающим при первой же опасности, когда был человеком, и лишь теперь оказался способным на *поступок*.

— Так эта птица... — удивленно протянула Милла, да так и не закончила фразы.

— Да, — кивнул киммериец, — в ней жила человеческая душа.

— Что ж, — Мэгил устало вздохнул, — смерть достаточно серьезная встряска. — Зачастую лишь она помогает понять человеку, что жил он не так. К сожалению, в большинстве случаев это происходит слишком поздно, когда поправить уже ничего нельзя. — Он помолчал. — В каком-то смысле Фабиану повезло: ему позволили заглянуть в чертоги Смерти, дали время на раздумье и предоставили шанс. Он ведь не сразу постиг смысл происшедшего с ним, но Рамсис своей жестокостью избавил его от последних колебаний, и он смог, пусть в облике птицы, стать наконец человеком. Слишком многим из людей этого так и не удастся сделать.

* * *

Ночь опустилась на степь и черным бархатным пологом, усыпанным бриллиантовой россыпью звезд, укрыла небо. Трое сидели у костра, на котором жарилась туша добытой Конаном лани. Сок капал в огонь, распространяя нежный аромат почти готового яства.

— Как странно устроена жизнь, — прервал наконец тишину Мэгил, — слабый человек нашел-таки способ отомстить за себя могучему демону.

— Э, нет, жрец, — Конан упрямо помотал головой, — никакая месть не заставит человека расстаться с жизнью. Только любовь.

— Что ты хочешь сказать? — не понял жрец.

Он удивленно уставился на варвара, никак не ожидая от него подобных рассуждений.

— А между тем все очень просто, — усмехнулся киммериец, подбрасывая дров в костер. — Я хочу сказать, что он запоздало, но все-таки почувствовал, что такое любовь, — сказал Конан и, видя недоумевающее лицо жреца, добавил: — Ты просто не знаешь, но именно Зита привела его в ту ночь в дом, но, одурманенные влиянием Незримого, они убили друг друга...

— Что ж, быть может, ты и прав.

Конан подошел к устроенному между камнями подобию очага и, отрезав ломоть сочного мяса, попробовал

его и остался доволен. Тогда он снял с огня деревянный вертел с насаженной на него тушей лани, перенес его на пару воткнувших в землю рогатин и принялся нарезать куски ароматного жаркого.

— Так ты был знаком с ней? — неожиданно спросила девушка, все это время молча прислушивавшаяся к их разговору.

От неожиданности киммериец вздрогнул и едва не уронил на землю уже отрезанный кусок.

— Ну конечно, — удивленно ответил он, — я ведь уже говорил.

Он бросил Мэгила ломоть мяса, и тот ловко поймал его.

— И как... — Милла закусил пухлую губку, — как близко ты был знаком с ней? — вкрадчиво спросила она и встала, подбоченившись.

— Да никак, — киммериец расхохотался, — она ведь была подружкой Фабиана.

— Не лги мне, киммериец! — продолжала миниатюрная девушка, угрожающе наступая на гиганта-варвара. — Чего бы ради тогда она стала тыкаться в тебя своим полупрозрачным рыльцем?

— Да послушай же, девочка!

Конан подхватил Миллу на руки, и она заколотила маленькими кулачками по его могучим плечам. Тогда он смеясь прижал ее к себе, да не рассчитал, и оба повалились в траву. Некоторое время Мэгил слышал шум борьбы, который постепенно становился все тише. И тогда он подумал об обете безбрачия, который добровольно брали на себя все, кто решался посвятить свою жизнь служению Митре, хотя такой обет и не запрещал человеку иметь подругу... Или подруг. В этом не было беды... До определенного времени. Опасность заключалась в том, что всякие отношения накладывают на человека обязанности, и как только личная жизнь вступает в конфликт с долгом, жди беды!

— Никому не отдам! — словно в подтверждение его мыслей, раздавалось из темноты.

Нет, такая любовь нам не нужна! Жрец покачал головой и вновь погрузился в размышления.

Глор и Кэрдакс... Стражи Врат Вечности... Как ни старался, но ничего, кроме туманных легенд и смутных преданий, Мэгил припомнить так и не смог. Конечно, вернувшись в Шадизар, он постарается разузнать все, что только сможет, о Вратах Вечности и грозных Стражах, а пока остается лишь удивляться, что все это оказалось не бабушкиными сказками. С другой стороны, он не мог поручиться за то, что это действительно были Глор и Кэрдакс. Правда, он сам своим магическим зрением видел, как Сет вдохнул жизнь в Глора, а появившемуся чуть позже Митре не оставалось ничего иного, как то же самое проделать с Кэрдаксом, но кто знает... Боги способны оживить и чучела. На то они и боги!

Жрец посмотрел на полную луну, освещавшую землю мягким серебряным светом, и вдруг вспомнил свой поединок с колдуньей и то, сколько сил он ему стоил. Было просто поразительно, как лихо она все предусмотрела, в то время как сам он во многом ошибался... И обряд, длившийся семь дней, был действительно рассчитан на запугивание, но вовсе не Мелии, как они считали вначале, а оболваненной толпы упившихся придурков на площади, чтобы легче было выкачать из них силы, порожденные жестокостью, страхом, гневом и ненавистью... Злые силы.

Мэгил задумался. Пока все сходилась. По крайней мере, ничто не говорило о том, что он где-то ошибся. Все очень походило на правду. Непонятно лишь, зачем Рогазе понадобился Талисман. Силы? Жрец попытался заново все оценить, и ему показалось, что он все понял. Он знал, что когда-то Незримый так сильно досадил всем, что, облекись он теперь в плоть, его наверняка вновь попытались бы сковать. Зато, имея в запасе огромный запас мощи, он мог бы чувствовать себя в относительной безопасности. Недаром даже сам Митра сказал Кромю, что тот ничего не сможет поделать с

Талисманом. Суровый бог Киммерии нашел, быть может, единственно возможное решение: вогнав Талисман в пирамиду, столкнуть две силы, чтобы они сами уничтожили друг друга. Мэгил видел, к чему это привело. Большая часть огненного столба ушла в небо. Остальное разрушило Черный Замок, наверняка часть Сура-Зуда, и неизвестно, что еще там творится под грудой обломков!

Жрец подумал о том, успели ли уйти их друзья, и вдруг его осенило: а ведь колдунья оказалась права! В конечном счете в их отряде нашелся-таки предатель, пусть и невольный! Тефилус погубил не меньше сотни людей и еще полторы сотни обрек на мучительную смерть! И только Конан каким-то чудом умудрился спасти их!

— О, Конан! — простонала Милла где-то по другую сторону костра.

Жрец усмехнулся и подбросил в костер сухих сучьев. Мясо давно было готово, но голода он не испытывал. Этим же двоим, похоже, было не до еды. Теперь мысли его перекинулись на другое. Ему припомнились слова киммерийца о том, что Митра, которому Мэгил служит, не очень-то спешит на помощь своим слугам. Он знал, что это не так, не могло быть так, и все-таки не мог убедить себя в обратном. Что-то оставалось недосказанным.

До вчерашнего дня он вообще не задумывался об этом. Однако вчера ночью, когда грозный Кром, который, как это принято считать, лишь дважды в жизни удостаивает человека взглядом — при рождении и в момент кончины — вдруг явился и спас всех, и верящих, и не верящих в него, от смерти, червячок сомнения впервые закрался Мэгила в душу. Правда, суровый бог лишил всех памяти об этом событии. Лишь он, слуга Митры, оказался слишком силен в тот миг и не расстался с этим знанием, и теперь оно глодало его.

— О, Конан мой, Конан! — донеслось из темноты, и Мэгил вздохнул.

Похоже, киммерийца мало волнуют такие тонкости. Как он там говорил? «Если мне нужно пройти по мосту...» Ну, и так далее... Быть может, и нужно жить так? Появился враг — достал меч и руби! А главное — делать это все ради себя и своих друзей, а не ради кого-то или чего-то. Жрец задумался и обнял колени руками. Правда, именно благодаря Митре он тянул уже третий жизненный срок, но принесло ли это ему счастье? Едва ли... И почему-то в голову ему пришло именно это слово — тянул...

Он откинулся в траву и посмотрел на звездное небо. Оно уже не казалось ему таким черным и бездонным. Значит, скоро рассвет. Утром придут кочевники, которых они встретили днем, приведут коней, и они с Конаном разъедутся в разные стороны и, быть может, никогда в жизни больше не увидятся. На душе от этой мысли стало гадко и тоскливо. Опять он останется один. Мэгил зябко поежился, сел и поворошил палкой догорающий костер, но тут же поймал себя на том, что ему вовсе не холодно... Быть может, плюнуть на все и отправиться с киммерийцем? Пить вино, любить женщин и внимательно следить, не перекрестится ли его путь с той дорожкой, что приведет его к тихой гавани, где всегда будут ему рады и ждать будут лишь его одного?

— Ко-она-ан! — устало простонала Милла, и Мэгил беззвучно и радостно рассмеялся.

Нет, это не для него. Случись с ним такое лет сто назад, быть может, но только не сейчас. За истекшие года он многое успел понять и переоценить. Было все-таки что-то притягательное и в его судьбе одинокого скитальца, правда, понял он это только теперь и был за это благодарен Конану. В конце концов, не ради Митры делал он свое дело. Его увлекал сам поиск, который был сродни охоте на смертельно опасного зверя, а радость победы невозможно сравнить ни с чем! Так что каждому свое.

Он вдохнул полной грудью свежий воздух. Край неба на востоке начал алеть, и небо, отряхнув с себя

избыток бриллиантов, из непроницаемо-черного стало густо-синим. Скоро взойдет солнце, и не будет больше никакого кошмара. Он отправится вперед. Туда, куда позовет его неутомное сердце. Нет, сначала, конечно, в Шадизар, чтобы разузнать все о Глоре и Кэрдаксе, а потом дальше. Нужно же выяснить, на кого оставлены Врата Вечности!

Из посеревшей темноты показались две фигуры — огромная мужская и маленькая девичья.

— Что-то я устал сегодня. — Конан присел рядом с давно остывшим мясом и начал нарезать его огромными ломтями. Ни Мэгил, ни Милла не отказались от своей доли. — И проголодался, — добавил он, подумав, и, прожевав огромный кусок, спокойно закончил: — Да и спать давно пора. Припозднились мы что-то.

— Это верно, — усмехнулся жрец каким-то своим мыслям, а девушка отчего-то зарделась, а может, просто ответ зари заалел на ее хорошеньких щечках.

Эпилог

Три всадника остановились посреди зеленого разнотравья, и кони их, привыкшие к быстрому бегу в вольных коринфийских степях, недовольно отфыркиваясь, нетерпеливо переступали копытами. Два всадника, Конан и Милла, остановились рядом, третий же, Мэгил, заставил скакуна развернуться и встал напротив. Затем все спешились.

— Ну, куда ты теперь? — спросил киммериец.

— Обратно, в Шадизар, — пожал плечами жрец, стараясь выглядеть спокойным. — Нужно порыться в бумагах и разузнать кое-что.

— Увидишь Акаяму, — наказал северянин, — передай, чтобы позаботился о Лисенке.

— Быть может, что-нибудь передать Мелии? — прищурился жрец.

Черноволосый гигант помрачнел, а девушка мгновенно вспыхнула, но сдержалась.

— Нет, — наконец сказал он. — Просто расскажи ей все как было, но соври, что мы потеряли друг друга при бегстве.

— Как хочешь, — едва слышно ответил его товарищ. — Ну, а ты куда? — поинтересовался он, переводя разговор на другую тему.

— Быть может, в Зингару... — пожал плечами киммериец. — Ты бывал в Кордаве? — внезапно спросил он.

Жрец молча кивнул.

— Ну и как? — поинтересовался молодой гигант.
— Кордава — грязный город, — поморщился Мэ-
гил. — Нечего там делать.

— Да? — Конан задумчиво посмотрел на друга. —
Тогда, может, податься в Туран? — Он вопросительно
посмотрел на Миллу. — Кром! Опять перебираться че-
рез горы! Нет! Пока поеду на запад! — Он махнул ру-
кой в сторону заходящего солнца и добавил: — Вот
только ее пристрою, — кивнул он на девушку, — и решу
окончательно!

— Я тебе пристрою! — Девчонка зашипела, как ди-
кая кошка, и гневно сверкнула глазами. — Я тебе такое
устрою!

— Да пойми ты, — в который уже раз принялся
повторять он, — я в наемники собрался, а наемнику не
полагается таскать за собой вздорных девчонок! Вот
найдем тебе хорошего парня...

— Не хочу хорошего! — закричала она. — Хочу тебя!
Киммериец устало вздохнул и покачал головой с
таким обреченным видом, что Мэгил не выдержал и
расхохотался, а окрыленная этой временной победой
девица бросилась на варвара. Оба повалились на землю,
и жрец понял, что дальше смотреть на происходящее
не имеет права. Он покачал головой, потом опять рас-
хохотался, уверенный, что эти двое уже не слышат его,
вскочил в седло и поехал прочь, думая о том, что, по-
хоже, не скоро его молодой друг доберется до Зингары.

Небо темнело. Конь медленно ступал по высокой
траве, и еще долго в вечерней тишине тихий ветерок
доносил из-за спины:

— О, Конан мой, Конан!

На этом заканчивается трилогия
Мориса Делеза «Сети паука»

Глава первая

Уже который день Конан упорно шел к югу. Узкая тропа, ведущая сквозь джунгли полутемным коридором, петляя, убегала вдаль. Лианы перебрасывали свои гибкие побеги с дерева на дерево, не позволяя продвигаться вперед, и Конану приходилось мечом пробивать себе дорогу.

Но уж очень соблазнительно расписывал Витара затерянный в джунглях Рубиновый Город. И раз уж судьба занесла киммерийца в Вендию — он доберется до сокровищ во что бы то ни стало.

Витара, бездельник и славный малый, жаль, что он напоролся на меч стражника. Когда они выходили на промысел, Шадизар как бы сам подносил им свои богатства на золотом подносе. Сколько лет прошло с той поры? Чего только не случилось за это время, но кажется, будто и сейчас Витара живой и нашептывает свои истории про чудеса Рубинового Города.

До сих пор все складывалось для Конана не очень удачно, по большей части ему приходилось уносить ноги, зато теперь он отделался от врагов, и можно было спокойно отправляться на поиски сокровищ. Но для начала неплохо бы отдохнуть, только не здесь, в этом душном зеленом шатре, а где-нибудь на берегу, у воды.

Конь, наверное, думал о том же. Он напряг шею, вытянул морду и тихо заржал. Конан толкнул коня

пятками в бока, и вскоре он легкой рысью вынес киммерийца из густых зарослей на светлую поляну. Дорога вела к неширокой реке с удобным бродом.

Конан спешился, внимательно осмотрелся, расседлал и напоил коня. Приближался вечер, и он решил, что здесь и заночует. Кругом было тихо, и, не видя никакой опасности, он решил искупаться — дневная жара и влажная духота джунглей утомили его. Войдя в воду, он по привычке снова огляделся — и выше по течению увидел человека, стоявшего спиной к нему по пояс в воде.

Человек молился, подняв руки к небу. Конан готов был поклясться, что сейчас незнакомец ничего не видит и не слышит. Он уже знал, что вендийцы во время молитвы погружаются в это диковинное состояние, и поэтому спокойно искупался, оделся и стал ждать, что будет дальше.

Вскоре мужчина закончил молитву, вышел на берег и скрылся за кустами. Но, услышав ржание коня, он с опаской вышел на поляну. Теперь Конан мог его хорошенько разглядеть.

Это был стройный юноша, судя по одежде, суме и посоху — паломник, питающийся подаянием. Вендийцы часто покидали родные места, чтобы посетить далекие святыни. Как видно, и этот юноша направлялся в какой-нибудь храм.

Увидев могучего киммерийца, сидящего на траве с мечом на коленях, юноша испугался и хотел бежать, но Конан приветливо махнул ему рукой и ободряюще улыбнулся. Его голубые глаза, метавшие молнии в минуты гнева, сейчас смотрели спокойно и весело. Юноша ему понравился. Чем-то он напоминал Витару, такой же смуглый, стройный и легкий, с огромными черными глазами.

Юноша подошел, почтительно поклонился и робко спросил:

— Кто ты? Человек или небожитель?

Конан расхохотался, и юноша невольно заулыбался.

— Ну, ты и сказал! Небожитель! Демоном меня, правда, называли, но небожителем... — И он снова расхохотался.

Услышав эти слова юноша догадался:

— Ты — чужеземец, из других краев! Я слышал, что далеко-далеко на севере рождаются такие могучие воины, а вот теперь и сам это вижу!

— Да, ты прав, я — из славной Киммерии, а зовут меня Конан. Я пробираюсь на юг, и эта дорога, похоже, выведет меня куда надо.

— Да, она, хоть и петляет, но ведет на юг. Но по ночам в джунглях опасно даже для такого воина, как ты!

— А я как раз и собирался здесь заночевать, и конь заодно отдохнет. Тебя как звать?

— Дхавана. Нам, кажется, по дороге. Однако ночь приближается, надо бы разжечь костер.

Быстро темнело, и они поспешили наломать сухих веток для костра. Дхавана ловко и умело разжег огонь, расстелил на траве кусок чистой ткани и предложил Конану еду из своей сумы. Конан, уже не первый день скитавшийся по Вендии, знал, что люди здесь делятся на касты. Но ему было совершенно все равно, с кем делить кусок хлеба — с ученым, воином, ремесленником или крестьянином. Даже с самыми низкорожденными, которых сторонились все, он вел себя, как с равными. Ведь в трудное время любой человек может помочь — укрыть от врагов или накормить, когда голоден, — и совсем неважно, чем он занимается: читает ученые книги или убирает отбросы.

Из седельной сумки Конан достал флягу с вином, свежие лепешки и печеное мясо, купленные за гроши в деревне, которую он проезжал утром. Фрукты, рис и рыба, предложенные Дхаваной, превратили их походный ужин в настоящее пиршество.

Подкрепившись, Конан стал расспрашивать юношу, кто он и куда идет. Дхавана рассказал, что хочет посетить монастырь с храмом Кубиры, бога богатства. Он находится в Потали, небольшом городке к югу от его

деревни. Идти туда осталось недолго — два или три дневных перехода.

Юноша говорил охотно, но его рассказ то и дело прерывался тяжкими вздохами, он мрачно смотрел на пламя костра. Конан понял, что какая-то забота не дает ему покоя, и спросил, что его печалит и чем ему может помочь Кубира?

Дхавана грустно улыбнулся и ответил:

— Кубира мне ничем не поможет. Мою печаль могу развеять только я сам. Уже год, как я потерял своего любимого брата — Критану. Мы с ним родились в один день и один час, жили, как одна душа, до тех пор, пока ему не захотелось побывать в храме Кубиры. Приходя оттуда, паломники рассказывали столько чудес о монастыре и этом храме — бог Кубира милостив к монахам. Люди своими глазами видели, какие прекрасные вещи появляются в монастыре по молитве главного жреца Ваджрана — такое могут сделать лишь самые искусные мастера, отмеченные милостью богов. Монастырь ведет торговлю с другими городами и богатеет, прославляя божество и украшая город.

В нашей деревне все занимаются ткачеством. Золотая парча — наш родовой промысел. Никто в деревне не мог сравниться в этом искусстве с нами, Кританой и Дхаваной. Когда Критана собрался в путь, я почувствовал, что уходит половина моей души. Наша сестра, Сундари, умеет предвидеть будущее. Она со слезами просила брата не уходить в Потали, говорила, что там его ждет беда. Но он все равно ушел, унеся с собой наш покой... — Дхавана замолчал, забыв про еду и глядя на пляшущие языки пламени.

Они довольно долго молча сидели у костра. В конце концов Конан улегся спать. Он чувствовал, что Дхавана не причинит ему зла. Завернувшись в плащ и еще раз взглянув на задумавшегося юношу, Конан уснул.

Проснувшись поутру, киммериец увидел, что Дхавана по-прежнему сидит у давно потухшего костра, уст-

ремив вдаль невидящие глаза. Конан потряс его за плечо и, когда тот очнулся, сказал:

— Поедем вместе. Раз мой путь лежит через Потали, я, пожалуй, не откажусь посмотреть на чудеса, о которых ты говорил. Садись сзади на коня, и поехали!

Юноша благодарно улыбнулся и легко вскочил на круп коня. Могучий жеребец даже не почувствовал дополнительной ноши, спокойно перешел реку и рысью понес их через поляну в джунгли, куда вела дорога.

Глава вторая

Днем они остановились в небольшой деревушке, отдохнули и поехали дальше. До Потали оставалось всего два дневных перехода, но путь шел через непроходимые джунгли, и лишь изредка попадались открытые места, где когда-то были деревни.

Конану не нравились духота и заросли вендийских джунглей. Воздух, казалось, был густым от испарений земли и дыхания растений. Не освежая, он с трудом проходил в горло. Конан то и дело прикладывался к фляге с вином, чтобы избавиться от ощущения вязкости лесного воздуха. Дхавана молча сидел сзади. Похоже, он не замечал ни жары, ни духоты.

Ближе к вечеру они набрали на небольшую поляну. Рядом с дорогой, заботливо обложенный камнями и очищенный от сухих веток, бил маленький родник — все, что осталось от деревни, покинутой много лет назад. Конан напоил коня, напился сам и набрал воды в опустевшую флягу. Дхавана омыл в воде руки и лицо, помолился и, как делали все путники до него, отбросил прочь от родника весь мусор.

Костер разожгли здесь же, и Конан предложил юноше свой плащ, чтобы тот уснул. Но Дхавана явно испытывал какое-то беспокойство и тревожно всматривался в переплетение веток и лиан, которые в сгущавшихся сумерках казались непроходимой стеной. Впервые за весь вечер он наконец заговорил:

— Здесь очень опасные места. Много путников погибает в когтях огромного тигра — хозяина здешних лесов. Сначала я даже думал, что этот тигр растерзал и моего брата. Но сестра сказала... — Он осекся на полуслове, с ужасом наблюдая за тем, что происходит за спиной Конана.

Киммериец понял все без слов, резко отскочил в сторону и выхватил меч. Привязанный к дереву конь захрипел и стал биться, стараясь оборвать повод.

Лес огласился протяжным ревом голодного тигра, и вот он уже стремительно выскочил на поляну, готовясь поживиться легкой добычей. Он привык брать дань с этой дороги и ночью, и даже днем. Другого пути в Потали с севера не было, поэтому путники обычно собирались в караваны, чтобы вместе миновать опасные места. Тех, кто путешествовал в одиночку, тигр считал своей законной добычей, и потому мало кому из них удавалось дойти до Потали.

Уже несколько дней дорога пустовала. Тигр был голоден и зол. И вот наконец путники и лошадь! Хищник стоял посреди поляны, оскалив ужасные клыки, бил хвостом и яростно рычал.

От ужаса конь взвился на дыбы.

Вдруг два вихря рванулись навстречу друг другу, воющий и ревущий клубок покатился по поляне. Разгоравшийся костер потух, и в сумерках трудно было разобрать, что происходит. Не помня себя от ужаса, Дхавана залез на дерево и, прижавшись к стволу, раздвинул плети лиан, пытаясь разглядеть, что творится внизу. Казалось, на поляне сражались два могучих тигра. Мелькали тела, раздавалось яростное рычание, звуки ударов и треск сучьев. Внезапно клубок ревущих тел распался, но через мгновение противники вновь сцепились в смертельной схватке. Однако вскоре все затихло, даже конь перестал ржать и биться. Были слышны лишь хриплое дыхание и предсмертные стоны — то ли зверя, то ли человека. Наконец Дхавана различил в темноте очертания человеческой фигуры с мечом в

руке. Юноша быстро слез с дерева и подбежал к коню. Почувствовав прикосновение человеческих рук, конь успокоился и лишь изредка испуганно всхрапывал.

С головы до ног залитый кровью Конан вытирал меч огромными листьями лианы. Дхавана поджег сухую ветку и осмотрелся. Гроза одиноких путников, тигр, оскалив страшную пасть, лежал на спине с огромной раной в груди.

Дхавана быстро насобирал сучьев и разжег новый костер. Конан в изнеможении сел, прислонился спиной к стволу и закрыл глаза. С разодранного плеча свисал огромный лоскут кожи, вся грудь была исполосована когтями. Кровь лилась горячими ручьями, и вместе с ней силы покидали могучее тело киммерийца. Но вот он почувствовал, что кто-то прикасается к его ранам — это Дхавана промывал их холодной водой. Потом он принес охапку мягких круглых листьев и стал бережно прикладывать их к ранам. Как только он накладывал лист, боль потихоньку начинала утихать, а кровь сразу останавливалась.

Вскоре все раны были прикрыты листьями, боль почти ушла, и киммерийца потянуло в сон. Сквозь прикрытые веки он видел костер, оскаленную пасть тигра и его желтые глаза, казавшиеся совсем живыми в отблесках пламени. Засыпая, Конан успел подумать, что надо бы снять с него шкуру.

Проснувшись утром, киммериец сначала не понял, что с ним — одежда изорвана, в засохшей крови, а тело облеплено увядшими листьями. Он повернул голову и сразу все вспомнил: и тигра, и битву, и то, как Дхавана промывал его раны. Тигр прокусил Конану плечо и порвал грудь. Такие раны болят сильнее, чем от меча или копья, но сейчас боль почти не чувствовалась... К своему удивлению, поодаль киммериец увидел распяленную на сухих ветках умело обработанную шкуру. Рядом лежала прикрытая травой и листьями освеженная туша.

Дхавана сидел возле Конана на корточках и никак не мог понять, чему удивляется киммериец, глядя на шкуру. Но, когда Конан объяснил, юноша засмеялся и сказал:

— Настоящему мужчине и сорока искусств мало — так говорил мой отец. Ты еще не так удивись, когда снимешь эти листья! — И Дхавана осторожно отлепил лист от плеча киммерийца.

Конан скосил глаза, ожидая увидеть распухшую рану, но под листом был свежий рубец, словно он сражался с тигром не сегодня ночью, а по крайней мере дней десять назад. Он привык не замечать боли, привык, что раны у него быстро заживают, но с такими чудесами столкнулся впервые.

— Так ты, что же, еще и лекарь? Ткешь парчу, выделяешь шкуры, заживляешь раны... Сколько искусств, ты говоришь, должен освоить настоящий мужчина — сорок? Что же ты еще умеешь?

Дхавана, улыбаясь, отлепил остальные листья — раны уже затянулись, остались только яркие рубцы, которые вскоре побледнеют. Потом юноша подошел к лиане, свесившей свои гибкие побеги с нежно-сиреневыми цветами прямо над дорогой:

— Тебе очень повезло, чужеземец! Боги отблагодарили тебя за то, что ты избавил джунгли от этого проклятия. Если бы не листья вяны — ты бы истек кровью. Это очень хороший знак. Боги любят тебя. Ведь только свежесорванные листья вяны исцеляют. Когда они увянут или засохнут — чудесная сила исходит. Поэтому их нельзя запасти впрок.

Конан разглядывал слегка колышущуюся над поляной лиану, вдыхал аромат цветов и думал, что Вендия — действительно чудесная страна. Прав был Витара...

Весь день они ехали по безлюдным местам. В джунглях изредка встречались небольшие поляны, заросшие высокой травой, а потом деревья вновь смыкали ветви над их головами. Вверху шумно возились пестрые птицы,

перекликаясь резкими голосами, как торговцы на базаре. Некоторое время путников сопровождала стая любопытных обезьян. Они увидели наброшенную на плечи Конана шкуру тигра и подняли отчаянный визг. Потом их привлекло что-то другое, и они, все так же вереща, умчались вглубь зарослей.

Для последней ночевки Конан и Дхавана выбрали довольно большую поляну.

Конан разложил на траве полосатую шкуру и с удовольствием на ней растянулся. Дхавана разжег костер и сидел рядом, по-прежнему задумчиво глядя на огонь и почти не прикасаясь к еде. Потом он встрепенулся, как будто что-то вспомнив, и достал из-под рубахи пояс. Парчовый пояс, затканый золотыми нитями, сверкнул в свете костра, и Конан придвинулся ближе, чтобы получше его рассмотреть. Дхавана протянул ему пояс и сказал:

— Сундари, наша сестра, говорила мне, что Критана не погиб, растерзанный тигром, что он жив, но может скоро умереть, и мне, если я пойду его искать, тоже грозит беда... Но она выткала этот пояс и сказала, что в его узорах заключено древнее заклинание. Если мне будет трудно, я должен положить его перед собой и вспомнить сестру...— Дхавана взял из рук Конана пояс, положил на землю и стал легонько поглаживать его кончиками пальцев. Вдруг рядом с ними, на фоне черных ночных кустов, в воздухе появилась легкая сияющая дымка. Колеблясь, она постепенно принимала определенные очертания. И вот перед ними возникла стройная девушка с тяжелыми черными волосами, в яркой шелковой одежде. Дхавана глядел на нее не в силах оторваться. Конан тоже засмотрелся на это ночное видение. Девушка села рядом с Дхаваной, и отблеск костра позолотил ее щеки. Юноша наконец пришел в себя и спросил:

— Это ты, Сундари?! Как ты очутилась здесь, в джунглях, так далеко от дома? Как родители отпустили тебя? Девушка покачала головой:

— Это я — и не я. Заклинание, вытканное на этом поясе, помогает и мне, и тебе. Теперь, когда ты так близко от монастыря, я знаю, где брат и как можно ему помочь. Но без чужеземца, который один одолел тигра, — девушка посмотрела на Конана долгим взглядом огромных черных глаз, — без его помощи и силы ты ничего не сможешь сделать и погибнешь, как и многие другие. Если могучий чужеземец согласится тебе помочь, я скажу, что делать дальше. А если нет — тебе лучше вернуться, иначе ты и Критану не спасешь, и сам погибнешь...— Слезы катились по ее смуглым щекам, глаза с мольбой смотрели на Конана. Полные, ярко-красные, казалось, созданные для улыбки губы вздрагивали, словно силясь сказать еще что-то. Дхавана переводил взгляд с сестры на Конана, и его глаза тоже просили о помощи.

В тишине, нарушаемой лишь тихими шорохами ночных тварей и потрескиванием костра, раздался решительный голос Конана:

— Я помогу твоему брату, девушка. Ты, как видно, знаешь многое — расскажи, что надо делать, а мой меч не подведет.— И киммериец положил на колени своего верного спутника. Ладонь же его невольно потянулась к туго обтянутому шелковой тканью крутому бедру, такому соблазнительному, такому близкому. Но рука северянина вошла в пустоту...

Девушка улыбнулась, слезы еще блестели на ее ресницах, но от этого она казалась лишь красивее.

— Меч тебе понадобится, но не сразу. Слушайте, что я буду говорить, и запоминайте.— Она закрыла глаза, лицо ее стало отрешенным, и она заговорила на каком-то певучем, непонятном Конану языке.

Дхавана негромко повторял за сестрой на вендийском наречии:

— *Жрец, коварная змея... Плен приносит свободу... Немой воин и ткач... Неразлучны, как братья... Странники не едят мяса... Ткут золотую парчу... Узор пояса, узор покрывала... Брат ищет брата... Ткач ищет по-*

мощника... Свет солнца, золото сияет... Узел судьбы развязывается...

Проговорив это, девушка последний раз взглянула на Конана и растаяла, только пояс, сверкая, лежал у костра.

Дхавана давно уже молчал, а Конан все пытался понять, что значили эти слова. Но все, что ни приходило в голову, сразу и само собой, было ему чуждо и непонятно. Пусть Дхавана сам разбирается в этих загадках — все равно дело решит меч, в этом киммериец ничуть не сомневался. Поэтому он спросил юношу:

— Ну и что хотела сказать твоя сестра? Слов было много, а смысла я не понял. Ты, наверное, разобрался лучше меня — что это за странники, которые не едят мяса, и чем я могу тебе помочь?

Дхавана подложил в костер сучьев, надел на себя драгоценный пояс и сказал:

— Когда боги говорят с людьми, они всегда не договаривают. И дело людей — понять и исполнить их волю. Я понял все, что говорила Сундари, но тебе предстоит трудное испытание. Твоя сила и смелость поистине ошеломляют, но я не знаю, сможешь ли ты притвориться?

— Притворяться?! — Конан расхохотался. — Притворяться, говоришь? Кем хочешь — купцом, князем, хромым, слепым, горбатым, глухим или немым? Выбирай, что тебе нужно. Ты не жил в Шидизаре и не слышал о Конане, иначе бы не задал мне такого вопроса!

Дхавана смотрел на своего спутника с радостью и восхищением:

— Значит, ты сможешь притвориться немым?! Как раз об этом говорила Сундари в своем пророчестве. Ну, раз тебе уже приходилось это делать, то слушай... — И Дхавана подробно растолковал слова сестры.

Конану понравилась его новая роль — вспомнились проделки юности, и он долго рассказывал Дхаване о своих шадизарских похождениях. К утру молодой ткач совсем обессилил от смеха, его печаль развеялась, и в сердце поселилась надежда.

Воспоминания о прежней веселой жизни пробудили у Конана зверский голод, и он сказал Дхаване:

— Завтра мы уже не увидим мяса, но сегодня я кого-нибудь изловлю. До города еще целый день пути, а я уже сейчас готов съесть целого барана!

Дхавана с сомнением покачал головой:

— Меч и кинжал — оружие воина, а не охотника. Но дичи мы все-таки добудем. — С этими словами он достал из сумы моток толстых шелковых ниток, немного риса и скрылся в кустах.

Через полчаса он вернулся, неся огромную охотничью сумку, чтобы снова разжечь костер. Конан сразу понял, что юноша расставил силки — довольно крупные птицы громко перекликались в кустах и пролетали над головами путников, не обращая на них ни малейшего внимания.

Вскоре они услышали крик и отчаянное хлопанье крыльев. Дхавана бросился в кусты и вернулся, держа в руках большую птицу с ярким оперением.

— Это чарвака, если ее испечь в углях, будет не хуже гуся или утки. Там их целая стая, и они совсем не боятся. Подождем еще, может, и в другой силок что-нибудь попадется... — Не успел он договорить, как громкий крик и хлопанье крыльев подтвердили его слова.

Две испеченные в углях жирные чарваки придали путникам сил на целый день пути по влажным знойным джунглям.

К вечеру они вышли к долине, по которой протекала довольно широкая река. Дхавана несколько раз повторил ее название, но киммериец никак не мог его запомнить. У вендийцев порой встречались такие названия рек или деревень, что язык сломаешь.

Убедившись, что запомнить название этой реки ему не под силу, Конан махнул рукой и стал вглядываться вдаль. Там, за рекой, в вечерней дымке смутно вырисовывался обнесенный высокой крепостной стеной город. Джунгли отступили. До самого горизонта раскинулась огромная плодородная долина. У стен города приюти-

лись набольшие деревушки землевладельцев, неподалеку от реки мирно пасся скот.

Посовещавшись, путники решили переночевать в деревне, а с рассветом войти в город. Как требовало пророчество, Конану настало время превратиться в немого воина. Напоследок перекинувшись с Дхаваной парой слов, он замолчал, уверенный, что испытание продлится недолго.

Деревня оказалась дальше, чем показалось на первый взгляд. Путники подошли к деревенским воротам за полночь. Но здесь, как видно, привыкли к странникам и сразу показали дом, где можно остановиться на ночь. Утром, щедро расплатившись с хозяином, они не мешкая отправились к городу.

Еще вечером радушный хозяин рассказал им, что храм Кубиры — главное украшение города и что во время храмовых праздников паломники стекаются в Потали со всех концов Вендии. Особенно много приходит купцов. Они за большие деньги покупают у монахов чудесные изделия. Никто из здешних мастеров не может создать ничего подобного. Украшения, ткани, посуда — все это отмечено печатью милости божества. Здешний монастырь — один из самых богатых, и около него кормятся все крестьяне и городские ремесленники.

Он еще долго рассказывал о святости главного жреца, но усталые путники думали уже только о том, как бы поскорее лечь спать.

Глава третья

И вот наконец утро, и перед ними — прекрасный город с загадочным храмом. Несмотря на ранний час, в городе было очень оживленно. Жители в нарядных одеждах выходили из домов и спешили к храму. Конан и Дхавана, медленно двигаясь в густой толпе, с интересом разглядывали богатые постройки, дома с ажурными украшениями, ворота с затейливой резьбой.

Казалось, они соперничали между собой: на одних воротах были вырезаны диковинные цветы, на других — райские птицы, на третьих — битва единорогов... Ни один узор не повторялся, ни один дом не уступал другому. Воистину Кубира, бог богатства, простер над городом свою руку, и его жители ни в чем не знали нужды.

Вот и сейчас обитатели города спешили к площади, чтобы лицезреть главного жреца, когда он выйдет из монастыря и прошествует в храм для утренней молитвы и жертвоприношения.

Конан и Дхавана без труда очутились в первом ряду толпы — горожане почтительно расступались перед конем, с изумлением глядя на могучего всадника со шкурой тигра на плечах.

Пестрая шумная толпа вдруг затихла, ворота монастыря запахнулись, и раздалась дикая, резкая музыка — трубачи, флейтисты, барабанщики извлекали из

своих инструментов такие невероятные звуки, что мог бы ожить и мертвый.

Следом за музыкантами шли монахи в желтых и красных одеждах, опоясанные мечами и похожие скорее на грозных воинов, чем на слугителей божества. Оттеснив толпу, они выстроились двумя рядами между монастырем и храмом и образовали широкий проход. Следом за ними высыпала толпа служек. Они проворно разложили на земле золотые кирпичи, по которым должен был пройти главный жрец. Куда бы тот ни направлялся, перед ним всюду выкладывали дорожку из золотых кирпичей, чтобы его нога не коснулась земного праха.

Музыканты еще оглушительнее задудели в свои дудки, и показался сам главный жрец в сопровождении приближенных. Они несли жертвенные сосуды в форме бычьих голов, наполненные молоком, медом и кровью жертвенных животных.

В толпе зашептали: «Ваджран! Святой Ваджран!» и стали опускаться на колени. Конан заметил, как Дхавана соскользнул с крупа коня и тоже встал на колени. Сам он, сидя верхом, возвышался над толпой и невозмутимо разглядывал процессию. Взгляд главного жреца невольно остановился на мощной фигуре киммерийца, он замедлил шаг и что-то сказал одному из монахов. Потом в сопровождении многочисленной свиты он величественно вошел в храм, и на площади снова стало тихо. Люди стояли на коленях и чего-то ждали. Конан, до этого с интересом глядевший на торжественную процессию, теперь рассматривал храм и поражался его великолепию и богатству.

Никак не верилось, что это ослепительно белое здание было воздвигнуто человеческими руками. Скорее, оно могло возникнуть чудом, в одну ночь.

К главному входу вела аллея из стоявших друг против друга каменных слонов. Их глаза, сделанные из темно-красных рубинов, сверкали на солнце, и казалось, что изваяния живые. Ноги слонов были украшены

золотыми браслетами, сиявшими множеством драгоценных камней. Каждый такой браслет был дороже любой царской короны. На их спинах стояли золотые чаши, в которых пылал огонь. Такие же слоны, подняв белоснежные хоботы и сверкая золотыми бивнями, стояли вокруг всего храма.

Внутри этого круга возвышался храм. Чудилось, будто на его стены накинута тонкое ажурное покрывало — так изящна была покрывавшая их каменная резба. Высокие узкие окна венчали орнаменты из драгоценной мозаики, и такая же мозаика украшала ворота, сделанные из драгоценного сандалового дерева.

Огромный граненый купол, так же как и стены, украшенный искусной резьбой и мозаичными узорами, устремлялся к небу высоким золотым шпилем.

Казалось, что огромное здание вот-вот взлетит в небеса сияющим белым облаком. Но оно стояло на земле, прославляя своей красотой и богатством могучего бога Кубиру.

Однако красота и великолепие пробуждали в Конане совсем другие мысли: сияя на солнце, золотые кирпичи, рубины и браслеты так и просились к нему в руки, обещая наслаждения и веселую привольную жизнь.

Ворота внезапно распахнулись, и под звуки оглушительной музыки из храма величаво вышел жрец, а следом — его многочисленная свита. Народ поднялся с колен и словно ждал чего-то. И когда жрец трижды махнул рукой, толпа оживленно зашевелилась и послышались негромкие возбужденные голоса.

Как по волшебству, на площади возник небольшой помост, сооруженный расторопными служками. Собранный в мгновение ока из хорошо пригнанных деревянных брусьев, он был украшен развевающимися лентами и гирляндами бубенцов.

Сбоку от помоста установили высокое кресло для главного жреца. Он торжественно обошел площадь, затем сел и хлопнул в ладоши. Взыли флейты, и двое дюжих монахов с трудом вынесли из ворот храма

большой сундук. Когда они откинули крышку, по толпе пронесся восхищенный шепот.

Все это время Конан внимательно прислушивался к разговорам горожан, а потому уже знал, что сейчас произойдет. Оказывается, раз в несколько дней, когда на то была воля божества, здесь, на площади, происходило состязание во славу Кубиры. Самый сильный из монахов вызывал на поединок любого из горожан или паломников. Их заклад не должен уступать закладу Кубиры. Если побеждал горожанин — ему доставался сундук с богатствами и благословение божества, а это сулило большую удачу во всех делах. Если выигрывал монах — то заклад горожанина доставался храму, но проигравший все равно был благословлен Кубирой за участие в поединке. Поэтому всегда находилось много желающих принять участие в состязании.

Вот и сейчас к помосту подошел коренастый крестьянин в холщовой одежде. Следом за ним двое юношей несли сундук с закладом. Его поставили рядом с монастырским сундуком и откинули крышку. Жрец с высоты своего кресла осмотрел содержимое и медленно кивнул.

Крестьянин сбросил одежду, на нем осталась лишь полоска материи вокруг бедер. Его умащенное маслом тело играло буграми огромных мышц.

Противником крестьянина был опытный воин. Видно, он участвовал не только в рукопашных боях — на его теле светлели рубцы, оставшиеся от ран, нанесенных мечом или секирой. Он был крепок и жилист и казался отлитым из темной бронзы.

Оба бойца подошли к жрецу и преклонили перед ним колени. Жрец поднялся, взял из рук служки небольшую чашу и окропил вином их головы, произнося молитву во славу Кубиры. Затем он громко благословил обоих и дал знак к началу состязания.

Бойцы поднялись на помост и стали медленно сходиться, как бы оценивая друг друга. Затем последовал

молниеносный выпад воина — и вот они уже сцепились, пытаясь оттеснить друг друга к краю площадки.

Толпа, до этого тихая и сдержанная, вдруг взорвалась криками:

— Мерван! Непобедимый Мерван одолевает! Славы, великий Мерван!

— Супанда! Держись, Супанда! Боги помогут тебе! Смелее, Супанда!

Конану тоже хотелось кричать и вопить вместе со всеми, он видел, что Дхавана не выдержал и тоже что-то выкрикивает, подбадривая Супанду. Помня о своей роли немого, киммериец замычал, впрочем, звуки эти больше походили на рычание раненого зверя. Люди, стоявшие рядом, с опаской косились на странного чужеземца и старались отойти подальше. Вскоре вокруг Конана образовалось пустое пространство. В гордом одиночестве он возвышался на своем коне прямо напротив кресла жреца, привлекая к себе всеобщее внимание.

Тем временем бой на помосте продолжался. Опытный воин теснил Супанду. Казалось, крестьянин вот-вот упадет с помоста. Но каждый раз гигант уворачивался, и противники вновь кружили друг против друга, готовясь к новой атаке.

Толпа явно желала удачи Супанде, бойцу, впервые вышедшему на храмовый помост. В Поталии сила ценилась не меньше богатства и удачи, поэтому его здесь хорошо знали. Он играючи носил тяжелые мешки с рисом, которые с трудом могли поднять пять здоровых мужчин. Но слава доблестного Мервана, уже давно не имевшего себе равных, заставила Супанду усомниться в своих силах. Однако желание выйти на поединок с прославленным бойцом и получить благословение Кубиры, а, может быть, и сундук, победило все сомнения — вот он и вышел на помост.

Бой длился уже довольно долго, но соперники ни чем не уступали друг другу. Уже не один раз нога непобедимого Мервана касалась края помоста, но он упорно теснил противника к центру, стараясь удержаться

и выискивая удобный момент для нападения. Но коварные приемы, столько раз приносившие Мервану победу, на этот раз ни к чему не приводили. Супанда почувствовал, что Мерван растерялся, неожиданно схватил его поперек туловища, и, несмотря на отчаянные попытки воина высвободиться, тяжелым шагом подошел к краю помоста. Несколько мгновений он подержал извивающегося и рычащего в бессильной ярости противника в воздухе и бросил его вниз. Мерван молниеносно, как кошка, вскочил на ноги и снова ринулся в бой, желая отплатить за свое унижение. Но главный жрец поднялся с кресла и поднял руку. Несколько опоясанных мечами монахов подбежали к Мервану и увели его с площади.

Служки торжественно подвели победителя к жрецу. Там на него, еще тяжело дышащего после схватки, надели расшитые золотом одежды и трижды провели вокруг площади. Неутомимые музыканты раздували щеки, но музыки не было слышно из-за восторженного рева толпы. Потом торжествующий победитель удалился, став обладателем богатства и благословения.

Помост исчез так же быстро, как и появился. Жрец поднялся с кресла и, ступая по золотым кирпичам, двинулся к монастырю. Вооруженные монахи плотной толпой проследовали за ним, и, нутужно скрипя, ворота монастыря закрылись.

Толпа быстро редела. Расходясь по домам, горожане оживленно обсуждали состязание, радуясь победе молодого Супанды.

Вскоре на площади остались только Конан и Дхавана. Храм сиял белизной и блеском драгоценных камней, горели огни в золотых чашах, и ничто не напоминало о том, что совсем недавно здесь было таклюдно и шумно.

Путники стояли, не зная, куда теперь направиться. Для начала нужно было найти торговую площадь и разузнать о постоянных дворах. Конан тронул поводья, и конь не спеша двинулся к одной из улиц, огибавших

монастырь. Ему казалось, что именно туда ушла большая часть толпы.

Вдруг в стене монастыря открылась небольшая дверь, и оттуда вышли два монаха в ярких одеждах, явно из свиты жреца. Они подошли к путникам. Один из них взял под уздцы коня, второй почтительно поклонился и протянул приглашение главного жреца. Им, как самым почетным гостям, предлагали погостить в монастыре. Конан посмотрел на монахов, пожал плечами и что-то промышчал. Дхавана слез с коня, поклонился монахам и ответил:

— Мой брат и я — незнатные люди и недостойны такой чести. Но если вы не ошиблись и святой Ваджран действительно хочет оказать нам гостеприимство — мы с радостью и благодарностью последуем за вами.

И путники вошли в дверь сбоку от главных ворот.

Перед ними раскинулся большой монастырский двор с многочисленными постройками. Как и все дома в этом городе, они поражали своей красотой и гармонией. Крыши были украшены затейливыми водостоками, а у каждой двери сидели на страже каменные изваяния.

По двору взад-вперед носились служки: одни несли корзины с фруктами, другие выносили кувшины с вином из погреба, третьи просто бежали неизвестно куда. Двое служек приняли поводья из рук Конана и увели коня в глубь двора, где виднелась конюшня. А потом гостей подвели к большому дому, где их встретил приветливый старец и, почтительно кланяясь, проводил в богатые покои. Вездесущие служки распахнули перед ними дверь, и они оказались в сводчатой комнате с бассейном. Голубовато-зеленая вода маняще плескалась о край глубокой мраморной чаши.

Конан вопросительно посмотрел на Дхавану, но тот уже снимал одежду, собираясь искупаться. Конан последовал его примеру, и вскоре они оба с наслаждением погрузились в прохладную проточную воду.

Усталость долгого пути тут же исчезла, тело было легким, а мысли — ясными. Конан лежал в бассейне, с удовольствием ощущая движение водяных струй, и думал — с чего это им оказывают такие почести? Права была девушка, похоже, они действительно очень нужны жрецу, но зачем? Конан хотел спросить Дхавану, но, помня о том, что ему отведена роль немого, лишь замычал, вопросительно глядя на юношу. Судя по всему, Дхавана думал о том же, поэтому ответил сразу, как будто читал мысли друга:

— Сундари знала, что мы понадобится жрецу — и вот мы здесь, в монастыре. Посмотрим, что будет дальше, может быть, найдем Критану...

Неся нарядные одежды, вошли служки. Конан смотрел и все не переставал удивляться, с какой стати жрец оказывает им такой прием.

В принесенных служками одеждах они стали похожи скорее на богатых горожан, чем на усталых запыленных путников. Конан хотел было надеть свой пояс с мечом и кинжалом, но обнаружил, что пояс на месте, а оружия — нет. Ему даже не понадобилось притворяться, чтобы издать гневный рык. Варвар стоял посреди зала, размахивая поясом, и яростно сверкал глазами, наводя ужас на служек.

Старый монах, порядком испугавшись, подошел к Дхаване и спросил, что случилось с его спутником, почему он так рычит, что его так разгневало. Надев поверх богатого платья холщовую суму, с которой Дхавана ни за что не согласился бы расстаться, как Конан с оружием, юноша сказал:

— Мой названный брат не может говорить, но я понимаю, что его рассердило. Он воин и со своим оружием не расстанется ни днем, ни ночью. Он не понимает, почему вы унесли его меч, и хочет, чтобы его вернули.

Служки в замешательстве переглянулись, а старик покачал головой и сказал:

— Сегодня вы гости нашего монастыря. Здесь вам не угрожает опасность, поэтому оружие вам не нужно.

Служители Кубиры опоясаны мечами, но это — их обет перед богом, а гости предстают перед главным жрецом без оружия.

— Перед главным жрецом?! — изумился Дхавана. — Кто мы такие, чтобы с нами разговаривал сам святой Важдран?

— Он так пожелал, значит, вы его увидите. А сейчас я отведу вас в трапезную. — И старик предложил им следовать за ним.

Вслед за стариком Дхавана и Конан вошли в другую комнату. Здесь стоял огромный деревянный стол, за которым могло бы уместиться по крайней мере сорок человек.

Дхавана поклонился и сказал старику, что они пришли из деревни, жители которой от рождения не едят мяса, поэтому даже запах мясных кушаний им невыносим. Запах еды щекотал ноздри, и Конан с тоской подумал, что будет нелегко насытиться фруктами и сладостями.

Глядя на Конана, стиснувшего зубы и хмуро рассматривавшего богатый стол, можно было подумать, что он действительно с отвращением вдыхает запах жареной дичи.

Повинуясь взгляду старика, служки схватили блюда и скрылись за дверью. Тем временем гости уселись за стол и наполнили кубки вином, намереваясь подкрепиться свежим монастырским хлебом и ароматным сыром. Но в это время дверь распахнулась, и внесли кушанья, запах которых будоражил аппетит не меньше, чем аромат хорошо поджаренного мяса. Поистине, эти монахи знали толк в еде! Чего только не было приготовлено из фруктов, овощей, молока и творога! Конан и Дхавана не скоро смогли оторваться от обильного угощения, а когда наконец служки унесли последнее блюдо, гостей торжественно пригласили в покои главного жреца.

Они долго шли по длинным коридорам, минуя просторные, роскошные залы, пока не остановились перед

черной эбеновой дверью. Она неслышно распахнулась, и гости оказались в просторной комнате с высокими окнами. Солнечный свет делал узоры роскошных ковров ярче, отражался бликами от полированного камня колонн, разделявших стены на равные промежутки. С высокого потолка на толстых цепях свисал огромный золотой обруч с многочисленными светильниками и изящными коваными подвесками.

В глубине комнаты на возвышении сидел сам жрец, святой Ваджран. В богатом парчовом одеянии и шапочке, усеянной драгоценными камнями, он мог служить земным воплощением Кубиры — такая сила и властность исходили от него, так пронзительно глядели горящие черные глаза.

Жрец внимательно рассматривал вошедших. Он ничем не выдавал своих чувств, но облик варвара поразила его еще во время утренней церемонии, а сейчас ошеломляющее впечатление от этой дикой силы и мощи лишь усилилось.

Конан стоял перед жрецом, смело глядя ему прямо в глаза. Его черные, еще влажные после купания волосы падали неровными прядями на лоб и плечи, подчеркивая суровость смуглого лица и решительно сжатых губ. Наброшенная на могучие плечи шкура огромного тигра делала его похожим на посетившее вендийские земли божество далеких северных стран, о которых здесь немало слышали от купцов и паломников.

Этим мощным, покрытым многочисленными шрамами рукам явно не хватало меча, а ноги, казалось, могли неумоимо нести своего хозяина по всему свету — так сильны и пропорциональны они были.

Конан чувствовал, что жрец рассматривает его, как породистого жеребца, и гнев засверкал в его синих глазах, ноздри затрепетали, руки невольно сжались в кулаки — он мгновенно стал похож на тигра, готового к прыжку.

Жрец, привыкший к покорным и восхищенным взглядом паломников, невольно отшатнулся, прижав-

шись спиной к резному дереву высокого кресла, и подумал: «Как хорошо, что у этого чужеземца отобрали меч!» Однако он величественным жестом указал паломникам место возле себя, и те подошли ближе, Дхавана — глядя восхищенно и почтительно, Конан — не отводя горящих гневных глаз.

Появились служки и рядом с возвышением поставили низкие кресла. Гости сели, и жрец не спеша стал расспрашивать, откуда они пришли и что хотят попросить у Кубиры.

Отвечал один Дхавана, хотя жрец спрашивал обоих. Не дождавшись ответа от Конана, жрец удивленно спросил у Дхаваны:

— Почему твой спутник все время молчит? Ты называешь его братом, но ведь он северянин и, наверное, не знает нашего языка?

— Да, о святой Ваджран, он северянин, но я не знаю, откуда он и что забросило его в наши края. А братом я называю этого человека потому, что я спас его от смерти, и теперь мы не можем жить друг без друга. Он умрет в разлуке со мной, а я — в разлуке с ним.

— Расскажи, Дхавана, что случилось и как ты спас ему жизнь?

— Это было год назад, вскоре после того, как я лишился своего родного брата. Однажды утром мы услышали доносившийся с улицы шум, крики, лай собак, и отец послал меня узнать, что случилось. Я убежал из дома и увидел, что навстречу мне, шатаясь, идет огромный человек. Он стонал при каждом шаге и обеими руками опирался на свой меч, как на посох. Кровь ручейками текла из его ран, оставляя на дороге красную полосу. Глаза его, казалось, ничего не видели, великан шел, сам не зная куда. Увидев меня, он открыл рот, силясь что-то сказать — и не мог. Сделав еще один шаг, он схватился за мое плечо и упал, удерживая меня за собой. Когда я поднялся, он лежал на земле, как мертвый. Соседи с ужасом смотрели на него, не смея подойти ближе, а женщины плакали.

Вдруг из дома выбежала моя сестра. Она наклонилась над воином и положила руку ему на голову. «Он жив! — воскликнула она. — Несите его поскорей к нам в дом!» Несколько мужчин с трудом подняли раненого и понесли его к дому. Меч великана волочился по земле. Его рука так крепко стиснула рукоять, что ее было не разжать. Так, с мечом в руке, его уложили на ложе моего брата...

Моя сестра Сундари с детства владеет чудесным даром — она может исцелить любую болезнь, залечить любую рану. Она знает секреты всех целебных трав. Вот и тогда она сделала отвар и промыла все раны незнакомца. Тот открыл глаза, рука, сжимавшая меч, разжалась, и он вновь коснулся моего плеча, силясь что-то сказать. Потом он уснул и спал до следующего утра. Все это время я не отходил от него и промывал раны отваром, который приготовила сестра. Он был страшно изранен, и временами нам казалось, что никакие целебные травы не вернут его к жизни — но он победил смерть, как победил своих врагов.

Целый месяц я не отходил от него, как от малого ребенка, и моя скорбь об умершем брате уступила место любви к спасенному незнакомцу.

Джавана замолчал, и Конан увидел, что слезы текут по его щекам. Юноша вновь вспомнил Критану, сгинувшего где-то здесь, в этом монастыре.

— Так, значит, этот воин был немой? — спросил жрец, заинтересовавшись рассказом Джаваны.

— Он потерял способность говорить от ужасных ран. Он все время пытался что-то сказать и сердился, когда не мог этого сделать. Наш язык он понимал, и я смог его кое о чем расспросить. Он кивал, отвечая «да», и качал головой, отвечая «нет». Так я узнал, что он северянин и что в наших краях он искал своего старого врага. Его друзья погибли, он сам едва остался жив, но сумел отомстить.

Когда он стал поправляться и начал понемногу ходить, он везде старался следовать за мной. Я расска-

зал ему, что очень тоскую о брате, а он знаками объяснял, что навсегда останется со мной. Отец и мать полюбили его как сына и дали ему новое имя — Сегир.

— Скажи мне, Джавана, почему ты и твой названный брат не притронулись к кушаньям из дичи?

Жрец, внимательно слушавший рассказ молодого ткача, как видно, хотел узнать о своих гостях как можно больше.

— Я — ткач, о святой Ваджран, и все жители нашей деревни — тоже ткачи. Рагни, первый мастер, поселившийся на этом месте, пообщал богине ткачества Лури не есть мяса, и все его потомки свято соблюдают этот обет. Кто нарушает его, тот теряет способность ткать золотую парчу, достойную украшать троны царей, и вскоре умирает.

— Золотую парчу? Но ведь многие мастера могут ее ткать, и не воздерживаясь от мясной пищи!

— Золотая парча, сотканная нашими мастерами, сияет, как солнце. Золотые нити не тускнеют, а с годами становятся еще ярче. Узоры, вытканые на ткани, как талисманы, охраняют того, кто ей владеет, от злобы и зависти врагов. Когда был жив мой брат, мы с ним могли соткать такую парчу, но теперь, когда я подхожу к станку, тоска сжимает мне грудь, и я не могу работать. Только Сегир приносит мне утешение, если бы не он, я бы тоже умер...

Конан сидел, опустив голову, и сквозь густые пряди своих волос исподтишка разглядывал главного жреца. Тот был настолько поглощен рассказом Джаваны, что лицо его совершенно утратило величественное выражение. Глядя на ткача горящими алчными глазами, он напрягся, как хищник, почуявший добычу. Конан всей кожей чувствовал опасность и, поражаясь этой перемене, не спускал с него глаз. А Джавана между тем продолжал свой правдивый рассказ:

— И Сегир так же, как и все жители нашей деревни, отказался от мяса, хоть и не ткал парчу. А когда мне во сне явилась богиня Лури и велела посетить

храм Кубиры в Потали, чтобы вернуть мое мастерство, он дал мне понять, что не расстанется со мной даже на час, и мы отправились вместе.

Жрец перевел взгляд на Конана, тот по-прежнему сидел, опустив голову. Не подозревая, что острые глаза киммерийца наблюдают за ним, жрец жадно разглядывал его мощную фигуру и спросил Дхавану, показывая на шкуру тигра:

— А этого зверя он убил?

— Да, о святой Ваджран, это случилось два дня назад, по пути в Потали. Если бы не он, меня бы уже не было в живых...

— Неужели он один справился с тигром?! Ведь это сам Шанги, демон, проклятие джунглей! Многие пытались его убить, но никто не вернулся живым! Сегир один сделал это?! — Высокомерие напрочь слетело с лица святого Ваджрана, и теперь даже Дхавана смотрел на него с удивлением и опаской. Опомнившись, жрец откинулся на спинку кресла, снова принял величественную позу, опустил веки, унимая злоецый блеск в глазах, и продолжал: — Значит, ты хочешь вернуть свое мастерство? Я совершу молитву, и Кубира тебе поможет. Но ты должен будешь принести богатую жертву... И брат твой по моей молитве обретет дар речи — но ему придется послужить во славу Кубиры... Вы согласны?

Конан поднял глаза и, притворяясь изумленным, встал. Дхавана тоже вскочил в притворной радости:

— Я вытку царское покрывало для храма! О, святой Ваджран! Я уже сейчас чувствую дрожь в руках и огонь в крови, как перед удачной работой! Но, чтобы соткать парчу, мне нужен искусный помощник. Лишь вдвоем можно вы ткать чудесное покрывало!

— У нас в монастыре много искусных умельцев, и ткачи среди них тоже есть. Взгляни на мое одеяние. Мастер, соткавший эту ткань, подойдет?

Жрец подозвал Дхавану поближе к возвышению. Тот подошел, взгляделся в парчу и попытался что-то сказать. Язык явно не слушался его, но, заметив удив-

ленный взгляд жреца, Дхавана справился с волнением и сказал:

— Прости, о великий! Взглянув на эту прекрасную парчу, я вспомнил брата... Да, я буду рад такому помощнику! Во славу Кубиры я за месяц сотку такое покрывало, какого еще не было ни у одного царя!

Услышав это, Ваджран остался очень доволен. Он хлопнул в ладоши, и четверо монахов тут же появились на пороге.

— Вам покажут место, где вы будете жить и работать. А что потребуется от твоего спутника — узнаете завтра.

Жрец встал и величественно удалился в боковую дверь, а монахи, больше похожие на стражников, повели Конана и Дхавану обратно, по тем же коридорам и переходам. Не останавливаясь, они миновали трапезную и комнату с мраморным бассейном и вышли во двор. День уже клонился к вечеру. Закончив все дела, служки, как видно, молились в своих кельях — лишь несколько монахов охраняли входные ворота и еще какую-то невзрачную дверь небольшой постройки, похожей на винный погреб. Конан подумал, что монахи не дураки и знают, что охранять, но очень удивился, когда их подвели как раз к этой двери.

Когда дверь за ними со стуком захлопнулась, Конан почувствовал себя попавшим в капкан зверем. Его ногти впились в ладони, и он с трудом сдержался, чтобы не расшвырять стоявших рядом монахов и не вырваться на волю. Дхавана, тоже чувствуя себя неважно, настороженно озирался по сторонам, не понимая, что все это значит.

Один из монахов прошел вперед и, ухмыляясь, предложил им следовать дальше. Прямо напротив двери темнел проем, и широкие каменные ступени вели вниз, в глубину подземелья. Спускаясь по ступеням вслед за монахом, Конан пытался понять, зачем жрец заманил их в эту нору и как теперь отсюда выбраться.

Они спустились в довольно просторное подземное помещение, где дежурили еще десятка полтора вооруженных монахов. Стало ясно, что это подземная тюрьма. Но при чем здесь бог Кубира?! Все это было так не похоже на роскошь и богатство, оставшиеся наверху, что Конан и Дхавана ничего не могли понять.

Монах, шедший впереди, что-то сказал стражникам, и двое из них быстро скрылись в одном из многочисленных коридоров, расходящихся во все стороны из подземного зала. Остальные с интересом разглядывали пленников, особенно Конана, метавшего яростные взгляды. Казалось, он сейчас бросится на них, подобно тигру, шкура которого покрывала его плечи. Стражники невольно попятились к стенам, а некоторые даже вынули мечи из ножен.

Конан понимал, что они с Дхаваной близки к разгадке тайны монастыря, и ярость его была отчасти награнной. Он мало чего боялся. Просто ему хотелось подразнить стражников и нагнать на них страху. Он сжал кулаки, напрягся и зарычал, как раненый зверь. Рев, усиленный каменным сводом, обрушился на стражников, как гром небесный, и эти выдавшие виды воины навольно растерялись. Конан подумал, что ему ничего не стоит выхватить меч у одного из них и разделаться со всей этой сворой, но он помнил, что не для этого полез в это осиное гнездо и что самое трудное еще впереди.

Внезапно, как бы потеряв к стражникам всякий интерес, он расслабился, опустил руки и повернулся к Дхаване, который смотрел на него с неменьшим изумлением, чем стражники.

В этот момент раздались гулкие шаги, и двое монахов, уходящих куда-то, вернулись и дали знак пленникам следовать за ними. Конан и Дхавана неохотно пошли в темноту коридора, а сзади слышался топот множества ног — опасаясь ярости бешеного пленника, их сопровождал весь караул.

Широкий, тускло освещенный коридор привел их в следующий подземный зал. Они миновали его, не останавливаясь. Здесь, под присмотром все тех же вооруженных монахов, изможденные люди в жалких лохмотьях варили в огромных котлах похлебку. Котлов было много. Сколько же пленников томилось в этих страшных подземельях?!

Проходя мимо одного из котлов, Конан, как бы невзначай, заглянул в него — и невольно отшатнулся. То, что он увидел, сразу сделало понятным слова пророчества — не есть мясо в стенах монастыря. В огромном котле, кипя и бурля, варились куски человеческого тела — во всяком случае, руки киммериец разглядел совершенно ясно. Так вот, значит, что приходится есть пленникам бога Кубиры! Ярость горячей волной забила в мозг, желание разрушить это прибежище черных сил было таким сильным, что Конан едва сдержался, до боли стиснув зубы и сжав кулаки.

И вновь они свернули в широкий коридор, куда выходило множество дверей, сколоченных из толстых деревянных брусьев, окованных железом. У одной из них стражники остановились, слышался лязг открываемого замка, и дверь распахнулась.

Окружив пленников плотным кольцом, стражники затолкали их внутрь, и дверь с грохотом захлопнулась.

Глава четвертая

Конан и Дхавана очутились в довольно просторном помещении, посреди которого стоял большой ткацкий станок.

На стенах были укреплены кованые светильники, трепещущие языки пламени ярко освещали пещеру. В дальнем углу лежали выдавшие виды тюфяки, там же стоял грубо сколоченный стол, а рядом — три колченогих табурета.

Всмотревшись, они заметили скорчившегося на одном из тюфяков человека. Они лежал неподвижно, как мертвый.

Осторожно приблизившись, Дхавана повернул лежавшего и заглянул ему в лицо. Сдавленный крик замер у него на губах, он упал на колени и принялся растирать руки и ноги полуживого пленника.

Конан подошел и присел на корточки рядом с Дхаваной. То, что он увидел, потрясло даже его, а ведь он повидал немало! На тощем соломенном тюфяке лежал превратившийся в обтянутый кожей скелет Дхавана. Огромные глаза медленно открылись и глядели на них, не мигая. Губы, сухие и потрескавшиеся, шевелились, не в силах произнести ни звука.

Дхавана вскочил и бросился искать воду — но воды не было, и тогда он в отчаянии стал колотить в дверь. Гулкие удары разносились по всему подземелью, но к двери никто не подошел.

Опомнившись, Дхавана перестал стучать и подошел к столу. Он быстро снял с себя суму и достал из-под рубахи чудесный пояс. Бережно положив его рядом с Кританой — а это был именно он, Конан в этом уже не сомневался, — Дхавана стал тихонько гладить пальцами его золотые узоры.

В камере было тихо, слышались только хриплое дыхание Кританы и потрескивание фитилей в светильниках. Конан поднял глаза и тут же вскочил на ноги. Дхавана обернулся, и не смог сдержать радостного возгласа — на столе стоял большой кувшин, три глиняные кружки, корзина с фруктами, хлебом и сыром.

За их спинами раздался протяжный стон — приподнявшись на локте, Критана протягивал руку к столу, не отводя от пищи безумных глаз. Дхавана поскорее схватил кувшин, чтобы налить брату воды, но в кружку полилось вино. Даваясь и всхлипывая, как ребенок, бедный узник выпил его и вновь без сил упал на тюфяк. Но вскоре вино оказало свое действие, он смог подняться и с трудом подойти к столу.

Дхавана следил, чтобы бедняга не съел слишком много — он знал, что истощенному человеку нельзя сразу наедаться, иначе он может тут же умереть в ужасных мучениях. Вскоре он отнес уснувшего прямо за столом брата обратно на тюфяк.

Светильники с шипением гасли один за другим, должно быть, в них кончалось масло. Конан и Дхавана поспешно поели и едва успели допить вино, как подземелье погрузилось в темноту. Когда кувшин и корзина опустели, они же исчезли, будто их тут никогда и не было.

Они на ощупь добрались до тюфяков. Дхавана надел волшебный пояс, лег рядом с братом и вскоре тоже уснул, измученный всеми событиями этого бурного дня.

Конан лежал на спине, положив руки под голову, и смотрел в темноту широко открытыми глазами. Перед ним вставал храм Кубиры: сияющие рубины и сапфиры, золотые кирпичи, складывающиеся в заманчивые

груды. Он представлял, как придет его час и он разделается с главным жрецом и его слугами и сам вознаградит себя за труды. Здесь добыча обещала быть не хуже, а, может, и получше, чем в Рубиновом Городе. Если это дельце выгорит — незачем будет опять тащиться через опостылевшие джунгли, задыхаясь от липкой жары и рискуя превратиться в обезьяну.

А Дхавана! Каков плут! Врет не хуже, чем когда-то врал Витара! Ох уж эти вендийцы — действительно мастера на все руки! Как он плел этому Ваджрану, ведь даже он, Конан, в какой-то момент почувствовал себя тем самым израненным воином — хотя, если говорить по правде, так оно и было. Дхавана в самом деле спас его от смерти, и теперь они — почти братья. Так что приврал он, в общем, самую малость, но приврал хорошо! Ведь жрец чуть с кресла не вскочил, слушая его байки... А какое у него сделалось лицо! Интересно, что же ему надо от него, Конана? Завтра все будет ясно... Завтра... — С этими мыслями Конан закрыл глаза и тут же уснул.

Их разбудил лязг отпираемой двери. Несколько стражников вошли в темницу, при свете факелов наполнили маслом светильники и зажгли фитили — началось первое утро их заточения. На столе появился кувшин с водой и блюдо с какой-то едой. Узники сидели на тюфяках, пока монахи молча делали свое дело. Последними вошли двое служек с большой корзиной, наполненной мотками разноцветного шелка.

Так и не взглянув на пленников, стражники молча удалились, с грохотом заперев дверь. Лишь теперь Конан посмотрел на братьев. Они сидели рядом, не сводя глаз друг с друга. Дхавана смотрел на Критану с болью и жалостью, а Критана — с радостным изумлением и испугом. Наконец он смог заговорить:

— Брат! Ты здесь! Зачем, о, зачем ты пришел сюда?! Ты погибнешь, как и все мы! Отсюда никто не выходит живым! О боги, из-за меня умрешь и ты! Горе мне, горе! — Он в отчаянии закрыл лицо руками, не в силах

сдержать слезы, ручьями катившиеся по впалым щекам.

Дхавана, нежно поглаживая брата по плечу, отвечал:

— Мы не погибнем! Мы пришли за тобой и скоро вместе выйдем из этого ада! Взгляни — этот могучий воин пришел со мной, чтобы помочь тебе!

Критана, до сих пор не сводивший глаз с Дхаваны, взглянул на Конана и грустно покачал головой:

— Здесь, в этих каменных мешках, даже он бессилен. Посмотри на меня — тут все превращаются в бесплотные тени. Мы живем лишь до тех пор, пока можем работать и создавать прекрасные вещи. Кто теряет надежду, отчаивается, опускает руки — тот попадает туда... в котлы... — Критана хотел продолжать, но не смог, и Дхавана опять ласково погладил его руки.

Конан придвинулся поближе и сказал:

— Я знаю, что варится в этих котлах. Можешь не говорить. Дхавана, ты, наверное, тоже догадался, что это за похлебка. — После долгого молчания Конан почувствовал, что голос плохо слушается его, и вновь замолчал.

Дхавана спросил:

— Значит, вас заставляют есть это варево?!

— Многие из нас уже не замечают этого, они живут лишь своим ремеслом — оно здесь заменяет и свет, и жизнь. Но я не смог есть это мясо, а теми крохами хлеба, что нам достаются, жив не будешь. Поэтому, брат, ты опоздал. Я знаю, что скоро умру...

— А ты помнишь, что было вчера вечером, когда мы только что встретились? Разве я не накормил тебя?

— Я думал, что это мне приснилось — вино, мягкий хлеб, сыр... Неужели это было наяву?! Откуда? Разве Ваджран сжалился над нами?

При этих словах Конан зло рассмеялся:

— Нет, это чудовище не способно на жалость. Но мы ему, похоже, очень нужны. Посмотрим, что нам тут оставили. — Он подошел к столу, взял блюдо и принес

его на тюфяк: — Смотрите-ка, совсем неплохо! Хлеб, похлебка из овощей, рис. На троих, правда, маловато, но, по-моему, мы не пропадем!

Пока Конан говорил, Дхавана тревожно посматривал на дверь. Наконец он не выдержал и тихо сказал:

— Критана, запомни: этого воина зовут Сегир, он — мой названный брат. От ран он потерял дар речи, поэтому для всех, кроме нас, он немой. Я тебя не знаю, ты мне нужен как помощник, чтобы соткать чудесное покрывало из золотой парчи. Так сказала Сундари — а значит, так велели боги! Не волнуйся и ничему не удивляйся! А сейчас — тише!

Они замолчали и, настороженно прислушиваясь, стали быстро есть рис. Дхавана не ошибся: раздался скрежет ключа в замке, дверь распахнулась, и стражники вошли в подземелье. Они почтительно расступились, и перед узниками предстал сам святой Ваджран, но на этот раз его лицо не облагораживала притворная маска величия. Горящие глаза смотрели жестко и жадно, губы кривились в торжествующей улыбке:

— Бог Кубира избрал вас для служения! Радуйтесь, ибо это удел лучших из лучших, удел поистине избранных! Огненные вапа жизнь посвящена богу, после смерти вы попадете в его небесную свиту и обретете блаженство! Здесь вас ничто не будет отвлекать от служения, а через месяц я желаю видеть золотое покрывало, которое ты, ткач, поклялся выткать во славу Кубиры! Иначе... Иначе твой названный брат, этот храбрый воин, будет убит у тебя на глазах, а после этого и самого тебя ждет мучительная смерть... Если же покрывало и впрямь будет таким, как ты обещал, получишь право соткать еще одно, а потом и еще... — Жрец подошел к Конану, за его спиной стояли стражники с обнаженными мечами. — Сегир, твое служение богу будет самым почетным! Кубира желает, чтобы ты ежедневно сражался в поединке на площади и побеждал. Понял, воин? Первое же поражение будет стоить жизни твоему брату, а второе — тебе самому! Такова воля бога! Милость

его безгранична! Чтобы твоя сила, чужеземец, не оскудела, я велю присылать вам еду со своего стола. Но помни — до первого поражения! Завтра же ты выйдешь на помост и победишь! — Жрец вонзил острый взгляд в глаза Конана, но, схлестнувшись с голубым огнем, черная сталь не выдержала, и Ваджран отвел глаза. Потом он так же властно взглянул на Дхавану и сказал: — Я дал тебе в помощники лучшего мастера. Через неделю я приду снова, и берегись, если работа мне не понравится! Спроси у него, как умирают неугодные богу! — Жрец пренебрежительно махнул рукой в сторону Кританы, повернулся и медленно вышел.

Когда последний стражник захлопнул за собой дверь и они снова остались одни, Конан дал волю своему гневу. Он метался по подземелью как разъяренный зверь. Больше всего ему сейчас хотелось одним взмахом меча отсечь этому мерзавцу голову и посмотреть, как она покатится по земле! От этой мысли он вдруг успокоился, уверовав, что именно так и будет. Он снова присел на тюфяк рядом с братьями и стал слушать, как Дхавана рассказывает об их встрече у реки, о битве с тигром, о волшебном поясе и пророчестве Сундари. Критана слушал с горящими глазами, на его землисто-серых щеках проступил лихорадочный румянец. Надежда придала ему сил, и когда Дхавана закончил свой рассказ, он даже стал помогать ему натягивать на станок нити основы для будущего покрывала.

Днем им опять принесли пищу. Жрец сдержал свое слово: на этот раз на столе появился кувшин легкого вина, огромное блюдо с рисом, приправленным ароматными специями, несколько свежих лепешек и небольшой круг овечьего сыра. Уходя, стражник сказал Конану:

— Завтра поутру будь готов, за тобой придут. Святой Ваджран велел тебе напомнить: твоя жизнь — в твоих руках! А сейчас ешь и не очень раскармливай этих бездельников! — Посмотрев на братьев, он ухмыльнулся и запер дверь.

Критана изумленно глядел на стол, заставленный кушаньями, о существовании которых он уже давно забыл. Монахи держали своих пленников в постоянном страхе смерти. Лишний кусок хлеба был для несчастных узников богатой наградой. И теперь Критана не мог поверить, что Ваджран, чье имя проклинали сотни узников, вдруг расщедрился на такое богатое угощение. Однако Критана тут же вспомнил, что жрец требовал от этого могучего воина побеждать во имя Кубиры, а для этого нужно было сохранить пленнику силы. И юноша еще раз вознес благодарственную молитву богам за предсказание, благодаря которому они оказались вместе, в одной пещере.

Весь день братья работали: подготавливали станок, натягивали нити, сортировали мотки шелка. Конан сидел на полу, прислонившись к шершавой каменной стене, и наблюдал за их быстрыми уверенными движениями. Критана быстро уставал и часто присаживался отдохнуть и подкрепить силы глотком вина. К вечеру все было готово, чтобы начать работу, и когда светильники один за другим стали гаснуть, все трое уже спали на тощих тюремных тюфяках.

Глава пятая

Утром, вскоре после того, как пленникам принесли еду, засовы снова загремели, в пещеру вошли стражники и велели Конану следовать за ними. Они шли теми же коридорами, миновали пещеру, где варилась страшная похлебка, и поднялись наверх.

После темного подземелья яркий солнечный свет ослепил Конана, и он невольно закрыл глаза. Но монахи поторапливали его, подталкивая в спину. Пройдя через двор, они очутились в уже знакомом Конану зале с мраморным бассейном. Там ему велели раздеться и искупаться.

После этого он попал в руки проворных служек — один расчесывал ему спутанные волосы, другие умащали его тело благовонным маслом, растирали и разминали затекшие за ночь мышцы.

Кровь горячими толчками разлилась по телу, в варваре проснулось дремавшее до сих пор ощущение собственной силы. Кубок терпкого, настоящего на травах вина, казалось, удесятирил это чувство.

Напротив Конана в окружении свиты стоял главный жрец и осматривал его оценивающим взглядом — ему явно нравилось владеть этой необузданной силой и управлять ею по своему желанию. Он велел принести кресло, сел и, испытующе глядя в глаза киммерийцу, которого усадили на низкий табурет, спросил:

— Ты хорошо понял, что от тебя требуется, Сегир? Конан кивнул, не сводя с Ваджрана мрачного взгляда. Он был совершенно спокоен, но умело изображал с трудом сдерживаемую ярость. Наслаждаясь своей властью над жизнью и смертью могучего пленника, жрец продолжал:

— Сейчас ты превратишься в верного слугу Кубиры, пройдешь в моей свите в храм и будешь вместе с посвященными участвовать в жертвоприношении и молитве. Потом выйдешь на площадь и, когда служки возведут помост, встанешь справа от меня. Потом вместе с твоим противником — а желающих участвовать в поединке всегда хватает — ты преклонишь передо мной колени и получишь благословение. Победа достанется тому, кто сбросит своего противника с помоста. Ты ни в коем случае не должен его убивать, иначе народ растерзает тебя, прежде чем я прикажу отрубить тебе голову! Богу нужны богатства, а не смерти почтенных горожан! Понял ли ты меня, воин, ибо я вижу ярость в твоих глазах и боюсь, что ты не сумеешь ее сдержать!

Жрец впился в глаза Конана пронзительным взглядом, но варвар с достоинством выдержал его и, стиснув зубы, кивнул. Жрец встал и величественно направился к выходу. Окруженный толпой вооруженных монахов, Конан пошел сзади.

У ворот, ведущих на площадь, уже стояли храмовые музыканты, готовые затрубить в трубы и забить в барабаны на радость горожанам и паломникам, пришедшим к храму почтить своего бога.

Ворота распахнулись, грянула дикая музыка, служки быстро выложили дорожку из золотых кирпичей, и жрец неторопливо двинулся к храму.

Конан шел сзади. Со всех сторон его окружали вооруженные монахи, готовые в любой момент выхватить мечи и зарубить непокорного. Однако горожанам, пришедшим на площадь, чтобы получить благословение жреца и поглазеть на бой, эта грозная свита казалась

очень торжественной. Появление в свите нового могучего воина не осталось незамеченным: нарядные горожане возбужденно перешептывались и показывали на Конана пальцами.

Процессия подошла к храму, жрец вошел внутрь и ворота закрылись. Конан оказался в святилище бога, чьим именем здесь, на земле, творились такие страшные дела.

Если снаружи храм был похож на сияющее белое облако, то внутри, освещенный множеством горящих в золотых плошках огней, он поражал воображение загадочным сиянием драгоценных камней, украшавших стройные колонны.

На стенах были выложены картины из яшмы, бирюзы и агата. Дневной свет, пробивавшийся сквозь узкие оконца под куполом, подчеркивал величие храма, в котором люди казались ничтожными букашками.

С огромного пьедестала из кроваво-красного камня на вошедших взирало колоссальное изваяние сидящего бога. Его руки сжимали цветок и жезл. Голова статуи была немного наклонена вперед, и, казалось, бог всматривался в крохотные фигурки людей, копошившихся у его ног.

Отблески пламени играли на его бронзовом лице, и оно неуловимо меняло выражение — от безмятежно спокойного до свирепо алчного.

Ваджран подошел к жертвеннику, стоявшему напротив фигуры бога, и воздел руки к небу. Монахи запели славословие Кубиры, и их голоса, усиленные сводом храма, мощно вознеслись к куполу. Каждый из несших жертвенные сосуды подходил к алтарю и торжественно выливал их содержимое в огромную чашу.

Когда золотой сосуд наполнился, воцарилась тишина, жрец преклонил колени и стал громко молиться. Конан заметил, что над чашей поднялось легкое облачко, в котором мелькали разноцветные искры. Облачко становилось все больше, пока наконец не скрыло от глаз бронзовую статую бога. Жрец распростерся на

полу, в конвульсиях выкрикивая слова молитвы или заклинания. Когда, обессилев, он замолчал, облако стало медленно рассеиваться.

Конан невольно вскрикнул, попятился и хотел было выхватить несуществующий меч: статуя повернула голову и смотрела прямо на него, протягивая к нему правую руку, в которой был зажат жезл. Огромная чаша, только что наполненная до краев молоком, медом и кровью, опустела.

Конан не заметил, когда все монахи опустили на колени. Жрец поднял голову и медленно встал. Вновь раздалось протяжное пение, изредка прерываемое резкими возгласами жреца.

Наконец, последний раз поклонившись Кубире, Ваджран подошел к Конану. Монахи силой заставили варвара встать на колени, и жрец объявил киммерийца избранным воином божества. Затем процессия направилась к выходу, у которого уже стояли двое монахов с огромным сундуком.

Ворота храма распахнулись, и процессия вышла на площадь, где ее ждала притихшая толпа. Жрец дал знак, что поединок состоится, и в предвкушении любимого зрелища люди стали подниматься с колен.

На этот раз выйти на бой во имя Кубиры пожелал приезжий купец. У себя на родине он, наверное, участвовал во многих схватках — во всех его движениях чувствовалась недюжинная сила, а обрамленное крутыми кольцами черных волос лицо было суровым и решительным.

Слуги выставили перед жрецом заклад, заставивший его глаза вспыхнуть алчным огнем, — в огромном, переливающимся драгоценными камнями резном сундуке лежали отрезки бесценного шелка, сверкали ожерелья, стояли изящные каменные сосуды с благовониями. Жрец без колебаний принял заклад, а Конан вышел вперед и встал рядом с противником.

Они сбросили одежду, подошли к жрецу и получили его благословение. Поднимая голову, Конан наткнулся

взглядом на горящие глаза, смотревшие на него из-за спины жреца. Он сразу узнал монаха с иссеченным шрамами лицом — это был «непобедимый Мерван». Тот, кого сбросил с помоста дюжий Супанда и кого теперь заменил он, Конан. Этот полный ненависти взгляд и коварная улыбка, чуть раздвинувшая тонкие губы, сказали Конану, что у него появился настоящий враг, враг, которого ревность и жажда мести ни перед чем не остановят.

Опасность подхлестнула киммерийца, он подошел к помосту, как приготовившаяся к прыжку пантера. Судьба подарила ему достойного противника, и он с удовольствием вышел на поединок.

Противники кружили по помосту, то сходясь в попытках вытеснить друг друга, то расходясь для новой атаки. Толпа ревела и бесновалась, выкрикивая их имена. Со всех сторон раздавалось:

— Сегир! Сегир, во имя Кубиры! Победивший тигра — победит любого!

— Дамруд! Доблестный Дамруд! Не уступай! Дамруд, во имя удачи!

Дамруд, сильный, отважный воин, во многом не уступал Конану, но, обладая слишком горячим нравом, попытался добиться победы с первых же бросков. Когда это ему не удалось, он пришел в ярость и стал совершать промах за промахом.

Теперь, когда, растеряв запас хладнокровия, противник наскакивал на него, как разъяренный бык, Конан играл с ним, как кошка с мышью, умудряясь даже краем глаза взглянуть на главного жреца, за спиной которого, напрягшись, как тетива, и сжав рукоять меча, стоял бывший непобедимый боец, а теперь простой служитель.

Ненависть свела судорогой его лицо, превратив в жуткую устрашающую маску. Да, с этим врагом ему явно предстоит побороться... А сейчас пора кончать поединок, его противник уже совсем ослеп от ярости, и с ним можно проделать все что угодно. Молниеносно

уворачиваясь и изредка подталкивая разъяренного Дамруда, Конан привел его в бешенство, и, когда тот, забыв о правилах состязания, бросился на киммерийца, намереваясь мощным ударом свалить его с ног, варвар резко увернулся и подставил ногу. Рыча от ярости, Дамруд потерял равновесие и вылетел с помоста. Он пару раз перекувырнулся на земле, и, ошеломленный, встал на четвереньки, ища взглядом противника, чтобы снова кинуться в бой. Но монахи уже окружили побежденного, не позволяя ему вернуться на помост.

Народ на площади разразился приветственными криками. Конан сошел с помоста и направился к креслу жреца. На него, как прежде на Мервана, тут же надели богатые одежды и накинули на плечи тигровую шкуру. Теперь его будут звать «непобедимый Сегир» и «победивший тигра». Монахи, словно поздравляя Конана с победой, окружили его плотным кольцом и повели к монастырю, не забыв прихватить и оба сундука.

Воздев руки к небу, жрец призвал бога Кубиру даровать доблестному Дамруду удачу во всех делах и повесил ему на шею священный амулет, примиривший воина с поражением и потерей сундука. Толпа наградила Дамруда не менее громкими криками восторга, чем победившего Сегира, и, проводив удалившегося в обитель жреца почтительным поклоном, стала медленно расходиться.

Сегир, сражавшийся во славу их любимого бога, произвел на горожан огромное впечатление. Еще вчера служки мастерски распространяли о нем слухи, подогревая всеобщее любопытство, но уже сегодня его победа, грозный вид, тигровая шкура и загадочная немота сделали Сегира настоящим героем.

Можно было не сомневаться, что завтра на площади соберется весь город, дабы увидеть того, кто в одиночку победил страшного тигра Шагни, который сожрал немало паломников, направлявшихся в Потали! А как ловко и хладнокровно он разделался с

силачом Дамрудом! Да, сегодня горожанам было о чем поговорить!

А в это время тот, чье имя было у всех на устах, снимал богатые одежды, чтобы вновь облачиться в платье, полученное от жреца взамен изодранных тигром лохмотьев.

Его, заслужившего своей победой день жизни себе и своему спутнику, вновь отвели в подземелье, а в награду за удачный поединок дали лишь кувшин вина и блюдо риса с овощами.

* * *

Дхавана и Критана с нетерпением ждали возвращения Конана, гадая, кто же выиграет. Дхавана убеждал своего брата, что северянин непобедим, но Критана, изувверившийся во всем за этот год заточения, думал только о плохом.

Но вот дверь распахнулась, и монахи втокнули в темницу Конана. Когда вслед за победителем внесли вино и еду, Критана воспрял духом и успокоился.

Стражники ушли. Киммериец устало сел за стол, налил кружку вина и залпом осушил ее. Потом вторую, третью. Кувшин опустел, и тут северянин заметил, какими глазами смотрит Критана на блюдо с рисом и на пустой сосуд. Конан пододвинул к нему еду, вылил в кружку последние капли вина и молча улегся на тюфяк.

Он закрыл глаза, и перед ним вновь возникла площадь, полная ликующего народа, и ненавидящий взгляд Мервана. Постепенно это видение исчезло в зыбком тумане, и появилось другое — гигантская статуя Кубиры, глядящая на него слепыми бронзовыми глазами и протягивающая свой жезл.

Конан застонал, отгоняя кошмар, и вдруг почувствовал на своем плече чье-то легкое прикосновение. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним встревоженного Дхавану. Рука ткача скользнула под рубашку, и он вытащил оттуда драгоценный пояс. Положив его

на тюфяк, юноша легонько погладил его кончиками пальцев и что-то прошептал.

Подошел Критана и присел рядом с братом на корточки. Было очень тихо, только чуть потрескивали фитили в светильниках. Но вот раздался негромкий женский голос. Конан повернулся, ожидая вновь увидеть прекрасную девушку, но, кроме них, в пещере никого не было. А голос продолжал что-то говорить, певуче и непонятно. Дхавана быстро заговорил на вендийском наречии:

— Злоба и зависть готовят воину смерть. Три раза смерть пройдет рядом — потом воин победит врага. Три дня — три угрозы, потом победа. Помни, воин: вода, вино, колодец. Вода, вино, колодец...

Голос девушки постепенно затих, умолк и Дхавана, глядя на Конана испуганными глазами. Помолчав немного, он спросил:

— Значит, кто-то хочет твоей смерти? Кто же? Ведь Ваджрану ты очень нужен... И кто может завидовать тебе?!

— Не мне, а моей славе. Помнишь, когда мы вошли в город и смотрели поединок, толпа кричала «непобедимый Мерван, непобедимый Мерван»? Так вот, сегодня он был готов сжечь меня взглядом. Не сомневаюсь, что твоя сестра говорила именно о нем. Ну, ладно, все это будет завтра, а сегодня...

Изумленный возглас Кританы не дал ему договорить. Критана стоял у стены и дрожащей рукой показывал на стол. Там, рядом с остатками ужина, стоял другой, гораздо больший кувшин, и почти весь стол был заставлен мисками с аппетитно пахнувшей едой и сочными фруктами.

— Сундари! Это Сундари не забывает о нас! Того, что принесли монахи, не хватило бы на троих — ведь тебе, Конан, нужно каждый день сражаться, а без еды ты быстро ослабеешь!

— Ты плохо меня знаешь, друг Дхавана, но месяц на такой пище продержаться было бы и вправду труд-

но... Что там такое на столе? О, твоя сестра просто клад — смотрите, здесь даже дичь! — И они принялись опустошать миски, запивая кушанья превосходным вином.

Как только пленники насытились, все исчезло. Остались лишь кувшин и блюдо, принесенные стражниками. Конан лег на тюфяк и закрыл глаза. Грозная статуя Кубиры уже не тревожила его покой, и он не заметил, как уснул.

Тихо постукивал ткацкий станок, негромко переговаривались братья, подбирая шелк для изысканной каймы. К тому времени, когда Конан проснулся, они успели соткать большой кусок полотна, покрытый затейливыми узорами.

Поистине здесь, в тишине подземелий, среди мрака и ужаса, люди, месяцами не видевшие солнца, отчаявшиеся и не гнушавшиеся есть человечину в извечном стремлении выжить, создавали поистине удивительные вещи. От Кританы Конан узнал, что на Ваджрана работали не только коварно заманенные в подземелье паломники. Главный жрец рассылал своих лазутчиков в другие города и даже в другие страны, которые славились искусными мастерами, приказывая похищать самых лучших. Одни умирали, на смену им появлялись другие — в этом и заключался секрет чудес Кубиры.

И еще одно узнал Конан: кровь, которую приносили в жертву божеству, принадлежала мастерам, которые уже не могли работать. Каждому из тех, кто попал сюда, предстояло напоить страшного бога своей кровью.

Поглаживая сотканную братьями парчу, прохладную и нежную, как кожа юной девушки, Конан снова и снова представлял себе голову жреца, валяющуюся в пыли с выпученными глазами и оскаленным ртом. Такой будет его жертва Кубире! Настанет час, и он поквитается с Ваджраном — отнесет его голову в храм и швырнет ее в жертвенную чашу!

Братья уже давно спали, когда Конан в полной темноте на ощупь добрался до жесткого тюремного ложа. Еще долго он представлял себя сражающимся с бесчисленными полчищами монахов, выползающих из закоулков подземелья и глядящих на него ненавидящими глазами Мервана.

Утром за Конаном пришли монахи и повели его наверх. Он поднимался по ступеням, а в ушах его звучали слова: «Вода, вино, колодец... Вода, вино, колодец... Вода, вино, колодец...» Значит, сегодня — вода? Ну, ладно, посмотрим, что там за вода!

Конана ввели в зал с бассейном. Среди монахов стоял Мервана, злорадно поглядывавший на киммерийца.

Сбросив одежду, Конан подошел к краю бассейна, наклонился и отпрянул, будто что-то увидел в воде. Не сводя с бассейна глаз, он замычал и замахал рукой, подзывая монахов. Они подошли ближе, недоумевая, что бы могло там быть? Один из них наклонился совсем низко, старательно всматриваясь в толщу воды. Конан, все так же удивленно мыча, оглянулся и неудовимым движением плеча столкнул монаха в воду. То, что произошло вслед за этим, исторгло у всех вопль ужаса. Вода тут же вскипела, тело упавшего покрылось бесчисленными белыми пузырями, и вскоре на поверхность всплыла страшная раздутая туша с лопающейся кожей, совсем не похожая на молодого здорового воина, которым она была несколько мгновений назад.

Поняв, что ему было уготовано плавать в бассейне безобразным раздувшимся трупом, Конан в дикой ярости схватил в охапку двух растерявшихся монахов и швырнул их в воду. Остальные в панике выбежали за дверь и заперли ее снаружи. Оставшись один, варвар дал волю гневу, накопившемуся в нем за эти два дня: в бассейн полетели скамьи, столы и ковры, устилавшие мозаичный пол. Все, что он мог поднять или отломить, летело в воду. Вскоре весь бассейн был заполнен побуревшими бесформенными остатками некогда прекрасных вещей, а среди них плавали три раздувшихся трупа.

Распахнулась дверь, ведущая во внутренние покои, и, выставив перед собой обнаженные мечи, в зал вбежало десятка два монахов. Следом за ними поспешно вошел главный жрец, разгневанный и встревоженный. Увидев то, что плавало в бассейне, он побелел от гнева. Ваджран хорошо знал тайну голубой воды, таким способом не раз избавлялись от неудобных, и теперь он пришел в ярость при мысли, что кто-то осмеливается идти наперекор его желаниям и хочет лишить монастырь непобедимого бойца.

Окруженный со всех сторон сверкающими мечами, Конан прошел за Ваджраном в одну из дальних комнат. По всей вероятности, это была личная купальня жреца, такая ослепительная роскошь здесь царила. Широкое окно выходило в прекрасный сад с цветущими деревьями.

Следом за ним в комнату вошли служки с огромными кувшинами. Конану приказали встать в центре небольшого бассейна, и его стали омыwać прохладной водой, предварительно обливая ею одного из служек. Бедняга трясся от ужаса при виде каждого нового кувшина и, наверное, мысленно прощался с жизнью. После этого все пошло своим чередом — служки растерли и умастили тело бойца, дали ему выпить бодрящего вина, вновь облачили его в одежды и уже другим путем, но по-прежнему в окружении вооруженных монахов, вывели во двор.

Глава шестая

Святой Ваджран несомненно был обеспокоен утренним происшествием, но все же не стал отменять поединок. На этот раз Конана не повели к алтарю Кубиры, а оставили в небольшой каморке сбоку от входа. Отсюда он мог слышать лишь приглушенное пение монахов и резкий голос жреца, приносящего жертву.

Народ на площади, как и вчера, шепотом повторял имя нового бойца. Монахи, стоявшие у помоста, с трудом сдерживали толпу — казалось, все жители города, молодые и старые, здоровые и больные, младенцы и калеки, собрались здесь, чтобы посмотреть поединок.

На этот раз к помосту вышел молодой боец. Он уже не раз участвовал в этих боях, и, случалось, торжествуя, уносил домой два сундука. Но он не знал, что сегодня ему предстояло сразиться не с бойцом, пусть даже очень сильным и расчетливым, а с выпущенным на волю демоном — демоном гнева.

Люди замерли в предвкушении долгой и ожесточенной борьбы, но то, что произошло на этот раз, поразило горожан, видевших на своем веку множество искусных бойцов.

Не успели противники сойтись, как «победивший тигра» со страшным звериным рыком, заставившим содрогнуться все сердца, кинулся на своего могучего противника, нырнул под расставленные руки и, обхва-

тив его сзади, поднял вверх. Потеряв опору, тот отчаянно извивался, сжатый стальными тисками, которые все сильнее сдавливали его грудь. Лицо его уже начало чернеть, глаза почти вылезли из орбит, когда Конан наконец отбросил его далеко от помоста на середину площади. Там бедняга и остался лежать, не понимая, жив он или уже умер.

Конан стоял в центре помоста в позе готового к броску зверя и глядел на жреца сверкающими голубыми глазами. Жрец испугался, встал с кресла и дал знак толпившимся рядом монахам поскорее увести пленника. Когда они скрылись за воротами монастыря, Ваджран подошел к лежащему в пыли побежденному. Тот был жив, дыхание с хрипом вырывалось из его груди, Глаза бедняги раскрылись и бессмысленно уставились на жреца. Ваджран благословил его, положил на грудь приносящий удачу амулет и приказал монахам отнести несчастного домой.

Притихшая толпа проводила жреца удивленными взглядами и робким шепотом, а он, важно шествуя к воротам, думал о новом бойце, Сегире. С такой страшной силой опасно шутить! Надо держать ее в узде и покорности. Хорошо, что он немой. Даже если, взбесившись, он когда-нибудь вздумает бежать, то все равно не сможет сказать ни слова о монастырских порядках, о подземной тюрьме. Значит, главное — не доводить его до гнева и ярости. И обязательно надо найти предателя, который отравил бассейн!

Кто же, кто осмелился на такую неблагодарность?! До сих пор Ваджран был уверен в беспрекословной покорности всех монахов. Ведь кровожадный и страшный Кубира — это его детище! Раньше, когда не было этой подземной тюрьмы, и статую бога подносили в жертву молоко, масло и священную траву дурву, когда не было этих боев во славу бога, Потали был священным городом, живущим своими трудами.

Это он, тогда еще молодой монах, отравив своего предшественника и став главным жрецом, сделал Ку-

биру чудотворным и стал приносить ему в жертву человеческую кровь. Фигурка бога за эти годы выросла в огромную статую, которая скоро перестанет помещаться в храме. Иногда, как например, вчера, статуя даже оживала, наводя на всех ужас и поддерживая его, Ваджрана, власть. И вот теперь... Погрузившись в размышления, жрец молча прошел в свои покои.

Вечером служки, собрав накопившиеся за день слухи, принесли Ваджрану новость, вмиг прогнавшую его мрачные мысли.

Когда побежденного принесли домой и привели в чувства, облив несколькими ведрами холодной воды, он с трудом встал на колени и прошептал:

— Хвала Кубире! Этот бог вселился в непобедимого Сегира! Это сам Кубира победил меня на помосте! Отнесите в храм еще один сундук! — Родственники помогли ему подняться и дойти до ложа, а он все повторял: — Хвала Кубире! Я боролся с самим богом!

Эта весть моментально облетела весь город, и теперь он шумел, как растревоженный улей. За последние годы горожане привыкли к чудесам своего божества, но новое проявление его могущества привело их в благоговейный трепет.

Жрец, обрадованный тем, что все обернулось такой немислимой удачей, в то время как он ожидал недовольства толпы, теперь втолковывал монахам, что они должны беречь пленника как зеницу ока, а самым приближенным, в числе которых был и Мерван, приказал следить за остальными, чтобы поймать того, кто осмелился отравить бассейн.

А тем временем Конан кружку за кружкой осушал кувшин чудесного вина, возникшего на столе вместе с обильным угощением, стоило Дхаване достать свой пояс. Пища и вино, принесенные монахами, остались нетронутыми, и их было решено спустить в сливное отверстие в дальнем углу пещеры.

Прихлебывая ароматное вино, Конан шепотом рассказывал братьям о событиях этого бурного дня. Он не

сомневался, что Ваджран еще пожалует сегодня в их темницу, чтобы как следует попугать пленников. Поэтому они поспешили покончить с едой, сбросили в зловонную дыру монастырское варево и стали ждать. Братья молча работали, а Конан лег и притворился спящим, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Вскоре за дверью раздались негромкие голоса и звяканье оружия.

Распахнутая дверь оцетинилась сталью обнаженных клинков. Монахи входили в пещеру осторожно, как в логово дикого зверя. За их спинами, не решаясь войти, стоял Ваджран, облаченный в одно из своих самых роскошных одеяний. Видя, что могучий Сегир спит, а ткачи замерли у станка, жрец медленно вошел в пещеру. Услужливые монахи тут же поставили для него кресло, и святой Ваджран опустил в него, окинув темницу надменным взглядом.

Выставив вперед мечи, стражники с опаской подошли к спящему и знаками приказали Дхаване разбудить его. Юноша наклонился, откинул тигровую шкуру, закрывавшую лицо Конана, и стал что-то тихо шептать ему на ухо. Конан резко сел, сжал кулаки, и хмуро глянул на жреца. Тот с трудом выдержал его взгляд и, стараясь сохранять хладнокровие, заговорил:

— Сегодня ты чуть не погиб, доблестный воин, но по воле Кубиры ты остался жив. Я нашел и покарал виновного, и отныне тебе ничего не грозит. Более того, народ решил, что твоими руками сражается бог. Поэтому я предлагаю тебе и твоему брату бесценный дар — свободу! Как только будет готово обещанное покрывало, вас отведут в храм, где вы поклянетесь забыть о том, что видели в монастыре. Иначе гнев Кубиры тут же испепелит вас! Потом монахи проводят вас домой. Но ты, Сегир, должен будешь на протяжении месяца смирять свою силу и побеждать соперников, не убивая их. А сейчас я хочу посмотреть, что сделали ткачи. Так ли прекрасна парча, как хвалился твой брат.

Ваджран подошел к ткацкому станку и не смог сдержать возглас изумления. Такого полотна он еще

никогда не видел, мало того, он не мог представить, что эта парча была выткана человеческими руками. Конечно, до конца срока он найдет, за что наказать пленников и лишить их обещанной свободы. Таких мастеров нельзя выпускать из рук.

Окинув пленников грозным взглядом, Ваджран повернулся и с явным облегчением покинул темницу. Стражники, пятясь, последовали за ним. Дверь захлопнулась, и узники снова остались одни.

Критана схватил брата за руку:

— Ты слышал?! Он обещал вам свободу! Через месяц, когда покрывало будет готово, вы выйдете отсюда! — Забыв о себе, он, как ребенок, радовался за брата и его товарища.

Мрачно глядя в пол, Конан процедил:

— И ты ему веришь? Это не человек, а кровавый демон! Клянусь Кромом, слова для него ничего не значат, так же как и жизнь любого из нас. Пока мы ему нужны, он будет соблазнять нас свободой или пугать страшной смертью, а потом... Ты сам знаешь, что потом...

Поглаживая брата по плечу, Дхавана сказал:

— Наше спасение — в этом покрывале и в чудесной силе Конана. Мы сами соткем себе свободу и поквитаемся со жрецом!

— А вот это я беру на себя! — грозно произнес Конан, сверкнув глазами в сторону двери.

Глава седьмая

На следующее утро Конана снова привели в купальню, наполненную чистой водой, и служба, белый от ужаса, на глазах у всех вошел в бассейн, трижды окунулся и вышел невредимым. После этого Конан с удовольствием выкупался и, пока его растирали и умащали, краем глаза следил за стоявшим неподалеку Мерваном.

Служки наполнили кубок вином и замерли, восхищенно глядя на могучего бойца, в котором народ признал воплощение бога. Пока они глазели, как непобедимого воина одевают в яркие одежды, Мерван почти неувловимым движением что-то бросил в кубок. В следующее мгновение он уже смотрел в другую сторону и неторопливо направился к двери, у которой стояли монахи, готовые сопровождать Сегира на площадь.

Служка подал Конану кубок вина на золотом подносе. Отрава плескалась в золотом сосуде, дразня ароматом трав и специй.

Как бы нечаянно Конан уронил с плеч шкуру тигра, сделал шаг и, запутавшись ногой в шкуре, упал на пол, выплеснув содержимое кубка прямо в лицо одного из стражников.

Киммериец еле успел вскочить на ноги, подхватил шкуру и отбежал в сторону — стражник в отчаянии пытался стряхнуть с себя капли отравы, которая прямо на глазах превращала его лицо и руки в обугленные

головешки. Сотрясая своды зала нечеловеческим воем, по полу катался почерневший кусок мяса. Но вот стало тихо, от стражника осталась лишь кучка пепла.

Конан схватил тяжелый мраморный стол, на котором только что стоял кубок, и поднял его над головой, собираясь разmozжить голову всякому, кто посмеет к нему приблизиться. Как и вчера, монахи и служки бросились наутек, заперев за собой двери. Оставшись один, киммериец опустил стол и огляделся.

На столе у стены стоял кувшин, из которого в кубок наливали вино. Конан взял кувшин и вылил на ковер немного вина. Мокрое пятно растеклось по ворсу, в нос ударил пряный аромат. Осушив кувшин в несколько глотков, Конан разбил его о край бассейна, отошел к стене и стал ждать, что будет дальше.

В окружении свиты, кипя от злости, не уступавшей вчерашней ярости Конана, в зал стремительно вошел — или, скорее, ворвался — святой Ваджран. Увидев, что случилось с одним из его верных слуг и во что мог превратиться воин, который ему так нужен, он до крови закусил губу, сдерживая рвущийся наружу гнев.

Опять поединок под угрозой, опять Сегир доведен до бешенства. Кто-то упорно старается уничтожить пленника, но зачем?! Ведь это выгодно всей братии, теперь богатства текут в храм не узкой рекой, а бурным потоком — уже сегодня горожане принесли на площадь богатые дары, радуясь возможности лицезреть божественного воина.

Пленник стоял у стены, угрожающе поднимая тяжелый мраморный стол и суля смерть каждому, кто рискнет подойти слишком близко. Ваджран шепнул несколько слов одному из приближенных монахов, и тот быстро скрылся за дверью.

Пока посланный не вернулся, жрец молча стоял, переводя взгляд с кучки пепла на непроницаемые лица окруживших его монахов, и пытался угадать, кто из них уже второй раз портит ему игру? Пожалуй, вечером, когда пленник будет надежно заперт в темнице,

надо будет прибегнуть к самому верному средству и узнать наконец, кто идет наперекор его воле и что за этим кроется. А что, если сам Ваджран должен стать следующей жертвой?! Но это средство опасно, очень опасно...

Видя, что монахи плотным кольцом окружили жреца, Конан опустил тяжелый стол на пол, всем своим видом показывая, что в любое мгновение готов пустить его в ход.

В тягостной тишине время тянулось медленно. Но наконец посланный вернулся, ведя за собой связанного Дхавану. Ткача вытолкнули на середину зала, и по приказу жреца двое стражников приставили к его груди мечи. Прячась за спины монахов, Ваджран обратился к Конану, вновь схватившемуся за стол:

— Остановись, Сегир! Еще мгновение — и твой брат умрет у тебя на глазах! Я не хочу ни твоей, ни его смерти. Народ ждет поединка, и он должен состояться! Кто-то упорно хочет погубить тебя. Клянусь, я найду виновного, и сама смерть покажется ему желанной, когда он попадет мне в руки! А сейчас поставь стол и спокойно иди на площадь — или последний раз взгляни на того, кого ты считаешь своим братом! А ты, ткач, скажи ему, хочется ли тебе умереть!

Дхавана воскликнул:

— Послушайся святого Ваджрана, о брат мой! Через месяц мы получим свободу и будем вечно благодарить его! Быть может, Кубира вернет тебе речь, как вернул мне мое искусство — и все испытания покажутся нам лишь сном! Иди, брат мой, и одержи победу!

Конан поднял над головой стол и изо всех сил швырнул его на пол. Стол с грохотом разлетелся на куски, разноцветная мозаика брызнула во все стороны, а на полу осталась глубокая выбоина. Нахмутив брови и оглядываясь на Дхавану, варвар направился к двери.

Во дворе монахи вложили мечи в ножны и мгновенно выстроились в торжественную процессию. Под за-

ывание флейт и грохот барабанов святой Ваджран двинулся к храму.

Когда зал опустел, двое монахов подхватили Дхавану и потащили обратно в подземелье. Втолкнув его в пещеру, они заперли дверь и поспешили на площадь, боясь пропустить начало поединка.

Дхавана отдышался и начал рассказывать испуганному брату, что произошло наверху. Критана, уже не надеявшийся увидеть Дхавану живым, немного успокоился, и они принялись за работу, с нетерпением ожидая Конана.

Челноки, как птицы, мелькали в проворных руках, шелк и золото ряд за рядом складывались в чудесный сверкающий узор. Перед ткачами лежал волшебный пояс, и в рисунке покрывала они повторяли орнамент, составленный из причудливо переплетенных магических знаков. Искусные мастера увлеклись работой, однако она не помогала рассеять тревогу. Юношей неотвязно преследовал один вопрос — что же сейчас происходит там, на площади?

Время шло, постукивал станок, разматывались шелковые нити, и ничто больше не нарушало тишину подземелья. Братьям показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они услышали топот множества ног.

Дверь распахнулась, и в пещеру вошел Конан. Он грозно сверкнул глазами на стражников, и те тут же понялись к двери. Служки внесли кувшин с вином и блюдо с рисом. Монахи и служки поспешили убраться и покрепче запереть дверь — они боялись своего пленника куда больше, чем живого тигра.

Вскоре за дверью стало тихо, и братья подсели к Конану, радуясь его возвращению и торопясь узнать, как прошел поединок.

Конан рассказал все по порядку. Критана, который не видел киммерийца в бою, изредка прерывал его изумленными возгласами. Закончив рассказ, варвар похлопал ладонью по столу и сказал Дхаване:

— После всех передышек надо бы подкрепиться. Впрочем, все здешние бойцы в подметки не годятся любому киммерийскому воину. Силы у них, может, и достаточно, но кровь сразу ударяет им в голову, и они лезут напролом. Неудивительно, что эта хитрая бестия Мерван так долго оставался непобедимым! Давай, Дхавана, доставай свой пояс и попроси его угостить нас барашком!

Желание Конана тут же исполнилось, и пленники с удовольствием принялись за еду, не забыв избавиться от монастырской пищи. Насытившись, братья снова принялись за работу, а Конан сел в углу и стал размышлять о последнем испытании.

Завтра его попытаются сбросить в какой-то колодец — либо здесь, в тюрьме, либо там, в купальне. Провалится какой-нибудь потайной камень — и он навсегда исчезнет в бездонной глубине. Конан немало слышал о подобных хитростях, а здесь, в этом змеином гнезде, наверняка множество таких ловушек. Значит, завтра он должен опередить врага и избавиться от него — иначе победа достанется Мервану, а его труп будет гнить глубоко под землей.

Конан так задумался, что даже не заметил, что братья уже давно прервали работу и наблюдают за ним. Юношей встревожил мрачный вид киммерийца, грозно нахмуренные брови, гневно сжатый рот. Дхавана подошел к Конану, присел рядом и тихонько спросил:

— Что тебя так тревожит, брат? Завтрашний день? Но я уверен, удача не изменит тебе, и ты опять победишь!

— Твоя сестра говорила «колодец». Вода и вино — это уже было, но где этот колодец?! В подземелье или наверху? Если бы только знать...

— Я знаю, где он, — воскликнул Критана. — Я уверен, что Сундари говорила именно о нем! Колодец здесь, в подземелье, там, где кончается большая галерея, перед входом в пещеру с котлами! Мне рассказывал о нем один

мой товарищ — теперь его уже нет. Тела мастеров, кровь которых выпивает Кубира, сбрасывают в колодец. Однажды моему другу велели сбросить туда трупы, и, вернувшись в нашу пещеру, он обо всем мне рассказал. Один из стражников слегка прикоснулся к бронзовому цветку, почти незаметному на шершавой стене, и у их ног разверзлась бездна. Далеко внизу светилось подземное пламя, туда сбросили тела убитых. Потом монахи вновь нажали на цветок, и камень встал на место.

— Там, где кончается галерея? Постой, постой, я, кажется, видел в стене под светильником какую-то финтифлюшку. Я еще, помнится, подумал — какое странное украшение ни с того ни с сего торчит в стене... — Теперь мне все ясно... — И Конан умолк, вновь погрузившись в свои думы, а братья опять взялись за работу.

Глава восьмая

В это время святой Ваджран тоже предавался невеселым размышлениям. Ему во что бы то ни стало нужно найти негодяя, покушавшегося на жизнь нового бойца. Ваджран мысленно перебрал всех приближенных монахов, кто же предатель. Но вроде бы все были верные, испытанные слуги. Они умели многое, но ни один из них не смог бы занять его место, поэтому жрец и был до сих пор так спокоен. Ну, что ж, придется все-таки прибегнуть к последнему средству. Ваджран подошел к совершенно гладкой стене, выложенной идеально подогнанными друг к другу разноцветными камнями. Они складывались в радовавший глаз узор из цветов, листьев и птиц.

Жрец нажал лишь ему одному известный камень, и часть орнамента отошла в сторону, открыв небольшую нишу. В ней стоял сосуд странной формы. Если приглядеться внимательней, можно было понять, что это маленькая высушенная тыква, искусно оправленная в серебро и украшенная мелкими рубинами. Она стояла на трех ножках в виде когтистых птичьих лап, а серебряная крышка была сделана в форме смеющегося человеческого лица с птичьим клювом. Эта улыбка казалась такой живой, что всякий раз вызывала у жреца страх. Даже статуя Кубиры пугала его гораздо меньше, чем этот маленький демон, сидящий в тыкве и глядевший на него зелеными каменными глазками.

Всего один раз Ваджран воспользовался помощью демона и надеялся, что это ему больше не понадобится. Но вот пришло время вновь задавать демону вопросы... Скоро стемнеет, взойдет луна, и можно будет открыть крышку. Похоже, другого выхода нет...

Этот сосуд Ваджран купил много лет назад у одного странствующего факира вместе с ядом, которым отравил своего предшественника, старого Карса. И заплатил он за все это тремя самыми красивыми девушками города.

Потом их нашли в лесу мертвыми, тела их были сморщены, как у древних старух. Яд оказался превосходным — Карс даже не догадался, что его отравили. Старец заболел, и Ваджран преданно за ним ухаживал. Умирая, Карс провозгласил верного Ваджрана своим преемником. Выбор Карса вызвал недовольство у старших монахов. Вот тогда-то и пришлось Ваджрану впервые открыть крышку этого сосуда... Да, демон помог ему советом, но чего стоило вырваться из его объятий! Плата за совет была поистине чудовищной! И теперь руки Ваджрана дрожат, прикасаясь к маленькой тычке, а пальцы отказываются повиноваться.

Жрец встал и подошел к двери, ведущей в соседний покой, где дежурили молодые служки. На этот раз вместе с ними должны были ночевать музыканты. Святой Ваджран приказал музыкантам разбудить его поутру самой громкой музыкой, на какую они способны, посулив большую награду и пригрозив страшной карой за неповиновение. Потом жрец вернулся к себе и запер дверь. Постоял у окна, выглянул в напоенный ароматом цветов сад, посмотрел на узкий серп луны высоко в небесах и захлопнул створки. Тяжелые шторы отгородили его от всего мира, они остались одни — жрец и маленький демон.

Углы комнаты тонули во мраке, огромным слоним сгорбилось роскошное ложе, которое сегодня ночью не увидит своего хозяина. На маленьком столе посреди комнаты горел одинокий светильник, и ста-

рик дрожащей рукой поглаживал крышку сосуда. Наконец он решился и, потянув за острый клюв, откинул крышку.

В комнату ворвался порыв ветра, язычок пламени затрепетал и погас. Однако это была уже не комната — Ваджран сидел на большом камне в каком-то пустынном месте, тускло освещенном багровыми отблесками заката. Напротив него на выдолбленном в форме высокого трона камне восседало странное маленькое существо с лицом, постоянно подергивающимся от улыбки.

Это было ожившее лицо с крышки сосуда. Зеленые глаза то потухали, становясь почти черными, то вспыхивали бездонным изумрудным пламенем. Волосы на голове существа шевелились, как клубки змей, то свиваясь в упругие кольца, то повисая длинными прядями. Все тело этой тщедушной на вид твари было покрыто чешуей.

Ваджран с омерзением вспомнил ее прикосновение, сердце сжалось в его груди в ледяной комок, но он сдержал свой страх и встал на колени, приветствуя демона.

— Здравствуй, Ваджран! — проскрипело существо, гадко осклабившись. — Вижу, в твоей жизни не все гладко. Тебе снова понадобилась моя помощь? Ну, задавай свой вопрос! На свете нет ничего, что было бы скрыто от меня! — Отвратительно гримасничая, поджимая под себя то одну, то другую ногу, царапая жесткими чешуйками камень трона, он ждал, пока заговорит Ваджран.

Жрец глубоко вздохнул и, боясь встретиться глазами со сверкающим взглядом демона, рассказал о случившемся.

Демон поерзал на троне и капризно сморщился:

— Люди, как вы многословны! Мне не нужны твои истории! Задай вопрос — и получишь ответ! Если у тебя есть еще один вопрос — задашь его следующей ночью! Ну, спрашивай, мне надоело ждать!

— О, властелин неведомого, назови мне имя! Имя того, чьи козни угрожают моей власти! Кто смеет идти наперекор моей воле! Только имя — больше ничего!

— Вот это другой разговор! Сейчас ты получишь ответ, и до утра ты — мой! Не будем терять время! Смотри!

Все заволочло сизой дымкой, и перед Ваджраном стали разворачиваться картины прошлого.

Вот он во главе свиты смотрит, как мальчишки-служки демонстрируют свои боевые навыки. Один из них, рослый, с серьезным, даже мрачным лицом, сразу привлек внимание Ваджрана — применяя всевозможные хитроумные приемы, он с легкостью побеждал своих соперников. Позже этот мальчик попал в группу монахов-воинов, охранявших жреца во время торжественных выходов. Несколько раз его посылали в дальние края за искусными мастерами, и он всегда возвращался не с пустыми руками.

Перед глазами жреца появилась следующая картина. Он, святой Ваджран, посвящает Мервана в самый высокий монашеский сан — тот становится бойцом Кубиры. Лишь очень немногие воины удостоивались такой чести. Это звание давало им огромные привилегии — долю в богатствах монастыря, всеобщий почет и власть над другими монахами, а также ночи со знойными пленницами.

Однако закон монастыря гласил, что власть может переходить лишь к тому, кого назначил сам главный жрец, чувствуя приближение смертного часа. Такова была воля Кубиры.

Ваджран смотрел и не мог поверить, что Мерван, который служил ему верно и преданно, как пес, затеял такую игру.

Но, увидев, как обозлило Мервана первое поражение и в какую ярость он пришел при появлении нового бойца, намного превосходившего его в силе и ловкости, Ваджран понял, что Мерван хотел лишь одного — опять стать единственным непобедимым бойцом Кубиры. Демон

показал ему, как Мерван отравил воду в бассейне и как он бросил яд в кубок с вином. Жрецу захотелось немедленно сбросить предателя в огненный колодец.

Но вот видение заколыхалось, образы стали зыбкими и растеклись прозрачными струйками дыма.

Нетерпеливо похлопывая себя по колену когтистой лапой и насмешливо щуя глаза, демон спросил Ваджрана:

— Ты получил ответ на свой вопрос? Теперь ты знаешь имя своего врага?

— Да, о всесильный! Теперь я знаю, кто осмелился мне помешать. Его ждет огненный колодец!

Демон захохотал:

— Ты прав, его ждет огненный колодец! А теперь снимай свои тряпки — пора расплачиваться!

Демон вскочил с трона и подбежал к Ваджрану, волоча за собой длинный тонкий хвост, усеянный острыми шипами. Не дожидаясь, пока демон, как в прошлый раз, порвет на нем платье, жрец поспешно сбросил драгоценное парчовое одеяние. Демон, похохатывая, стал натирать его тело густым коричневым снадобьем, от запаха которого кружилась голова:

— Да, со времени нашей первой встречи ты сильно сдал! В прошлый раз ты был хоть куда! Ну да ничего, моя мазь встряхнет тебя, вмиг помолодеешь!

Демон вскочил старику на спину и сжал его бока коленями, обдирая кожу острой чешуей. Невыносимая боль заставила жреца запрыгать на месте, он пытался сбросить седока, но демон стегнул Ваджрана хвостом, и тот взвился к небесам.

Далеко внизу осталась пустыня, казавшаяся в сумерках пыльным серым ковром с черными рассыпями камней, небо подернулось рваными облаками, а хохочущий всадник все гнал и гнал жреца ввысь, подпрыгивая на его спине и безжалостно подхлестывая хвостом.

Ваджран понял, что они летят к мерцавшей далеко впереди крошечной точке. Она медленно приближа-

лась, становясь все ярче и ярче, вселяя ужас в сердце жреца. Он был готов терпеть боль от острой чешуи демона и хлесткие удары его хвоста лишь бы не оказаться на этом проклятом острове. Но демон с дикими воплями гнал Ваджрана к разгоравшемуся сиянию...

И вот, наконец, «наездник» направил своего несчастного «коня» вниз, прямо на сверкающие скалы, вздымавшиеся из жемчужных вод, подобно огромным сросшимся кристаллам. В середине острова эти переливавшиеся разноцветными огнями скалы образовали глубокую чашу, дно которой освещалось их радужными сполохами.

Жрец в изнеможении упал на землю, усыпанную осколками камней, а демон, успевший спрыгнуть с его спины, уже бежал к огромной черной пещере, в которую никогда не проникал свет. Там, в глубине, в крошечной темноте тускло горели два красных глаза.

Демон остановился у входа и трижды крикнул:

— Гахха! Гахха! Гахха!

Глаза вспыхнули, словно огни маяка, и демон продолжил:

— Я пришел, Гахха!

Гулкое эхо повторило:

— Гахха, Гахха...

Из пещеры вылетело существо, которое не могло присниться Ваджрану даже в самом страшном сне — мерзкая горбатая старуха с болтавшейся у колен грудью, с совиными когтями, вместо рук, и с крокодильими лапами вместо ног.

— До утра он твой! — Демон показал длинным ногтем на трясущегося от ужаса жреца. — Ты ведь уже знаком с ее сестрой, а, Ваджран? — И чудовище захотало.

Старуха присела, ее горб расправился и превратился в два огромных крыла с прозрачными перепонками. Она оттолкнулась от земли и, виляя длинным чешуйчатым хвостом, полетела к Ваджрану.

Последнее, что помнил жрец, — гнусное, похотливое хихиканье демоницы...

Тишина взорвалась оглушительным барабанным боем и завыванием флейт. Жрец с трудом открыл глаза. Все плыло и качалось перед его взором, но вот наконец он понял, что лежит на полу в своей комнате, а сквозь узкую щель в занавесях пробивается тонкий луч солнца. Он попытался встать — и застонал от боли. Все тело ныло и горело, будто изрезанное острыми ножами. Ваджран увидел, что солнце стоит уже высоко и пора выходить на площадь. Постанывая от боли и вытирая набегающие на глаза слезы, старик с трудом оделся и поспешил убрать в тайник страшный сосуд. Потом он распахнул дверь, прихрамывая вышел в соседний покой и жестом велел музыкантам убираться прочь.

К Ваджрану подошел монах и склонил голову, ожидая приказаний. С трудом ворочая языком, жрец прохрипел:

— Мерван! Схватить и привести! В цепях! Скорее!

Монах побежал выполнять приказ, но вскоре вернулся:

— О, святой Ваджран! Он сегодня сам пошел в подземелье за пленником. Сказал, что ты ему велел!

— Проклятие! Собери стражников — и скорей в подземелье! Его надо схватить!

Монах поспешно вышел, а Ваджран в сопровождении нескольких служек, забыв про боль и кипев от ярости, направился во двор.

У дверей подземной тюрьмы жреца уже ждал отряд воинов, обнаживших мечи и готовых кинуться в бой по первому его слову.

Когда Ваджран входил в дверь подземной тюрьмы, Мерван во главе небольшого отряда стражников уже выводил Конана из темницы. Стоя у ткацкого станка, братья провожали киммерийца встревоженными взглядами. Но вот дверь захлопнулась, и Конана, как это было и день, и два назад, повели по полутемному коридору.

Конан шел, низко опустив голову и не обращая внимания на стражников. Казалось, он рассматривает каменные плиты под ногами. Но киммериец, как кот за мышью, следил за шедшим рядом Мерваном. В любой момент Конан был готов к прыжку, а его руки жаждали схватить врага.

Обманутые кажущейся покорностью пленника, стражники за спиной Конана негромко переговаривались.

Коридор кончался, впереди виднелись огни большой пещеры. Мерван ускорил шаг и направился напрямик к правой стене.

«Все правильно», — подумал Конан. Мервану осталось лишь протянуть руку, как вдруг Конан обхватил его сзади с такой силой, что стало слышно, как хрустят кости коварного монаха.

Стражники выхватили мечи и встали напротив Конана и его жертвы, готовясь к нападению. Конан уперся затылком в бронзовый выступ и прижался спиной к стене, не выпуская из рук извивающегося Мервана. Внезапно камень под ногами стражников провалился, и они полетели вниз. Перед Конаном разверзлась бездна. Он стоял на узком каменном карнизе, с трудом удерживаясь, чтобы не сорваться. Мерван отчаянно бился в руках киммерийца, пытаясь увлечь его за собой в колодец.

Со стороны подземного зала послышался шум и звон оружия, и сам Ваджран во главе грозного отряда воинов поспешно подошел к краю колодца. Повелительным жестом протянув руку в сторону своего непобедимого бойца, в покорности которого он ничуть не сомневался, жрец воскликнул:

— Он нужен мне живым! Дай мне его живым, слышишь, Сегир!

Конан захохотал, и его смех показался Ваджрану и стражникам хохотом торжествующего демона. Могучие руки подняли отчаянно сопротивлявшегося Мервана вверх и швырнули его в огненную пасть колодца. Последний крик предателя отозвался гулким эхом, и

огромная каменная плита беззвучно встала на свое место, дабы и впредь хранить тайну подземелья.

Ваджран стоял как вкопанный, с изумлением глядя на бойца, которого, похоже, охраняли боги. В ушах его звучали слова демона: «Его ждет огненный колодец!» — сказанные про подлую змею Мервана. Ну, что ж, негодяй получил свое. С изменником покончено.

Ваджран круто повернулся и быстрым шагом направился к выходу. За ним, окружив пленника плотным кольцом, поспешили стражники — пора готовиться к поединку.

Глава девятая

Главный жрец сам присутствовал при купании Сегира: он не хотел никаких случайностей и никаких сбоев в раз и навсегда заведенных им порядках. Боец должен драться — и он будет драться, ибо так хочет он, святой Ваджран, служитель великого бога!

Перепуганные служки умащали широкую спину непобедимого бойца, а стражники, держа руки на рукоятках мечей, не сводили с киммерийца настороженных глаз — теперь им казалось, что Сегир в любую минуту может броситься на них и устроить страшную бойню. Монахи и служки отнюдь не были невинными ягнятами, в своем монастыре они каждый день видели муки и смерть, а нередко и сами убивали. Но за эти три дня загадочный немой воин погубил столько служителей Кубиры, что вселил ужас в сердца всей братии.

Трясущийся от страха служка отпил бодрящего вина из золотого кубка и с облегчением передал его Сегире. Усмехаясь, тот осушил кубок и накинул на плечи тигровую шкуру.

Увидев непобедимого воина, народ на площади возликовал. Если раньше толпа радостно приветствовала главного жреца, то теперь все восторги принадлежали Сегире, «бойцу, победившему тигра».

Жрец важно шел по площади, медленно переступая с одного золотого кирпича на другой. Это всегда производило на горожан и паломников огромное впечатле-

ние. Ваджран любил приветствия толпы, восхвалявшие его святость, — в такие мгновения он чувствовал себя всемогущим владыкой города. Сам князь преклонялся перед ним колени, прося благословения. А сейчас жрец морщился от досады, слыша со всех сторон:

— Сегир! Сегир! Непобедимый Сегир! Избранник Кубиры!

— Хвала Кубире! Хвала Сегире!

У подножия трона стояли богатые приношения горожан, примирившие Ваджрана с триумфом нового бойца. Придет время, и найдется кто-нибудь другой, но лишь тогда, когда он сам, жрец всемогущего Кубиры, этого захочет. А пока пусть Сегир потешится и потешит жадную до зрелищ толпу! В конце концов, бойцы приходят и уходят, а он, Ваджран, остается! И жрец со свитой удалился в храм, чтобы принести жертву.

Для пленников потекли унылые дни заточения, как две капли воды похожие один на другой. Если Конан ежедневно мог видеть свет солнца и множество человеческих лиц, то братьям заточение скрашивали лишь рассказы киммерийца и любимая работа. Сновали челноки, золотые шелковые нити прокладывали ряд за рядом, медленно приближая час освобождения. Даже в полутемной пещере узоры покрывала сияли, как на солнце, веселя сердца и согревая душу.

Конан часами разглядывал таинственные узоры, наблюдал за быстрыми, умелыми руками ткачей, или придумывал как бы пострашнее отомстить Ваджрану. Когда, тронутый мольбой Сундари и скорбью Дхаваны, киммериец согласился помочь им в поисках брата, он и представить себе не мог, что попадет в такое гнусное место. Что ни говори, там, где слишком много чудес и святости, — всегда жди подвоха!

Святой оказался чудовищным злодеем, а чудеса создавались ценой жизни простых людей. Надо уничтожить это гнусное змеиное гнездо, стереть в порошок всех «служителей великого бога!» И первым — жреца! Каждое утро Конан с трудом сдерживает себя, чтобы

не броситься на него и не придушить — ведь достаточно лишь слегка сжать руки на тощей шее Ваджрана, но тихий внутренний голос всякий раз останавливает его: «Рано! Еще не время!» — слышится Конану, и он вымещает свой гнев и ярость на бойцах, желающих с ним сразиться.

Слухи о непобедимом воине долетели до самых отдаленных уголков Вендии, и великое множество паломников стеклось в Потали к празднику Куши — дню, когда Кубира творит чудеса, являя народу дивные вещи, созданные на небесах. Этот день был посвящен отправлению торжественных обрядов, боям во славу бога и, конечно, чудесам. Толпа с нетерпением ждала, когда распахнется дверь храма, и вереница служек вынесет на золотых подносах чудесное оружие, неземной красоты драгоценности и сосуды, волшебные ткани и всевозможные талисманы. На следующий день купцы, прибывшие со всех концов Вендии и из других краев, могли купить все эти диковинки за баснословные деньги. Потом эти вещицы доставлялись королям и властителям других стран, и те, не торгуясь, их покупали.

В последнее время главный жрец довольно часто заходил в темницу, где сидели Конан и братья-ткачи. Ему было любопытно, как продвигается работа. Всякий раз увиденное приводило Ваджрана в восторг, и он возжелал, чтобы эти мастера до конца дней своих провели у подземного станка. Но как же заставить их смиренно ткать чудесные покрывала, а Сегира — все время сражаться и побеждать?! Угораздило же его пообещать им свободу! Теперь жрец ломал голову, как нарушить свое слово и заставить пленников повиноваться, ведь они не чета остальным запутанным мастерам, которые готовы за кусок хлеба и день жизни гранить алмазы и ковать непобедимое оружие! Если Сегир разъярится, даже сам Кубира не сможет усмирить его! А этот ткач... Он хоть и тщедушный с виду, но глаза смотрят дерзко. Чего доброго он предпочтет смерть рабскому труду — такое в монастыре уже случалось...

Жрец с ужасом понял, что ему остается лишь одно — вновь открыть маленький сосуд и задать вопрос демону. Ваджран всей кожей ощутил испытанную так недавно боль, но не в его правилах было выпускать из рук добычу. Эти пленники укрепляли его власть и сулили ему новые богатства. Уже сейчас все монахи поняли, как выгодны монастырю победы Сегира, а когда толпа увидит покрывало, что выткали ткачи, и купцы будут с пеной у рта набавлять за него цену, слава о монастыре разнесется еще дальше. Ради этого стоит потерпеть еще одну ночь! Всего одну ночь! Но это — потом. Потом, когда закончится праздник...

* * *

Наступил последний день накануне великого праздника Куши — праздника могучего бога Кубиры. Последние лучи солнца погасли в небесах, когда в глубоком подземелье ткачи закончили работу. Снятая со станка парча сияющим ворохом лежала на чисто вытертом столе, а главный жрец трясущимися руками гладил ее мерцающие складки.

— Такого мастера, как ты, я еще не встречал! Поистине твоя парча бесценна! Но ты говорил, что она может стать еще прекраснее? Неужели такое возможно?

— Да, о великий! Но для этого нужно выполнить три условия: вынести парчу на солнце и после того, как она будет натерта порошком, очищающим ее от земной пыли, те, кто ее ткал, и те, кто помогал им, должны встать рядом на колени, и я прочту благодарственную молитву богине Лури. Потом нужно стряхнуть порошок и опять расстелить парчу на солнце. Вот тогда ты увидишь настоящее чудо!

— Хорошо! Завтра на рассвете вас всех выведут во двор, и мы посмотрим на твое чудо! Но гляди, если обманешь — вам всем это дорого обойдется! Хоть твоя работа и прекрасна, но я не люблю обманщиков! — Надеюсь, что никакого чуда не произойдет и к этому

можно будет придаться, жрец покинул подземелье. Нет, это покрывало не может сделаться еще лучше!

Наступила ночь, фитили в плошках погасли, но мягкое сияние, исходившее от чудесного покрывала, разгоняло темноту, позволяя пленникам видеть друг друга. Что им принесет завтрашний день? Что произойдет, когда лучи солнца коснутся золотой парчи? Пояс, который Дхавана снял с себя и положил рядом с покрывалом, не давал ответа.

Братья стояли рядом, плечо к плечу, и Конану бросилось в глаза, как они похожи. За этот месяц Критана превратился из тощего старика в стройного юношу, правда более усталого и изможденного, чем Дхавана, но все равно это явно были плоды одной ветви.

Увидев их не в тусклом свете плошек, а в сиянии дня, хитрая бестия Ваджран может сразу заподозрить неладное, и тогда, вместо желанного освобождения, завтрашнее утро принесет смерть. Конан сказал об этом братьям, и, встревожившись, те стали думать, как обмануть проклятого жреца.

Тем временем Конан внимательно обследовал стены около погасших светильников. Так и есть — жирная копоть толстым слоем покрывала камни, и его руки сразу же стали черными. Киммериец шепотом велел Критане сесть на скамью, повернул его лицом к сияющей парче и начал работу.

Темные круги под глазами, темные пятна на впалых щеках, полосы на лбу под всклокоченными волосами, слегка натертое черной липкой массой тело снова превратили Критану в немощного старика с лихорадочно горящими глазами.

Оторвав доску от своей туники, Конан стер кое-где лишнюю черноту и отошел в сторону, придирчиво рассматривая юношей, — он остался вполне доволен своей работой. Теперь они были похожи скорее на отца и сына, чем на родных братьев.

Сложив парчу и накрыв ее своей туникой, отчего в пещере сразу стало темно, Конан на ощупь пробрался

к тюфякам, где уже лежали Дхавана и Критана. Сон долго не приходил к ним, неизвестность тревожила, но наконец усталость взяла свое, и они уснули.

Утром их разбудил скрежет ключа в замке. Свет дюжины факелов разорвал темноту. Монахи быстро зажгли светильники и встали возле двери. Пленникам приказали взять парчу, и их повели наверх. Они шли по подземному коридору, зная, что уже не вернуться назад. Но что их ждало там, наверху?

Распахнулась дверь, ведущая из тюрьмы во двор, и братья невольно остановились, зажмурив глаза, — дневной свет ослепил их. Монахи вытолкнули пленников на середину мощеного двора и отошли в сторону.

Рядом с щедро залитым солнцем помостом стоял главный жрец в окружении неизменной свиты и с недоверчивой улыбкой ждал, что будет дальше. А Конан взволнованно переводил взгляд с Ваджрана на братьев, пытаясь понять, не заметил ли жрец их сходства. Нет — грим наложен мастерски! Рядом с побледневшим и осунувшимся за этот месяц Дхаваной, пошатываясь на ослабевших ногах, стоял почерневший высохший старик. Ветерок шевелил жалкие лохмотья, которые когда-то были его одеждой.

Жрец приказал:

— Начинайте! Мы ждем вашего чуда! Но смотрите, если его не произойдет, вы навсегда останетесь рабами великого Кубиры!

Монахи обступили помост плотным кольцом. Стоит святому Ваджрану приказать — и они тотчас набросятся на пленников.

Ткачи расстелили на солнце дивную парчу, и со всех сторон послышались восторженные возгласы. Даже святой Ваджран не смог скрыть своего восхищения и подошел поближе, чтобы как следует рассмотреть переливающиеся узоры.

Между тем братья не спеша натирали парчу белым порошком, а Конан, стоя на коленях, придерживал ее края руками. Наконец белый порошок скрыл от глаз

все узоры, и братья встали на колени рядом с Конаном. Дхавана молитвенно сложил руки, киммериец и Критана последовали его примеру.

Потом он стал громко нараспев произносить молитву на непонятном наречии, часто повторяя имя богини Лури. Монахи и жрец замерли, завороченные звуками непонятного языка. Так они и стояли, не шелохнувшись, пока Дхавана не умолк.

В полной тишине он встал с колен, достал из сумы небольшую метелку из сухой жесткой травы, велел Конану и Критане поднять покрывало и стал бережно сметать с драгоценной парчи белый порошок. Казалось, прошла целая вечность. Жрец все так же неподвижно стоял напротив, ожидая обещанного чуда, монахи обступили пленников со всех сторон, отрезав пути к бегству.

Наконец Дхавана закончил работу, и они втроем расстелили парчу на солнце. Ни главный жрец, ни его свита не ждали неведомого чуда так страстно, как трое пленников, — и оно произошло! Ослепительный свет полыхнул по всему двору, и монахи с криками попятись, закрывая глаза руками. Жрец стоял, крепко зажмурив глаза, но свет пробивался даже под закрытые веки. Лишь Конана и братьев-ткачей волшебный свет не ослепил. Киммериец хотел было броситься на зажмурившегося жреца, но вдруг увидел такое, отчего к нему сразу вернулся дар речи: на покрывале лежали три сверкающих меча и боевой топор. Мгновение — и пленники схватили чудесное оружие, а двор огласился могучим криком:

— Смерть проклятым монахам! Бей отродье Нергала! Жреца не трогать! Он — мой!

И Конан бросился в гущу монахов, заслонявших собой Ваджрана. Полуслепые, они беспорядочно размахивали мечами, не видя, что за вихрь обрушился на них, и слыша лишь громовые раскаты незнакомого голоса.

— Кр-р-ром! Вот это дело! Дхавана, обходи слева! Критана, не пускай к воротам! Всех в кучу! Круши, бей!

Беснующийся демон косил монахов направо и налево, неумолимо приближаясь к жрецу, метавшемуся по двору, как загнанная крыса.

Ваджран прятался за спинами своих воинов и, перебегая от одного к другому, истошно вопил:

— Окружайте! Окружайте негодяев! Гоните их к подземелью! Не подпускайте к воротам!

Но его приказы заглушали звон мечей, вопли сраженных воинов и радостный рев киммерийца, наконец-то дорвавшегося до настоящей битвы! Меч Конана разил, как небесная молния, топор обрушивался на черепа, как божья кара.

А тем временем братья-ткачи сгоняли пустившихся наутек монахов на середину двора. Воспользовавшись суматохой, святой Ваджран решил улизнуть в известную лишь ему потайную дверь в высокой стене, но братья перехватили его и загнали в гущу монахов, ожесточенно отбивавшихся от разящих ударов гиганта. В пылу битвы никто из верных слуг Ваджрана не вспоминал о драгоценной жизни своего хозяина. Жреца толкали, он падал, и ноги сражавшихся попирали мнимого святошу. В разорванном парчовом одеянии, с всклокоченными волосами, старый жрец, обессиленный, пытался на четвереньках отползти в сторону. Из пересохшего горла вырывался жалкий хрип, глаза безумно бегали из стороны в сторону, следя за молниеносными бросками чудовищного воина, а тот оглушительно выкрикивал проклятия и призывал незнакомого бога:

— Гнусные шакалы! Дерьмо Нергалье! Клянусь Кромом, ни один не уйдет! Дхавана — добивай! Критана — к воротам!

И снова сверкали мечи, падали разрубленные тела, и вот уже не осталось спин, за которыми можно было укрыться от ярости пленника. Ваджран оказался один на один со своей смертью. Собрав последние силы, он вскочил на ноги и, выхватив из-за пояса кинжал, казавшийся детской игрушкой против огромного меча киммерийца, попятился в дальний угол двора, где был еще

один потайной ход. Отчаяние придало жрецу сил. Уворачиваясь от выпадов неистового гиганта, он петлял по двору и постепенно приближался к заветной дверце. Но когда Ваджран собрался сделать последний шаг, ему в грудь и в спину уперлись сверкающие мечи. Пригрозив проткнуть жреца насквозь, Дхавана и Критана заставили его выйти на середину двора. Ваджран рухнул на колени и завопил:

— О, пощади, доблестный Сегир! Не убивай! Я отдам тебе все, чем владею! Я укажу тебе все тайники! Никто, кроме меня, не знает, какие богатства здесь хранятся! И все это будет принадлежать тебе! О, Сегир, не убивай!

Меч молнией сверкнул перед глазами Ваджрана, его голова покатилась в пыль, а тело, несколько раз дернувшись, осело набок.

Конан, Дхавана и Критана, переводя дух после тяжелой битвы, глядели на голову поверженного жреца. Вот он, долгожданный час расплаты и освобождения!

Весь двор был завален изрубленными телами и залит кровью, а посреди него лежало дивное покрывало. Ни одна нога в пылу битвы не коснулась его, ни одна капля крови не обогрела чудный узор. Дхавана бережно сложил парчу и спрятал в суму, потом подошел к Конану, который все еще мрачно смотрел на голову ненавистного Ваджрана. Наконец киммериец отвернулся, сдернул плащ с одного из убитых воинов и завернул в него голову. Дхавана удивленно спросил:

— Зачем она тебе?! Ее надо сжечь вместе с остальными телами, чтобы очистить это место от скверны!

— Потом узнаешь! А насчет этого места — ты разве забыл о подземелье? Нам еще предстоит горячая схватка! Вспомни, сколько там засело монахов, и какие там переходы и тайники! А сейчас — слышишь? — надо отпереть ворота, а то толпа разнесет их в щепки!

Действительно, ворота уже давно сотрясались от ударов. Горожане собрались на площади в ожидании торжественного выхода жреца, но, вместо музыки, услы-

шали шум битвы, и, встревожившись, решили открыть ворота.

Братья обнажили мечи и встали по бокам ворот, и Конан решительно отодвинул засов. Возбужденная толпа ввалилась во двор. Задние напирали, но те, кто был впереди, в ужасе попятились: сжимая в одной руке огромный меч, а в другой — окровавленный топор, среди множества изуверченных трупов стоял их любимый боец, «непобедимый немой Сегир».

У ворот, обнажив мечи и не пуская толпу дальше, замерли два человека в забрызганных кровью одеждах. Наступившую тишину прорезал голос, громом обрушившийся на головы горожан:

— Вы собрались посмотреть на чудеса? Вы собрались посмотреть на бои во славу Кубиры? Вы собрались посмотреть на жертвоприношение своему божеству? Сегодня будут и бои, и чудеса, и жертвоприношения, клянусь Кромом, богом моей земли! Но сначала вы узнаете, что скрыто в святилищах ваших богов, а спрятано там немоло! В глубоких темных подземельях томятся сотни искусных мастеров, чьими руками были созданы те дивные вещи, которые жрец объявлял чудом Кубиры, и чья кровь каждый день приносилась ему в жертву! Мы тоже были пленниками вашего божества, и лишь чудо спасло нас! И сейчас нам предстоит налегкая битва с проклятыми монахами, охраняющими подземную тюрьму! Главный демон — ваш «святой Ваджран» — не укрылся от моего меча, и остальные тоже не уйдут! А сейчас — смотрите! — И Конан решительно направился к двери, ведущей в подземную тюрьму.

Толпа медленно двинулась за киммерийцем и его спутниками. Мужчины на ходу вынимали мечи из рук мертвецов, и вскоре перед дверью подземной тюрьмы стоял грозный отряд горожан. Потрясенные увиденным и услышанным, они сразу поверили гневным словам могучего воина и теперь были готовы броситься в бой, чтобы узнать все тайны мрачного подземелья.

Под напором толпы и под страшными ударами боевого топора Конана дверь дрогнула и, выворачивая камни кладки, сорвалась с петель. В полумраке сверкнули клинки стражников, сбежавшихся наверх со всех концов подземелья. Неистово орудуя мечом и топором, Конан прокладывал себе дорогу вперед, следом за ним шли разъяренные горожане. Не выдержав натиска, монахи бросились вниз. В большом зале среди кипящих котлов битва разгорелась с новой силой. Увидев, какие жуткое варево готовится в котлах, горожане пришли в неистовую ярость и начали бросать монахов в кипящую воду. Конан колот, рубил и швырял противников в смертоносные котлы, шаг за шагом пробиваясь к галерее, ведущей в дальние подземелья. Монахи оборонялись, пытались преградить ему путь. Они выстроились на страшной плите, закрывавшей колодезь, а горожане плотной толпой наступали на них, намереваясь вступить в схватку.

Конан одним прыжком очутился у бронзового рычага, открывавшего колодезь, и крикнул так, что затрепетали язычки пламени в светильниках:

— Стоять! Ни с места!

На мгновение все замерло, оглушенные мощным рыком киммерийца, и тут он изо всех сил нажал на бронзовый цветок. Вопли провалившихся в бездну монахов слились с изумленными возгласами горожан, отпрянувших от адского колодца. На своде галереи затрепетал багровый отблеск подземного пламени, и камень вернулся на место, закрыв огненную могилу.

Взмахнув мечом, Конан устремился дальше, в полумрак коридора, туда, где за тяжелыми дверями томились пленники, знавшие, что им не суждено более увидеть солнечный свет.

Но вот, не выдержав яростных ударов топора, одна дверь затрещала и распахнулась, за ней другая, третья... Перед горожанами предстали узники, похожие на оживших мертвецов. Они в страхе побросали работу и жались по углам своих подземелий, ожидая смертно-

го часа. Но, когда несчастные поняли, что это не гибель, а избавление, слезы потекли по их впалым щекам.

Конан крушил дверь за дверью, а горожане одного за другим выводили пленников на площадь. Теперь уже весь город знал о страшной тайне монастыря. Сам правитель прибыл к храму и был потрясен, увидев бледных изможденных людей, которые прикрывали глаза от яркого света и едва держались на ногах. Сердобольные горожане предоставили освобожденным узникам кров в своих домах, сытно накормили их, напоили молодым вином и постарались сделать все, чтобы они поскорее забыли о своих недавних мучениях.

Глава десятая

Конан и братья-ткачи обследовали каждый уголок подземелья, отыскав множество пещер с сокровищами и потайной ход, который вел прямым ходом к храму. По этому узкому коридору и доставлялись к статуе Кубиры те прекрасные вещи, которые считались «даром небес».

Наступил вечер, когда усталый Конан и вконец измученные Дхавана и Критапа вышли на площадь. Их встретила огромная толпа с зажженными факелами. Люди помогли Конану уничтожить гнездо демонов, и теперь они ждали, что им скажет этот мужественный посланец богов.

Конан остановился посреди площади, отдал Дхаване окровавленный меч и зазубренный топор, отвязал от пояса какой-то сверток и бросил его на землю. Подняв кверху обе руки, освещенный сотнями факелов, он заговорил, и его зычный голос зазвучал над притихшей толпой:

— Жители Потали! Сегодня, в день вашего праздника, вы ждали торжеств и развлечений, но праздник обернулся кровавой битвой. Несчастные узники, которые кормили и обогащали эту свору, еще долго будут нуждаться в вашей милосердии. А сейчас я хочу сам совершить богослужение и принести жертву. Осветите факелами дорогу к храму — святой Ваджран должен уплатить свои долги! — С этими словами киммериец

развязал побуревший от крови плащ и поднял за волосы голову жреца.

Толпа в ужасе отпрянула, но юноши с факелами в руках уже встали вдоль дорожки, ведущей к храму.

Конан с головой Ваджрана в руках и двое братьев позади него двинулись к храму. Следом за ними, не желая пропустить самое главное, пошли горожане. Вскоре храм заполнился народом. Увидев огромную статую бога, люди вскрикивали и пятились к дверям, но потом все же робко входили и начинали осматриваться. Монахи никого не допускали внутрь храма, однако старики помнили, что раньше перед жертвенником стояла набольшая статуэтка великого бога. То, что они увидели теперь, переполнило их сердца суеверным ужасом, люди ждали чего-то страшного, но все же не могли заставить себя уйти.

Конан молча подошел к жертвенной чаше, бросил в нее голову жреца, облил ее маслом из светильника и, взяв факел из рук стоявшего рядом юноши, поднес к чаше огонь.

Пламя взметнулось высоким столбом, обдав всех невыносимым жаром. Потом оно стало меньше, и храм заволокло черным туманом. Колеблющаяся черно-багровая мгла накрыла притихших людей. Но через несколько мгновений одна за другой засияли светлые точки горящих факелов, тьма рассеялась, и тут всем показалось, будто статуя Кубиры исчезла вместе с пьедесталом.

Но нет — она стояла на прежнем месте, и бронзовый бог все так же бесстрастно взирал на собравшихся, только фигурка его теперь была не больше локтя, такой, как ее запомнили старики.

Конан и братья сразу покинули храм, а народ все шел и шел к алтарю посмотреть на чудо. В Потали все-таки очень любили чудеса! Всю ночь в городе не гасли огни, горожане высыпали на улицы. Столько событий свалилось на них в этот день, что трудно было усидеть дома. Похоже, праздник все-таки удался. Лишь к воро-

там монастыря не приближалась ни одна живая душа, мертвая тишина царила за его высокими стенами.

Тем временем бывшие пленники коварного жреца вышли на окраину города, забрались в чей-то заброшенный сад и решили там переночевать. Они не могли надышаться пряным ночным воздухом, опьянявшим после месяца, проведенного в зловонном подземелье, как молодое вино. Звездное небо раскинулось над их головами, ветерок еле слышно перебирал листья деревьев, и, казалось, весь мир распахнулся перед ними. Усталые братья ничком лежали на траве, а Конан задумчиво сидел рядом. Какая-то мысль не давала ему покоя, и наконец он сказал:

— Завтра надо достать лошадей. Вы вернетесь к себе в деревню, а я, пожалуй, пойду на север — здесь мне уже незачем оставаться. Значит, две лошади для вас, и две — для меня.

Критана хотел спросить, зачем Конану две лошади, но тут вдруг мягкий отблеск упал на их лица — это Дхавана поспешно снял с себя волшебный пояс и растелил его на траве. Он мерцал призрачным светом, как еще вчера сияла чудесная парча во тьме подземелья. И вновь, как тогда, в лесу у костра, перед ними появился зыбкий образ прекрасной девушки. Забыв об усталости, Критана вскочил на ноги и бросился к сестре со словами:

— Сундари, милая! Ты спасла нам жизнь! Скоро мы будем дома, и я смогу обнять тебя, а сейчас побудь с нами, не исчезай! Завтра мы найдем коней и двинемся в дорогу!

В ответ прозвучал мелодичный девичий голос:

— Вам не нужно искать коней! Вы соткали покрывало, которое быстрее любого коня доставит вас домой. На рассвете расстелите его на траве, сядьте на него все вместе и попросите отвезти вас туда, куда пожелаете. Покрывало взлетит в воздух, и не успеет солнце взойти высоко над землей, как вы уже опуститесь у порога своего дома! — Девушка, улыбаясь, смотрела на Конана

и, казалось, ждала от него чего-то. Он подвинулся поближе и спросил:

— А покрывало выдержит, если, кроме нас, на нем будет стоять большой сундук? Или порвется? Ведь ткань такая тонкая...

Сундари засмеялась, и ее серебристый смех заставил быстрее забиться сердце отважного киммерийца:

— Даже если ты ухитришься поставить на него слона, оно все равно взлетит так же, как если бы на нем лежал сухой листок! Я поняла тебя, чужеземец! Делай, что задумал, и не сомневайся!

Смех девушки и ее призрачный образ растаяли в темноте. Дхавана с Кританой почти тотчас уснули, а Конан все ворочался на траве с боку на бок.

На рассвете, когда солнце едва позолотило края облаков и защебетали первые птицы, Дхавана проснулся и сначала не мог понять, где он — жив или, может, умер. Вместо лязга тюремных замков раздавалось пение птиц, ароматный воздух веселил душу. Юноша сел на траву и сразу все вспомнил. Рядом, подложив руки под голову, совсем как в детстве, спал Критана, а чуть подальше, разметавшись на тигровой шкуре, — киммериец. Тут же, в траве, лежал узорчатый пояс, а около него — кувшин вина и корзина с едой. Только сейчас Дхавана почувствовал, как он голоден, ведь вчера они даже не вспоминали о еде. Он с трудом разбудил Критану и Конана, которые, казалось, могли проспать еще целый день и целую ночь. Они неохотно открыли глаза, но, увидев кувшин с вином и хлеб, проснулись окончательно.

Допивая остатки вина, Дхавана вспомнил ночной разговор и спросил Конана:

— А про какой это сундук ты говорил? Что-то я ничего не понял... Или ты говорил про слона?

Конан чуть не подавился куском хлеба, громко расхохотался, хлопнул Дхавану по плечу и, вскочив на ноги, исчез за большим кустом. Он тут же вернулся, неся на плече огромный сундук, один из тех, что глав-

ный жрец выставлял перед поединком, и с торжествующей улыбкой откинул крышку. Сундук был доверху набит всевозможными драгоценностями из подземных тайников. Лежало здесь и несколько золотых кирпичей, по которым совсем недавно ступал святой Ваджран, и пара массивных золотых браслетов, еще вчера украшавших ноги мраморных слонов.

— Я думаю, Кубира не будет возражать, если я сам награжу себя за все поединки в его честь! В конце концов, он мой должник! Смотри, Дхавана, солнце восходит. Расстилай покрывало, пора в дорогу!

После бурных событий минувшего дня и ночи Потали крепко спал, и никто не заметил, как покрывало поднялось в небо и, сверкнув золотом в лучах утреннего солнца, исчезло за лесом.

Этим утром все жители небольшой деревушки в нескольких днях пути от Потали вышли на улицу. Они с нетерпением ожидали чудесного возвращения пропавшего год назад молодого ткача Кританы и его брата, Дхаваны, который отправился на поиски.

Небольшая заросшая мягкой травой площадь посреди деревни заполнилась людьми. Они напряженно всматривались в безоблачное небо, словно ожидая какого-то знамения. Вдруг раздался пронзительный крик чумазого мальчишки:

— Летят! Летят! Вон там, смотрите! — Он прыгал, размахивая руками, и тыкал пальцем в небеса.

Наконец все увидели крохотную точку, напоминавшую летящую к земле птицу. Точка росла и росла... И вот, сверкая золотом, к деревне подлетело чудесное покрывало, неся на себе троих людей, радостно машущих ликующей толпе.

Люди расступились, и покрывало медленно опустилось на середину площади. Дхавана и Критана тут же подбежали к плачущим от счастья старикам — своим родителям, встали на колени и стали целовать им руки. Затем они подвели родителей к Конану. Те с поклоном поблагодарили киммерийца за спасение сыновей и

пригласили его в свой дом. Четверо крепких юношей с трудом подняли сундук и понесли за ними. Женщины бережно свернули чудесное покрывало и пошли следом.

На пороге богатого дома, построенного, по вендийскому обычаю, в виде четырех отдельных покоев, окружавших небольшой внутренний дворик, улыбаясь, стояла прекрасная девушка в желтом платье, с цветом в черных, как ночь, волосах. Она радостно шагнула навстречу братьям — но глаза ее, сияя, смотрели лишь на Конана, и он среди радостно суетившейся толпы тоже видел лишь ее, Сундари.

В одно мгновение небольшой дворик превратился в пиршественный зал — появились столы, вино, богатое угощение. Братьев и Конана усадили на почетные места, и они, наполняя и осушая кубки, рассказали историю своего паломничества. Потом пришли соседи и пригласили их к себе. Там тоже были накрыты роскошные столы, и снова люди, замерев, слушали их рассказ. Мужчины вздыхали, женщины вытирали слезы.

После этого Конана и братьев один за другим приглашали все жители деревни. Всем хотелось уважить героев и своими ушами услышать, что с ними случилось в Потали. К вечеру у братьев уже заплетался язык, и только Конан еще что-то пытался рассказать.

В конце концов, едва живые от усталости, они вернулись в дом родителей Дхаваны и Кританы. Наутро Конан собирался покинуть гостеприимную деревню, и его отвели в просторную комнату, чтобы он как следует отдохнул перед дорогой. Он лег на широкое мягкое ложе и тут же уснул.

Братья почти до утра проговорили с родителями, уже не надеявшимися увидеть своих сыновей живыми.

Солнце уже высоко стояло над деревней, когда наконец усталые путники проснулись. Конана уговаривали остаться, но он уже рвался на север, к свежему ветру и прохладным лесам. В густых жарких джунг-

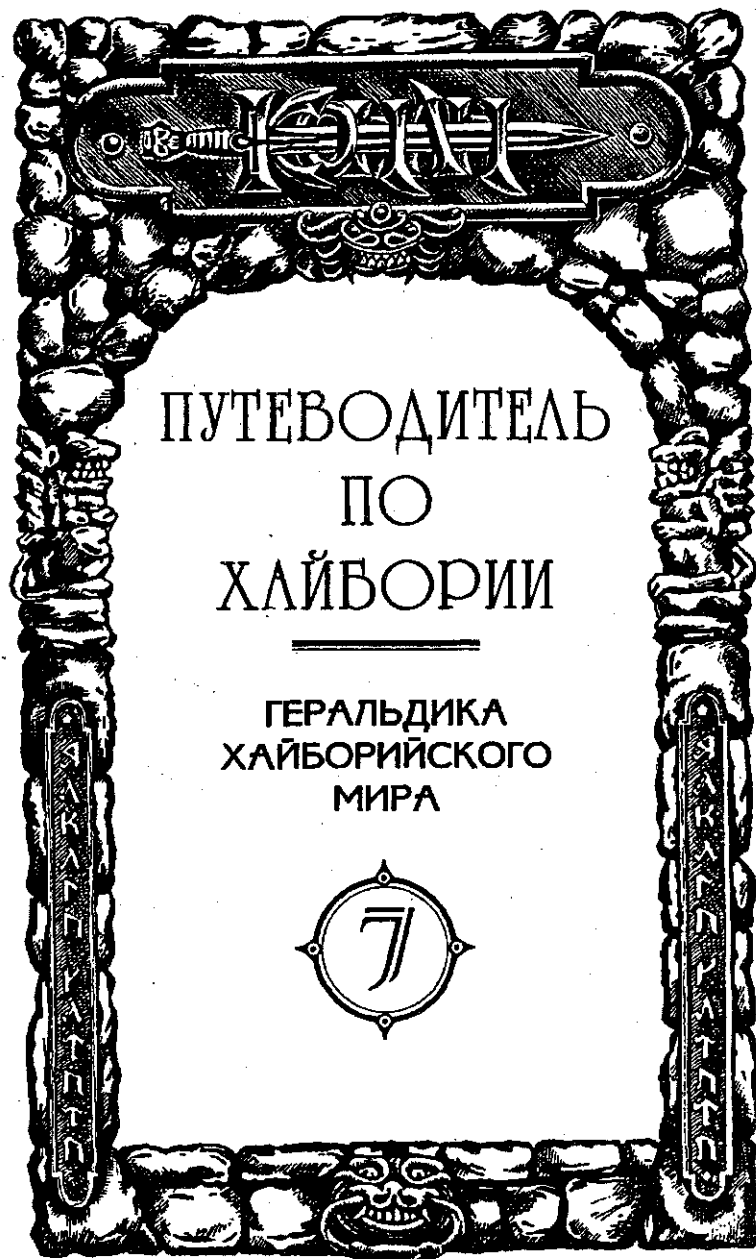
лях его привлекали только богатства, но теперь они у него в сундуке. Правда, было в джунглях еще одно сокровище, но ведь его с собой не возьмешь...

Братья подарили Конану чудесное покрывало, и он взгромоздил на него свой драгоценный сундук. Женщины ставили на покрывало серебряные кувшины с вином и корзины с лакомством и фруктами. Вся деревня собралась проводить киммерийца. Конан поклонился старикам — родителям Дхаваны и Кританы, обнялся с братьями и шагнул к покрывалу, ища кого-то в толпе глазами. Вдруг рядом раздался звон серебряных браслетов, тонкие руки обвились шею киммерийца, и горячие, соленные от слез губы прильнули к его губам. В следующее мгновение Конан уже стоял на сверкающей парче, и она медленно поднималась в небеса, унося его далеко на север...

Сияющая золотая точка все уменьшалась и уменьшалась, пока наконец совсем не скрылась из глаз. Жители деревни разошлись по домам. Братья-ткачи тоже вернулись к себе и вошли к Сундари. Она задумчиво сидела на ложе, покрытом шкурой громадного тигра, и чему-то улыбалась. Дхавана сел рядом и ласково сказал:

— Все-таки он улетел, не захотел остаться. Я все понимаю, сестра, я видел, как ты на него смотрела...

Сундари отвернулась и, загадочно улыбаясь, нежно погладила тигриную шкуру. Вот так же прошлой ночью она гладила непослушные черные волосы киммерийца...

Дорогие друзья!

*Первая часть справочника
«Путеводитель по Хайбории» —*

*«Страны и народы: Агада — Ап»
была опубликована в томе*

*«Конан и Сердце Аримана»,
вторая часть*

*«Страны и народы: Аргос — Зингара»
в томе*

*«Конан и Багровое Око»,
третья часть*

*«Страны и народы: Иранистан — Кхитай»
в томе*

*«Конан и призраки прошлого»,
четвертая часть*

*«Страны и народы: Майяпан — Черные королевства»
в томе*

*«Конан и заговор теней»,
пятая часть*

*«Божества и религии»
в томе*

*«Конан и врата вечности»,
шестая часть*

*«Имена и названия»
в томе*

«Конан и алтарь победы»

Гербы берут свое начало с самой глубокой древности. Это особого рода символические знаки, по которым узнавали во время боя вождя, племя, народ. Ими различались как отдельные лица, так и колена, города, царства; различались гербами благородные от неблагородных, знатные от незнатных. Но более всего, особенно во время военных действий, гербы служили для распознавания своих от чужих; по гербам рассеянные войска собирались в каком-либо одном условленном месте.

В древности такие отличительные знаки имели большое значение и были в большом употреблении. Древние египтяне, отличавшиеся всегда и во всем особой таинственностью и непроницаемостью, испещряли иероглифами дворцы, храмы и памятники. Евреи также всегда распознавали свои двенадцать колен по условным знакам. Далее, ассирийцы изображали на своих знаменах голубя, потому что на их языке эта птица называлась именем знаменитой царицы Семирамиды. Мидийцы и персы изображали на своих знаменах золотого орла; афиняне чеканили монеты с изображением совы, а карфагеняне — с изображением конской головы.

В мифические времена, правда, не столь древние, как Хайборийская эпоха, мы также встречаем массу символических знаков. Так, Гомер на оружии всех своих героев, участвовавших в осаде и защите Трои, поместил особые отличительные эмблемы. Так, у одного из вождей на щите имелось вычеканенное небо, усыпанное звездами. У другого — обнаженный человек с факелом и девиз «Сожгу город!». У третьего — Тифон, изрыгающий из огненной пасти черный дым.

Множество эмблем, знаков и значков имелось и у древних римлян. Еще до сих пор остались изображения воинов в доспехах, испещренных разными штрихами и символами, на колоннах императоров Траяна и Антонина и на триумфальной арке, воздвигнутой в честь Марии близ города Орангия.

Но собственно то, что у нас именно называется гербами, не было известно в тот период. Символические военные знаки, зачастую употреблявшиеся в качестве символов и украшений, не были именно тем, что мы привыкли называть гербами, то есть постоянными отличиями знатного происхождения какого-либо лица и наследием, жалусым тому или иному роду. Такое значение гербов можно отнести к более позднему периоду — к эпохе крестовых походов. Понятно, что рыцари, возвращавшиеся на родину из Палестины, дорожили отличиями,

заслуженными ими на поле брани против неверных — отличиями, которые стоили им столько трудов и такого самопожертвования. Они оставляли родину, семью и друзей и пускались в дальний путь, чтобы сражаться за освобождение гроба Христа из рук неверных. Вернувшиеся же благополучно рыцари воздвигали над воротами замков и на высоких башнях хоругви и знамена, под которыми сражались за веру Христову.

Те же символические знаки рисовали на доспехах и щитах, вышивали на одежде и на гобеленах. Во время торжеств они служили лучшим украшением пирушественной залы, их носили на своих одеяниях оруженосцы, пажи, воины и вся челядь рыцарского замка.

Эти эмблемы достославных воинских подвигов образовали как бы особый иероглифический язык. Крест простой, двойной, обвитый, зубчатый, изрубленный, крест из цветов красовался повсюду в различных видах и служил символом той святой цели, ради которой были предприняты крестовые походы. Арка напоминала взятый приступом мост, башня — захваченный замок, щлем — вооружение грозного и смелого врага, звезда — ночное сражение при свете луны, меч — обычное сражение, полумесяц — победу над мусульманином, пика, повязка, ограда, две полосы, сходящиеся под углом — взятые и разрушенные преграды, лев или тигр — неустранимую доблесть, орел — высокую доблесть и отвагу. Отсюда и началось становление средневековых гербов. Такие гербы, установленные и пожалованные государем, никогда не изменялись и становились неотъемлемой собственностью семейства и рода.

Для гербов на щитах употребляли два металла (золото и серебро), четыре краски или цвета (голубой, зеленый, красный и черный), два меха (горностаевый и беличий). Кроме того, геральдика приписывает цветам особые названия и значения. Так, голубой называется лазурь и означает воздух, зеленый — яшма, красный — огонь, черный земля. Зачастую также голубой считается символом величия, красоты, ясности, красный — храбрости, зеленый — надежды, изобилия, свободы, черный — скромности, печали. Золото было эмблемой богатства, величия, силы, верности, постоянства, тогда как серебро означало чистоту и невинность.

Поле гербового щита делилось зачастую на несколько отделений горизонтальными, вертикальными и диагональными линиями, иногда именуемыми также перекладинами. В этих отделениях размещали краски и символы. Вне поля герба были изображены другие фигуры; украшений было три вида — сверху, с боков и кругом.

Над гербом изображали короны, шапки, шлемы, наметы, нашлемники, иногда девиз или военный клич и бурелеты. Последние происходят от французского слова *bourgelet* — это был жгутик из ткани, набитый шерстью, который накладывали на шлем. Его окрашивали теми же цветами, что и щит; в гербах нетитулованных дворян такой бурелет или жгутик именовался фреской.

Шлемы и шишаки рисовали на гербах в профиль или в фас, с опущенным, полукрытым или поднятым забралом и с большим или меньшим числом решеточек на нем, смотря по достоинству и древности рода. Самой верхней частью украшения гербов был нашлемник;

его составляли из всякого рода фигур и цветов и перьев, животных, деревьев и прочего. В обычае было также помещать девиз или клич над гербом.

По сторонам зачастую помещали изображения ангелов, людей, богов, чудовищ, львов, единорогов, леопардов и прочих. Все эти фигуры имели символическое значение и назывались щитодержателями. Кто не имел права помещать щитодержателей, украшал бока герба вымышленными орнаментами; щит герба украшали также орденские хоругви, знамена и мантии. Фон герба именуется в геральдике полем; фигуры — знаками.

Применительно к миру, созданному талантом Роберта Говарда, мы рассмотрим только гербы государственные, бывшие одновременно гербами правителей данных стран — если говорить о наиболее развитых хайборийских державах; а также эмблемы-символы, когда речь пойдет о народах более отсталых и диких.

При создании геральдических символов мира Конана авторы старались использовать прямые указания, дающиеся в «*Cage*», равно как и косвенные намеки, в изобилии рассыпанные у различных авторов. Там, где невозможно оказалось отыскать точную информацию, художник старался исходить из исторических аналогий, максимально учитывая дух нации, ее корни и географическое положение.

Разумеется, было бы ошибочно полагать, что в те далекие времена в ходу были те же правила, что позднее были приняты геральдикой нашего мира, однако даже с учетом анахронизмов, каковыми пропитана вся «*Сага*» (и которые, несомненно, лишь придают ей очарования), даже самый придирчивый средневековый геральдист едва ли нашел бы, в чем упрекнуть ее авторов.

Единственная неточность, допущенная Говардом, на которую пришлось обратить внимание, заключалась в следующем. Описывая герб Ахвилонии, автор поместил на нем алого льва на черном поле. Вместе с тем, европейским специалистам уже в Средние века было известно, что подобное сочетание не слишком удачно. На поле боя, например, щит или штандарт с таким гербом был бы попросту неразличим. Из этих соображений геральдисты обычно избегали накладывать одну краску на другую или металл на металл.

Также, из эстетических соображений, всем гермам была придана единообразная форма, без учета национальной специфики щитов той или иной державы. При этом наибольшее сходство наблюдается среди гербов хайборийских королевств как наиболее близких по духу и культуре европейским нациям. Эмблемы же стран Юга и Востока зачастую представляют собой не полноценный герб, но лишь символ или тотем данной народности, что максимально точно отражает историческую реальность.

Аквилония

Герб Аквилонии изображает алого льва в золотой короне на черном поле. Это благородное животное исторически служит символом солнца, а также справедливой королевской власти. Кроме того, прозвание Амра-Лев было дано Конану во время его плаваний с пиратами Юга.

Амазония

Фигура суровой женщины-воительницы может считаться единственно возможной эмблемой этой страны. На гербе она изображена исполняющей торжественный танец победы.

Копье, традиционное оружие амазонок, служит также символом покоренного мужского начала и непримиримости этих воинственных дев.

Антилия

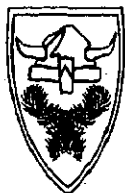
В романе «Конан-островитянин» упоминается эмблема этой загадочной страны — черный кракен. Это кровожадное морское чудовище-дракон служило символом власти древних владык Атлантиды. Герб украшает стилизованный морской орнамент, напоминающий об островном положении Антилии.

Араос

Веселая галера, идущая под парусами, считается истинным символом этой морской державы. При этом военная оснастка судна напоминает о том, что процветание Аргоса основывалось не только на торговом, но и на военном флоте. По нижней кромке герба идет иззубренная серебристая полоса — символ моря.

Асаарг

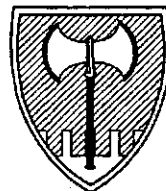

Хотя во времена Конана эта страна была слишком варварской, чтобы иметь оформленный герб, ее эмблемой мог бы стать знаменитый рогатый шлем викингов. В обрамлении щита использованы еловые ветви, традиционный символ Севера.

Бритуния

В эссе «Хайборийская эра» Говард указывает, что бритунцы являлись предками бриттов, одного из племен, переселившихся позднее в Британию. Потому, хотя нигде в «Cage» напрямую об этом не говорится, наиболее подходящим символом этой страны следует считать белую лошадь, символ древней Британии.

Банакхейм

Символом этого воинственного народа стал боевой топор, излюбленное оружие северян. За образец эмблемы герба взят подлинный древний бронзовый топор, найденный при раскопках на территории современной Дании.

Бенгуя

Герб этой страны украшают три льва, кружащиеся в бесконечном хороводе. Магическое число три — символ трех добродетелей правителя: мудрости, отваги и справедливости. Кольцо, в которое сплелись три льва, знаменует собой вечное коловращение Вселенной.

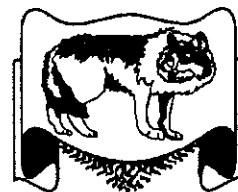

Гиперборея

О Белой Руке, эмблеме этой северной страны магов и колдунов говорится, в частности, в новелле Р. Говарда «Гиперборейская колдунья». Поэтому герб Гипербореи изображает раскрытую ладонь на черном поле. Само происхождение подобного символа тесно связано с обрядами гиперборейских магов.

Гуркания

О Белом Волке как символе этих мест Р. Говард упоминает в новелле «Сын Белого Волка». Принятие этого животного в качестве эмблемы диких кочевых племен неслучайно, поскольку исторически волк, с одной стороны, является символом отваги и благородства, но, одновременно, выступает носителем хаотического, разрушительного начала.

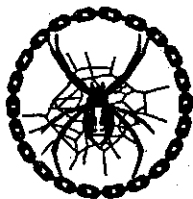

Дарфар

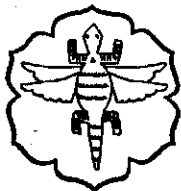
Символом этой страны канибалов стала злобная африканская маска, подобная тем, что изготавливают племена в Либерии. Такие маски используются в разнообразных обрядовых действиях и, общепризнанно, обладают значительным зарядом негативной энергии.

Замора

Герб этой страны представляет собой стилизованное изображение бога-паука Затха на золотом поле, окруженного орнаментом в виде цепи. В основу герба легло представление заморийцев о мире как о божественной паутине колдовства и иллюзий, в центре которой восседает их кровожадное божество.

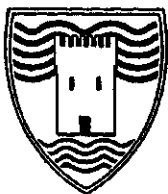
Зембабве

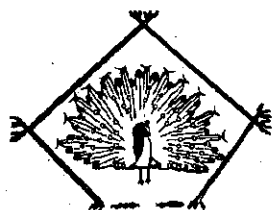
Символ этой страны, крылатый дракон, неоднократно упоминается в «Cage». Создание воздуха и божественного пламени, он служит эмблемой солнца, которому поклоняются жители этой страны. Стилизованное изображение на гербе копирует тотем одного из племен Судана.

Зинаара

Эмблемой *Зингары* считается башня, стоящая на слиянии двух рек — Черной и Громовой. Помимо чисто практического, этот образ наделен и более глубоким философским смыслом, поскольку башня служит символом неприступной твердыни, в которой горделивые зингарцы стремятся укрыться от остального мира.

Иранистан

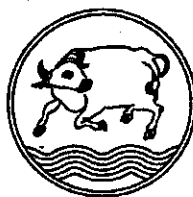
Гордый павлин, распутивший свой пышный хвост, считался эмблемой древней Персии и как нельзя лучше подходит в качестве символа для этой страны, чьи жители отличаются надменным и неукротимым нравом. Рисунок перьев, напоминающий бесчисленные глаза, заставлял суверенных горцев обожествлять эту птицу.

Камбоджа

Слон в парадном облачении по праву может считаться символом этой загадочной восточной страны — во время торжественных шествий на нем восседали владыки. За образец для герба было взято изображение слона, найденное в одном из храмов древнего Ангкора.

Кешан

Водяного буйвола считается наиболее точным символом этой дикой страны, с ее множеством рек и болот. Нрав этого животного, трудолюбивого и терпеливого, но страшного в гневе, также как нельзя лучше отражает характер кешанцев. За основу рисунка взято изображение, сделанное в Того.

Киммерия

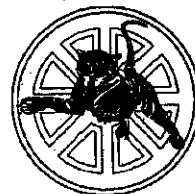
Символом родины Конана по праву считается гора Бен-Морх, где, по преданию, обитает Кром, основное божество киммерийцев. Фон поля — лазоревый. Стилизованные изображения грозовых туч над Бен-Морхом напоминают о суровом климате этого дикого края — и о неукротимом гневе ее воинственного божества.

Коринфия

На гербе этого королевства изображен замок с тремя башнями, символизирующий разделенные междоусобными распрями княжества, на которые фактически распалась страна. Золотые небеса и зеленые холмы напоминают о былом процветании *Коринфии*, которое невозможно без объединения.

Косала

Эмблемой этой небольшой страны, граничащей с *Вендией*, считается прыгающий тигр. Символизм этого животного двойственный: он может означать как необузданность и жестокость — качества, в полной мере присущие косальцам, — и одновременно решимость на службе правого дела.

Коф

По всей Хайбории *Коф* славится доспехами, изготавливаемыми местными мастерами, поэтому символом этой державы стал рыцарь в полном облачении. Золотое с зеленым поле герба напоминает о заливных лугах и пустынях этой страны. Те же цвета отражены и на щите, который держит рыцарь.

Куш

На гербе этой страны изображена антилопа, то есть одного из местных племен. Это прекрасное горделивое животное служит на Юге символом удачи и долголетия, а его рога наделялись магическими свойствами. За основу рисунка было принято изображение, сделанное в Береге Слоновой Кости.

Кхутай

С незапамятных времен эмблемой этой страны считался символ мужского и женского начала — инь и янь. Этот древний знак использовался во многих культурах Востока и служил отражением вечной борьбы и взаимопроникновения природных сил, активной энергии и пассивной стихии.

Меру

Из новеллы Р. Говарда «*Город черепов*» можно сделать вывод о родстве обитателей этой горной страны с современными нам тибетцами. Мандала Ямы, индуистского бога смерти, со всеми его атрибутами, сделалась ее символом.

Немедия

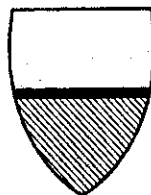

На гербе этой державы изображен алый дракон на золотом поле. Об этом говорится, в частности, в романе Р. Говарда «*Час дракона*». Эту универсальную символическую фигуру можно встретить во множестве культур, где он, в частности, служил эмблемой единоличной королевской власти.

Офир

Золотая корона, украшенная самоцветами, на гербе этого королевства символизирует его несметные богатства, а алое поле — кровь, проливавшуюся во все времена за эти сокровища. Корона является также символом имперских притязаний правителей этой страны, исподволь стремящихся навязать свою волю другим державам Хайбории.

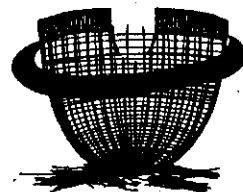

Паравичное королевство

Герб этой страны очень прост и наилучшим образом отражает ее роль буфера между воинственным севером и благодатным югом. Перекладина щита разделяет верхнее белое поле, символизирующее снега *Гипербореи*, и нижнее зеленое, напоминающее о цветущих равнинах *Аквилонии* и *Немедии*.

Нунт

Символом этой южной страны, славной своими богатейшими золотыми приисками, считается сплетенная из трав корзина, с помощью которой моют золотой песок. Любопытно, что этот способ золотодобычи претерпел лишь минимальные изменения с тех пор и еще недавно использовался в некоторых областях на юге Африки.

Стивия

На гербе страны зловещих магов и жрецов сочетается изображение лотоса древней *Лемурии* и змеи, символа повергнутой *Валузии*. Позднее, свернувшаяся в кольцо змея — эмблема времени, пожирающего самое себя — в *Стивии* утратила глубокий философский смысл и превратилась в символ бога *Сета*.

Туран

Символом этой державы, как указано во многих источниках, считался золотой грифон на алом поле. Это мифическое существо с телом льва, головой орла и хвостом змеи издавна обожествлялось на Востоке и, считаясь проводником Высшей воли, стало эмблемой *Тарима*, пророка огненного бога *Эрлика*.

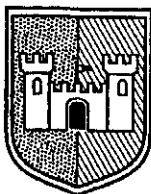

Хауран

Цветущее плодовое дерево на зеленом поле говорит о процветании этой маленькой страны, настоящего оазиса среди суровой, опаленной солнцем пустыни. Обрамление из дубовых листьев напоминает о лесах горных плато, откуда пришли предки хауранцев.

Хорайя

Это небольшое королевство издавна исполняло роль стража перевала, разделяющего восточные пустоши и плодородные земли Запада. Именно это пограничное положение *Хорайи* отражено на ее гербе в эмблеме крепостных ворот, разделяющих по вертикали зеленое и золотое поля.

Шем

Слияние Востока и Запада в полной мере отражено в гербе этой державы. Золотые и зеленые полосы поля щита символизируют плодородные равнины и пустыню (как и на гербах других держав со схожей топографией). Скрещенные мечи говорят о том, что сосуществовании двух культур не всегда было мирным, но золотые звезды свидетельствуют о вере этого народа в свою судьбу.

Пол Андерсон

ТВОРЧЕСТВО РОБЕРТА ИРВИНА ГОВАРДА

Когда умные, образованные люди на протяжении долгого времени обсуждают определенную тему, становится практически невозможно добавить к сказанному нечто новое. Это еще в большей степени относится к литературе, нежели к политике, философии или, скажем, живописи. Менее всего это верно в отношении науки, с ее высоко развитым искусством текстуальной дискуссии, поскольку в науке диалог происходит не столько между автором и читателем, сколько между человеком и квази-бесконечной Вселенной. Точно также невозможно более рассыпаться в искренних дифирамбах бессмертному Шерлоку Холмсу, однако произведения, ему посвященные, по-прежнему предоставляют исследователю простор для ученых изысканий. Равным образом, мне представляется, и поклонникам Конана стоит уделять больше времени пристальному изучению авторских текстов, а не бесконечным славословиям в его честь. Однако, не располагая достаточным временем и подручными материалами, я вынужден отступить от собственных принципов и пуститься в разглагольствования, именуемые «эссе на заданную тему» — несмотря даже на то, что территория эта давно уже была освоена такими мастерами своего дела, как Джон Д. Кларк и П. Шулер Миллер.

Прежде всего, вполне закономерен вопрос, имею ли я право именовать другом Конана. Я и вправду обошелся с ним весьма нелюбезно в небольшом памфлете, который назывался «*Варвар*». Но, *imprimis*, позволю себе заметить, что в кругу приятелей дружеское подкалывание всегда уместно, *secundus*, Конан — слишком значительная фигура, чтобы его могли затронуть подобные уколы пера, и *tertius*, пусть у нас и случались определенные разногласия, но всем известно, что герою в сказке необходим противник — и здесь я сыграл роль именно такого злодея.

Вам, должно быть, памятен эпизод в «*Черве Уроборосе*», когда великие владыки-демоны также признают, что испытывают в нем нужду и поворачивают время вспять, дабы воскресить поверженных врагов из Колдовских земель. Боюсь, меня упрекнут в эреси, но это всегда казалось мне самым неудачным моментом в великолепном романе. Юные сорви-головы еще могут быть склонны к безрассудному риску, но зрелые мужи не вправе ставить под угрозу всеобщее благополучие ради одного красивого жеста. Я скорее готов поверить Одиссею, преодолевшему невероятные трудности ради того, чтобы вернуться, в конце концов, родному очагу. Все, что дальше написал об этом Тен-

нисон — просто сентиментальные глупости. Так же и герои Толкина были вынуждены совершать героические поступки против воли и, сражаясь с самим Сауроном, мечтали лишь о мирной жизни и покое. Подобным же образом злосчастное стечение обстоятельств вынуждает к действию Гуннара из Литхенда и Греттира Сильного: и лишь тогда они показывают, на что способен настоящий мужчина, когда у него не осталось иного выхода.

И здесь, прежде всего, надо отдать должное Конану. Он растет. Мелкий воришка и насмешник, едва ли не случайно он узнает, что значит вести за собой людей, и какую ответственность это накладывает на человека. И наконец, сделавшись королем Аквилонии, он оставляет свои разбойные наклонности и сражается уже не за себя, но за свою державу, и даже становится настолько законопослушным, что сочетается с любимой женщиной браком. Разумеется, ему по-прежнему не сидится на месте — да это и не удивительно — но, мне кажется, если бы только силы зла согласились оставить его в покое, меч киммерийца никогда более не покинул бы ножен. Он частенько вспоминал бы с грустью былые деньки и едва ли сделался бы Почтенным Старцем — скорее, шокировал бы своих отпрысков неумеренной руганью и возлияниями, — однако ему хватило бы ума принять жизнь такой, как она есть.

И все же приходится признать, что во многом Конан не дотягивает до истинно великих героев. Для этого он недостаточно сложен как личность. Я не хочу сказать, что герой должен быть невзрастеником. Нам и без того в современных романах хватает персонажей, настолько отягощенных всевозможными комплексами, что они и высморкаться не в состоянии без истерики. Но Конан, скажем так, слишком уж прямолинеен и однозначен. Сравните его, к примеру, с реально жившем в X веке исландцем Эгилем Скаллаграмсоном: воин и бродяга, он исколесил север Европы от России до Гренландии, был доверенным лицом одного короля и смертельным врагом другого — но также первоклассным поэтом, ловким торговцем, отличался наблюдательностью, чувством юмора (зачастую направленным на себя самого) и негасимыми страстями. В старости, совсем ослепший, он убивает человека из-за какой-то нелепицы, и одновременно на смерть сына пишет незабываемую оду «Сонаторрек». Конечно, Эгиль является исторической личностью, но того, кто составил его биографию (вероятнее всего, это был Снорри Стурлсон), по праву можно считать одним из лучших романистов всех времен.

Конан является личностью куда меньшего масштаба. У него много отличительных черт, и все они очевидны: он отважен в бою, подвержен предрассудкам, суров нравом и не склонен к пустой болтовне и зубоскальству. Он неизменно предан друзьям и непримирим к врагам. Кое-что смыслит в тактике, но, похоже, не имеет ни малейшего представления о стратегии, что является крупным его недостатком. Вплоть до весьма зрелого возраста он весьма пренебрежительно относится к женщинам, воспринимая их исключительно как объект для удовлетворения своих потребностей, и не проявляет интереса к семейной жизни. Это совершенно несвойственно большинству людей и, в особенности, варварам, так что, возможно, причину этому сле-

дует искать в тяжелом детстве киммерийца. И все же ему следовало осознать гораздо раньше, что, как король Аквилонии, он обязан иметь законорожденного наследника. Конан имеет представление о чести, ему совершенно не свойственно желание причинять боль окружающим; вместе с тем, ему никогда не приходит в голову, что враги, которым он сносит головы с такой легкостью, также являются людьми. Это, как и многое другое, выдает его ограниченность. Полагаю, Аквилония процветала под его правлением лишь благодаря тому, что, подобно Чингисхану, Конан был достаточно умен, чтобы назначить на ключевые посты умных чиновников.

Но теперь, когда мы подобным образом ограничили нашего варвара, взглянем на то, что остается — и увидим, что это весьма хорошо. Конан отважен, по-своему честен, упрям, не лишен великодушия. Покончив с юношеской вольницей, он старается честно исполнять свой долг и упорно идет к цели. За одно это он вполне достоин уважения — даже если это не тот человек, кого вы с радостью пригласили бы на званый обед.

И, конечно, нельзя забывать о его приключениях! В этом, мне кажется, искусство Роберта Говарда остается непревзойденным. Он пишет сильно, ярко, живо. И пусть ему недостает мастерства Толкина или Эддисона, но он достигает основной цели любого рассказчика: то, что он описывает, оживает в воображении читателя. Говард, прежде всего, автор в высшей степени зрелищный. Мне кажется, сцены, которые он описывал, всегда отчетливо стояли у него перед глазами. И виделось ему не только зло и жестокость. В произведениях его можно найти отрывки поразительной краткости, например, описание южной Аквилонии на закате, в «Часе дракона». А чего стоит напряженный, яростный ритм его рассказов!..

В общем, пусть Конан и не является величайшим из воинов, но он никогда не будет и последним в их ряду.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Делез ВРЕМЯ ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Глава первая	7
Глава вторая	71
Глава третья	131
Глава четвертая	188
Глава пятая	249
Глава шестая	305
Эпилог	353

Т. Доннел ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ

Глава первая	357
Глава вторая	362
Глава третья	371
Глава четвертая	388
Глава пятая	395
Глава шестая	406
Глава седьмая	411
Глава восьмая	417
Глава девятая	426
Глава десятая	438

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ: ГЕРАЛЬДИКА ХАЙБОРИЙСКОГО МИРА

Аквилония	450
Амазония	450
Антилия	450
Аргос	450
Асгард	450
Бритуния	451
Ванахейм	451
Вендия	451

Гиперборея	451
Гиркания	451
Дарфар	452
Замора	452
Зембабве	452
Зингара	452
Иранистан	452
Камбуя	453
Кешан	453
Киммерия	453
Коринфия	453
Косала	453
Коф	454
Куш	454
Кхитай	454
Меру	454
Немедия	454
Офир	455
Пограничные королевства	455
Пунт	455
Стигия	455
Туран	455
Хауран	456
Хорайя	456
Шем	456

П. Андерсон. Творчество Роберта Ирвина Говарда	457
--	-----

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,

Литературно-художественное издание

КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Владислав Асадуллин*
Технический редактор *Елена Шараева*
Верстка *Елена Посадова*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.10.97. Формат
84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура «Школьная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36. Тираж 18 000 экз.
Заказ 2154.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071880 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодьева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap@infoagro.spb.su.

При участии ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 729 от 09.02.94.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

В СЕРИИ «САГА О КОНАНЕ»

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии.
2. Конан и боги тьмы.
3. Конан и меч колдуна.
4. Конан бросает вызов.
5. Конан и повелители пещер.
6. Конан и песня снегов.
7. Конан и Небесная Секира.
8. Конан на Дороге Королей.
9. Конан принимает бой.
10. Конан и карусель богов.
11. Конан и дар Митры.
12. Конан и Ночные Клинки.
13. Конан и грот Дайомы.
14. Конан и Зеркало Грядущего.
15. Конан и Время Жалящих Стрел.
18. Конан и быч Нергала.
19. Конан и город плененных душ.
20. Конан и Источник Судеб.
21. Конан и Сердце Аримана.
22. Конан и Багровое Око.
23. Конан и призраки прошлого.
24. Конан и воинство мрака.
25. Конан, варвар из Киммерии.
26. Конан и Рыжий Ястреб.
28. Конан и заговор теней.
29. Конан и копые Крома.
30. Конан и врата вечности.
31. Конан и алмазный лабиринт.
32. Конан и расколотый идол.
33. Конан и чаша бессмертия.
34. Конан и ледяной страж.
35. Конан и торговцы грезами.
36. Конан и алтарь победы.
37. Конан и битва бессмертных.
38. Конан и пожиратели плоти.
39. Конан и берег проклятых.
40. Конан и оковы безмолвия.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

«САГА О КОНАНЕ»

по адресу:
197110, Санкт-Петербург,
а/я 171

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

•Северо-Запад®

